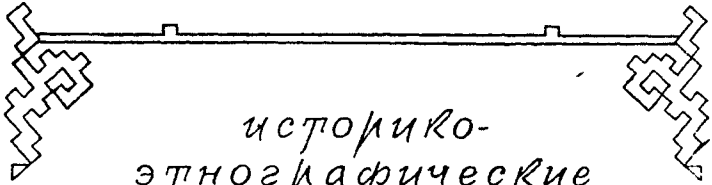

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Л. В. Хомич

НЕНЦЫ

*историко-
этнографические
очерки*

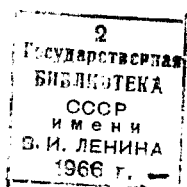

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

1 9 6 6

Ответственный редактор
С. М. АБРАМЗОН

61799

1-6-2
186—66

ВВЕДЕНИЕ

Ненцы, в прошлом одна из крайне отсталых в хозяйственном и культурном отношениях народностей Севера, благодаря последовательному осуществлению ленинской национальной политики за годы Советской власти добились больших успехов в построении социализма и сейчас, вместе со всем советским народом, приступили к развернутому строительству коммунизма.

На протяжении веков складывалась материальная и духовная культура ненцев. Длительные связи с другими народами и в первую очередь с русским народом оказали влияние на культуру ненцев. Социалистические преобразования в области хозяйства и культуры, проведенные на Севере за годы Советской власти, внесли значительные изменения в традиционную культуру ненецкого народа. И сейчас, в эпоху развернутого строительства коммунистического общества, перед ненцами, как и перед всеми народами нашей страны, встают новые задачи, связанные с дальнейшим развитием экономики и культуры.

До настоящего времени не имелось сколько-нибудь полной обобщающей работы, посвященной хозяйству, культуре и быту ненецкой народности в прошлом и настоящем.

Между тем такая работа может представить интерес для научных работников, занимающихся изучением хозяйства, культуры и быта других народов, как материал для сравнения и анализа, для жителей ненецких национальных округов, в первую очередь для самих ненцев, как история культуры и хозяйственного развития этой народности, для широких масс читателей как сводка самых разнообразных сведений об одном из народов сурового Севера, возрожденного к новой жизни Советской властью.

Естественно, что в рамках одной работы невозможно достаточно полно осветить все стороны жизни ненцев за несколько веков, разрешить все вопросы, связанные с их прошлым и настоящим. Мы и не ставили такой задачи. По некоторым из частных тем можно бы было написать отдельные работы. Это, возможно, и будет сделано в будущем другими исследователями.

Настоящую работу мы рассматриваем лишь как первый опыт историко-этнографической характеристики ненцев.

Обзор источников. Для написания работы нами были привлечены все основные литературные и некоторые архивные источники, коллекции ленинградских этнографических музеев, а также полевые материалы, собранные во время экспедиций автора в районы расселения ненцев в разные годы. Остановимся на этом несколько подробнее.

О п у б л и к о в а н н ы е   р а б о т ы. Дореволюционная литература, посвященная ненцам, довольно велика по количеству названий (свыше 1000), однако авторы большинства работ лишь попутно касаются тех или иных вопросов, связанных с ненцами, не ставя самостоятельных исследовательских задач. Сюда относятся путевые заметки, мелкие публикации по частным вопросам и т. п. Они интересны обычно своим фактическим материалом.

Часть работ содержит специально собранные материалы и исследования по отдельным вопросам этнографии ненцев. Как правило, они страдают рядом существенных недостатков: в них отсутствует ненецкая терминология для элементов материальной и духовной культуры, имеющая большое значение при решении вопросов этногенеза и связей с другими народами. Описания в громадном большинстве не сопровождаются ни рисунками, ни чертежами, которые являются очень важным элементом для характеристики жилищ, различных охотничьих снарядов, одежды, способов охоты и т. п. Часто эти описания предельно кратки.

Авторы, касающиеся общественного строя ненцев, приводят главным образом перечисление родов, иногда пытаются дать объяснение тех или иных родовых названий. Существует много описаний свадебного обряда, но они часто поверхностные, без всякого анализа явлений. Специальные работы, посвященные этим сюжетам, касаются лишь некоторых частных тем.

Хуже всего обстоит дело с материалами по вопросам идеологии и религиозных представлений. Число авторов, в работах которых имеются описания камланий, жертвенных мест, идолов и других внешних выражений религии ненцев, очень велико. Однако большинство описаний отличается поверхностностью, а подчас и противоречивостью.

Не вполне решенным остается до настоящего времени и вопрос об этногенезе ненцев.

Тем не менее материалы авторов XVIII, XIX и начала XX в. являются незаменимыми источниками о прошлом ненцев. Мы не имеем возможности охарактеризовать все работы, содержащие сведения о ненцах, или хотя бы большую их часть, а позволим себе остановиться лишь на некоторых, наиболее важных.

Первыми источниками, в которых встречаются упоминания о ненцах, являются летописи. Так, в одной из летописей Нестора,

относящейся к концу XI в., говорится: «Сказа ми Гюрята Роговичь Новгородец: послах отрок свой в Печору, люди, яже суть дань дающие Новугороду; и пришедшу отроку моему к ним, оттуда иде во Югру; Югра же людье есть язык нем и 'соседят с Самоядью на полуночных странах'.¹

Большее количество сведений о самоедах дает известное новгородское сказание «О человеках незнаемых в Восточной стране», относящееся к концу XV в. Весьма достоверные сведения о ненцах сочетаются в нем с фантастическим вымыслом. В. И. Анучин в работе «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака» (М., 1890) дает некоторым элементам этого вымысла реалистическое объяснение (о людях с лицами на груди и т. п.). Из сведений реалистического порядка, имеющих в сказании, можно привести следующие: «На восточной стране, за Югорьскою землею, над морем, живут люди Самоедь зовомыи Малгонзеи. Ядь их мясо оленье да рыба. . .». И дальше: «Сии ж людие не великии возрастом, плосковиды, носы малы, но резвы велми и стрелыцы скоры и горазды. А ездят на оленях и на собаках, а платье носят соболье и оленье, а товар их соболи. . .».² Это сказание отмечает несколько «родов» самоедов («Малгонзеи», «Каменьская самоедь» и др.), территорию их обитания, а также содержит ряд ценных этнографических сведений (о немой торговле, одежде, пище и т. д.).

Говоря о наиболее древних сведениях о ненцах, можно упомянуть также об известиях, которые нам сообщают иностранные путешественники, сами побывавшие в России или писавшие по данным, собранным у лиц, туда ездивших.

В 1246 г. папой Иннокентием IV было отправлено посольство с итальянским монахом Плано Карпини во главе через южную Русь к Великому монгольскому хану. В описании своего путешествия Карпини упоминает о самоедах (самогедях): «А эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны из шкур зверей».³

О верованиях, одежде и названии самоедов сообщает англичанин Д. Флетчер.⁴

Иностранные мореплаватели (Ченслер, Барроу, Джонсон, Баренц и др.) также оставили некоторые сведения о ненцах. В частности, капитан Барроу летом 1556 г. прибыл к о. Вайгач и, выйдя на берег, нашел множество самоедских идолов (до 300),

¹ Полное собрание русских летописей, СПб., 1846, т. I, стр. 107. Самоядь, самоеды — старое название ненцев. Подробно об этом см. ниже.

² А. А. Титов. Сибирь в XVII в. М., 1890, стр. 1—6 (воспроизводится рукопись Погодинского собрания).

³ The tekst and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis as printed for the first time, ed. by C. R. Beazley. London, 1903. См. также: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей (XIII—XVII вв.). Изд. 2. Иркутск, 1941, стр. 8.

⁴ О государстве русском. Изд. 3. СПб., 1906, стр. 86—87.

имевших сходство с человеческими фигурами, со «ртами», измазанными кровью, что было следами недавних жертвоприношений. Некоторые идолы представляли собой простые палки с двумя или тремя зарубками.⁵ Это было известное жертвенное место (так называемый Болванский Нос), которое штурман Иванов в 1824 г. нашел почти в таком виде, как описывал Барроу, и которое через два года было уничтожено миссией, возглавляемой архимандритом Вениамином.

Некоторые сведения по этнографии ненцев имеются в трудах голландского географа начала XVII в. Исаака Массы, амстердамского бургомистра Витсена, в записках участников торговых путешествий на Печору, английских мореплавателей Логана и Гордона, а также в записках голландского мореплавателя Гюйгена ван Линсхотена, судового лекаря де Ламартиньера и немецкого ученого Адама Олеария.⁶ В письмах Логана, в частности, имеются интересные сведения о том, что русские мореходы попадали в Обь, не огибая Ямала, а пользуясь реками, впадающими, с одной стороны, в Карское море (Байдарацкая губа), с другой — в Обскую губу, и проходя волоком расстояние, разделяющее верховья этих рек.

В конце XVI и начале XVII в. территория, заселенная ненцами, была закреплена под властью Московского государства. Источниками для характеристики этого периода являются акты, связанные с деятельностью чиновников первых русских городов Сибири, а также повести о завоевании Сибири, так называемые Сибирские летописи (Есиповская, Строгановская, Кунгурская). Эти документы содержат отдельные интересные сведения.

К концу XVII и началу XVIII в. относится деятельность первого русского географа, этнографа и историка Сибири Семена Ульяновича (Емельяновича) Ремезова, автора первой Сибирской истории, закончившего в 1701 г. «Чертежную книгу Сибири» — атлас из 23 карт, на которых нанесена, в частности, территория расселения ненцев.

Эпоха Петра I с характерной для нее тягой к просвещению и общим подъему хозяйства и культуры ознаменовалась целым рядом попыток самостоятельных географических исследований и собиранием сведений по естественной истории.

Еще при жизни Петра I снаряжено было путешествие в Сибирь ученого Готлиба Мессершмидта, вызванного из Германии, крупного натуралиста и географа. Мессершмидт не успел издать своих трудов, и впоследствии их использовал в своих работах

---

⁵ The navigation and discovery toward the river Ob, made by Master Steven Burrough in the year 1556. Hackluyt's Collection, v. 1. London, 1809, p. 274.

⁶ См. подробнее в кн.: М. П. Алексеев. Сибирь. . . Рукописный перевод на русский язык труда Н. Витсена «Северная и Восточная Татария» сделан В. Г. Трисман (Архив ИЭ, ф. К-У, оп. 1, №№ 127—145).

Паллас. Помощником Мессершмидта был пленный шведский офицер Филипп Иоганн Табберт. По возвращении на родину он получил дворянское звание и фамилию Штраленберг (в некоторых изданиях Страленберг), под которой он потом приобрел известность в литературе. В 1730 г. он издал книгу о Сибири «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia», в которой, между прочим, пытается решить некоторые этногенетические вопросы.

Участник второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг. (ее сухопутной части) историк Г. Ф. Миллер собрал большие материалы о народах северо-западной Сибири, используя, помимо личных наблюдений, богатые архивы сибирских городов, а также другие источники, в частности данные фольклора. В 1750 г. вышел первый том его «Описания Сибирского царства», а в последующие годы были опубликованы остальные разделы его капитального труда по истории завоевания Сибири. Интересны описания похода 1499 г., строительства г. Мангазеи и др.

У другого участника этой экспедиции, И. Э. Фишера, мы находим попытки составления словаря самоедских языков (в основном по материалам Миллера), а также высказывания о предполагаемом саянском происхождении народов и о значении слова «самоед».

Академическая экспедиция 1768—1774 гг. внесла неоценимый вклад в дело изучения народов России, в том числе ненцев. Эта экспедиция первоначально, как известно, имела целью астрономические наблюдения, однако она имела также большое значение для развития отечественной географии и этнографии.

Отряды натуралистов, в зависимости от местностей, куда они отправлялись, получили название Астраханских и Оренбургских. Участниками Астраханских отрядов были Гмелин, Гюльденштедт и др., Оренбургских — академики Паллас, Лепехин и профессор Фальк. К ним было прикомандировано несколько студентов. В задачу участников экспедиции входило наряду с изучением природных условий описание фабрик, мануфактур, городов, полезных ископаемых, быта народов и т. п. Маршрут одного из Оренбургских отрядов под руководством И. Лепехина проходил через города Владимир, Симбирск, Саратов, Астрахань, Гурьев, Оренбург, Тюмень, затем на север до Архангельска. Участники экспедиции посетили Соловецкие острова, Мезенскую губу, п-ов Канин и вернулись в Петербург. Путь П. С. Палласа во многих пунктах совпадал с маршрутом Лепехина, однако после Тюмени Паллас побывал в Омске, Красноярске и других городах Сибири, на севере же европейской части России он не был. Экспедиция продолжалась шесть лет.

Огромные материалы, собранные участниками экспедиции, требовали обработки, поэтому неудивительно, что труды их вышли через несколько лет после окончания экспедиции.

В 1788 г. вышел переведенный на русский язык трехтомный труд П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Рос-

сийского государства». Этот труд, как и труды других участников экспедиции — Лепехина, Георги и Фалька, является своеобразной энциклопедией. Весьма ценными являются материалы по этнографии целого ряда народов. Материалы о ненцах, которых Паллас близко не знал, являются переработкой сведений, которые были доставлены прикомандированным к нему студентом В. Ф. Зуевым. Подлинные труды Зуева, представляющие собой большой интерес для этнографа и заключающие ряд сведений, которых мы не имеем ни в каких других источниках, были изданы Институтом этнографии АН СССР лишь в 1947 г. Это две работы Зуева — «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов Остяков и Самоедов» и небольшая статья «Об оленях». Они являются первыми подлинно научными трудами о ненцах. Первая работа глубоко затрагивает многие стороны быта ненцев — их промыслы, пищу, способы погребения и др., вторая посвящена оленеводству.

В конце XVIII в. вышло сочинение другого участника экспедиции — Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». В третьей части этого труда собраны сведения по всем самоедским народам, включая и самоедские племена Алтая и Саян. Эта работа в разделах, касающихся ненцев, менее ценна, чем, например, работа Зуева, так как, являясь сводной, она лишена тех важнейших подробностей, которые даются личным наблюдением. С другой стороны, она дает интересные, хотя и краткие сведения о койбалах, камачинцах, сойотах, маторах и других племенах, говоривших некогда на самоедских языках.

«Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» (в четырех частях) И. Лепехина вышли только в 1805 г., уже после смерти автора, законченные его учеником Николаем Озерецковским. Так же как и в труде Палласа, в труде Лепехина в плане изучения ненцев нас интересует часть, составленная не самим Лепехиным, а другими лицами. В т. IV содержится описание самостоятельной поездки Озерецковского, совершенной в 1772 г. от Архангельска до м. Святой Нос, описание Новой Земли, сделанное жителем Архангельска, впоследствии членом-корреспондентом Академии наук В. В. Крестинным, статья о морском промысле также будущего академика А. И. Фомина и др. В этих разделах имеются интересные сведения по этнографии европейских ненцев.

Таким образом, к началу XIX в. в большой степени благодаря академической экспедиции 1768—1774 гг. мы имеем довольно полные описания территорий расселения, самоназваний, основных занятий и отчасти верований ненцев. Как мы видели, имелись даже попытки решения вопроса этногенеза самодийских (самоедских) народов.

XIX век характеризуется исследованиями по двум линиям. С одной стороны, продолжают сборы материалов на местах,

причем в подавляющем большинстве случаев это были не специальные этнографические экспедиции, а сборы этнографического материала, производимые попутно с исследованиями в области геологии, ботаники и др., что имело место и в XVIII в. С другой стороны, появляются труды, являющиеся или историями путешествий, или специальными работами, посвященными тому или иному вопросу этнографии ненцев.

В 1825 г. архимандрит Вениамин был назначен главой православной миссии, которой было поручено обращать в христианство ненцев Архангельской губернии. В течение пяти лет Вениамин с другими миссионерами путешествовал по Канинской, Малоземельской и Большеземельской тундрам. Помимо миссионерской деятельности, он довольно серьезно изучал язык, быт и верования ненцев. Им был написан ряд работ. Основная из них — «Самоеды мезенские» (вышла в 1855 г.), является одним из важных источников по религии ненцев. Вениамином был переведен на ненецкий язык ряд священных книг и составлена первая грамматика ненецкого языка, сохранившаяся в рукописи.

В течение следующих десятилетий многие ученые пересказывали его труды, часто без ссылок на него.

В 1837 г. путешествие по европейским тундрам совершил ботаник Александр Шренк. Он проехал из Архангельска, через Мезень и Усть-Цыльму, до Колвы, оттуда до Югорского Шара и вернулся через Пустозерск. В т. I его труда разбросано множество весьма ценных и довольно точных сведений о ненцах посещенных им тундр. Особенно хороши описания охоты на лисных гусей, устройства чума, да и многое другое. Интересные материалы есть и в т. II (на немецком языке).

Большую роль в деле изучения этнографии самоедов, и в частности в решении вопроса о происхождении самодийских (самоедских) племен, сыграли работы ученого М. А. Кастрена. Интересуясь еще в студенческие годы вопросами лингвистики и проблемами финской национальной культуры, Кастрен поставил своей целью выявить прошлые исторические судьбы финнов. После путешествий по Карелии и Лапландии Кастрен, по поручению русской Академии наук, отправился в 1842 г. в новую экспедицию. Он проехал от Архангельска до Обдорска, оттуда в 1844 г. вернулся через Тобольск, собрав большие материалы по языку и этнографии ненцев. Из этого путешествия Кастрен вернулся больным. Однако, несмотря на это, через год он отправился в свое знаменитое путешествие по Сибири (1845—1849 гг.), во время которого изучал тюркские народы Саяно-Алтайского нагорья, хантов, кетов, а также ненцев, селькупов, иганасанов и энцев. Для этого Кастрен посетил Обь и низовья Енисея. Главной задачей путешествия было изучение племен самоедов и их распространения в Сибири, причем предпосылкой была уверен-

ность Кастрена в близкой связи самоедов с финнами и тезис, что различие языков есть лишь результат различия ступеней развития.

Путешествия Кастрена принесли богатый материал по ряду малоисследованных областей Сибири. Через три года после возвращения Кастрен умер, не успев обработать свои материалы. Впоследствии они были обработаны академиком Шифнером. Первые работы Кастрена, связанные с посещением ненцев, появились в 1852 г. на шведском языке. В 1853 г. начала выходить на немецком языке в издании Академии наук многотомная серия основных трудов Кастрена. Наиболее интересными являются путевые отчеты и письма, этнографические очерки, где широко затрагиваются вопросы этногенеза, а также грамматика и словари самоедских языков.

Владимир Иславин по поручению Министерства государственных имуществ посетил в 1844 г. тундры Мезенского уезда, где ознакомился с положением населения. В результате в 1847 г. вышла его книга «Самоеды в домашнем и общественном быту». В этой книге Иславин касается в основном экономики ненецкого хозяйства и взаимоотношений ненцев с русскими и коми.

Во второй половине XIX в. изучение ненцев связано с именами П. И. Третьякова («Туруханский край»), Ю. И. Кушелевского («Северный полюс и земля Ялмал»), Н. А. Кострова (несколько работ по этнографии азиатских ненцев), В. Бартенева («На крайнем северо-западе Сибири»), А. Миддендорфа («Путешествие на север и восток Сибири») и др. Все эти работы содержат главным образом описательный материал по той или иной группе ненцев. ✱

Необходимо отметить, что создание Географического общества, и в особенности его Сибирского отдела, много способствовало возрастанию научного интереса к этнографическим сюжетам, увеличению числа экспедиций, а также ускорению опубликования их материалов.

Из иностранных путешественников конца XIX в. упомянем англичанина Эдварда Рэ («Страна северного ветра, или путешествие к лапландцам и самоедам», издана в Лондоне в 1875 г.) и итальянца Стефана Сомье, оставившего большую книгу «Лето в Сибири между остяками и самоедами». Большое место занимают ненцы в работах М. А. Чаплицкой (М. А. Czaplicka, «Aboriginal Siberia», «My Siberian Year»), собравшей значительный материал во время поездки по Сибири. Интересные сведения о ненцах о. Колгуев содержатся в труде английского путешественника О. Тревор-Бетти.

Ценный материал дает «Критико-литературное обозрение иностранных путешественников по России» Аделунга (Пб., 1810). Имеется ряд библиографий по Сибири, в частности, довольно полная — В. И. Межова.

Первые два десятилетия XX в. не дают нам большого материала по этнографии ненцев. Все же можно отметить работы известного сибирского краеведа А. А. Дунина-Горкавича («Тобольский Север»), А. В. Журавского, К. Рычкова. Много ценных материалов по ненецкому оленеводству имеется в трудах С. В. Керцелли (по европейским тундрам) и Б. Житкова (по Ямалу).

После Великой Октябрьской социалистической революции разворачивается серьезная работа по изучению быта и культуры народов Севера, преследующая как научные, так и практические цели скорейшего хозяйственного и культурного развития этих народов. Этнографы и лингвисты активно включились в работу по созданию письменности на языках народов СССР, не имевших ее до революции, по изучению экономики и быта, народных традиций и пережитков. В результате проведенных исследований появляется целый ряд работ описательного характера, а также ряд специальных статей, затрагивающих ту или иную область этнографии ненцев. Укажем две работы участника Гыданской экспедиции Л. В. Костинова — «Закон тундры» (о положении женщины) и «Боговы олени в религиозных верованиях хасово» (работа затрагивает одну из сторон религиозных представлений ненцев), работу А. В. Куроптева «Свадебные обряды самоедов», а также весьма интересные работы, характеризующие ненцев различных районов: Л. Гейденрейх «Канинские самоеды», А. Жилинский «По самоедскому берегу», А. Соболев «На реке Тана-ме», А. А. Попова «Енисейские ненцы (юраки)» и др. Чрезвычайно важные материалы по советскому строительству содержатся в журнале «Советский Север», выходившем с 1926 по 1934 г.

Остановимся несколько подробнее на деятельности крупного советского этнографа и лингвиста Г. Н. Прокофьева (1897—1942 гг.), посвятившего всю свою жизнь изучению языков и этнографии самодийских народностей, в том числе ненцев.

В 1925 г. Г. Н. Прокофьев по заданию Географического факультета Ленинградского университета в районе Туруханска и Фарково занимался изучением кетов, позднее — с 1925 по 1928 г. — заведовал школой в пос. Янов Стан, занимаясь одновременно преподавательской работой и изучением этнографии и языка селькупов. В 1930 г. он отправился в Большеземельскую тундру, организовал в поселке Хоседа-Хард краеведческий отдел, а в летнее время посещал район Нижней Печоры, продолжая изучение ненецкого языка. В 1933 г. Г. Н. Прокофьев совершил научную поездку в район Нижнего Енисея, где исследовал энецкий и нганасанский языки.

Г. Н. Прокофьев собрал по этим языкам огромный материал, что дало ему возможность составить очерки грамматик ненецкого, энецкого, селькупского и нганасанского языков, а также пост-

роить убедительно подкрепленную лингвистическим материалом теорию о происхождении самодийских народностей. Некоторое отражение эта теория получила в работе «Этногония народов Обь-Енисейского бассейна», но основной материал, который был им собран, остался неопубликованным и частично хранится в архиве МАЭ. Из других работ Г. Н. Прокофьева, касающихся ненцев, следует отметить «Числительное в самодийских языках», где на сравнительном материале также ставятся вопросы этногенеза этих народов.

Большое значение имеют работы погибшего на фронте в 1942 г. Г. Д. Вербова.

Еще в студенческие годы Вербов начал исследовательскую работу по изучению быта и культуры ненцев. В 1928 г. состоялась его первая экспедиция на острова Новая Земля и Колгуев. В 1930—1931 гг. он заведовал первым Красным чумом в Большеземельской тундре Ненецкого национального округа. Интересные сведения по материальной и духовной культуре ненцев были собраны в 1931—1932 гг., когда Г. Д. Вербов преподавал ненецкий язык и заведовал учебной частью в ненецком техникуме в низовьях р. Печоры. В 1934 г., во время экспедиции в бассейн р. Аган, им был собран материал по этнографии и языку лесных ненцев, а также уточнена территория их расселения. В 1935—1937 гг. Вербов выполнял научно-организационную работу в Ямальском национальном округе в качестве ученого секретаря окружного Комитета нового алфавита. В этот период он ознакомился с населением п-ова Ямал до пролива Малыгина, с районом побережья Гыдаемского залива и устья р. Надым. С 1938 г. Г. Д. Вербов начал работать в Институте этнографии АН СССР, по заданию которого в 1938—1939 гг. совершил большую экспедицию по изучению ненцев и проехал от западных притоков р. Пясины через всю занимаемую ненцами территорию до Белого моря. Зная прекрасно разговорный ненецкий язык, он собрал большой материал по этнографии всех групп ненцев. Однако преждевременная смерть не дала ему возможности полностью осуществить все свои планы и намерения.⁷

При жизни Г. Д. Вербова были опубликованы следующие его работы: 1) «Лесные ненцы» (описание наименее изученной группы ненцев), 2) «Пережитки родового строя у ненцев» (в работе приводится богатый материал по экзогамным нормам, дается наиболее полный список ненецких родов, а также кратко разбираются другие пережитки рода — наличие родовых кладбищ, жертвенных мест и т. п.), 3) Краткий ненецко-русский и русско-ненецкий словарь. В защищенной диссертации Г. Д. Вербов дал описание диалекта лесных ненцев, а также некоторые соображе-

---

⁷ В частности, он предполагал написать монографическое исследование, посвященное ненцам.

ния по этногенезу. Позднее была опубликована его работа «О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в.». Г. Д. Вербов провел большую работу по подготовке к печати трудов В. Ф. Зуева.

В послевоенные годы вышел ряд работ, в которых характеризуются изменения в хозяйстве и культуре ненцев за годы Советской власти. К работам этого типа можно отнести статью М. М. Броднева «От родового строя к социализму» (о преодолении пережитков родового строя на Ямале), книги М. Е. Бударина «Прошлое и настоящее народов северо-западной Сибири», А. Н. Крупина «Преображенный край» и др.

Результатом многолетнего труда явилась работа М. А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера», где приводятся и материалы, касающиеся ненцев.

Можно указать на ряд диссертаций, посвященных истории и этнографии ненцев: Л. В. Смирнова «Племена самоедь по русским историческим документам XVII в.», Н. А. Свешникова «Народы Ямальского Севера в конце XIX—начале XX в.» и др.

В 1956 г. вышел том «Народы Сибири», включающий и раздел «Ненцы» (написан Е. Д. Прокофьевой). В этой работе дается сводный материал по ненцам всех групп. Значительный интерес представляет работа Л. П. Лашука «Очерки этнической истории Печорского края».

В 1960 г. вышел капитальный труд Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.», явившийся результатом тщательного изучения многочисленных архивных материалов, относящихся к этому периоду. В гл. VII и XIII Б. О. Долгих приводит расселение ненцев в XVII в. В последние годы в результате экспедиций ИЭ в Таймырский национальный округ появился ряд статей, содержащих сведения об этническом составе, развитии хозяйства и культуре в советский период у ненцев низовьев р. Енисея.

Для характеристики современного состояния оленеводства, охоты и других отраслей хозяйства нами привлекались специальные работы по этим вопросам, в частности сборник «Северное оленеводство», опубликованные материалы Института сельского хозяйства Крайнего Севера (г. Норильск) и др.

Завершая наш краткий обзор, следует сказать о работах современных иностранных ученых, занимавшихся или занимающихся исследованием в области языка и этнографии ненцев.

Представляют интерес труды финских ученых Т. Лехтисало (в частности об охоте и оленеводстве ненцев), К. Доннера (о древних связях между самоедами и тюрками и др.). В последнее время опубликован ряд работ зарубежных ученых (главным

образом лингвистов), посвященных вопросам этногенеза угров и самоедов, их древним связям с палеоазиатскими и финскими народностями и т. п. (П. Хайду, И. Ангере, К. Боуда, А. Йоки, К. Вилькуна, И. Шебештьен и др.).⁸

Архивные материалы. Говоря об архивных материалах по этнографии ненцев, в первую очередь необходимо отметить большое значение неопубликованных полевых записей Г. Д. Вербова (Архив ИЭ, ф. 2). Сохранились дневники экспедиций Г. Д. Вербова за 1928, 1930, 1931—1932, 1936, 1938—1939 гг., а также большое количество записей по отдельным темам, сделанных во время поездок (одежда, средства передвижения, религия, виды хозяйственной деятельности и др.). Все эти материалы включены в работу с соответствующим указанием на источник.

Нами использованы также отдельные сведения, собранные Г. Н. Прокофьевым и не вошедшие в указанные выше опубликованные работы (Архив ИЭ, ф. 6). Эти сведения посвящены главным образом вопросам этногенеза и являются дополнением к статье «Этногония народов Обь-Енисейского бассейна». Сохранились также некоторые его материалы, относящиеся к экономике Таймырского национального округа.

Из других архивных материалов, находящихся в ИЭ, следует отметить рукописи А. Г. Суханова (в частности «Общественный строй и хозяйство ненцев до октября 1917 года», 38 стр.), Е. М. Копытовой (некоторые статистические данные по Ямало-Ненецкому национальному округу), Г. Н. Тарасенкова («Ямальский округ. Экономико-географическое описание с политическим очерком») и А. Г. Базанова (небольшая статья о Григории Хатанзейском).

Для настоящей работы нами были привлечены материалы архива Главсевморпути в г. Москве (фонд Комитета Севера), касающиеся главным образом мероприятий по улучшению положения женщины в первые годы установления Советской власти на Севере, в частности стенограммы Совещания женщин народов Севера при ЦК ВКП(б), происходившего в Москве в январе 1930 г., протоколы заседаний Комиссии по улучшению труда и быта женщин Севера Комитета Севера ВЦИК и комиссий при местных комитетах Севера и т. д. Использованная часть архива содержит ряд информации с мест, рисующих имущественное неравенство среди ненцев, изменения, вызванные проникновением в ненецкие тундры советского законодательства и т. д.,

---

⁸ См., например: P. Hajdu. Etymologische Bemerkungen. Mem. de la Soc. Finno-Ougrienne, 125, 1962, Helsinki; Y. Angere. Die uralojukagirische Frage. Almqvist och Wiksell, Stockholm, 1956; Bouda, K. Die finnischugrisch-samojedische Schicht des Jukagirischen. Ungarischen Jahrbücher 20, 1939, p. 71 и др.

Помимо указанных архивов, в работе использованы отдельные материалы Нарьян-Марского окружного архива (главным образом относящиеся к 1936—1938 и 1940 гг.), Архангельского архива (из Отдела дореволюционных фондов — дела Архангельской духовной консистории, из материалов послереволюционного периода — фонды, относящиеся к Ненецкому национальному округу за 1929—1935 гг.), а также некоторые материалы архива Всесоюзного географического общества в Ленинграде (рукопись священника Подосенова и др.).

Местная периодическая печать. Нами привлечены материалы газет «Нарьяна вындер» («Красный тундровик») — органа Ненецкого окружного комитета КПСС и Окружного Совета депутатов трудящихся, выходящей в г. Нарьян-Маре, «Красный Север» — органа Ямало-Ненецкого окружного комитета КПСС и Окружного Совета депутатов трудящихся, выходящей в г. Салехард, и «Советский Таймыр» — органа Таймырского окружного комитета КПСС и Окружного Совета депутатов трудящихся. Отдельные статьи, опубликованные в этих газетах, характеризуют колхозное строительство в ненецких округах, развитие отраслей хозяйства, успехи культурного строительства.

Коллекции музеев. Для описания материальной и отчасти духовной культуры ненцев использованы коллекции двух музеев г. Ленинграда: Музея антропологии и этнографии АН СССР и Государственного музея этнографии народов СССР.

Особенно ценными являются коллекции М. А. Кастрена, А. В. Журавского, В. Н. Чернецова, Г. Д. Вербова и др.

Полевые материалы. Указанные выше материалы пополнены сведениями, собранными автором во время экспедиций в районы расселения ненцев: в 1949 г. — в Малоземельскую тундру Ненецкого национального округа, в 1953 г. — в Ямальский район Ямало-Ненецкого национального округа, в 1958 г. — в Канинскую и Тиманскую тундры Ненецкого национального округа, в 1962 г. — в Тазовский, Пуровский и Надымский районы Ямало-Ненецкого округа, в 1964 г. — в г. Нарьян-Мар и западную часть Большеземельской тундры.

Во время этих поездок собирался материал по всем отраслям хозяйственной деятельности, одежде, средствам передвижения, жилищу, пище, пережиткам религиозных представлений, семейно-брачным отношениям и т. д. Большое внимание уделялось вопросам советского и колхозного строительства и тем процессам, которые характерны для периода завершения построения социалистического общества и перехода к коммунизму.

Собранный материал позволил впервые дать подробное описание одежды, оленного транспорта, орудий труда и техники в домашнем производстве, существенно пополнить материалы по семейно-брачным отношениям, религиозным представлениям и т. д.

Некоторые дополнительные сведения получены в разное время от ненцев — студентов Северного отделения Ленинградского Государственного педагогического института им. А. И. Герцена — М. Ямкина, В. Ледкова, В. Лырмина, Л. Яр, Л. Бобриковой и др. Пользуюсь случаем, чтобы выразить им свою благодарность, а также художнице Т. Л. Юзепчук, выполнившей рисунки и таблицы. В качестве источников иллюстраций использованы коллекции МАЭ и полевые зарисовки автора. Помещенные в книге фотографии сделаны автором.

Расселение. Ненцы занимают обширную территорию от Белого моря на западе до р. Енисей на востоке.

Западной границей сплошного расселения ненцев являются правые притоки р. Мезени и р. Несь. Небольшие группы ненцев (не считая приходящих с п-ова Канин в зимнее время) кочуют в бассейне р. Кулой и по Зимнему берегу (между Мезенью и Сев. Двиной).⁹ Отдельные семьи доходят до Сев. Двины на участке Холмогоры—Архангельск. Имеются сведения, что еще не так давно несколько семей ненцев кочевали даже в бассейне р. Онеги. 2—3 столетия назад, как свидетельствуют некоторые документы, ненцы доходили почти до самого Онежского озера.¹⁰

В середине XIX в. группы ненцев переселились на Кольский п-ов (главным образом в качестве батраков коми-ижемцев, перебравшихся туда). Число ненцев на Кольском п-ове незначительно.

Восточной границей расселения ненцев служит правый берег нижнего течения р. Енисея (до верховий западных притоков р. Пясины).

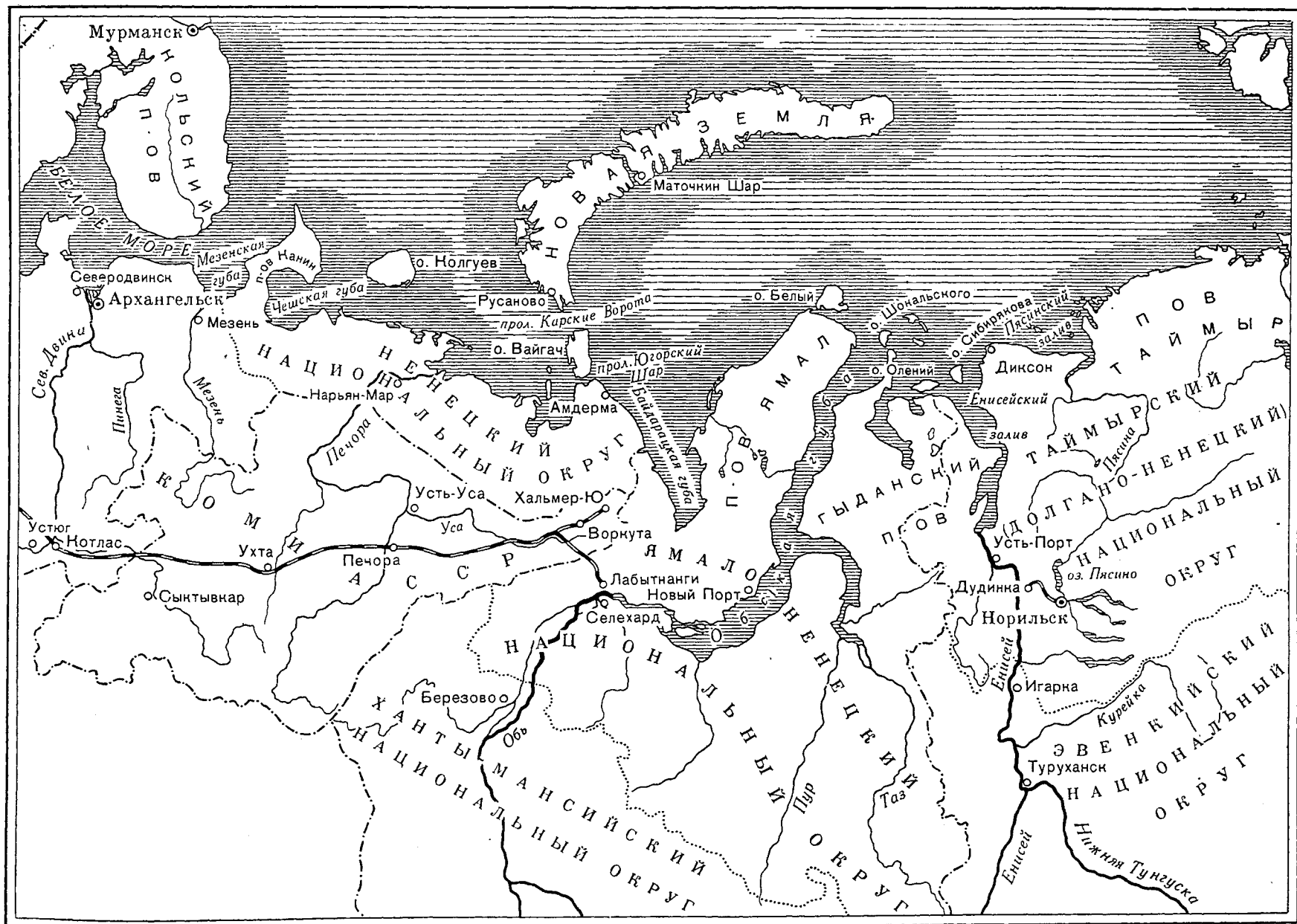
Южной границей массового расселения (или, точнее, кочевий) ненцев являются рр. Пеза (приток Мезени), Сула (приток Печоры), Печора (между Ижмой и Усой), Уса, Щучья, Полуй, верховья р. Надым, водораздел между рр. Пур и Аган (приток Оби), нижнее течение р. Таз (в районе пос. Сидоровская Пристань), низовья Енисея между Игаркой и Дудинкой (примерно в районе пос. Потапово). В отдельных районах некоторые группы ненцев заходят значительно южнее указанной линии, например, в бассейнах рр. Ижма, Кожва, Аган.

Северной границей является берег Северного Ледовитого океана. Ненцы живут также на островах Новая Земля, Колгуев

---

⁹ М. Б. Едемский. Самоеды и оленеводство в Кулойском крае Архангельского округа. Изв. Гос. РГО, т. LXII, вып. 1, 1930, стр. 33.

¹⁰ И. М. Калинин. О распространении самоедов в прошлом. Изв. Гос. РГО, т. LXI, вып. 1, 1929. О ненцах, живших оседло около г. Архангельска в начале XVII в., сообщает также К. де Бруин (Путешествие через Московию, Чтения в имп. Общ. истории и древностей российских, кн. 1, 1872, стр. 10).

Территория расселения ненцев.

и Вайгач¹¹ и посещают для промыслов острова Долгий, Белый, Шокальского, Олений и Сибирякова.

Указанная территория подразделяется на тундры — Канинскую (п-ов Канин и тундра к востоку до р. Пеши), Тиманскую (от р. Пеши до р. Индиги), Малоземельскую (от р. Индиги до р. Печоры), Большеземельскую (от р. Печоры до р. Кары) и Ямальскую (п-ов Ямал). Гыданский и Тазовский п-ова составляют Низовую тундру.

Территория, заселенная ненцами, полностью входит в РСФСР и распределяется между тремя национальными округами.

1. Ненецкий национальный округ Архангельской области (центр Нарьян-Мар), куда входят Канинская, Тиманская, Малоземельская тундры и острова Вайгач и Колгуев. Округ до декабря 1959 г. включал в себя следующие районы: Канино-Тиманский (районный центр Нижняя Пеша), Нарьян-Марский (районный центр Нарьян-Мар), Большеземельский (районный центр Хальмер-Ю) и Амдерминский (районный центр Амдерма). Позднее указами Президиума Верховного Совета РСФСР были упразднены Амдерминский, Большеземельский и Канино-Тиманский районы округа. Амдерминский поселковый и сельские Советы этих районов были переданы в непосредственное подчинение Ненецкого окружного Совета депутатов трудящихся. Помимо этого, рабочие поселки Хальмер-Ю и Цементно-Заводский с прилегающей к ним территорией залегания угольного пласта были переданы из Ненецкого национального округа Архангельской области в состав Коми АССР.¹² О. Новая Земля подчиняется непосредственно Обл-исполкому.

2. Ямало-Ненецкий национальный округ Тюменской области (окружной центр Салехард), в который входят Приуралье, п-ов Ямал, западная часть Гыданского п-ова, Тазовский п-ов, бассейны рр. Полуй, Надым, Пур, Таз. В округе семь районов:

---

¹¹ На Новой Земле ненцы появились в 70-х годах XIX в. В целях развития промыслов в 1872 г. близ Костина Шара была поставлена изба, а в 1877 г. в становище Малые Кармакулы — спасательная станция для предоставления убежища на время промыслов и непредвиденных зимовок русским промышленникам. Для охраны построек, а также для занятий промыслами в это же время на Новую Землю были переселены несколько семей ненцев из Большеземельской тундры. В 1894 г. было переселено еще несколько семейств, и, таким образом, количество ненцев к этому году на Новой Земле составляло 83 чел. (16 семей). Они проживали в становище Малые Кармакулы и на Маточкином Шаре.

Периодически для промыслов ненцы посещали Новую Землю с давних времен. По-видимому, бывали случаи, когда они оставались там на зиму и до образования постоянных становищ.

О. Колгуев был заселен ненцами в начале XVIII в. Следует отметить, что еще в XVI—XVII вв. русские промышленники-поморы добывали на острове в летнее время водоплавающую птицу.

¹² Нарьяна вынтер, 5 декабря 1959 г.

Приуральский (районный центр Аксарка), Ямальский (районный центр Яр-Сале), Надымский (районный центр Ныда), Тазовский (районный центр Тазовское), Пуровский (районный центр Тарко-Сале), Шурышкарский (районный центр Мужы) и Красноселькупский (районный центр Красноселькупск). В Шурышкарском и Красноселькупском районах основными коренными национальностями являются соответственно ханты и селькупы. Число ненцев здесь невелико (см. ниже).

3. Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальный округ Красноярского края (окружной центр Дудинка). Здесь ненцы занимают восточную часть Гыданского п-ова и частично правобережье Енисея, т. е. крайне западную часть округа. В административном отношении это главным образом Усть-Енисейский район (районный центр Караул) и отчасти Дудинский (районный центр Дудинка).

Отдельные группы ненцев живут в пределах Ханты-Мансийского округа Тюменской области (по северным притокам р. Аган и др.), в Коми АССР (часть бассейна р. Усы, р. Кожва) и на территории Мурманской области.

Природные условия. Территория, заселенная ненцами, расположена в северо-восточной части Европы и северо-западной части Азии. С севера эта территория омывается Белым, Баренцевым и Карским морями. Большая часть ее входит в зону тундры и представляет собой обширные низменные пространства.

Из возвышенностей можно отметить кряж Канинский Камень (Пэ) — невысокое плато, расположенное в северной части п-ова Канин, северные отроги Тиманского кряжа (максимальная высота в пределах Ненецкого национального округа 303 м), северная часть Уральского хребта и хребет Пай-Хой, отделяющие европейскую часть территории от азиатской.

Климат определяется влиянием арктических и атлантических воздушных масс. Для европейской части характерна холодная зима и прохладное лето. Средняя температура января в Ненецком национальном округе изменяется от -12° на юго-западе до -22° на северо-западе. Средняя температура июля от $+8^{\circ}$ до $+10^{\circ}$. Климат сибирской части континентальный, с суровой продолжительной зимой и сравнительно теплым, коротким летом. Средняя годовая температура колеблется в зависимости от широты от -8° до -12° .

Вечная мерзлота разной глубины залегания распространена на всей территории.

Весь север занимают моховые, лишайниковые и кустарниковые тундры. На торфяных болотах растут кусты богульника, морошки. По долинам рек встречаются густые кустарниковые (ивовые) заросли. В южной части указанной территории начинается лесотундра. Сначала по речным долинам, а затем и на водоразделах появляются леса из березы и низкорослой ели,

с редкими лиственницами. Среднее и верхнее течение рр. Полуй, Надым, Пур и Таз (южная часть Ямало-Ненецкого национального округа) занимает зона тайги.

Территория богата водными магистралями. Наиболее крупными реками являются Печора, Обь и Енисей. Из других, имеющих промысловое значение, можно отметить следующие реки: Вижас, Пеша, Индига, Хайпудыра, Коротаиха, Кара, Полуй, Надым, Таз, Пур и др. Многочисленны озера, часто образующие целые системы (Вашуткины озера в Большеземельской тундре, озера на Ямале и т. д.).

Из полезных ископаемых, интенсивные поиски и разработки которых начались лишь в советский период, в первую очередь следует отметить каменный уголь в бассейне р. Печоры, главным образом по рр. Адызье, Воркуте, а также вблизи пос. Амдерма, Шойна и др.

Богат полезными ископаемыми и северный Урал (бурый уголь, железные и медные руды). На территории Ямало-Ненецкого округа имеются торф, мрамор, известняки. В последние годы здесь найдены месторождения природного газа, в частности богатейшие Тазовское, Тибей-Салинское и др.

Животный мир разнообразен. Из хищных водятся волки, песцы (белые и голубые), лисицы, горностаи, являющиеся объектом промысла. Во многих районах акклиматизирована ондатра. Встречаются зайцы, лемминги. Из птиц постоянно живут тундряные куропатки, полярные совы, прилетают гуси, утки, кулики и др. Водоемы богаты ценными породами рыб (нельма, омуль, сиг, чир, осетр, семга и др.). На побережье и арктических островах промышляют морского зверя — гренландского тюленя, нерпу, белуху, моржа. Встречается медведь, на побережье — белый, в лесной зоне — бурый. На севере азиатской части территории и на островах обитает дикий олень. В таежной зоне распространены также белка, россомаха, лось. В тундре огромное количество насекомых — комаров, оводов, мошек.

Численность. По численности ненцы в настоящее время занимают второе место среди так называемых малых народностей Севера. По переписи 1959 г. их насчитывалось 23 тыс.¹³ Большая часть (около 15 тыс., из них ок. 14 тыс. тундровых ненцев) проживает в пределах Ямало-Ненецкого национального округа, 5 тыс. — в Ненецком округе. В пределах Таймырского округа ненцев насчитывается около 1.5 тыс. Остальные представители этой народности живут в Мурманской и Архангельской областях

---

¹³ Краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Численность, состав и размещение населения СССР. М., 1961. Перепись 1926—1927 гг. показала численность ненцев около 17 тыс. чел. Такая разница по сравнению с более поздними данными объясняется менее точным учетом всех представителей этой народности в прошлые годы, а также естественным приростом.

(Мезенский район), в Коми АССР, Ханты-Мансийском национальном округе.

В Ямало-Ненецком национальном округе, где наиболее многочисленной национальностью являются ненцы, по районам они распределяются следующим образом: ¹⁴

Район	Число ненцев
Шурышкарский	134
Приуральский	1628
Ямальский	4834
Тазовский	4262
Надымский	1700
Пуровский	1789
(из них тундровых)	704
Красноселькупский	64
<hr/>	
Итого	14411
(из них тундровых)	13326

Сюда следует прибавить ненцев, проживающих в городах Салехард и Лабитнанги. Их насчитывается 417 чел.

Группы ненцев. Основную массу ненцев (свыше 95%) составляют так называемые тундровые ненцы, обитающие преимущественно в зоне тундры (с откочевками в лесотундру, главным образом лишь в зимнее время) и говорящие на тундровом диалекте ненецкого языка. Несмотря на значительную протяженность территории их расселения (от Белого моря до нижнего течения р. Енисея), все тундровые ненцы обладают единством культуры, почему и представляется возможным их общее описание с указанием на некоторые различия.

Второй группой являются лесные ненцы (по переписи 1926 г. — 1129 чел., по данным 1962 г. — около 1200 чел.), населяющие таежную зону. В пределах указанной для всех ненцев территории расселения лесные ненцы занимают систему верховьев р. Пур, его среднее и отчасти нижнее течение. Северная граница их кочевий до последнего времени проходила приблизительно на широте левого притока р. Пур Евояха. В 1958 г. в связи с присоединением к Нижне-Пуровскому совхозу (пос. Самбург) колхоза «Нарьяна мя» (пос. Уренгой) значительная группа лесных ненцев спустилась в низовья р. Пур, в район пос. Самбург, на территорию обитания тундровых ненцев. В 1962 г. на территории Нижне-Пуровского совхоза (низовья р. Пур) трудилось совместно с тундровыми 18 семей лесных ненцев. Восточной границей расселения лесных ненцев является водораздел рр. Пур и Таз. Южная граница захватывает течение Колик-Егана (приток Ваха), север-

¹⁴ Данные на 1 I 1962.

ные притоки р. Аган, верхнее течение р. Лямин. Западная граница идет от р. Лямин в северо-восточном направлении, захватывая верховья р. Надым. Отсюда, замыкая круг, граница расселения лесных ненцев поворачивает в сторону р. Пур. Площадь территории обитания лесных ненцев приблизительно 40—50 тыс. км². В административном отношении эта территория входит в состав Пуровского и Надымского районов Ямало-Ненецкого национального округа. Северные притоки рр. Аган и Лямин входят в Ханты-Мансийский округ.

Лесные ненцы, расселенные на сравнительно ограниченном участке таежной зоны, обладают рядом черт, отличающих их от тундровых ненцев. Можно отметить слабое развитие оленеводства с некоторыми специфическими пережитками таежного оленеводства: незначительные перекочевки, использование дымокуров, в прошлом — следы использования оленей под вьюк, важное значение лесной охоты и т. д. Материальная культура лесных ненцев мало отличается от таковой у тундровых ненцев, однако имеет некоторые особенности, как например наличие у малицы спереди шва, что может считаться пережитком некогда бытовавшей распахной одежды, употребление в быту берестяных туесков и т. д. Кроме того, лесные ненцы говорят на особом диалекте ненецкого языка, имеющем значительное отличие от диалекта тундровых ненцев.¹⁵

Интересно, что на Европейском Севере имеется также небольшая группа лесных ненцев, не выходящих на лето на побережье и имеющих оленей рослой таежной породы. Упоминание о лесной группе ненцев имеется еще у И. Лепехина: «Лесные звероловцы самоеды. . . скитаются по лесам и по тундрам на летней стороне Большеземельского хребта. По тундре ловят они. . . песцов, лисиц, волков и диких оленей, а в лесах — куниц, росомех, горностаев, белку и выдру».¹⁶ Они «содержат в обширных лесах, обитаемых ими, более оленей, нежели пустозерские самоеды».¹⁷ Последних (т. е. канинских, тиманских и большеземельских) Лепехин называет приморскими и подчеркивает важность для них морского зверобойного промысла.

Лесное оленеводство в небольших размерах существует по рр. Пеза, Кулой, Сояна и в настоящее время.¹⁸ Оно отличается малой амплитудой кочевания в пределах лесной зоны, отсутствием круглосуточного окарауливания, использованием дымокуров для

¹⁵ См.: Г. Д. В е р б о в. 1) Лесные ненцы. Сов. этногр., № 2, 1936; 2) Диалект лесных ненцев. Рукопись дисс., защищенной в 1939 г. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 361; Р. П. М и т у с о в а. Год среди лесного народа. Вокруг света, №№ 9, 11, 12, 14, 15, 1929.

¹⁶ Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. IV. СПб., 1805, стр. 214.

¹⁷ Там же, стр. 216.

¹⁸ Хозяйственно-экономическая характеристика Канинской тундры (материалы земельно-водного устройства, 1934—1935 гг.).

защиты от мошки и комаров. По материалам 1934—1935 гг. количество лесных оленей составляло 4834 (из них 3020 — у ненцев). По данным на 1 I 1964 в пределах Мезенского района Архангельской области среди членов четырех оленеводческих колхозов было около 100 ненцев. У них сохранялся лесной тип оленеводства.

Поздним этническим образованием (XIX в.) является группа так называемых колвинских ненцев, обитающих по р. Колве при впадении ее в Усу, а также по рр. Адзьве, Сявте и некоторым другим. В ее формировании значительную роль сыграли смешанные браки (ненцы женились на коми-ижемцах). Колвинцы считают себя ненцами, но говорят на ижемском диалекте языка коми.¹⁹

Хозяйство колвинцев до революции носило полукочевой характер. Подавляющее большинство колвинцев, лишившихся по тем или иным причинам оленей, стремилось вновь при первой возможности завести оленеводческое хозяйство. Однако удалось это не всем. Большую роль в хозяйстве колвинцев играли рыболовство и охота. Земледелие развивалось слабо. Колвинцы, по примеру ижемцев, жили в деревянных домах, но по соседству с избой ставили иногда чумы.²⁰

В настоящее время колвинцы живут в пределах Коми АССР. Хозяйство их, как и хозяйство ижемских коми, базируется на продуктивном мясо-молочном животноводстве и оленеводстве, но земледелием они занимаются мало и, по сути дела, до сих пор не приобрели достаточных навыков в обработке почвы и уходе за посевами. Одежда, жилище, домашняя утварь такие же, как и в соседних коми-ижемских селениях. Однако они, как правило, искуснее в изготовлении изделий из меха. Связи колвинцев с ненецким округом значительны. Многие семьи имеют родственников в тундре, часть колвинской молодежи уезжает учиться в Нарьян-Мар и т. д.²¹

Этническое окружение. Занимая значительную территорию, ненцы в отдельных ее частях живут смежно со многими народностями.

На рубеже I и II тысячелетий появились связи ненцев с русскими поморами, осваивавшими Европейский Север. Эти связи в последующие столетия усиливались благодаря распространению русских поселений на территории расселения ненцев. Наиболее северные из них появились в середине XIX в.

---

¹⁹ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. ТИЭ, т. XLV, 1958, стр. 5.

²⁰ Н. В. Латкин. Дневник во время путешествия на Печору. Зап. РГО, кн. VII, ч. 1, 1853; Н. Н. Мамадышский. Усинский край. (Подворно-экономическое исследование). Архангельск, 1910.

²¹ Л. П. Лашук. Очерки этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958, стр. 187—188.

В настоящее время на территории ненецких округов (особенно на Европейском Севере) имеется значительное количество русских колхозов. Русское население составляет основную часть населения городов Нарьян-Мар и Салехард.

В XVI в. началось проникновение на Европейский Север коми-зырян, которые позднее распространились за Урал. Значительное число коми проживает на западе — в Большеземельской тундре, а также в южной части Ямало-Ненецкого округа (до 10 тыс. чел.). Многие оленеводческие колхозы в настоящее время являются смешанными (ненцы, русские, коми и др.).

На Кольском п-ове ненцы живут среди саамов, в пределах Ямало-Ненецкого национального округа — соприкасаются с северными хантами и манси. На р. Таз ненцы соседствуют с селькупам в низовьях Енисея — с энцами, в отдельных местах — с нганасанами, долганами, эвенками, кетами.

Некоторые из этих народов (особенно русский народ) оказали большое влияние на материальную культуру ненцев и в свою очередь восприняли ряд элементов ненецкой культуры, что мы попытаемся показать в соответствующих разделах.

Для соседних народностей в ненецком языке имеются свои названия. Так, ненцы называют русских *луца*, саамов — *уано хан* («лодка-сани»), коми — *санэр'*, коми-ижемцев — *уысыма* (по названию р. Ижмы), хантов, манси — *хаби*,²² селькупов — *тасу' хаби* («тазовские хаби»), кетов — *енся' хаби* («енисейские хаби»), нганасан — *тав*, *тавыс*, энцев — *бай*, *мандо*, лесных ненцев — *паян хасава*, эвенков — *туугос'*.

Наиболее чисто ненецкими территориями в этническом отношении являются Канинский п-ов, Малоземельская тундра, п-ова Ямал и Гыданский, низовья рр. Ныда и Надым, бассейн р. Пур.

Язык. Ненецкий язык относится к группе самодийских языков, к которой принадлежат также языки энцев, нганасан и селькупов.²³ Согласно данным переписи 1959 г., ненецкий язык считают родным и говорят на нем 84.7% ненцев.²⁴

По грамматическому строю ненецкий язык относится к языкам агглютинативно-суффиксальным: основным способом образования форм слов является агглютинация, т. е. последовательное присое-

²² Термин *хаби* у ненцев имеет несколько значений: а) служит в качестве названия для ряда соседних народностей, б) используется для обозначения нескольких зауральских родов хантыйского происхождения, в) употреблялся в значении «зависимый», «невольник», «раб» (глагол *хабець* — «быть зависимым», «быть невольником»). У ненцев в незначительных размерах имело место патриархальное рабство. См.: Г. Н. Прокофьев. Числительные в самодийских языках. Сов. Север, № 4, 1939, стр. 15—17.

²³ См.: Г. Н. Прокофьев. Ненецкий (юрако-самоедский) язык. Языки и письменность народов Севера, ч. 1. М.—Л., 1937; Н. М. Терещенко. Материалы по языку ненцев. М., 1956.

²⁴ Краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.

динение (приклеивание) к основе различных словоизменительных и словообразовательных суффиксов. Однако ненецкому языку свойственны и черты внутренней флексии — образование некоторых форм с помощью изменения основ слов.

В ненецком языке два диалекта — диалект тундровых ненцев и диалект лесных ненцев. Эти диалекты значительно отличаются друг от друга, в частности по звуковому и словарному составу. Оба диалекта подразделяются на ряд говоров. Из говоров тундрового диалекта наибольшие отличия (главным образом в области фонетики) имеют крайне западные говоры — канинский, малоземельский, колгуевский. Отличия между тундровыми говорами не затрудняют взаимного понимания. В основу литературного ненецкого языка были положены говоры большеземельских и ямальных ненцев (т. е. ненцев восточной части Ненецкого и западной части Ямало-Ненецкого национальных округов), очень близкие между собой.²⁵

Названия и самоназвания. Принятое в советское время название для народности, говорящей на ненецком языке, — ненцы — является несколько измененным самоназванием этой народности. Самоназвание *ненэцъ'* — «человек», «ненец» (мн. число *ненэця'*) распространено главным образом в западных тундрах (к западу от Урала). В восточных районах расселения ненцев — на п-овах Ямал и Гыданском, в низовьях Енисея, в качестве самоназвания выступает сочетание слов *ненэй ненэцъ'* («настоящий человек») или же используется слово *хасава* («человек», «мужчина»), имеющее в западных говорах только значение «мужчина».²⁶ В качестве самоназвания женщины, принадлежащей к ненецкой народности, употребляется сочетание слов *ненэй не* — «настоящая женщина» (мн. число *ненэй' не'*) или просто *не*.²⁷

Слово *ненэцъ'* как самоназвание стало употребляться, по-видимому, со времени выделения ненцев в качестве самостоятельной народности из общей массы самоедоязычных племен в отличие от энцев, нганасан и селькупов (название *ненэцъ'* может быть применимо только к лицам ненецкой народности). Однако практически этот термин в повседневной жизни употреблялся редко. Его обычно заменяли родовые названия. В частности, в фольклоре слово *ненэцъ* встречается сравнительно редко. Впервые в научной литературе о самоназвании ненцев — *ненэцъ'* — мы находим сведения в материалах Академической экспедиции 1769—1774 гг.: «Само-

²⁵ Г. Прокофьев. *Jadej wada*. М., 1932, стр. 4.

²⁶ Исключение составляет канинский говор, где слово *хасава* не употребляется, его заменяет слово *ненэцъ'*. Так, например, канинские ненцы говорят *ненэцъ' нацекы* («мальчик»), а не *хасава нацекы*, как в других районах. Материалы экспедиции автора на п-ов Канин в 1958 г.

²⁷ Женщины другой народности ненцы называют *хаби не* («иноплеменная женщина»).

яды называются сами Нинечами (людьми) и Хозовами (мужами)». ²⁸

Самоназванием лесных ненцев является *нецауэ* («человек»; множ. число *неца'*). В имеющейся литературе они известны также под названием *нян'* (*няд'*) *хасава'*, что в переводе с диалекта тундровых ненцев, откуда и взято это название, означает «лесные люди».

До Великой Октябрьской социалистической революции ненцы были известны под названием «самоеды» (самодины), ²⁹ а восточная их часть наиболее часто называлась юраками. Значение и происхождение первого из этих названий интересовало многих исследователей.

Впервые слово «самоед» (самоядь) в литературных источниках встречается в летописи XI в. ³⁰

Судя по приведенному тексту, можно предположить, что название «самоядь» в этот период относилось не к европейским ненцам, а лишь к зауральским (если считать, что в XI в. ненцы уже обитали на севере европейской части России).

Аналогичное употребление этого слова мы имеем в сказании «О человецах незнаемых в восточной стране», относящемся к концу XV в.: «На восточной стране, за Югорьскою землею, над морем, живут люди Самоедь зовомые Малгонзеи».

Одно из ранних упоминаний о самоедах имеется у Плано Карпини (XIII в.): «Продвинувшись оттуда (от места обитания паросситов, т. е., по мнению М. П. Алексеева, области современной Перми и Вятки, — Л. Х.) далее, они пришли к самоедам». ³¹ Однако выражение «далее» слишком неточно. Интересно иное звучание этого названия.

В XVI в. название «самоеды» относилось, по-видимому, уже ко всем ненцам (см., например, Жалованную грамоту Тиманским самоедам). ³²

При попытке объяснить происхождение и значение названия «самоеды» необходимо учитывать наличие вариантов этого термина, встречающихся в различных источниках: самоедь, самоядь, самоеды, самоедцы, самоядцы, самоди, самодины, самоеды.

Многие ученые пытались этимологизировать это название. Так, Н. Витсен, а позднее и некоторые другие ученые (например, Н. А. Абрамов в «Описании Березовского края», стр. 350) счи-

---

²⁸ Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III, СПб., 1799, стр. 4.

²⁹ Самоедами, помимо ненцев, называли также и другие народы самодийской группы — энцев (енисейские самоеды), иганасан (тавгийские самоеды) и селькупов (остяко-самоеды).

³⁰ См. стр. 4 настоящей работы.

³¹ М. П. Алексеев. Сибирь... стр. 8.

³² Акты Археографической экспедиции, т. 1, СПб., 1836, стр. 182—184.

тали, что русские дали его ненцам в связи с представлением о их людоедстве. Сходного мнения придерживался А. Шренк.³³

Из русского языка при объяснении значения слова «самоед» исходил также Лерберг, считая его испорченным «семгоед».³⁴ А. Шренк в своей работе подробно разбирает несуразность такого предположения (основное занятие ненцев оленеводство, а не рыболовство, нет данных, что наиболее распространенной породой рыбы является семга, и т. д.), поэтому нет необходимости на нем останавливаться.

Ряд исследований в объяснении слова «самоед» исходит из материала ненецкого языка. Так, например, И. Лепехин производил это слово от ненецкого слова *самай* (*сямай*) — «нечистый», которое по прибавлении к нему окончания *ед* означает человека, поедающего все нечистое. Но прав А. Шренк, который считает, что если бы даже у русских и сложилось такое представление о пище ненцев, они не стали бы прибегать к помощи ненецкого языка.³⁵ Ф. Белявский утверждает, что слово «самоедин», нередко употреблявшееся в более позднее время вместо прежнего слова «самоед», есть не что иное, как буквальный перевод ненецкого слова *хазово* (*хасава*), где, по его мнению, *хаз* значит «сам», а *ово* — «один» или «един»; таким образом, самоедин — человек, живущий в одиночестве, а не в обществе.³⁶ Несостоятельность этого предположения видна из того, что ненецкого слова *хаз* нет (лично-определятельные местоимения по лицам: я сам — *хар'н*, ты сам — *харт*, он сам — *харта* и т. д.), а числительное «один» — *убо'* или *упой*. Слово же *хасава*, которое означает «мужчина», а в восточных говорах, кроме того, — «человек», «ненец», в корне своем имеет слово *хаса* (*каса*), которое является этнонимом в ряде древнесамодийских и тюркских языков.³⁷

Многие авторы при анализе слова «самоед» исходили из финского (*sooma* — «болото»), саамского (*saam uedna* — «земля саамов») или карельского (*saamus* — «болото») языков. Однако эти предположения давались без достаточных обоснований и не объясняли, почему для названия ненцев брали финское, саамское или карельское слово «болото», а не ненецкое (*лымбад*, *сабол'*, *моуга*). И если справедливо, что на территории современного Ненецкого национального округа жили некогда саамы, то почему название «самоед» не закрепилось за этой народностью?

³³ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России. СПб., 1855, стр. 556—557.

³⁴ А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению древней сибирской истории, т. 1. СПб., 1819.

³⁵ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 554.

³⁶ Ф. Белявский. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, стр. 154.

³⁷ Г. Н. Прокофьев. 1) Этногония народов Обь-Енисейского бассейна. Сов. этногр., № 3, 1940; 2) Числительные в самодийских языках, стр. 15.

Кроме того, как мы указывали, по-видимому, название «самоядь» первоначально относилось к зауральским ненцам.

В советский период мнение по поводу этимологии слова «самоед» было высказано Г. Н. Прокофьевым, который объясняет это название, основываясь на существующих у самодийских народностей названиях племенных групп. Одна из групп энцев — мадду, называется соседями, в частности нганасанами, *самаду*. «Вот с этим-го названием, — пишет Г. Н. Прокофьев во введении к грамматике ненецкого языка, — правомерно связывать название „самоеды“, учитывая, что на Крайнем Севере наиболее распространенным среди русских старожилов названием для самоедов является не „самоеды“ (или «самоядь»), а „самоди“, или „самодины“». ³⁸

Предположение Г. Н. Прокофьева представляется в некоторой мере основательным. Л. С. Берг в работе «О древнем расселении енисейских самоедов или энцев», ³⁹ основываясь, в частности, на материалах Г. Д. Вербова, выдвинул проблему о более широком распространении энцев в прошлом. С этим мнением в основном согласен и Б. О. Долгих. ⁴⁰ Таким образом, утверждение Г. Л. Вербова о том, что энецкие племена в начале XVII в. обитали и по р. Таз, и в бассейне р. Турухан, не вызывает возражений. В связи с этим позволим себе вновь обратить внимание на ранние упоминания о самоедах как о народе (или племенах), живущем за «Югорской Землей», т. е. к востоку от Урала. Таким образом, речь могла идти об энцах группы самату, название которых в русском звучании (и, очевидно, переосмыслении) позднее распространилось на все народности самодийской группы.

Однако эта точка зрения не получила широкого признания. Так, в работе «Происхождение нганасанов» Б. О. Долгих присоединился к мнению относительно происхождения слова «самоед» от словосочетания *самэ-една* — «земля саамов». «Это название, — замечает он, — было перенесено русскими с саамских племен, занимавших, видимо, когда-то север европейской России, на появившихся здесь позже ненцев, а затем на энцев и нганасанов». ⁴¹

Специальную работу, посвященную анализу названий отдельных групп и родов ненцев, написал венгерский ученый П. Хайду. ⁴² Критически проанализировав мнения о происхождении слова «самоед», высказанные до него, П. Хайду, однако, не

³⁸ Г. Н. Прокофьев. Языки и письменность народов Севера. А. А. Попов встречал среди нганасан для энцев не название «самату», а «кан-тайские» (устное сообщение, 1958 г.).

³⁹ Изв. ВГО, т. 77, вып. 5, 1945.

⁴⁰ Б. О. Долгих. О родоплеменном составе и распространении энцев. Сов. этногр., № 4, 1946.

⁴¹ Б. О. Долгих. Происхождение нганасанов. Сибирский этнографический сборник, 1, ТИЭ, т. XVIII, 1952, стр. 6.

⁴² P. Hajdu. Die Benennungen der Samojede. Journ. de la Soc. Finno Ougrienne, LIV, 1948—1950, Helsinki.

высказывает своего, склоняясь только к мысли, что слово «самоед» нерусского происхождения. Таким образом, окончательное решение этого вопроса — дело будущего.

Немного о названии «юраки», встречающемся в литературе для восточных (енисейских) ненцев.

Словом *дюрака* энцы и нганасаны называют всех вообще ненцев. Благодаря тому, что контакт между энцами и нганасанами, с одной стороны, и ненцами — с другой, имел место главным образом в районе Енисея, практически это название касалось лишь восточной группы ненцев, что дало повод некоторым исследователям считать, будто бы восточная группа ненцев представляет собой какое-то особое племя или даже народ (следует оговорить при этом, что термином «юрак», «юраки» пользовался Кастрен, но он называл так всех вообще тундровых ненцев). Между тем енисейские ненцы являются одной из групп тундровых ненцев, лишь незначительно отличающейся по говору и элементам культуры.

В литературе о ненцах встречается также название «яраны», относящееся к европейским ненцам (главным образом проживающим в Большеземельской тундре). Это название происходит от слова *яран*, которым коми называют ненцев.

Топонимика. Географические названия на территории современного расселения ненцев в основном ненецкие. Они широко представлены на географических картах, встречаются в литературе, периодической печати. При этом для официальных названий используются как имена собственные, так и нарицательные ненецкие слова. Так, в сочетаниях широко встречаются такие термины: *яха* — река; *ям'* — большая река, губа; *то* — озеро; *се*, *парод* — проток; *паха* — залив, губа; *хой* — хребет, водороздел, возвышенность; *седа* — сопка, холм; *сая* — мыс; *ю* — остров, и т. д.

Многие острова, реки и т. п., носящие русские названия, имеют также и ненецкие. Так, например, р. Печора называется ненцами *Санэр'ям'*, Обь — *Сая ям'*, о. Вайгач — *Хэбидя я* (святая земля), пос. Индига — *Пэ яха харад* и т. д.

Большинство географических названий легко переводится и часто связано с характером данной местности. *Ямал* (*я мал*) — конец земли, *Нарка я* — большая земля, *Ямб то* — длинное озеро, *Яптик Сая* — мыс рода Яптик, *Таб седа* — песчаная сопка, *Харасавэй* (река на западе Ямала) — извилистая, *Нерута* (река в Малоземельской тундре) — ивняковая, *Хадыта* (река на южном Ямале) — еловая, *Намдерма* (Амдерма) — место посадки, остановки и т. д.

Другие не поддаются этимологизации: р. Пур по-ненецки *Пюра ям'*, Таз — *Тасу ям'*,⁴³ Енисей — *Енся ям'*.

⁴³ По некоторым сведениям, *Пюра ям'* можно перевести «порожистая, крутящаяся река», *Тасу ям'* — «желтая, бурая река». Не исключено, однако,

Многие ненецкие названия рек, сопок и т. д. содержат указания на прежних обитателей, живших в этих местах до ненцев. Это население, известное у ненцев под названием *сиртя*, *сихиртя*, может быть, неоднородное по расовому и этническому составу, оставило следы своего пребывания почти повсеместно — от Белого моря до Енисея. В тундрах до сих пор встречаются такие названия, как *Сиртя мя'* («чум сирти»), *Сиртя сая* («мыс сирти»), *Сиртя яха* и т. д.⁴⁴

Представляет интерес, на наш взгляд, название западного притока р. Кулой — р. Сояна, в районе которого кочуют и сейчас зимой канинские ненцы. Это название заставляет вспомнить этнонимы Южной Сибири — соян, сойот, что любопытно в свете предположений относительно южного происхождения народностей самодийской группы.

Гипотезы о происхождении ненцев. Относительно происхождения народов самодийской группы, одним из которых являются ненцы, существует ряд гипотез. Весьма существенным моментом при этом является наличие в южной Сибири, в районе Саянского нагорья, племен, язык которых еще в недавнем прошлом был самодийским. В XVIII в. факт существования этих народностей отмечен был Страленбергом, а затем более подробные материалы по ним были собраны участниками второй Камчатской экспедиции и Академической экспедиции 1768—1774 гг. Миллером, Фишером, Георги.

К народностям «самодийского» происхождения ими были отнесены койбалы, саяты (сойоты), маторы (моторы), тубинцы, камачинцы и каракассы,⁴⁵ обитавшие на северных склонах Саянского нагорья. Однако уже в то время языки этих народностей стали вытесняться тюркскими языками, и к середине XIX в. были утрачены. В настоящее время потомки этих племен и народностей говорят на тюркских языках.

На том основании, что народы, говорящие на самодийских языках, жили не только на севере, но и в южной Сибири, Страленберг⁴⁶ высказал предположение, что самоеды Саянского нагорья являются потомками самоедов приполярной зоны, где они были аборигенами, с севера часть самоедов под влиянием каких-то причин двинулась на юг, заселив Саянское нагорье.

Противоположную точку зрения высказал историк И. Э. Фишер,⁴⁷ который предполагал, что северные самоеды (предки современных ненцев, нганасан, энцев и селькупов) являются

что это поздняя этимология, возникающая из сходства терминов. Так, например, желтый по-ненецки *тасей*, *тасехэй*.

⁴⁴ Более подробно о сиртя см. ниже.

⁴⁵ См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II. М.—Л., 1941; Георги. Описание... ч. III.

⁴⁶ Strahlenberg. Der Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Lüneburg, 1730.

⁴⁷ Сибирская история. СПб., 1774, стр. 74.

потомками самоедских племен Саянского нагорья, продвинувшихся из южной Сибири в более северные районы.

Это предположение Фишера в XIX в. было подкреплено огромным лингвистическим материалом и обосновано М. А. Кастреном. Собранные во время длительных экспедиций материалы заставили М. А. Кастрена согласиться с точкой зрения, высказанной И. Э. Фишером, о южном происхождении северных самоедов. М. А. Кастрен предполагал, что в I—II вв. н. э. в связи с передвижениями народов самоедские племена были вытеснены из пределов Саянского нагорья к северу.⁴⁸

Теория Фишера—Кастрена, имеющая веские доказательства, обладала одним существенным недостатком: она свела вопрос об этногенезе ненцев к чисто механическому перемещению племен от Саян к Ледовитому океану. Таким образом, совершенно игнорировался вопрос о доненецком населении тундровой и северной лесной зон.

Советский ученый Г. Н. Прокофьев, опираясь на теорию Фишера—Кастрена, внес необходимые коррективы. Согласно его предположению, «предками современных ненцев, нганасан, энцев и селькупов были не только самодийские (самоедские) племена Саянского нагорья, но также и некие аборигенные племена Крайнего Севера, заселявшие территорию Обь-Енисейского бассейна с древнейших времен».⁴⁹ Г. Н. Прокофьев считал, что самоедские племена Саянского нагорья (карагасы, маторы и др.) в своем передвижении к северу столкнулись с двумя группами аборигенных племен. Первую, восточную, он условно назвал т я н (это отражено в самоназваниях *ненэцян*,⁵⁰ *нганасан*, *энэтен*, *деуг*, *кеты* и т. д.). Следы другой группы, западной (к у м), имеются в самоназваниях групп селькупов: *селькуп* — «земляной человек», *шолькуп* — «таежный человек» и т. д., в названии народа коми, в ненецком слове *хаби* — «иноплеменник», «раб», в мансийском *хум* — «человек», «муж». В результате скрещения восточной группы аборигенных племен (тян) и саянских племен Каса и Туба возникла, по мнению Г. Н. Прокофьева, северо-восточная ветвь самоедов — ненцы, нганасаны и энцы. Аборигенные племена группы тян, по его мнению, возможно, были причастны к формированию предков современных коряков, чукчей, эскимосов и других народов северо-восточной Азии. Об этом свидетельствует некоторая общность между самоедскими и палеоазиатскими язы-

⁴⁸ М. А. C a s t r e n . 1) Kleinere Schriften. St.-Petersburg, 1862, S. 119; 2) Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. St.-Petersburg, 1856, SS. 400—411.

⁴⁹ Г. Н. П р о к о ф ъ е в . Этногония народов Обь-Енисейского бассейна.

⁵⁰ В данном случае Г. Н. Прокофьев допустил ошибку. Слово *ненэцян* является второй основой самоназвания *ненэць'*, где *-ць'* является частью корня. Таким образом, слово *ненэцян* нельзя разбивать на *ненэ* и *цян*.

ками в области терминов, связанных с морским промыслом, названиями для глухой одежды и т. д.⁵¹ Очевидно, в формировании ненцев приняли участие также западные аборигенные племена *кум-куп* (нен. *хаби*), а в формировании нганасанов — некая группа тунгусов (ася). Западные аборигенные племена (кум) скрестились с продвинувшимися на север самоедскими племенами (в основном, по мнению Е. Д. Прокофьевой, с койбалами и камасинцами) и образовали современных селькупов.

В настоящее время дискуссия по вопросу о происхождении самодийских народов продолжается, причем в нее активно включились археологи.

Следы древнего аборигенного населения на территории, ныне занимаемой самоедскими народностями, были обнаружены сравнительно недавно в результате произведенных археологических раскопок.

На п-ове Ямал в 1926 г. В. Н. Чернецовым были найдены остатки поселений, обитатели которых вели образ жизни, в значительной степени отличный от того, который ведут современные жители Ямала — ненцы. Им были обнаружены землянки, свидетельствующие об оседлом образе жизни, остатки гончарства и следы интенсивного морского промысла.⁵²

Основываясь на преданиях и рассказах ямальских ненцев и некоторых других данных, В. Н. Чернецов пришел к выводу, что раскопанные на Ямале землянки принадлежали народности, которую ненцы называют *s'irt's¹*, и что сами ненцы появились на северном Ямале не ранее начала XVII в.⁵³ По его мнению, близость культуры *s'irt's¹* — морских охотников — к культуре восточных палеоазиатов несомненна. Об этом свидетельствуют и литературные данные XVI—XVII вв. — Ламартиныера, ван Линсхотена, Барроу и др., описавших жилища, орудия труда, лодки и т. п. жителей Варандея, Вайгача, Новой Земли.⁵⁴

Носители этой культуры были ассимилированы пришедшими на север самоедоязычными племенами. Однако отдельные элементы культуры аборигенов Севера сохранились в культуре современных ненцев. В. Н. Чернецов относит к таким элементам почитание нерп, что выражается в ряде ограничительных запретов, которые вряд ли могли возникнуть в оленеводческой среде, принесение в жертву собаки у рода Яптик (п-ов Ямал), тогда как

⁵¹ Г. Н. Прокофьев. Числительные в самодийских языках, стр. 21—22.

⁵² В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. Сов. этногр., № 4—5, 1935.

⁵³ Там же, стр. 125. Ненцы произносят это слово *сйртя* (в восточных говорах *сигиртя*, множ. число *сйртя'*).

⁵⁴ П. М. де Ламартиныер. Путешествие в Северные страны (1653). Зап. Моск. археол. инст., т. XV, 1912; Я. Г. ван Линсхотен. Нидерландская экспедиция к северным берегам России в 1594—1595 гг. Зап. по гидрогр., т. XXXIX, вып. 3, 1915, Пгр., и др.

у большинства ненцев жертвенным животным является олень, и т. д.

Более поздние раскопки в устье р. Полуй дали возможность открыть остатки культуры (так называемой Усть-Полуйской), относящейся к IV в. до н. э.—II в. н. э.⁵⁵ Характерной чертой этой культуры является двухкомпонентность. С одной стороны, в ней обнаруживаются черты, сближающие ее с древними и современными культурами северо-востока Азии (единообразие в конструкции собачьей упряжи, сходство уздечки для оленя-манщика с подобными уздечками у тунгусов и чукотской ездовой уздечкой, сходство в деталях конструкции жилища с некоторыми протоэскимосскими и т. д.), с другой — с южными районами (оружие скифо-сарматских форм, бронзовые котлы на поддонах, сюжет так называемого «свернувшегося зверя» и т. д.).

Образование Усть-Полуйской культуры В. Н. Чернецов связывает с приходом на север угорских групп.⁵⁶

На Европейском Севере Г. А. Черновым в последние годы были открыты и описаны остатки своеобразной культуры, относящейся к концу II—I тысячелетия до н. э.⁵⁷ Собранные им материалы и ряд других данных заставили ученых предположить, что первоначальное заселение Большеземельской тундры и низовий Печоры происходило в основном из Сибири по рекам, стекающим по обоим склонам Уральского хребта и соприкасающимся своими верховьями (рр. Щучья, Уса и др.), и что носители Большеземельской культуры по своему этническому происхождению были родственны «неолитическому» населению Северного Приобья.⁵⁸

Л. П. Лашук, основываясь, в частности, на данных археологического изучения Европейского Севера и рисуя картину этнической истории Припечорья, приходит к выводу, что прямым наследием саянских самоедов на Севере является только их язык и оленеводство.⁵⁹ Относительно этнической принадлежности древней «печеры», упоминающейся в источниках XI—XIV вв., Л. П. Лашук высказывает предположение, что они имели «определенное отношение к „спиртям“». Потомками «печеры» он счи-

⁵⁵ В. Н. Чернецов. Усть-Полуйское время в Приобье. В кн.: Древняя история Нижнего Приобья. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 35. М.—Л., 1953.

⁵⁶ Там же, стр. 241. Отметим, что сопоставление ненецкого слова *сиртя* (*сизиртя*) с термином *сагыр*, как это делает В. Н. Чернецов, нам кажется неубедительным. Нам неизвестно, чтобы ненцы знали термин *сагыр*.

⁵⁷ Г. А. Чернов. 1) Новые археологические находки в Большеземельской тундре. КСИИМК, XXXIX, 1951; 2) Хэйбидя-Педарское жертвенное место. Сов. археол., XXIII, 1955, и др.

⁵⁸ Л. П. Лашук. Очерки этнической истории Печорского края, стр. 27; см. также: А. Я. Брюсов. Очерки истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. М., 1952.

⁵⁹ Л. П. Лашук. Очерки этнической истории Печорского края, стр. 11—14, 57.

тает «пустозерскую самуюдь» XVI в., по образу жизни (главное занятие — охота) отличавшуюся от основной массы ненцев.⁶⁰

Сторонником саянского происхождения финно-угорских и самодийских народов является также видный исследователь древней истории венгров Э. Мольнар.⁶¹

Заметный вклад в дело разрешения проблемы этногенеза самодийских народностей сделали антропологи. В своей обстоятельной работе «Антропологическое исследование инородцев северо-западной Сибири» С. И. Руденко⁶² поддерживал теорию происхождения самодийских народностей Фишера—Кастрена. С. А. Шлугер, являясь также сторонником южного происхождения самодийцев, на основании собранных им материалов пришел к заключению, что «ненцы по своему расовому облику неоднородны и делятся на две большие самостоятельные группы, или на две различные расы: на лапаноидную расу, доминирующую у ненцев Архангельской области, и кетскую, преобладающую в Приполярье Омской области».⁶³

Таким образом, в результате объединенных усилий археологов, этнографов, лингвистов и антропологов картина перемещения на Север с Саян самоедоязычных племен, расселения их по северному побережью и ассимиляции аборигенного населения как будто достаточно ясна, и большинство авторов сходится в своих основных положениях. Однако к самодийским относятся четыре народности. Какими факторами было обусловлено выделение их в самостоятельные группы? Этот вопрос пока до конца не решен. Нганасаны, по мнению Б. О. Долгих, — палеоазиаты, близкие к предкам юкагиров, воспринявшие самодийский язык и культуру.⁶⁴ Однако имеется точка зрения, что юкагиры являются также народом южного происхождения,⁶⁵ и таким образом, вопрос об аборигенах Севера остается невыясненным.

Позволим себе кратко остановиться на работах сторонников противоположной точки зрения, высказанной впервые Страленбергом.⁶⁶ Из советских ученых эту теорию поддерживали, в частности, Д. В. Бубрих и А. П. Дульзон.

Д. В. Бубрих на основании лингвистических сопоставлений высказал следующие соображения: самоедский язык обнаруживает преимущественную близость к западным группировкам финно-угорских языков (лопарские, прибалтийско-финские, мордовские,

⁶⁰ Там же, стр. 64.

⁶¹ См.: Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. *Studia Hist. Acad. Sci. zum Hungarica*, 13, 1955, Budapest.

⁶² Зап. имп. Академии наук по физ.-мат. отд., т. XXXIII, № 3, 1914, стр. 110 и сл.

⁶³ С. А. Ш л у г е р. Антропологический тип ненцев (самоедов) в связи с вопросами этногенеза народов Севера. Дисс. М., 1940.

⁶⁴ Б. О. Д о л г и х. Происхождение нганасанов.

⁶⁵ Е. А. К р е й н о в и ч. Юкагирский язык. М.—Л., 1958, стр. 227.

⁶⁶ Мы не касаемся здесь работ, посвященных частным вопросам.

марийские), нежели к восточным (пермские и угорские). Особенно он близок к лопарской группировке. Финно-угры считаются выходцами с Волги (верхнее и среднее течение). «Прародиной» самоедов считают Саяны. Откуда же тогда языковое родство? По-видимому, теория саянского происхождения самоедских народов неверна: «Достоверные факты регистрируют передвижение групп самоедов не от Саян по Енисею и дальше на запад, а в обратном направлении».⁶⁷

Сторонником западного происхождения ненцев является также А. П. Дульзон, который на основании отсутствия в южных районах Западной Сибири географических названий, содержащих гидроним *яха* (река), утверждает, что «ненцы в этих областях Западной Сибири прежде никогда не проживали. Поэтому надо думать, что ненцы пришли в Сибирь с севера Восточной Европы»,⁶⁸ — и далее: «К востоку от бассейна притоков верховья Енисея южносамодийские гидронимы не встречаются, к западу же и северо-западу встречаются островками, вплоть до Средней Оби. Это заставляет думать, что к верховьям Енисея южносамодийские племена поднялись из района Средней Оби».⁶⁹

В последнее время в связи с распространением биогеографического метода и успехами археологии делаются попытки исследования ранних периодов формирования этнических общностей (IV—II тысячелетия до н. э.). Так, венгерский ученый П. Хайду пришел к выводу, что «общие предки угро-финнов и самоедов когда-то проживали — судя по названиям некоторых деревень — в лесной зоне к северу от южнороссийской степной полосы. . . , обнимая территорию, лежащую около верховьев Волги и окрестностей по рр. Вятке, Каме, Чусовой и Белой».⁷⁰ При этом предки самоедов занимали территорию несколько более восточную. Связь самоедов с финно-уграми оборвалась, по мнению П. Хайду, в IV—III тысячелетиях до н. э. вследствие того, что «преобладающее большинство самоедов окончательно переселилось в глубь Сибири». «Возможно, — далее замечает автор, — что некоторые роды, продвинувшиеся в восточном направлении между II столетием до н. э. и II столетием н. э. достигли западных склонов Алтая».⁷¹

⁶⁷ Д. В. Б у б р и х. К вопросу об отношениях между самодийскими и финно-угорскими языками. Изв. АН СССР, Отд. литер. и языка, т. VII, вып. 6, 1948, стр. 517. Нам непонятно, почему Л. П. Лашук, ссылаясь на эту же работу Д. В. Бубриха, причисляет его к сторонникам теории южного происхождения самоедов. См.: Л. П. Л а ш у к. Очерки этнической истории Печорского края, стр. 34.

⁶⁸ А. П. Д у л ь з о н. Дорусское население Западной Сибири. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, стр. 363.

⁶⁹ Там же, стр. 365.

⁷⁰ П. Х а й д у. К этногенезу венгерского народа. Acta Linguistica, t. II, 1953, Budapest.

⁷¹ Там же, стр. 266.

А. П. Окладников в работе «Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен)»⁷² также высказывает мысль, что Саянское нагорье — лишь этап в процессе формирования и локализации самодийских народностей.

Вопросами древней истории финно-угорских и самодийских народностей занимаются такие Д. Ласло, В. Н. Чернецов, П. А. Аристэ, И. Н. Шебештьен и др.

Отметим еще одну важную проблему, имеющую непосредственное отношение к раннему этногенезу самодийских народностей — вопрос о языке протосаамов. В настоящее время группой ученых считается почти доказанным, что древние предки современных саамов (протосаамы) говорили на самодийском языке. Это заключение сделано на основании данных антропологии, согласно которым саамы в расовом отношении не имеют ничего общего с финнами, и лингвистики, которая обращает внимание на этимологические связи самодийских языков с саамским. Исследователи, среди которых можно назвать К. Нильсена, Ю. Тойвонена, П. Хайду, И. Шебештьен, П. А. Аристэ,⁷³ считают, что протосаамы первоначально говорили на языке, близком к современным самодийским, и только позднее (в начале I тысячелетия до н. э.) в результате контакта с финно-угорскими племенами постепенно восприняли язык финско-поволжской группы. От прежнего языка в современных саамских диалектах сохранился определенный пласт, который, как показывают в своих работах названные исследователи, может быть сопоставлен с самодийскими языками.

Таково в настоящее время состояние вопроса происхождения народностей самодийской группы. Как мы видим, имеется еще много неясных и спорных моментов. Нам представляется необходимым проведение археологических раскопок на еще необследованных территориях (Канинский п-ов, Тиманская тундра, острова Колгуев, Вайгач, Гыданский и Тазовский п-ова, низовья Енисея).

Не ставя целью полностью разрешить проблему происхождения самодийских народностей, в частности ненцев, мы попытаемся лишь привести некоторые материалы в поддержку саянской теории их происхождения, не касаясь ранних периодов (до нашей эры) формирования этнических общностей на территории Прикамья и лесного Приуралья, а также проблемы самодийского языка протосаамов.

В результате раскопок, произведенных на территории современного расселения ненцев — на Европейском Севере А. Г. Чер-

⁷² Сов. археол., № 1, 1957.

⁷³ I. N. Toivonen. Zum Problem des Protolappischen. Helsinki, 1950; П. Хайду. К этногенезу венгерского народа; I. Sebestyen. Beiträge zum Problem der Protolappischen sprache. Acta Linguistica, t. III, f. 3—4, 1953, Budapest; П. А. Аристэ. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. Вопр. этнич. ист. эстонск. народа. Таллин, 1956.

новым, а на Ямальском В. Н. Чернецовым, были обнаружены следы проживания здесь в I тысячелетии до н. э.—IV в. н. э. какого-то полуоседлого населения, знавшего гончарство и интенсивно занимавшегося морской охотой (как известно, ненцы гончарства не знали и морская охота для них никогда не была основным занятием.) Эти находки свидетельствуют о сравнительно позднем приходе ненцев на побережье, который, видимо, следует датировать второй половиной I тысячелетия н. э., так как к XI в. уже относятся письменные памятники, говорящие о пребывании ненцев на территории Европейского Севера.

Представление о древнем аборигенном населении сохранилось у ненцев в виде широко бытующих рассказов (*ва'ал*) о *сихиртя* (в западных говорах *сйртя*) — низкорослом народе, живущем в пещерах и прячущемся от ненцев. *Сихиртя*, якобы, выходят из своих жилищ только ночью. Украшения, которые ненцы иногда находят на песчаных сопках, считаются принадлежащими *сихиртя*. С *сихиртя* связано некоторое количество топонимов на территории современного расселения ненцев: *Сиртя яа* («река сирти»), *Сиртя мя* («чум сирти»), *Сиртя седа* («сопка сирти») и т. д. Само слово *сихиртя* (*сйртя*) пока не поддается достаточно четкой этимологизации, хотя отдельные попытки делались. Возможно, оно является причастной формой от глагола *сиць* — «сделать дыру, отверстие» и связано с представлением о *сихиртя* как о людях, живущих в пещерах (*си* — «дыра», «отверстие»).

Этническую принадлежность *сихиртя* пока определить трудно. Следует согласиться с В. Н. Чернецовым, что термин *сихиртя* не имеет связи с определенной этнической группой, а означает какое-то древнее население, жившее в данном районе до прихода самодийских племен.

О сравнительно позднем выходе предков ненцев на север и ассимиляции ими какого-то аборигенного населения свидетельствует и лингвистический материал. В ненецком языке сохранились термины, относящиеся к породам деревьев, которые не встречаются на севере, имеются многочисленные термины для лесных зверей и в большинстве описательные — для морских и т. д. Термины для пород деревьев и лесных зверей зачастую уводят нас далеко на юг, на Саянское нагорье. Приведем примеры:⁷⁴

	Ненецкий язык	Селькупский язык (Е. Д. Прокофьева)	Койбальский язык (Г. Спасский)	Моторский язык
береза	<i>хо</i>	<i>кй</i>	<i>кую</i>	<i>ку</i>
кедр	<i>тыдэ</i>	<i>тытык</i>	(<i>саны</i>)	<i>тыдам</i>
сосна	<i>е</i>	<i>чё, чве</i>	<i>джё</i>	<i>тча</i>
белка	<i>таряв, таряа</i>	<i>тāпāк</i>	<i>тызып</i>	<i>дэран</i>
росомаха	<i>иңней</i>	<i>уңкынты</i>	<i>мугнэ</i>	<i>унгурте</i>

⁷⁴ Чтобы показать закономерность звуковых соответствий, приведем слово «земля» в тех же языках: ненецкий — *я*, селькупский — *чу*, койбальский — *джя*, моторский — *тча*.

В селькупском и южносамодийских языках нет терминов для морских животных. В ненецком языке некоторые из них носят описательный характер: *вэбарка* — «белуха» (досл. «листоподобная», от *вэба* — «лист», суфф. *-рка/-рха* — уподобительный); *тивтей* — «морж» (досл. «клыкастый», от *тибя* — «зуб», «клык»; вин. падеж множ. числа *тиве*).

Термин *няк* — «нерпа» заставляет обратить внимание на термин в эскимосском языке того же значения *нытсак*.

Характерно, что в южносамодийских языках нет слова «песец», а селькупы называют его *нуль лока* — «божья лисица». Отметим также, что белый медведь в ненецком языке носит название *сэр'варк* (досл. «белый медведь»), таким образом, основным является термин для бурого медведя (*варк*). Характерно, что некоторые ритуальные действия, сохранившиеся у ненцев, связаны именно с бурым медведем. В ненецком языке есть слово для ящерицы *танз* (койбальский — *танза*, моторский — *танже*), между тем они не водятся на основной территории расселения ненцев. Можно бы было значительно увеличить количество подобных примеров.

Начало продвижения самодийских племен на север было связано, видимо, с переселением народов в I—II вв. н. э., в результате которого племена, населявшие Южную Сибирь, пришли в движение и часть их двинулась на север. Среди последних были и самодийские племена. Движение их шло главным образом по Оби, частично, возможно, по территории междуречья Оби и Енисея и продолжалось до конца I тысячелетия н. э. В процессе продвижения на север самодийские племена сталкивались с другими племенами, населявшими бассейн р. Оби, и в первую очередь с угорскими племенами. В тундровой полосе они вступили в контакт с потомками носителей Печорской и Усть-Полуйской культур.

Первой волной самодийских племен, двинувшихся на север, были, по-видимому, племена, вошедшие впоследствии в состав энцев и нганасан (еще в XVII в. энцы были на р. Таз, откуда их затем вытеснили ненцы), второй волной, последовавшей в непосредственной близости, были племена, давшие основу для формирования ненцев. Последней волной были группы, вошедшие в состав селькупов, которые не дошли до северных территорий, уже занятых другими самодийскими народностями (в фольклоре селькупов ненцы в большинстве случаев выступают в качестве противников при военных столкновениях).⁷⁵ Предки селькупов подверглись на юге вторичному влиянию тюрок, которое не коснулось самодийских групп, ранее ушедших на север.

Имеются некоторые основания предположить, что первая волна предков современных ненцев распространилась в крайне западные

⁷⁵ Е. Д. Прокофьева. Селькупский фольклор. Архив ИЭ, ф. К-1, оп. 1, № 118.

районы (Канинская и Тиманская тундры и прилегающие районы лесотундры). В пользу этого предположения можно привести следующие материалы: в южносамодийских и селькупском языках отсутствует заднеязычное *н* (*ɲ*) в начале слова, оно отсутствует и в канинском говоре. Например:

	Ненецкий язык	Селькупский язык	Койбалский язык	Моторский язык
осень	<i>ɲэрё</i> (кан. <i>эрё</i>)	<i>ара</i>	<i>ирэ</i>	<i>урю</i>
рука	<i>ɲуда</i> (кан. <i>уда</i>)	<i>уты</i>	<i>ода</i>	<i>уда</i>
лодка	<i>ɲано</i> (кан. <i>ано</i>)	<i>анты</i>	<i>ане</i>	<i>ондой</i>

Нам думается, что появление *ɲ* в других говорах связано с влиянием языка аборигенов.⁷⁶

Мы уже упоминали об интересном названии притока р. Кулой — Сояна, который напоминает этноним Южной Сибири — соян. Интересно в этом плане, что антропологи обращают внимание на близость антропологического типа именно сойотов (соянов) и ненцев. Далее, вся культура канинских ненцев является более архаичной по сравнению с другими группами, несмотря на то что именно в этих районах имели место наиболее ранние связи с русским населением Севера. Так, можно отметить женскую одежду из шкур лесных зверей — белки, бобра и др., сохранившуюся в быту только в западных районах. Для указанной женской одежды характерно отсутствие орнамента из меха, что отличает также одежду другой более южной самодийской народности — селькупов. У канинских ненцев женские штаны не имеют пришитого нагрудника, так же как у селькупов и других более южных народностей. Канинских ненцев отличают и другие элементы материальной культуры: у них лов песка производился и производится с помощью кулем, а не пастей, как у других групп ненцев; у них бытуют женские и мужские шапки, отсутствующие даже в соседних районах расселения ненцев.⁷⁷

Культура ненцев в процессе освоения самодийскими племенами тундры и ассимиляции аборигенного населения сложилась из двух компонентов — северного и южного. К северным элементам, воспринятым от аборигенного населения, исследователи относят глухую одежду, способы охоты на морских животных, следы почитания нерпы у отдельных групп ненцев.⁷⁸ Упоминания о кожаных лодках и жилищах с остовом из китовых ребер встречаются как в описаниях путешественников XVII—XIX вв. (де Ламартиньер, Ф. Белявский), так и в современном фольклоре (записанная Г. Д. Вербовым загадка «Китовые ребра чумом поставлены»

⁷⁶ Стронниками вторичности *ɲ* в самодийских языках являются А. Саважо и П. Хайду.

⁷⁷ См. об этом подробно в последующих разделах.

⁷⁸ Г. Н. Прокофьев. Этногония народов Обь-Енисейского бассейна; В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал, и др.

с отгадкой *мя'* — «чум»). Эти элементы культуры находят аналогии у народов северо-востока Сибири.

Кто же были носители этой северной культуры? Как мы упоминали, ученые высказывают предположение, что на западе это были протосаамы, а на востоке — предки современных юкагиров. Однако имеется мнение, что и саамы (лопары), и юкагиры — тоже выходцы из более южных районов.⁷⁹ Если иметь в виду указанные предположения, то следует считать, что и протосаамы, и юкагиры заселили северные районы до прихода туда самодийских племен.

Некоторые факты свидетельствуют о том, что ненцы в своем распространении на запад (конец I тысячелетия н. э.) столкнулись с саамами. У ненцев существует название для саамов *чанохан* («лодка-сани», или «лодочные сани»). Известно, что саамов на территории расселения ненцев сейчас нет. Название одного из местечек на юге Большеземельской тундры — Сейда — напоминает о священных камнях саамов — сейдах. На Канинском п-ове в прошлом русские и коми иногда называли ненцев лопарями.⁸⁰ Возможно, от саамов ненцы заимствовали пастушескую собаку, которой саянские предки самодийских племен не знали. Наконец, в XIX в. мы имеем факт переселения с Канинского п-ова и прилегающей лесотундры групп коми и ненцев на Кольский п-ов, где потомки их проживают и сейчас.

Что касается аборигенов Азиатского Севера, то этот вопрос требует дальнейшего изучения.

К элементам культуры, принесенным с Саянского нагорья, можно отнести оленеводство, сильно видоизменившееся под влиянием новых условий (о давности оленеводства говорит, в частности, старинный календарь ненцев, где большинство названий месяцев связано с оленем, а одно из них *ты ниць* — «месяц отела» — свидетельствует, что этот олень домашний⁸¹), пережитки распашной одежды у мужчин, которая бытовала в виде домашней одежды на Ямале и в Тазовской тундре еще совсем недавно,⁸² женскую одежду из шкур лесных зверей.

Сложившаяся из двух компонентов культура всех тундровых ненцев тем не менее представляет собой, как увидит из последующего изложения читатель, единое целое как в области материаль-

---

⁷⁹ См., например: Е. Д. Прокофьева. Шаманские бубны. Историко-этнографический атлас народов Сибири. М.—Л., 1961; Г. К. Панкратов. Докерамические стоянки Карелии и вопрос о ее заселении. Скандинавский сборник, VII. Таллин, 1963; Е. А. Крейнов и ч. Юкагирский язык.

⁸⁰ Материалы экспедиции автора на п-ов Канин в 1958 г.

⁸¹ Домашний олень по-ненски *ты*, дикий — *илць*.

⁸² Материалы экспедиций автора к ямальским и тазовским пенцам; Г. Д. Вербов. Полевые записи. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 41. Представляет интерес также наличие на малице лесных ненцев шва спереди, что сейчас воспринимается как деталь покроя.

ного производства, так и в области идеологии. Отдельные различия у разных групп ненцев (касающиеся главным образом элементов материальной культуры) легко объясняются или влиянием аборигенов, которые к западу и востоку от Урала, видимо, были разными по этнической принадлежности, или более поздним влиянием соседних народностей (коми, хантов, эвенков). Попробуем подкрепить это положение рядом примеров.

Полное сходство у всех групп ненцев имеет способ ведения оленеводческого хозяйства (крупнотабунное, мясо-шкурного направления, с использованием пастушеской собаки), а также олений транспорт (устройство легковых и грузовых нарт, упряжь, ровдужные и суконные украшения для женских упряжек).⁸³

Одинаковой еще в XVIII—XIX вв. была верхняя одежда: у мужчин — малица без капюшона, у женщин — шуба из шкур лесных зверей с опушкой из собачьего меха. Вытеснение одежды этого типа малицей с капюшоном и женской шубой из оленьего меха, происходящее с конца XIX в. по настоящее время в западном направлении, — результат дальнейшего приспособления к суровым условиям Севера, а отчасти влияния хантов (в некоторых районах женскую одежду из оленьего меха ненцы называют *хаби паны* — «хантыйская одежда»). В настоящее время старинная ненецкая одежда сохранилась только на Канинском п-ове и о. Вайгач, но и сюда в последние годы проникает малица с капюшоном и оленья шуба (под русским названием «тулуп»). Имеющая широкое распространение женская летняя суконная одежда (нен. *ной паны*) одинакова у всех групп ненцев. Женские шапки, встречающиеся у канинских и малоземельских ненцев и отличающиеся от таковых у других групп, где распространены капоры, находят аналогию у саамов.⁸⁴ Все ненцы носят пимы (обувь из камусов), различающиеся по покрою на женские и мужские. Ровдужная обувь с поршневидной головкой (нен. *таңгад*), которая встречается только у восточных групп (надымские, тазовские, енисейские), видимо, заимствована у эвенков, возможно, через хантов.⁸⁵ Устройство чума, характерное для всех групп ненцев (два основных шеста имеют сквозные отверстия, через которые продевается ременная петля), имеет отклонение только у восточных групп (три основных шеста), что является результатом влияния эвенков. Из предметов домашнего обихода назовем чрезвычайно характерные для ненцев сумки *туця'* и *падко*, спитые из оленьего меха и ровдуги. Они совершенно сходны по покрою у всех групп ненцев. Названия элементов культуры, за исключе-

⁸³ Подробное описание материальной культуры ненцев см. в гл. 2—7 настоящей работы.

⁸⁴ Н. Ф. Прыткова. Головные уборы. Историко-этнографический атлас народов Сибири, стр. 329.

⁸⁵ Г. М. Василевич. Типы обуви народов Сибири. Сб. МАЭ, т. XXI. М.—Л., 1963.

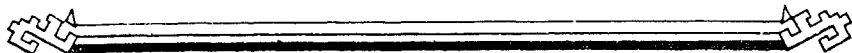
нием отдельных деталей, также совпадают. Известно, что все тундровые ненцы говорят на одном диалекте ненецкого языка, говоры которого лишь незначительно отличаются друг от друга. Сходство религиозных представлений и культа, а также брачных норм, терминологии родства и свадебного обряда дополняют картину.⁸⁶

Единство материальной и духовной культуры всех тундровых ненцев свидетельствует о том, что ненцы в процессе освоения северных территорий уже складывались в единую этническую общность и вышли на побережье океана компактной группой, расселившись сначала на запад, а затем на восток от р. Оби на значительной территории и принеся с собой все основные элементы быта и идеологии вместе с оленеводческой культурой.

В проблеме этногенеза ненцев и других самодийских народностей остается много нерешенных вопросов, однако факт прихода предков современных самодийских народностей, в том числе ненцев, в I тысячелетии н. э. с Саянского нагорья нам представляется бесспорным.

ЧАСТЬ I

ХОЗЯЙСТВО, КУЛЬТУРА И БЫТ НЕНЦЕВ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Глава I

НЕНЦЫ В СОСТАВЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Большое значение для ненцев сыграло включение заселенных ими территорий в состав Русского государства.

Первые письменные сведения о продвижении русских на Европейский Север относятся к XI—XII вв., однако, несомненно, это продвижение началось значительно раньше. Упомянутая выше летопись, содержащая сведения, полученные от новгородца Гюраты, указывает на то, что жители Печоры уже в конце XI—начале XII в. платили дань Новгороду. Можно предположить, что этот район начал осваиваться русскими на рубеже I и II тысячелетий.

Появление русского населения на Печоре было связано с развитием феодальных отношений в Древней Руси, предполагавших расширение территорий для взимания дани с местного населения и открытия новых торговых путей.

Север привлекал своими неизведанными богатствами. На страницах новгородских летописей встречаются рассказы об этих богатствах, приукрашенные фантастическими подробностями: «Спаде туча велика, и в той тучи спаде веверица (белка, — Л. Х.) млада, явы топерво рождена, и взрастити и расходится по земле, и паки бывает вторая туча, и спадають оленцы мали в ней, и возрастають, и расходятся по земли».¹

В свою очередь жители Севера были заинтересованы в изделиях из железа и меди, и это способствовало развитию торговых и обменных связей.

Поэтому освоение русским населением (сначала промышленным и военно-служилым, а затем крестьянским) Европейского

¹ Полное собрание русских летописей, т. III, СПб., 1843, стр. 133.

Севера проходило без особых конфликтов с местным населением, хотя отдельные столкновения и имели место. В XII—XV вв. дань с коренного населения Печоры уже поступала регулярно.²

В конце XV в. Новгород был покорен Московским государством. Для расширения и упрочения своей власти московское правительство послало в Зауралье через пермские и печорские земли три крупные военные экспедиции (1465, 1483 и 1499—1500 гг.).

Наиболее значительным был поход 1499—1500 гг. Отряд, включавший более 4 тыс. человек, под начальством князей Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Гаврилова двинулся двумя путями — Пинежским и Вымским волоками к Печоре. Поздней осенью войска перевалили «щелью» через Уральские горы и вступили в Югру. Рать дошла до остяцкого городка Ляпина, сделав, по расчету разрядной книги, 4650 верст на оленях и собаках.³ Впоследствии этот печорский «черезкаменный» путь служил дорогой, по которой в XVI—XVII вв. шло большое движение торговых и промышленных людей за Урал.

Во время похода 1499—1500 гг., видимо, был заложен г. Пустозерск,⁴ который затем долгое время был важным торговым центром и опорным пунктом при походах за Урал. Английский мореплаватель Д. Логан в 1611 г. сообщал о большом количестве ненцев, приехавших в Пустозерск со своими товарами.⁵ Позднее, во второй половине XVII в., наступил период постепенного упадка города. Основными причинами этого были сокращение завоза хлеба на Печору, участвовавшие нападения на жителей города со стороны большеземельских и приуральских ненцев, а также злоупотребления местных властей.⁶ Следует отметить, что XVI—XVII вв. характеризуются обострением отношений на Европейском Севере, так как интенсивное заселение его стало ущемлять интересы коренного населения. Так, в 1535 г. царем Иваном IV была пожалована грамота Канинским и Тиманским «самоядцам», подтверждавшая их права на владение промысловыми угодьями. Эта грамота была выдана в связи с челобитной ненцев Лески и Апицы, которые писали, что «рыбные ловли и звериные ухажан отнимают у них Печеряне и Пермьки за себя».⁷

Дальнейшее расширение сферы влияния Русского государства связано с деятельностью крупных сольвычегодских промышленников Строгановых. В 1545 г. они получили у царя Ивана IV

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 9.

³ П. Н. М и л ю к о в. Древнейшая разрядная книга. М., 1909, стр. 25.

⁴ С. В. Ба х р у ш и н. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928, стр. 9.

⁵ М. П. А л е к с е е в. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей (XIII—XVII вв.). Изд. 2. Иркутск, 1941, стр. 218.

⁶ Л. П. Л а ш у к. Очерки этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958, стр. 81.

⁷ Акты Археографической экспедиции, т. 1, стр. 182—184.

жалованную грамоту на обширную территорию по р. Ка́ме ниже Соликамска. На приобретенных землях Строгановы завели соляные и рыболовные промыслы и пашню. Они призывали на свои земли крестьян, которые попадали в феодальную зависимость. В дальнейшем земельные владения Строгановых расширялись на восток и на юг, и число крестьян в их владениях увеличивалось. Деятельность Строгановых нарушала интересы коренного населения Прикамья, что вызывало частые столкновения. Для упрочения своего положения Строгановы с разрешения правительства строили укрепленные городки, нанимая для их защиты «охочих людей».

Опираясь на гарнизоны своих городков, Строгановы стали распространять свои владения за Урал, чтобы расширить торговые сношения с сибирскими народами, у которых они выменивали пушнину. В 1574 г. Строгановы выхлопотали новую грамоту, разрешавшую им строить городки на Тоболе и дальше — на Иртыше, на Оби и «на других реках». В связи с этим пожалованием Строгановы стали обследовать пути в Сибирь.

Примерно в это же время поморские жители в поисках пушнины стали ходить все дальше на восток, за Урал. Они не только пользовались горными перевалами через Северный Урал, но ездили на неуклюжих и плохо сколоченных судах — кочах — через Югорский Шар и Карское море, пересекали волоком (по рр. Мутной и Зеленой) п-ов Ямал и попадали в Обскую губу. Уже в первой половине XVI в. они достигли бассейна р. Таз (правого притока Оби). В этой местности, которую они называли Мангазеей (по названию одного из племен живших там в это время энцев), они выменивали на разные товары ценнейшие шкурки соболя.

Важное значение в деле присоединения Сибири к Русскому государству сыграл поход Ермака. В 60-х годах XVI в. хан сибирских татар Кучум порвал вассальные отношения с Москвой. Для умирения Кучума в 1581 г. Строгановыми была снаряжена экспедиция казаков под начальством атамана Ермака Тимофеевича. Ермак со своим отрядом поднялся рекой Чусовой (приток Камы) к Уральским горам и, перезимовав на перевале, следующей весной перешел на р. Тагил, а с нее на Туру — приток Тобола. Не встречая нигде сильного сопротивления, Ермак проник в центр Сибирского ханства. После нескольких неудачных попыток остановить движение казаков Кучум дал им решительный бой под самой столицей ханства г. Кашалыком (Искер, в районе современного г. Тобольска). Разноплеменная и плохо вооруженная рать Кучума не выдержала силы огнестрельного оружия и разбежалась. Кучум бросил столицу и откочевал со своими людьми в Барабинскую степь.

Однако Строгановым было не под силу удержать Сибирь. Ермак обратился за помощью в Москву. «Новая Сибирская земля» была включена в состав Московского государства. На помощь казакам из Москвы было отправлено войско, но недостаток про-

довольствия и тяжелые условия привели к распространению цинги. Среди окрестного населения поднялось восстание. Ермак с небольшим отрядом попал в засаду и погиб в водах Иртыша (август 1584 г.). Русские войска вынуждены были оставить Кашалык. Таким образом, поход Ермака не привел непосредственно к прочному закреплению территории под властью Русского государства, но показал дорогу в Сибирь и подготовил падение татарского ханства.

Позднее из Москвы были отправлены новые войска для завоевания Сибири. Действуя более планомерно, русские закрепили главный путь из Руси в Сибирь постройкой г. Тюмени в 1586 г. К концу XVI в. относится и постройка таких опорных пунктов русского владычества, как Тобольск (1587), Березов (1593), Сургут (1594), Обдорск — ныне Салехард (1595) и др.

В 1600 г. московское правительство снарядило большую экспедицию в Мангазею. В 1601 г. в низовьях р. Таз был построен г. Мангазея,⁸ который в течение первой половины XVII в. был исходным пунктом движения на енисейские и ленские промыслы.

Вслед за чиновниками и сборщиками ясака в Сибирь шли купцы и промышленники, которые налаживали торговые связи с местным населением. Таким образом, в конце XVI—начале XVII в. территория, заселенная ненцами, была прочно закреплена под властью Московского государства.

Русские острожки и городки явились не только первыми административными пунктами, где правили назначенные правительством воеводы, но и первыми культурными центрами в глухих северных сибирских землях. Здесь ненцы знакомились с более высокой русской культурой, закрепляли с русскими людьми тесные обменные и торговые связи, помогали русскому трудовому населению в борьбе с суровой северной природой.

В быт и производство ненцев проникли новые орудия производства и предметы быта: огнестрельное оружие, сети, металлические изделия, ткани, посуда и т. д.

В результате торговых связей ненецкое хозяйство из натурального стало превращаться в товарное. Включение ненцев в состав Русского государства содействовало прекращению родовых междоусобиц.

Включив Западную Сибирь в состав Русского государства, царское правительство наложило на ненцев, как и на другие народности, ясак, размеры которого были различны в зависимости от районов (2—3 песца, 1 соболь или 15 белок с взрослого мужчины). Часть ненцев из труднодоступных районов (ямальские,

---

⁸ Г. Д. В е р б о в. О древней Мангазее и расселении некоторых самодских племен до XVII века. Изв. ВГО, т. 75, вып. 5, 1943.

пуровские) платила ясак «не по окладу», т. е. сдавала столько пушнины, сколько могла или хотела заплатить.

В XVIII в. натуральный ясак был заменен денежным. Для уплаты ясака ненцы часто вынуждены были прибегать к займам у богатых сородичей или коми.

Сопротивление ненцев колониальной политике царского правительства, в частности обложению их ясаком, выражалось в XVII в. в «погромах» ясачной казны, когда ее везли из Сибири через Урал, в нападениях на русские остроги и т. д. Один только Пустозерский острог на протяжении 100 лет (XVI—XVII вв.) подвергался нападениям шесть раз. Одно из крупных восстаний в Западной Сибири вспыхнуло в 1662 г. Против местных властей выступили пустозерские, обдорские, мангазейские ненцы.⁹

Разработанный комиссией Сперанского в начале XIX в. «Устав об управлении инородцев в Сибири» (1822 г.) распространялся и на ненцев, отнесенных к инородцам третьего разряда — «бродячим». Специальные разделы «Устава» (ч. I, гл. 6 — «Права бродячих инородцев», «Об инородцах Архангельской губернии, именуемых самоедами») обещали ненцам владение землями, внутреннее самоуправление на основе обычного права и т. д. Большинство этих пунктов, однако, практически не было осуществлено.¹⁰

Учреждение новых органов управления — инородческих управ и института старшин — способствовало дальнейшему ухудшению положения ненцев. Старшинами являлись обычно зажиточные ненцы, и присвоение им права сбора ясака, некоторых судебных функций и т. д. усугубляло эксплуатацию трудовых ненецких масс, укрепляло имущественное неравенство.

Ухудшению положения ненцев способствовала и деятельность православной церкви, которая на Европейском Севере в XVI, а в Западной Сибири в первой четверти XIX в. начала насаждение среди них христианства.

Беззастенчивая эксплуатация со стороны купцов, скупавших за бесценок шкурки песцов, лисиц, горностаев, кабальные отношения, в результате которых ненцам приходилось выплачивать долги отцов и дедов, эксплуатация со стороны богатых сородичей, экспроприация пастбищ и рыболовных угодий у бедняцкой части населения — все это вызывало массовое разорение и обнищание основной части ненцев.

Результатом явились организованные выступления как против местной царской администрации, так и против собственной эксплуататорской верхушки. Самым выдающимся из таких вы-

---

⁹ М. Е. Б у д а р и н. Прошлое и настоящее народов северо-западной Сибири. Омск, 1952, стр. 69—70.

¹⁰ См., например: М. А. К а с т р е н. Русские самоеды. Современник, № 10, 1846; А. И. Я к о б и й. Угасание инородческих племен Севера. СПб., 1893.

ступлений было восстание обдорских и тазовских ненцев под руководством ненца Вавлѣ Ненянга (Ваули Пиеттомина).¹¹

Первый этап борьбы, которую возглавил Ваули Ненянг, продолжался с 1825 по 1839 г. Бедняки, объединившиеся вокруг Ваули, люди, «не имеющие дневного пропитания», как их характеризуют документы царского суда, сначала в Тазовской, затем в Приуральской тундре отбирали оленей у богачей и раздавали их неимущим ненцам и хантам.

В 1839 г. Ваули обманным путем был схвачен и доставлен в Обдорск. Березовский окружной суд приговорил Ваули и его дружинника Магири к наказанию плетьюми и году каторжных работ. Однако Тобольский губернский суд смягчил наказание, вынужденный признать, что Ваули Пиеттомин отнимал у богачей часть награбленного ими для того, чтобы «бедным самоседам не лишиться жизни»,¹² и заменил каторгу ссылкой. В том же году Ненянг бежал из ссылки. Весь 1840 год Ваули продолжал борьбу с богатыми оленеводами, отбирая у них оленей и передавая их бедноте. Он задумал изгнать из Обдорска царского ставленника на Обском Севере князя Тайшина, ненавидимого всей ненецкой и хантыйской беднотой. Собрав вокруг себя 400 чумов, он решил идти на Обдорск. Цель похода состояла в том, чтобы «цены на казенную муку и русские товары понизить, а на рухлядь — (т. е. меха, — Л. Х.) возвысить, принудить князя Тайшина выдать из казенных магазинов муку».¹³ Съехавшиеся на ярмарку ненцы и ханты с сочувствием восприняли весть о приближении Непянга.

Тогда исправник князя Тайшина, старшины и другие на специальном совете решили использовать провокатора, старинного знакомого Ваули, для того, чтобы заманить его в город. План удался: Ваули был захвачен в доме князя Тайшина с ближайшими соратниками. На суде повстанцы держались смело и твердо и не сообщили о других участниках восстания.

По указанию генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова военный суд приговорил арестованных к каторжным работам. Ваули Пиеттомин был отправлен в Восточную Сибирь, и дальнейшая судьба его неизвестна.

Популярность в народе Ваули была очень велика. И после его ареста движение продолжалось. Оставшиеся на воле единомышленники Ваули — ненцы Пани, Няруй, Оме, Хоруме — вновь создали повстанческий отряд, отстаивавший интересы бедноты. Только в 1856 г. Пани Ходин, возглавлявший отряд,

¹¹ Подробное изложение хода восстания Ваули Ненянга см. в работе М. Е. Бударина «Прошлое и настоящее народов северо-западной Сибири». См. также: Ваули Пиеттомин. Сборник, Омск, 1940.

¹² М. Е. Б у д а р и н. Прошлое и настоящее народов северо-западной Сибири, стр. 97.

¹³ Там же, стр. 98.

и 11 его товарищей были схвачены и с перебитыми суставами рук отправлены в острог. Особое рвение и жестокость при поимке восставших проявляли ненецкие старшины, награжденные за это царским правительством серебряными медалями и деньгами.

Восстание под руководством Ваули Ненянга было самым значительным проявлением национально-освободительного движения на Крайнем Севере. Оно было вызвано тяжелым положением народных масс, испытывавших двойной гнет: со стороны царского самодержавия и собственной эксплуататорской верхушки.

Хозяйственный и культурный уровень ненцев накануне Великой Октябрьской социалистической революции был крайне низок. Эксплуатация со стороны царской администрации, богатых сородичей и вторгавшихся в ненецкие тундры кулаков коми-ижемцев, частые эпизоотии при полном отсутствии ветеринарной помощи — все это разоряло оленеводческое хозяйство основной массы ненцев. В тундру в XIX—начале XX в. проникали торговцы, которые, пользуясь доверчивостью и отсталостью ненцев, старались нажиться на коммерческих операциях. Завозившаяся ими водка в большой степени способствовала разорению тундрового населения. На Обском Севере небольшая кучка крупных купцов и промышленников захватила лучшие рыбопромысловые угодья, используя на них труд сотен обездоленных ненцев и хантов.

Крайне низок был культурный уровень ненецкого населения. Как и другие народности Севера, ненцы не имели своей письменности. Церковно-приходские школы, организованные в ряде пунктов, не давали необходимых знаний. Это и понятно: учителя не знали языка местного населения, а учащиеся — русского. Приходские школы находились обычно в плохих помещениях, учебный год продолжался 3—4 месяца. О том, каковы были учителя и результаты обучения, свидетельствует хотя бы сообщение священника В. Невского архангельскому архиерею о том, что учителя — псаломщики в колвинской школе, которую посещали дети ненцев, «будучи малопросвещенными, неподготовленными и, кроме того, алкоголиками, обучение в школе вели так слабо, что ученики, проучившись в школе пять или более лет, едва могли подписывать свое имя и фамилию, а о русской речи имели лишь смутное представление».¹⁴ Но и получившие такое «образование» ненцы насчитывались единицами, большинство же было совершенно неграмотно.

Медицинское обслуживание кочевого населения отсутствовало. При заболеваниях ненцы обращались к шаманам. В результате смертность от различных болезней среди ненцев, особенно среди

¹⁴ Л. Г. Базанов и Н. Г. Казанский. Школа на Крайнем Севере. Л., 1939, стр. 35.

детей, достигала больших размеров. «Отсутствие заботливости вызывает ужасную смертность между детьми. . . Врачей и лекарств тундра не видела», — писал В. И. Немирович-Данченко.¹⁵ «Они (дети, — Л. Х.) у юраков весьма часто умирают, не достигнув года или двух», — читаем мы у другого автора по поводу восточных ненцев.¹⁶

Передовые русские люди, посещавшие районы, заселенные ненцами (главным образом ученые), всеми мерами старались помочь коренному населению. В своих трудах они описывали бедственное положение ненцев, предлагали различные меры по улучшению их жизни.

Однако в условиях царской России сколько-нибудь значительные преобразования на Севере были невозможны, и ненцы продолжали оставаться экономически и культурно отсталыми.

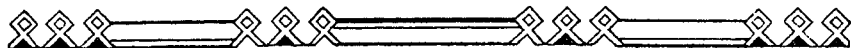

---

¹⁵ Мезенская тундра. Живописная Россия, т. I, ч. 1, 1881, стр. 89.

¹⁶ Н. А. К о с т р о в. Юраки. Зап. Сиб. отд. РГО. кн. IV, 1857, стр. 28; см. также: К. А. Б е л л о в с к и й. Женщина инородцев Сибири. СПб., 1894, стр. 74.

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Оленеводство. Хозяйство ненцев издавна было комплексным (олeneводство, рыболовство, охота). Ведущей отраслью, однако, в XIX и начале XX в. являлось оленеводство.

Оленеводство, зафиксированное путешественниками и исследователями у ненцев во второй половине XVIII, XIX и в начале XX в., имело следующие характерные черты.

1. Оно было крупнотабунным; средний размер стада определялся в 200—300 голов, хотя уже во второй половине XVIII в. имелись значительные колебания в размерах стад от 10—20 до 2—3 тыс. голов, что свидетельствовало о наличии значительного имущественного неравенства.

2. При выпасе оленей использовалась пастушеская оленегонная собака.

3. При использовании в транспортных целях оленей запрягали в нарты. Окарауливание оленьих стад также производилось на оленьих упряжках.

4. Ненцы не знали доения важенок, а также не применяли загонov и дымокуров (за исключением лесных ненцев).

Значение оленеводства было очень велико: помимо использования оленя в качестве транспортного животного, совершенно незаменимого в условиях тундры, ненцы получали от оленей пищу (мясо, сало, кровь, костный мозг), одежду и жилище, для которых использовались шкуры оленей. Из шкур оленей выделывали также ровдугу (замшу). Сбрасываемые ежегодно оленьи рога (антлеры) употребляли для варки клея и для изготовления костяных частей упряжи, рукояток ножей и пр. Спинные и ножные сухожилия шли на сучение прочных ниток для шитья, подшейный волос служил для прокладывания швов при пошиве одежды.

Материалы, касающиеся более ранних периодов, крайне немногочисленные, свидетельствуют о том, что, видимо, до середины XVIII в. оленеводство у ненцев имело в основном транспортное значение и не было ведущей отраслью хозяйства. Наличие на Севере больших стад диких оленей делало излишним содержание сколько-нибудь значительных стад домашних оленей. Необходимые мясо и шкуры в изобилии давала охота.

Так, в сказании «О человецах неизвестных в восточной стране» упоминается лишь о транспортном значении оленеводства.¹ Плано Карпини сообщает о «самогедах»: «А эти люди, как говорят, живут только охотами».² О том же свидетельствует сообщение К. де Бруина: «Не меньшую пользу (чем от диких оленей, от которых получали шкуры для одежды и мясо для еды, — J. X.) извлекают они от прирученных оленей, продавая часть их, а другую употребляя для возки своих саней в зимнее время».³

Е. И. Колычева в статье «Ненцы Европейской России в конце XVII—начале XVIII в.» приводит материалы, показывающие, что число домашних оленей в XVII в. в европейских тундрах было значительно меньше, чем нам известно по материалам XVIII в.: «Для XVII в. наибольшая известная нам численность оленьего стада — 100 голов. Владелец стада в 40 голов считал себя „сильным“».⁴

В связи с чем произошло увеличение размеров стад на протяжении XVIII в.? Видимо, какую-то роль играло постепенное истребление сначала в европейских, а затем в азиатских тундрах стад диких оленей. Кроме того, оленеводство стало приобретать значение как средство для расширения пушной охоты, и богатые оленеводы стали заботиться о росте своих стад.

Еще в конце XVIII в. в некоторых районах у ненцев на первом месте продолжают оставаться охота и рыболовство.⁵ Однако в тундрах появляются оленеводы — обладатели огромных стад до 2—3 тыс. голов.⁶ Начиная с XIX в. основной отраслью хозяйства у подавляющего большинства ненцев становится оленеводство.

Вопрос происхождения ненецкого оленеводства и давности его бытования интересовал многих исследователей. Если отбро-

¹ См. стр. 5 настоящей работы.

² М. П. Алексеев. Сибирь. . . , стр. 8.

³ Путешествие через Московию. Чтения в имп. Общ. истории и древностей российских, кн. 1, 1872, стр. 16.

⁴ Сов. этногр., № 2, 1956, стр. 79. Источники по этому вопросу: Дополнения к актам историческим, т. V, № 68, стр. 375; ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. III, стр. 386.

⁵ См.: В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. М.—Л., 1947, стр. 35; Георгии. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III. СПб., 1799, стр. 7.

⁶ В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 32, 35; И. Ленехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. IV. СПб., 1805.

считать явно несостоятельное предположение Кай Доннера относительно заимствования самоедского оленеводства у зырян, то предположения большинства авторов сводятся к тому, что оленеводство было принесено на север самоедоязычным населением с Саянского нагорья.⁷

Как известно, современные жители Саянского нагорья, тувинцы (тоджинцы), имеют вьючно-верховое оленеводство без применения пастушеской собаки.⁸ Оленеводство современных ненцев, как указывалось, крупнотабунное, санное, с применением пастушеской собаки. Такое значительное отличие южносибирского и северного оленеводства не может не обратить на себя внимание. Сведений о том, что прежде на Саянах было упряжное оленеводство, не имеется. Следовательно, остается предположить, что на пути с юга на север самоедоязычные племена значительно видоизменили оленеводство под влиянием каких-то причин. Причину увеличения стад оленей в более позднее время мы пытались объяснить. Появление пастушеской собаки можно объяснять новыми условиями, в первую очередь увеличением стад. Интересно, что даже у И. Лепехина и В. Зуева нет упоминания о пастушеской собаке у ненцев. Возможно, это явление в значительной мере позднее.⁹

Переход от вьючно-верхового оленеводства к санному, по нашему мнению, находится в тесной связи с изменением породы оленя. У саянских предков ненцев (как и у современных жителей Саян) бытовал олень крупной таежной породы, годный для верховой езды. Ненецкие тундровые олени мелкие, и езда на них верхом невозможна. Таким образом, в период передвижения самоедоязычных племен на север произошло, очевидно, измельчение передвигавшегося с ними домашнего оленя. О возможности этого говорят специалисты: «Как рост животных, так и нагул происходит только на летних пастбищах; чем продолжительнее вегетативный период. ., тем крупнее животные и выше прирост взрослых особей в результате летнего нагула. Это заставляет нас предполагать, что метизация с целью укрупнения мелких животных северных широт цели не достигнет, так как крупное животное юга, не находя достаточного количества корма на севере, неизбежно начнет мельчать. Косвенным доказательством этого служит все уменьшающаяся крупность животных по мере пере-

---

⁷ Наиболее подробно эта точка зрения изложена в статье Г. М. Василевич и М. Г. Левина «Типы оленеводства и их происхождение» (Сов. этногр., № 1, 1951, стр. 78 и сл.).

⁸ Доеение важенок перенесено в оленеводство оленеводами-тоджинцами из коневодческой культуры (Е. Д. Прокофьев а. Материалы по этнографии тувинцев. Архив ИЭ, ф. К-1, оп. 1, № 564).

⁹ Из соседей ненцев пастушеские собаки имеются у саамов. Не исключена возможность сначала заимствования пастушеского собаководства западными ненцами, а затем распространения его на восток.

хода в районы более северных широт с уменьшающейся продолжительностью вегетационного периода».¹⁰

Интересны в этом плане и такие материалы. В колхозе им. И. П. Вучейского (Ненецкий национальный округ) стада были разделены на две группы. Пастбищные условия обеих групп различные: пастбища северной группы богаты лишайниками, но имеют плохой травостой, пастбища южной группы бедны лишайниками, но имеют богатый и разнообразный травостой. Особенности пастбищ отразились на продуктивности и качестве оленей обеих групп. Олени северной группы оказались мельче, их упитанность к забою хуже, а поэтому и убойный вес ниже, чем у оленей южной группы. Так, в 1956 г. северная группа имела убойный вес телят 22.9 кг, а южная — 27.2 кг.¹¹

Измельчание оленя сделало невозможным верховое оленеводство и вызывало необходимость упряжного.¹²

Олени круглый год содержались на подножном корму. Пищей оленям зимой служил мох — ягель (*нядэй*), выкапываемый из-под снега; поздней весной, летом и осенью к этому добавлялись трава (*ууж*'), листья кустарников (*эзба*') и грибы (*тудакон*').¹³

В течение года оленеводы со стадами совершали сезонные перекочевки: весной (примерно с марта) — к северу, нередко до самого берега моря, где олени меньше страдают от комаров и мошки, осенью (с августа) — обратно к югу, к границе лесов, где олени, укрытые от холодных зимних ветров, без особого труда добывают себе корм из-под рыхлого снега.

Отдельные группы ненцев в конце XVIII, XIX и начале XX в. имели обычно определенные маршруты перекочевок, преодолевая при этом часто весьма значительные расстояния.

Канинские ненцы зиму обычно проводили в мезенских лесах, небольшая часть их — близ русских поселений на рр. Вижасе, Оме и Пеше, тиманские, малоземельские и часть большеземельских — преимущественно в печорских лесах. Другая часть большеземельских ненцев с наступлением холодов переходила за Урал,

---

¹⁰ Ф. В. В а ш к е в и ч. Изучение пастбищ оленей на Тобольском севере. Сб. по оленеводству, тундровой ветеринарии и зоотехнике, М., 1932, стр. 96; см. также: Северное оленеводство. Сб. под ред. П. С. Жигунова, М., 1961, стр. 83.

¹¹ Н. Д. Т е р е н т ь е в. Тундровый колхоз на подъеме. Архангельск, 1957, стр. 14—15.

¹² Вероятность приручения уже на севере мелкой породы дикого оленя исключена, так как многочисленные попытки свидетельствуют о невозможности этого.

¹³ Подкормка оленей в кочевых хозяйствах в прошлом не производилась. Иногда выращивали в чумах телят, лишившихся матери и привыкших с раннего возраста лакомиться хлебом из рук человека, — *чавка*.

в район р. Полуй.¹⁴ Летом оленеводы выводили свои стада на берег моря — на п-ов Канин, на Тиманский кряж и в другие районы. Небольшая часть оленеводов Большеземельской тундры летом выпасала оленей на о. Вайгач: весной оленей перегоняли по льду, а летом (в августе) переправляли на материк через пролив Югорский Шар вплавь.

Ненцы Ямала лето проводили в северной и средней части Ямальского п-ова, на зиму откочевывали в пределы лесов до р. Нандым. Приуральские ненцы летом кочевали в пределах северной части Урала и хр. Пай-Хой, выходя к Карскому морю, зиму же проводили в районе р. Полуй и г. Обдорска. Обе группы, отходя на зиму в леса, примерно в сентябре переходили по льду р. Обь. Группа тазовских ненцев (так называемых низовских) проводила лето на Тазовском п-ове. С наступлением холодов она откочевывала также в сторону Обдорска, иногда г. Сургута.¹⁵ Часть ненцев, проводивших зиму в бассейне р. Таз, на лето откочевывала за много сотен километров на берег Енисейского залива к р. Гольчихе¹⁶ или в северную часть Гыданского п-ова к побережью Карского моря.¹⁷

Кочевать начинали обычно небольшими переходами по 10—15 км в день. Чем крупнее у хозяина стадо оленей, тем непродолжительнее бывали стоянки на одном месте в связи с потребностью в новых пастбищах.

Кочевья ямальских и большеземельских ненцев достигали значительной протяженности — от 500 до 800 км (в некоторых местах до 1000 км). На преодоление этого расстояния требовалось от 15 до 25 переходов, а включая более длительные остановки, чем на ночь, простои при метелях и буранах и время, необходимое весной для отела важенков и т. д., — до двух месяцев.¹⁸

В результате таких перемещений в зимнее время в северных районах оставались только небольшие группы населения, главным образом занимающиеся охотой, все оленеводы откочевывали на юг, к лесам.

Олени стада основную часть времени находились под наблюдением оленеводов-пастухов, которые на легковых упряжках объезжали стадо, следя, чтобы олени не отставали, и перегоняли его по мере необходимости на новые пастбища. В задачу пастухов

¹⁴ Е. И. Колычева. Ненцы Европейской России в конце XVII—начале XVIII в.; Г. В. Горбачки й. Тундровая полоса Северного края. Архангельск, 1933, стр. 35, и др.

¹⁵ Б. М. Житков. Полуостров Ямал. СПб., 1913, стр. 203, 206—209; С. И. Руденко. Инородцы Нижней Оби. Тр. Общ. землеведения при СПб. унив., т. III, 1909—1913.

¹⁶ В. Тобольков. К верховьям исчезнувшей реки. 1930, стр. 16.

¹⁷ Там же, стр. 22.

¹⁸ В. П. Евландов. В тундрах Ямала. Свердловск, 1930, стр. 26; Ю. И. Кушелевский. Северный полюс и земля Ямал. СПб., 1868, стр. 115.

входила также охрана стада от волков, которые часто нападали на оленей, особенно осенью, в темные ночи. Об окарауливании стад упоминает еще В. Ф. Зуев: в стаде «завсегда бывает пастух, надзирая, чтобы который олень куда-нибудь не утратился».¹⁹

Основным орудием труда оленевода был аркан (*тынзя*'), длинная веревка (до 5 м), сплетенная из кожи оленя или морского зайца. Петля затягивалась с помощью костяного блока с двумя

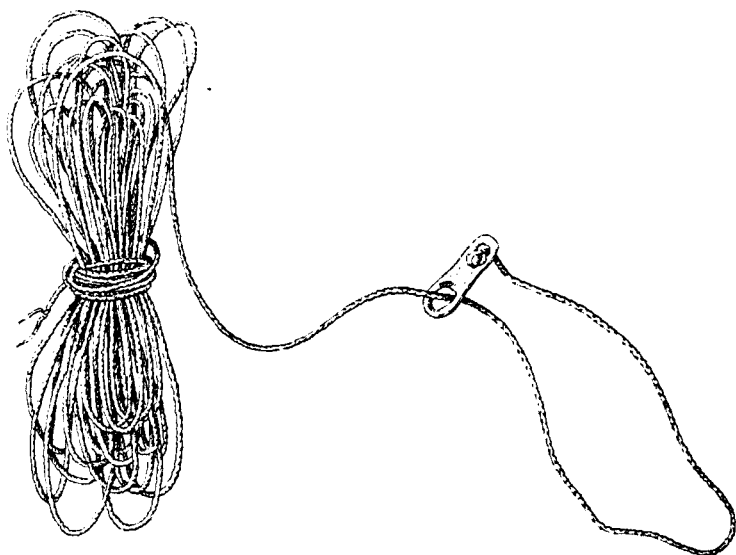

Рис. 1. Аркан для ловли оленей.

отверстиями, в одном из которых закреплялся конец аркана в другом — свободно проходила петля (рис. 1).

Оленеводы среднего достатка выпасали оленей сами, объединяя на лето несколько стад, чтобы легче было охранять оленей в беспокойное комарное время. Богатые оленеводы обычно занимали пастухов из числа бедных сородичей. Совсем бедные ненцы, имевшие 10—20 оленей и занимавшиеся в основном рыболовством и охотой, сдавали за определенную плату своих оленей на выпас оленеводам с большим достатком.

В XIX—XX вв. большую роль при окарауливании оленей играла оленегонная лайка. Хорошей собакой хозяева очень дорожили. Собак приучали загонять в стадо отбившихся оленей, повинаясь крику и жесту хозяина, помогать пастуху перегонять стадо в нужном направлении, стогнать оленей в кучу и т. д.

¹⁹ В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 86.

Большое стадо (свыше 1 тыс. голов) охранялось обычно двумя пастухами и несколькими собаками. Опытные пастухи прекрасно знали оленей своего стада.²⁰ Облегчало задачи пастуха чувство стадности, присущее домашним оленям. В спокойной обстановке олени обычно дружно держатся вместе, и следить за ними не составляет большого труда. Зимой для проверки целостности стада пастуху достаточно было объехать территорию, на которой пасется стадо: если из круга, который объехал пастух, нет выходящих следов, значит все стадо в сборе.

Легче охранять крупное стадо, так как в этом случае чувство стадности действует сильнее. Именно поэтому малооленные оленеводы (часто родственники) объединяли свои стада для совместного выпаса. Однако слишком большое стадо (свыше 1 тыс. голов) также было неудобно для выпаса в связи с необходимостью значительной площади, пригодной для пастбищ.

Стадо оленей (размер его, как упоминалось, зависел от достатков хозяина и уже в конце XVIII в. колебался от нескольких десятков до нескольких тысяч) состояло из племенных самцов (*хора*), кастрированных ездовых быков (*хабт*), важенок (*яхадей*) и телят разных возрастов (новорожденный теленок *сую*, годовалый — *нялуку*, двухгодовалый — *намна*).

Кастрированные олени и яловые важенки (*хабтарка*) составляли ездовую часть стада, остальные олени — племенную.

Соотношение в стадах оленей-самцов, важенок и телят зависело от разных причин, однако обычно наибольшее количество в стаде было важенок, наименьшее — самцов-производителей. На Ямале, например, держали 6—7 самцов на каждую сотню важенок, т. е. в среднем на 1 самца 15 важенок. Состав легко изменялся в результате падежей оленей во время эпидемий, потерь телят при отеле от метелей и буранов и т. д.

Началом годового цикла оленеводства можно считать осень, когда происходила случка оленей (вторая половина сентября — начало октября). В прошлом случка никак не регулировалась оленеводами: к важенкам пускались все хоры, которые имелись у данного хозяина, никакого отбора обычно не производилось.

Периоду случки предшествовала кастрация части оленей, которая производилась в последних числах августа и в начале сентября. Кастрировали, как правило, самцов 3.5 лет, которые к этому возрасту, по мнению многих оленеводов, становятся буйными и дают много случаев неоплодотворения. Кастрировали исключительно опытные мужчины. Молодые оленеводы присут-

---

²⁰ Знание ненцами оленей «в лицо» всегда удивляло наблюдателей. Для неопытного человека все олени кажутся настолько похожими друг на друга, что как-то отличать их невозможно. Однако это, конечно, не так. «Узнавание» оленей приобреталось опытом.

ствовали при операции и перенимали опыт. У ненцев встречались как закрытые, так и открытые способы кастрации.²¹

Зиму оленеводы проводили в лесотундре или лесах, совершая лишь незначительные перекочевки и занимаясь охотой и заготовкой древесины для хозяйственных нужд, а весной, обычно по еще нестаявшему снегу, начиналось движение на север.

Весна — время отела, наиболее ответственный период в жизни оленеводов, когда по существу решается вопрос о росте стада и благополучии хозяйства. Важенки телятся обычно на третьем году жизни и сохраняют плодовитость лет до 15—20.

Отел проходит с середины апреля до середины или конца мая, с небольшими отклонениями по районам. Ранние отелы, как и поздние, нежелательны. В первом случае телята, как правило, гибнут от холодов и буранов, во втором — не успевают хорошо развиться к зиме, вследствие чего рискуют погибнуть в суровые зимы.

На период отела часто стада разделяли: отделяли самцов от важенок и прошлогодних телят. Оленеводы выбирали места, защищенные от ветра, с невысоким снежным покровом, часто по берегам рек. В хорошую погоду отел проходил спокойно, почти не принося потерь. Однако хорошая погода в апреле—мае бывает не очень часто. Сильные ветры со снегопадами и морозы, наступавшие часто в период отела, наносили огромный урон стаду, принося гибель многим новорожденным телятам.

Летний период выпаса оленей также характеризовался известными трудностями. Основная из них — наличие оводов, комаров и мошкар, которые в изобилии появляются в жаркое время даже в северных районах тундры. При большом количестве комаров и мошек, набивающихся в ноздри, глаза и уши оленя, животное не находит себе места от боли, лишается аппетита и бежит по тундре, ища прохладных и ветреных мест, чтобы спастись от этих врагов.

Оленеводам приходилось следить за тем, чтобы олени, спасаясь от оводов или мошек, не бежали против ветра, что приносит некоторое облегчение: стараясь избавиться от своих мучителей, олени могут убежать далеко в тундру. В таких случаях пастух с помощью собак старался повернуть стадо так, чтобы оно двигалось по кругу. Наиболее благоприятным местом для летних кочевков является морское побережье или горные кряжи, где олени могут спокойно пастись.

Помимо того беспокойства, которое оводы причиняют оленю, значительный вред приносят личинки кожного овода, которые самки оводов откладывают на различные участки тела оленя (главным образом круп, среднюю часть спины, бедра и бока). Средняя плодовитость самки кожного овода 600—700 яиц. Яйца отклады-

---

²¹ См.: П. К о р о л е в. Оленеводство на Ямале. Сб. по оленеводству, тундровой ветеринарии и зоотехнике, стр. 121 и сл.

ваются на волосистой покров, но затем вышедшие из яйца личинки внедряются в кожу, концентрируясь в области крупа животного. Образующиеся в результате этого на коже оленя свищи (обычно в конце сентября—октября) в значительной степени портят шкуру.

В прошлом почти никаких средств борьбы с гнусом не было. Иногда личинки оводов выдавливали из кожи оленя. Делали это обычно весной, незадолго до выпадения личинок из капсул, примерно во второй декаде мая. Оленя валили на землю, связывали, а затем удаляли личинки сначала с одного бока, затем с другого.

Другим способом производилось уничтожение оводов с помощью приманочных шкур. Белые шкуры раскладывали возле стада и сающихся на них оводов убивали дощечками или руками. Этот способ основан на замеченных оленеводами зрительных реакциях самок овода, летящих ко всяким предметам, резко выделяющимся на общем фоне. Оба способа крайне трудоемки, поэтому пользовались ими обычно лишь в случаях, когда стадо находилось возле чума и в уничтожении оводов или их личинок могли принимать участие женщины и дети.

На летний период приходится также линька оленей, которая начинается весной (в конце мая) и кончается осенью (в августе), продолжаясь $2\frac{1}{2}$ —3 месяца. Раньше линяют здоровые, упитанные олени. Олени истощенные начинают линьку позднее и заканчивают иногда лишь при снежном покрове.

Сбор шерсти ненцами практиковался сравнительно редко. Объяснялось это неумением использовать ее и трудностью сбора в связи с кочевым образом жизни и растянутостью сроков линьки.

Забой оленей на мясо и шкуры происходил понемногу в течение всего года. В местностях, где имелись дикие олени, ненцы избегали забивать домашних. На осенний период приходился наиболее интенсивный забой, после которого стадо сокращалось обычно процентов на 25.

Забивались прежде всего подросшие телята, старые и больные ездовые олени и бесплодные самки.

Олени издавна находились в собственности отдельных семей или отдельных членов семьи; сведений о том, что они некогда являлись собственностью рода, не сохранилось.

Чтобы иметь возможность различать оленей, оленеводы имели особые клейма — тамги (*нидте'мя*), которые вырезали ножом на шерсти оленя на боку или на плече, реже на верхней части задней ноги. После линьки оленей тамги возобновляли. Тамга на шерсти хорошо видна издали, но неудобна тем, что в какой-то степени портит качество шкуры.

Другой способ метки — фигурные вырезки на ушах. При покупке оленя одним хозяином у другого вырезалась новая метка,

причем старая метка зачастую срезалась совсем, в результате чего у некоторых оленей оставались от ушей одни лишь основания.

Тамги передавались по наследству от отца младшему сыну. Другие сыновья, отделяясь от отца, должны были придумывать себе новые тамги или видоизменять тамгу отца.

Так, например, оленевод Вануйта (п-ов Ямал, р. Се-Яха) имел клеймо $\equiv$, которое затем перешло к младшему сыну Топчи.

Старший сын Моло взял себе клеймо $|$, а средний Пыя ψ .

У оленевода Сэр' Пива было клеймо ψ , которое перешло младшему сыну. Старший сын добавил одну линию и получил клеймо ψ .²²

У замужней женщины особого *пидте'мя* не было, но олени, составлявшие ее приданое и находившиеся в стаде мужа, имели такие же ушные меты, как у оленей ее отца.

До XVIII в. ненцы были единственными оленеводами на пространстве тундры от Белого моря до р. Енисея. Однако постепенно, начиная с XVIII в., занятие оленеводством стало достоянием части русских поселенцев Пустозерской волости, которые скупали оленей у ненцев, но, как правило, сами их не выпасали, а поручали выпас пастухам из обедневших ненцев.

Большую роль в жизни ненецкого населения сыграло оленеводство коми-ижемцев. Грамотой царя Ивана IV, данной в 1545 г., новгородцу Ивашке Ластке повелевалось созывать разных людей и слободками селиться по Печоре и ее притокам. Вскоре при впадении р. Цильмы в Печору образовалась Усть-Цилемская слобода. Несколько позднее была заселена р. Ижма, на берегу которой во второй половине XVI в. возникла Ижемская слобода. Первоначально население этих слобод, где значительную часть составляли коми, занималось главным образом охотой и рыболовством. Однако находясь в постоянных торговых связях с ненцами-оленеводами, оно стало понемногу обзаводиться оленями, поручая выпасать их ненцам. Путем спаивания, а зачастую и обмана наиболее ловкие из зажиточной части коми-ижемцев постепенно увеличивали свои стада за счет ненецких, перенимали их опыт и сами стали выходить с оленями в тундру.

Еще И. Лепехин (1771 г.) в описании своего путешествия по Европейскому Северу упоминает о значительных стадах ижемцев. В. Иславин, обследовавший хозяйство и быт ненцев европейских тундр в 1844 г., сообщал, что в Большеземельской тундре 1800 оленеводов-ненцев имели 30 тыс. голов оленей, т. е. прибли-

²² Г. Д. Вербов. Диалект лесных ненцев. Рукопись дисс., защищенной в 1939 г. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 361.

зительно в среднем по 17 оленей на хозяина, тогда как 330 оленеводов-ижемцев имели 136 148 голов оленей, т. е. по 412 оленей на хозяина. В этой же тундре 1402 ненца не имели оленей вовсе или имели по несколько штук, выпасая их вместе со стадами коми-ижемцев или русских, а также нанимаясь в работники к богатым оленеводам-ненцам.²³ То же можно было сказать о Канинской тундре.

В восточных (зауральских) тундрах оленеводы-коми появились значительно позднее — лишь в конце XIX—начале XX в. «В настоящее время стада проникают... на восток — через Урал до Оби и Надыма, и всюду, куда проникают зыряне, оленеводство постепенно переходит в их руки», — писал в 1908 г. Б. Житков.²⁴

Коми, заимствовавшие оленеводство у ненцев, внесли довольно существенные изменения в систему выпаса оленей. Они ввели регулярное круглосуточное окарауливание оленей, что не всегда имело место у ненцев. Кроме того, весной они шли на север не по снегу, как ненцы, а ждали, пока он начнет стаивать, и шли с оленями по сохранившейся под ним прошлогодней траве. В результате когда стада оленей в более северных широтах настигали оводы, олени были уже хорошо подкормлены, в слое же сала, как известно, личинки не выводятся.

Летом огромные олени стада, принадлежавшие коми-ижемцам, как правило, выпасались на лучших тундровых пастбищах, а затем осенью возвращались к лесам опять-таки до снега, занимая наиболее удобные пастбища лесотундры.

Такая система выпаса была более рациональной, однако поскольку коми нарушали традиционные маршруты кочевий ненцев, а весной первые проходили по лучшим пастбищам, они наносили большой урон оленеводческому хозяйству ненцев.²⁵

Основным же отличием оленеводства коми от ненецкого было то, что оно носило ярко выраженный товарный характер, в частности одной из важных статей их дохода была выделка и продажа замши.²⁶

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции ненецкое оленеводство переживало упадок. В результате хищнического истребления пастбищ богатыми оленеводами (как ненцами, так и коми) стада огромной массы малооленных ненцев оказались под угрозой бескормицы. Кроме того, при отсутствии

²³ В. И с л а в и н. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847, стр. 57.

²⁴ Полуостров Ямал, стр. 255—256. См. также: Н. Б е л д и ц к и й. Несколько дней среди ижемских зырян. ИАОИРС, № 23, 1910, стр. 13.

²⁵ См.: М. А. К а с т р е н. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. Магазины земледелия и путешествий, т. VI, ч. II, 1860, стр. 172.

²⁶ В. Н. Б е л и ц е р. Очерки по этнографии народов коми. ТИЭ т. XLV, 1958, стр. 61.

всякой ветеринарной помощи в ненецких тундрах периодически вспыхивали эпизоотии сибирской язвы, копытки, ящура. Этнографическая литература XIX—начала XX в. содержит большое количество указаний на это. Так, по материалам М. А. Кастрена, в Тиманской тундре «в 1831 и в 1833 году свирепствовал скотский падеж, истребивший до 20 000 оленей и повергший все население в страшную нищету».²⁷

В Большеземельской тундре «пало в 1896 г. от копытницы 119 тыс., от сибирской язвы в 1898 г. — 75 тыс., в 1906 — 147 тыс. голов».²⁸ «Сибирская язва постоянно живет в тундре»,²⁹ — писал исследователь Ямала Б. М. Житков.

В 1911 г. от эпизоотии сибирской язвы на территории Ямала погибло более 100 тыс. оленей.³⁰

«Постоянные болезни оленей: сибирская язва («холера»), копытная болезнь, годами бескормица от гололедицы часто сразу уносят десятки тысяч оленей. Известны отдельные годы, в которые в тундрах Архангельской губернии погибало до 150 000 голов. Падеж же в 10—15 тысяч — обычное явление в тундре»,³¹ — сообщал другой исследователь.

Сибирская язва давала до 80% и больше смертности. Трупы павших животных заражали почву, из которой текущие воды вымывали попавшие туда стойкие бактерии сибирской язвы. В результате заболевание разносилось по тундре, наносился огромный ущерб хозяйству.

Не проводилось систематического истребления волков, что также причиняло значительные убытки.

Охота и рыболовство. Мы уже упоминали, что охота у ненцев издавна была важной отраслью хозяйства. Еще в «Сказании о человеках незнаемых в Восточной стране» относительно ненцев говорится, что они «стрельцы скоры и горазды» и что «товар их соболи».³² Имеются сведения о том, что промысел соболя (*мо'*) был широко распространен у зауральских ненцев и позднее, в конце XVI³³ и начале XVII в.³⁴ Однако интенсивное истребление этого ценного зверька привело к совершенному его исчезновению на севере Европы и в Приуралье, а затем и к постепенному уменьшению его запасов в Сибири.

---

²⁷ М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, стр. 149.

²⁸ П. Е. Терлецкий. Северное оленеводство. М., 1932, стр. 35.

²⁹ Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 291.

³⁰ Славный путь народов Севера. Омск, 1941, стр. 48; Н. Н. Шухов. Посадка в низовьях р. Оби и Обскую губу. Изв. зап.-сиб. отд. РГО, т. I, вып. 2, 1913, стр. 4.

³¹ А. А. Жилинский. По самоедскому берегу. Архангельск, 1923, стр. 24.

³² А. А. Титов. Сибирь в XVII в. М., 1890, стр. 1—6.

³³ М. П. Алексеев. Сибирь. . . стр. 161, 192.

³⁴ Там же, стр. 218.

Уже в начале XVIII в. в европейских тундрах основную часть пушного промысла составляли песцы.³⁵ Пушнина почти целиком шла на обмен, продажу русским и иностранным торговцам и в уплату ясака.

Для внутреннего потребления большое значение имела охота на дикого оленя и водоплавающую птицу.

В конце XVIII и в XIX—начале XX в. объектами охоты тундровых ненцев являлись дикий олень, песец, лисица, волк, заяц, белый медведь, различные виды морских животных (главным образом тюлени), а также птица, особенно гуси. Выходя зимой в лесную зону, ненцы промышляли белку, горностаю, росомуху, а иногда и бурого медведя. Изредка встречалась выдра.

Существовали коллективные и индивидуальные способы охоты, причем они обычно сосуществовали. Среди индивидуальных способов различались активные (когда охотник преследовал зверя) и пассивные (ловушки). К коллективным способам охоты относились охота на дикого оленя, на песца загоном, на гусей во время их линьки; иногда практиковалась коллективная охота на морских животных. Индивидуально промышляли дикого оленя, песца, медведя, волка, морских животных, птиц.

Орудиями охоты издавна служили луки и различные ловушки — давящие (кляпца, пасть, кулема), ущемляющие (черкан, капкан), стреляющие (самострелы). На птиц ставили силки и петли.

Уже в XVIII в. огнестрельное оружие, заимствованное у русских, почти повсеместно вытеснило луки.

О х о т а н а д и к о г о о л е н я. О значении в жизни ненцев дикого оленя говорит само его название — *илебцъ* (досл. «то, с помощью чего живут», «средство к жизни»). Промысел дикого оленя давал ненцам пищу, материал для изготовления арканов, одежды, жилищ. В XVII—XVIII вв. дикий олень был распространен на всей территории обитания ненцев, однако в XIX в. он почти полностью был истреблен на Европейском Севере и в начале XX в. здесь встречался крайне редко.

Дикий олень Западной Сибири отличается от домашнего экстерьером (он несколько крупнее домашнего, но легче и стройнее на бегу) и окраской (мех его обычно значительно светлее). Шкура дикого оленя почти не имеет свищей от оводов и имеет толстую и крепкую кожу, которая идет, в частности, на приготовление арканов для ловли оленей. Важенки обычно телятся позже домашних (в июне). Дикие олени не поддаются приручению, хотя иногда пристают на какое-то время к стадам домашних. Бывает также, что отбившийся домашний олень попадает в стадо диких оленей и дичает. Случайный приплод от диких самцов и

---

³⁵ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 638 об.

домашних важенок ненцы обычно уничтожают, считая его малочисленным.³⁶

Дикие олени, как и домашние, с наступлением светлых дней (в марте) начинают покидать зимние пастбища и постепенно двигаются на север, ближе к берегам Ледовитого океана. В конце лета они начинают обратное движение к югу.

Способы добычи дикого оленя у ненцев были разнообразны.

В зауральских тундрах во второй половине XVIII в. бытовал коллективный способ охоты на дикого оленя, подробно описанный В. Ф. Зуевым. Заметив в тундре стада диких оленей, ненцы устраивали широкий «коридор» из махавок — гусиных крылышек, привязанных к пестам (*лабак*), сужающийся к одному концу. В «коридор» загоняли оленей, вспугивая их криками, а притаившиеся в узкой части «коридора» охотники стреляли по ним.³⁷

Этот способ лова в более позднее время ненцами обычно не практиковался.

В XVIII—начале XX в. широко бытовала охота с манщиком. Охота с манщиком производилась осенью, когда у оленей начинается гон и самцы группируют около себя важенок, не отпуская их от себя в течение нескольких дней. На рогах домашнего оленя-манщика укреплялась ременная петля, и охотник осторожно подпускал его к стаду диких оленей. Как только манщик приближался к стаду, навстречу ему выходил самец, стремясь отстоять свое право на важенку. Сцепившись рогами, олени старались побороть один другого. В результате на рогах дикого оленя неизбежно затягивалась ременная петля. В этот момент из укрытия, находящегося поблизости, выскакивал охотник и убивал его.

Такая охота требовала много времени и, конечно, не могла принести большой добычи, но была проста, доступна и была широко распространена. Постепенно она вышла из употребления в связи с уменьшением количества диких оленей, а также вследствие большего распространения охоты с ружьями. Однако еще в начале нашего столетия она бытовала даже в европейских тундрах.³⁸

В прошлом веке на дикого оленя охотились также с помощью ставных луков (*ядана*). Осенью на границе леса и тундры, на путях миграций диких оленей, устанавливали луки-самострелы. Олень задевал сторожевую струну, сделанную из сухожилия и протянутую поперек тропы. В ту же минуту спускался насторо-

---

³⁶ В низовьях Енисея телята от домашних важенок и диких самцов считались резвыми в упряжи и использовались в транспортных целях.

³⁷ В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 76—77. Аналогичный способ описан А. А. Поповым у нганасан (Нганасаны, М.—Л., 1948, стр. 31 и сл.).

³⁸ С. В. Максимов. Год на Севере. СПб., 1890, стр. 522; А. Куроптев. Охота на дикого оленя. Природа и люди Севера, сб. 1, Архангельск, 1927, стр. 34.

женный лук, установленный с таким расчетом, чтобы стрела пронзила туловище оленя.

Большое значение имела в прошлом (особенно у зауральских ненцев) охота на переправах. Из года в год олени, возвращаясь осенью из тундры в лесную зону, шли почти одними и теми же путями. Эти пути были хорошо известны охотникам. Примерно в одних и тех же местах переправлялись олени через широкие реки, большинство из которых должны были преодолевать вплавь. Вот на таких-то местах переправ и караулили охотники. Каждый охотник был вооружен длинным копьём (*наря*), которым он поражал оленей. Кололи оленей обычно, подплывая к ним с правой стороны, стараясь попасть копьём под последнее ребро.

Охота на плаву была очень добычливой. Случалось, что за день добывали до 200 оленей.

На п-ове Ямал и в бассейне р. Таз было распространено в зимнее время и весной по насту преследование диких оленей на нартах. Если олени встречались охотнику в открытой тундре, где близкий подход к ним невозможен, он пускал свою упряжку карьером, преследуя «дикарей», но не по прямой линии, а зигзагами, как бы заскакивая то справа, то слева. Дикие олени тоже меняли направление бега и начинали метаться. Задачей охотника было ехать по ломаной линии с углами, бóльшими по сравнению с той, по которой бегут олени, и этим выигрывать расстояние. Приблизившись на расстояние 100—150 шагов, охотник соскакивал с нарты и стрелял.³⁹ Изредка практиковалось у европейских и азиатских ненцев преследование оленей на лыжах.⁴⁰

На северной оконечности Ямала промысел дикого оленя продолжался круглый год. Лето дикий олень проводил обычно на о. Белом, куда он уходил с Ямала весною по последнему льду через пролив, спасаясь от подкочевывавших к морю ненцев. Ненцы переправлялись через пролив Малыгина на лодках. Охота на о. Белом производилась главным образом с помощью специального снаряда для скрадывания (*негэдя'*, *туни лата*). Этот снаряд представляет собой продолговатый полуовальной формы щит (размером примерно 1.5×0.25 м), установленный вертикально на два небольших полоза, напоминающих лыжи. Щит укрепляется в полозьях с помощью двух вертикальных планок, прибитых к нему деревянными гвоздями и вставленных в специальные пазы, вырезанные в верхней поверхности полозьев. В середине щита имеется небольшое отверстие, через которое охотник наблюдает за зверем, а затем, просунув дуло ружья, стреляет. Параллельно щиту на небольшом расстоянии от него на колыш-

³⁹ Б. М. Ж и т к о в. Полуостров Ямал, стр. 214—215; В. Н. С к а л о н. Оленеводство в бассейне р. Таза. Сов. Север, № 3—4, 1931, стр. 73.

⁴⁰ А. А. Б о р и с о в. У самоедов. СПб., 1907, стр. 11; В. Н. С к а л о н. Оленеводство в бассейне р. Таза.

ках укрепляется горизонтальная планка, служащая опорой для ружья. Передняя поверхность щита обтягивается оленьей шкурой (зимой белой) или на ней делаются зарубки и отверстия, с помощью которых ее маскируют снегом или пучками травы. Полозья обычно подбиваются камусом.

Оставив упряжку оленей или собак где-нибудь поблизости в ложине, охотник ложился и, толкая щит перед собой, подползал к пасущимся оленям на достаточно близкое расстояние. Затем, просунув дуло в отверстие щита, стрелял. Если олени после выстрела сразу не убегали, то охотник делал по ним еще один-два выстрела, а затем стрелял в бегущих оленей.⁴¹ Этот снаряд ненцы в XIX—начале XX в. употребляли повсеместно для охоты на дикого оленя, морских животных и иногда на гусей. Он встречается и у других народностей Севера.

На зиму дикие олени выходили с острова на Ямал, где и составляли предмет промысла зимовавших здесь ненцев.

О х о т а н а п е с с а. Промысел песка у ненцев издавна имел большое значение. Песцовые шкурки шли на отделку одежды, главный же сбыт они находили у русских и иностранных торговцев. Вплоть до середины XIX в. ясак с основной массы ненцев взимался также в виде пушнины, и в частности шкурок песка.

Песец (*нохо*) встречается во всех тундрах, заселенных ненцами, а также на близлежащих арктических островах. Особенно много песцовых нор в тундрах Ямальского и Таймырского национальных округов.

Наиболее распространен в ненецких тундрах белый песец. Голубые песцы на материке очень редки, несколько чаще они встречаются на арктических островах — Новой Земле, Колгуеве и т. д.

Зимой часть песцов из мест постоянного обитания уходит к югу, в полосу лесотундры и тайги, или к северу, к морским побережьям. Летом песец особенно многочислен в южной части тундры, где в песчаных холмах (частью по берегам рек) роет глубокие и разветвленные норы, или на берегах морей, где нередко селится в каменистых россыпях.

Излюбленной пищей песка является лемминг (*нохо' пися*). В зависимости от наличия в данный год лемминга обычно изменяется и количество песка в данной местности.

Соответственно времени года и возрасту шкурки песцов носят определенные названия. Летом все песцы — и сами родители и их потомство — называются «крестоватиками» (*тауы нохо* — «летний песец»), в начале осени (в октябре) на короткое время «крестоватикки» превращаются в «синяков», одноцветных серо-

---

⁴¹ Б. М. Ж и т к о в. Полуостров Ямал, стр. 211—212; В. Е в л а д о в. В тундрах Ямала, стр. 33, и др.

дымчатых (*халэв нохо*, от *халэв* — «чайка»), в ноябре — в «недопесков» (*тора нохо*). Только в декабре песцы приобретают белый мех и сохраняют его в течение всей зимы, до марта. В этот период и производится их промысел.

Песцов в XVIII—начале XX в. промыслили деревянными самоловами — пастями и кулемами, а также железными капканами, приобретавшимися у русских. Охотились на песцов также загонами на оленьих и собачьих упряжках.

В. Ф. Зуев упоминает о ловле песцов с помощью кляпцы (вторая половина XVIII в.). Кляпца (*ладорана*) — ловушка, состоящая из планки с железными зубьями и деревянного цилиндра, в котором укреплен горизонтальная пружина, скрученная из веревок или сухожилий. Когда зверь трогает насторожку, пружина раскручивается и планка с силой бьет вниз. В XIX в., по имеющимся материалам, песцов с помощью кляпцы уже не ловили.

Основная ловушка на песца — пасть (*ня яуго*) — делалась в большинстве случаев из лиственницы, которая прочнее других деревьев и сохраняется дольше. Пасть, распространенная у ненцев, по конструкции относится к так называемым тундровым пастям. Она устраивалась следующим образом. Из вбитых в землю в два ряда кольев сооружался узкий коридорчик. Внутри коридорчика в наклонном положении помещался гнет (давок), состоящий из одного или нескольких скрепленных вместе бревен длиной около 3 м. Задним концом гнет упирался в землю или в специальную подставку, передний конец гнета удерживался в приподнятом положении с помощью нескольких кольев, образующих систему рычагов. В середине коридорчика, на одной из частей поддерживающего устройства, помещалась приманка. Песец, пройдя внутрь пасти, трогал приманку, и гнет, падая, придавливал его. Пасти обычно имели пол из досок. Для утяжеления гнета на него иногда клали камни. Основным недостатком пасти являлось то, что она не предохраняла попавшего песца от поедания дикими зверями.

Для установки постоянных пастей важно было выбрать хорошие места. Обычно пасти расставляли по берегам морских заливов, около рек и озер. Чтобы пасти не заносило снегом, их ставили на возвышенных местах, где они скорее обнаруживались песцом. В качестве приманки употребляли свежую и гнилую рыбу, свежие и тухлые яйца птиц, кровь и внутренности оленя, мясо, сало и внутренности морских зверей, леммингов, различных птиц. В зависимости от времени года применяли различные виды приманок.

Настороженные пасти начинали осматривать (в ноябре). При хорошем ходе песца пасти осматривались через 3—4 дня. Во многих районах для объезда и осмотра пастей использовали собачьи упряжки (Большеземельская тундра, Енисей). Считалось, что

в пасти, не бывшие в употреблении, попадает меньше песка, чем в старые.

В Канинской и Тиманской тундрах на песча охотились с помощью кулем. Обычно они ставились вдоль прибрежного морского вала, окаймляющего лайду — болотистую равнину, по высоким берегам рек и моря. Кулемы встречались двух типов — закрытые и открытые. Открытая кулема (рис. 2) состояла из загородки, образованной вбитыми в землю в виде полукруга невысокими кольями, и двух брусьев перед входом в загородку. В плане это сооружение представляет фигуру, напоминающую букву о. Чтобы насторожить кулему на зверя, приподнимают верхний брус (жердь), на котором лежат для тяжести грузы (обы-

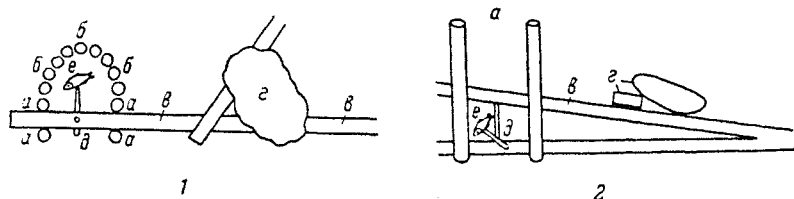

Рис. 2. Устройство открытой кулемы.

1 — вид сверху; 2 — вид со стороны входа. а, б — колья; в — верхний брус; г — гнет; д — подбивка; е — приманка.

чно камень или дерн), и подпирают его круглой палочкой, нижний конец которой ставится на круглое заостренное на концах «веретено», на конце его, направленном внутрь загородки, насаживается приманка, обычно камбала, навага или другая рыба. Зверь, сунувший за приманкой морду, придавливается верхним брусом. И так как большая часть тела придавленного поперек зверя остается на воле, нередко он в таких открытых кулемах помирает другими зверями.

Закрытые кулемы устраивались по тому же принципу, как и открытые, но представляли собою несколько более сложное сооружение. Нижний брус закрытой кулемы — продолговатый открытый с коротких концов ящик из трех досок, нижней и двух боковых, а верхний брус заменен тяжелой доской, которая приподнимается над этим ящиком и может плотно входить в него — падать после подбивки. Ящик стоит на невысоких ножках, чтобы дерево не гнило от земли. Попавший в такую кулему зверь закрыт снизу, с боков и сверху и не становится жертвой других зверей. В кулему чаще всего попадали песцы, реже — горностаи и лисицы. Каждый промышленник имел по несколько десятков кулем.⁴²

⁴² М. Б. Едемский. Канин. Изв. Гос. геогр. общ., т. LXIII, вып. 2—3, 1931, стр. 211; Материалы экспедиции автора в 1958 г. на п-ов Канин.

В XIX—начале XX в. широко практиковался лов песка с помощью железных капканов. В некоторых районах (Новая Земля) употребляли лишь капканы, не используя пастей.

Ненцы пользовались капканами русского производства («Русский» капкан № 5 с одной или двумя пружинами, «Арктика» и др.).

Капканы (*яуго, еся яуго*) обычно ставили около приманки (привады) у норы песка, около приметного места, изредка на тропе песка. В Большеземельской тундре и на п-ове Ямал чаще ставили капканы у песцовых нор. С помощью привады охотились главным образом на побережье моря и на островах, а также в других районах в годы, бедные леммингом. Приваду оставляли за $1\frac{1}{2}$ —2 мес. до начала охоты. Хорошей привадой считалась оставленная на льду целая нерпа, сало которой потом могло быть использовано.

Капканы начинали ставить обычно с ноября месяца, когда шкурка песка становилась наиболее ценной. Капканы у привады ставили с подветренной стороны. Чтобы поставить капкан, по размеру его круга выкапывали снег. В выкопанную ямку опускали настороженный капкан. Якорек капкана зарывали в снег. Сам капкан покрывали обычно тонкой пластинкой вырезанного из наста снега и засыпали снегом. Почуявший приваду песец подходил к капкану и попадал в него (чаще всего передней лапой). В годы с большим количеством лемминга, когда песец плохо идет на приваду, капканы осматривали раз в пять-шесть дней, в годы, бедные леммингом, — ежедневно. Наиболее интенсивно этим промыслом занимались с ноября по март.

В Малоземельской и Большеземельской тундрах издавна существовала охота на песка загоном. В начале нашего столетия она была завезена на Ямал, где получила в южных районах довольно широкое распространение.

Охота на песка загоном (по-ненецки *талрава*, среди русского населения — «талара») производилась зимой в ясные дни. На охоту выходило все население стойбища, включая и подростков. В большинстве случаев собиралось 20—30 легковых нарт. Выезжали на нартах гуськом, один за другим, причем впереди ехали наиболее опытные охотники. Замыкали колонну старики, женщины и подростки. Ведущий ехал по кругу, который, охватывая первоначально очень большую площадь, постепенно сужался. Местность обычно выбиралась таким образом, чтобы в центре круга было замерзшее озеро или просто ровное место. Когда круг сужался достаточно, охотники соскакивали с нарт и стреляли по животным, оказавшимся в кругу (часто, помимо песцов, тут оказывались лисицы и даже волки).

Кроме того, бытовала охота на песка с ружьем (ружье — *туни*, досл. «огненный пояс»). Этот способ практиковался также в ясные солнечные дни, обычно ранней весной. Охотник выезжал на нарте, запряженной хорошими оленями. Увидев песка, он

начинал его преследовать. Утомленный зверь периодически останавливался, ложился. Подъехав на расстояние выстрела, охотник останавливал нарту и стрелял.

О х о т а н а м е д в е д я. Ненцы на побережье моря промышляли белого медведя, ближе к лесам — бурого.

Белый медведь (*сэр' варк*) обитает главным образом в районе арктических островов, лишь иногда выходя на материк.

Основной пищей белого медведя являются нерпы, морские зайцы, гренландские тюлени и другие морские звери, которых он добывает на льду.

Белого медведя ненцы промышляли обычно ранней весной, в марте—апреле, в основном из-за шкуры и сала. В прошлом иногда преследование медведя производилось с целью завладеть добычей медведя — тушей моржа.⁴³ Охота уже давно производилась с помощью огнестрельного оружия. Для промысла использовали собачью или оленью упряжку, которая стояла наготове. Завидев охотника, медведь обычно поднимался на задние лапы и ждал. Ненец подходил ближе и стрелял, стараясь попасть в область сердца. В случае промаха или несмертельной раны медведь бросался на человека. Тогда охотник садился на нарту и спасался от преследования, заряжая одновременно винтовку. Подпустив медведя на выстрел, он останавливал упряжку и вновь стрелял.

Иногда, наоборот, медведь спасался бегством, тогда нужны были быстрые олени, приученные к охоте.⁴⁴

Ненцы применяли и другой способ. После первого неудачного выстрела бросали медведю свой совик (верхнюю меховую одежду). Медведь или кидался на совик и начинал с остервенением рвать его, или обходил его вокруг, преследуя охотника. В обоих случаях последний успевал перезарядить ружье и поразить зверя.⁴⁵

В случае охоты на собачьей упряжке охотник, завидев медведя, выпрягал одну-две наиболее сильные и злые собаки и натравливал их на зверя, сам следуя за ними на упряжке. Собаки догоняли медведя и задерживали его, а подоспевший охотник останавливал упряжку и стрелял.⁴⁶

Охота на белого медведя всегда носила индивидуальный характер.

Промысел бурого медведя (*варк*) был сравнительно мало распространен среди ненцев. Медведь встречается лишь в отдельных

---

⁴³ Ю. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал, стр. 84—85.

⁴⁴ Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 211.

⁴⁵ В. Бартенев. На крайнем северо-западе Сибири. СПб., 1896, стр. 67.

⁴⁶ А. Н. Дубровский. Собаководство на Новой Земле. Изв. Гос. геогр. общ., т. 69, вып. 3, 1937, стр. 454.

местах лесной зоны, куда ненцы выходят в зимнее время. Интересно, что, несмотря на это, именно с промыслом бурого медведя были связаны у ненцев различные запреты и обряды. Об этом свидетельствует целый ряд авторов. «Добыча черных медведей составляет их верование, и их шкуру в продажу русским не пускают, а употребляют на лямки для упряжи оленей, что составляет у них щегольство. Шкура белого медведя хотя употребляется на тот же предмет, но она в глазах самоеда маловажнее. С промыслом белого медведя он (ненец, — Л. Х.) не соединяет своего верования и шкуру продает русским охотно».⁴⁷ И далее: ненец «к животным, растениям, камням, явлениям природы относится как к существам, способным понимать его. Например, если на охоте он встретится с медведем, то он тотчас же не убивает, а сначала вступает с ним в разговор, начинает выхвалять его достоинства, спрашивает, для чего он встретился с ним, просит его, чтобы он не поцарапал его своими острыми когтями. Когда же медведь станет мурлыкать и приближаться к самоеду, то он, держа наготове винтовку и копьё, вступает с ним в уговоры: „Да, князь-медведь, понимаю, что ты говоришь, идешь ко мне, хочешь, чтобы я тебя убил, чтобы твою кожу повесил шайтану; иди, иди. Смерть для тебя готова, но я не ищущу ее“. После подобных комбинаций он стреляет в медведя, убивает его и считает себя в своих действиях оправданным против родных медведя, которые за смерть своего члена могли бы отомстить».⁴⁸

По-видимому, здесь мы имеем дело с доанимистическими представлениями, когда человек, уподобляя себе живую природу, считал, что животные понимают речь человека и могут соответствующим образом на нее реагировать.

Охота на лисицу и других животных. Чернобурая лисица (*париденя тёня*) редко встречалась в тундрах, заселенных ненцами. Однако ряд авторов XIX в. упоминает о промысле ее за Уралом. Так, Ю. Кушелевский сообщает об охоте на чернобурую лисицу с применением привады: «На подобных лисиц вдруг не ставят ловушек, капканов и самострелов. Если по следам разузнают, что черная лисица появилась в их лесах, то прежде прикармливают ее к одному месту — кусочками рыбы, набрасываемой по следам лисицы; когда самоедин убедится, что лисица каждый день подбирает рыбу, тогда он подобной приманкой привлекает ее посещать такое место в лесу, где удобно поставить самострел, которым ее впоследствии и промыслит. . .».⁴⁹ Он же отмечает, что добыча чернобурой лисицы сопровождается

⁴⁷ Ю. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал, стр. 80—81.

⁴⁸ Там же, стр. 111.

⁴⁹ Там же, стр. 79—80.

жертвоприношением «тому фетишу, у которого прошено помощи добыть ее».⁵⁰

Красная лисица (*тёня, нярьяна тёня*) составляла довольно важную статью пушного промысла ненцев. Ее промышляли так же, как и песца (пастями, капканами), стреляли во время загонов песца.

Волки (*сармик*)⁵¹ в прошлом являлись настоящим бедствием для оленеводства. Потери оленей от нападения волков, особенно в осеннюю пору, были очень велики. Однако облав на волков ненцы не устраивали, а били их только, охраняя оленей. При этом употребляли в основном ружья, иногда хорей, которыми пользовались как копьем. Ненцы в некоторых районах уничтожали также волчат в норах.

Зимой, во время пребывания в лесах, ненцы иногда промышляли росوماху, горностаю, белку.⁵²

Росوماху (*ицней*) ненцы добывали главным образом гоньбой на оленях с собаками. Если охотник гнался за росوماхой без собак, то она часто, не будучи быстрой и выносливой в беге, вступала в бой, стараясь укусить человека. Собаки же не допускали этого. При нападении собак росوماха брызгала на них своей мочой, которая обладает таким едким запахом, что собаки не в состоянии преследовать ее. Поэтому умные собаки никогда не нападали на росوماху сзади, а старались ухватить ее за горло.⁵³ Росوماх промышляли также пастями. В некоторых районах на линии песцовых пастей выставляли рожны на росوماху. Рожон (*ңэ яңго*) представляет собой гладко отесанный столб, врытый в землю или снег так, что над поверхностью он возвышается примерно на 1 м. Вверху столб заканчивается трезубцем. На средний зубец — самый длинный — насаживается приманка. Росوماха, стараясь достать ее, попадает лапами в расщепы трезубца.

Горностаю (*ния*) промышляли капканами, в XVIII—начале XIX в. — черканами. Белок (*таряв*, в восточных говорах *таряха*) стреляли из ружей. В прошлом на них охотились с помощью лука и специальных тупых стрел (*локи*).

До прихода русских единственным орудием активной охоты был лук (*уин*), который сохранился в отдельных районах еще в XIX в. (рис. 3). Он употреблялся для охоты на дикого оленя, мелкого зверя (в частности на белку) и птицу.⁵⁴ Ненцы склеивали

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Слово *сармик* обозначает также «зверь», «животное». Так, для обозначения птицы как вида употребляют сочетание слов *тиртя сармик* — «летающий зверь».

⁵² У лесных ненцев, в отличие от тундровых, охота на белку занимала ведущее место.

⁵³ Ю. К у ш е л е в с к и й. Северный полюс и земля Ялмал, стр. 85.

⁵⁴ У лесных ненцев для охоты на птицу в 20-х годах нашего столетия применялись луки — устное сообщение Г. Д. Вербова, 1939 г. В прошлом

луки из двух пород дерева (ели и березы), обклеивали наружным слоем бересты, концы укрепляли сухожилиями. Длина его обычно была 1.5—2 м. Тетиву делали из скрученных оленьих жил. Стрелы (*мунге*) имели трехстороннее (видимо, иногда четырех-

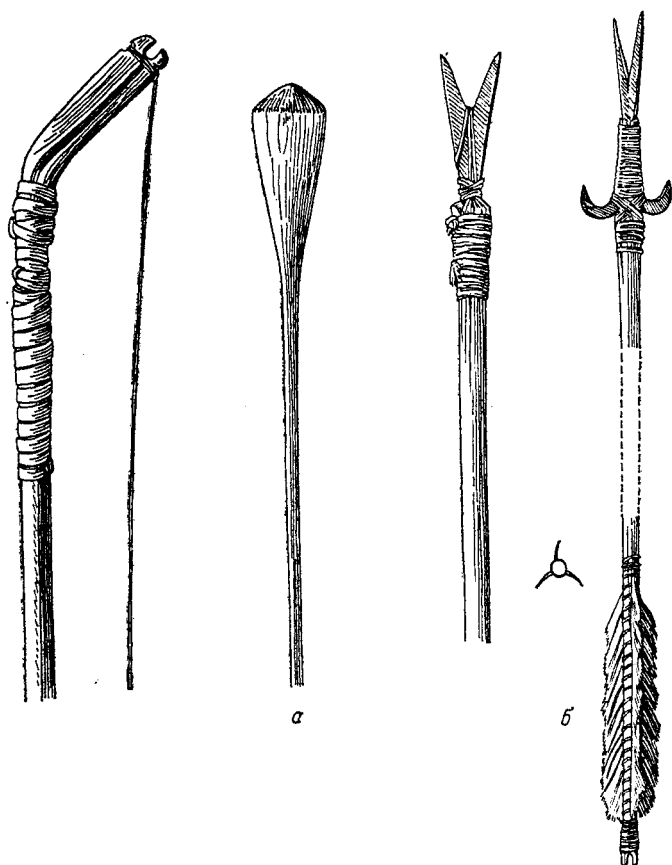

Рис. 3. Лук и стрелы.

а — локи; б — ёхота.

стороннее, см. работу А. Шренка «Путешествие к северо-востоку Европейской России», стр. 280) оперение и разнообразных форм наконечники из рога, дерева и железа. На птицу употребляли обычно стрелы с раздвоенными наконечниками (*ёхота*), с гранеными — на крупного зверя, с тупыми — на белку.

лук (несколько другого устройства) служил также оружием при столкновении с врагами.

О х о т а н а п т и ц у. Охота на птицу у ненцев носила в основном потребительский характер: мясо шло в пищу, пух и перо — на изготовление подушек. Летом, когда оленей забивали редко, охота на птиц доставляла единственную мясную пищу. В небольших количествах мясо птицы заготавливали также впрок.

Наиболее распространенным промыслом птицы у всех групп ненцев была коллективная охота на линных гусей (*япто*). Охота на гусей происходила обычно в июле, когда молодые гуси подрастают, но еще плохо летают, а старые гуси линяют, сбрасывая перья и постепенно отращая новые. В это время они или совсем не летают, или летают очень плохо.

В XIX—начале XX в. проводились облавы на линных гусей, продолжавшиеся много часов, а иногда и много дней.

Три-четыре охотника (иногда больше) в сопровождении собак на одной-двух лодках поднимались по течению реки к ее истокам, откуда и начинали охоту.⁵⁵ Во время облавы охотничья лодка, в которой находились один-два человека, медленно спускалась вниз по реке, между тем как остальные охотники вместе с собаками шли (изредка ехали на нартах) по обеим берегам в том же направлении, загоняя всех встречающихся им на пути гусей в воду. Так стая гусей, плывущих перед лодкой, постепенно увеличивалась. Если охотникам на пути встречался приток реки, на которой также можно было ожидать добычи, то и по ней спускалась лодка, сопровождаемая охотниками и собаками. Чтобы гуси от долгого плавания не отошались, время от времени делались остановки, и гусям давалась возможность свободно пастись на берегах. Эти остановки обычно приурочивались к ночи. Утром преследование продолжалось. Таким образом охота длилась несколько дней, причем количество гусей все время возрастало. Невдалеке от устья реки охотники останавливались и, выбрав удобное место (обычно это был крутой берег с небольшой отмелью у подножья), приступали к ловле гусей. На этом месте заранее растягивали на вбитых кольях сети высотой больше 1 м в виде почти замкнутого круга (нен.: *ва'* — «загон», русские называли это сооружение «чум») с отверстием, обращенным в сторону реки. Отверстие находилось на высоте около полуметра от земли, к нему вело несколько наклонно положенных досок, засыпанных землей и травой с целью придать входу более естественный вид. У отверстия в «чуме» настилали гибкие ивовые прутья, падающие при малейшем давлении внутрь «чума». Два сетчатых крыла, натянутые поперек берега, с одной стороны соединяли «чум» с высоким береговым скатом, а с другой — тянулись на некоторое расстояние поперек реки. Охотник, который расставлял сети,

⁵⁵ Гуси во время линьки обычно собираются к рекам и образуют довольно значительные группы. При виде людей они или быстро поднимаются вверх по склону берега, стремясь спрятаться в кустарнике, или спускаются на воду.

услышав крики приближающихся гусей, спускался несколько ниже засады и из-за укрытия пугал гусей длинной хворостиной или палкой, не давая плыть дальше по реке. Испуганная стая, окруженная преследователями со всех сторон, кроме отмели с расставленной сетью, выбиралась на нее и начинала тесниться к «чуму». Одни из них, вступив на гибкие ивовые прутья, падали в «чум», за ними — другие, и только небольшой части гусей удавалось избежать сети. После того как основная масса гусей была загнана в сети, охотники сворачивали гусям шеи. Число гусей, попадавших в сети при удачной охоте, достигало 1500—2000 штук.⁵⁶ Описанная охота требовала знания местности, навыка, а также осторожности, так как стая при недостаточно умелом преследовании может рассеяться. В облавах часто принимали участие женщины и дети.

Занимались охотой на гусей с сетью ненцы европейских тундр (в частности, по р. Колве), на о. Колгуев, на п-ове Ямал, в Гыданской тундре и других местах.

Аналогичным способом добывали иногда диких уток. Гусей и уток промыслили иногда капканами, которые ставили в местах наибольшего скопления птицы.

Помимо гусей и уток, летом ненцы промыслили в небольшом количестве ружьями лебедей (*хохорэй*) и гагар (*нюня*). От последних, кроме мяса, брали части шкурок, содранные с шеек (главным образом от чернозобых гагар), которые продавали коми, собиравшим из них красивые «меха». Гаг (*яв' нарматы, паеры*) и уток (*нябы, уа'уу, сенгбя*) ловили также петлями, а гнездящихся гусей, белых сов, канюков и поморников — железными капканами, которые ставили на гнездо. От птиц в продажу шло перо.

Во время прилета птиц (июнь) выходили из чумов и стреляли прилетающих птиц.

В связи с охотой во время прилета птиц у ненцев существовал целый ряд обычаев, примет и преданий. Охотники мазали ружья гусиным салом, думая, что если ружье не покормить, то оно больше не захочет добывать мяса и сала. Считалось, что когда кричит гадгара — надо ждать ясной погоды, что гуси очень любят черных собак и когда таковые есть — летают низко и делают круги над чумами. Черных собак даже иногда привязывали как род приманки.⁵⁷

Добытой дичью молодые охотники обычно делились с пожилыми.

Зимой издавна промыслили тундровую куропатку (*хабэвко*), для ловли которой ставили петли из пряжи или оленьих сухожилий — силки (*ес'*).

⁵⁶ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России. СПб., 1855, стр. 244 и сл.

⁵⁷ Г. Д. Вербов. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 5, стр. 64, 172.

Промысел морского зверя. Охота на морского зверя была издавна распространена по морскому побережью, в устьях больших рек и на островах. Основными объектами являлись нерпа, морской заяц, белуха, гренландский тюлень и морж.

Еще в XVIII в. морского зверя промышляли с помощью гарпуна (*носок*) и лука (*уын*). В. Ф. Зуев описывает промысел моржа у ненцев следующим образом: «Когда его (моржа, — Л. Х.) найдут. . . спящего, то промышленники подкрадываются с носками, на долгих ремнях привязанными, коих другой конец привязывают к пню и колу, в землю утвержденному; и когда носок в моржа воткнут, то он, испугавшись, совсем пустится в море и, дошедши до глубины какого, обессиливает, откуда его опять на берег вытаскивают и добивают».⁵⁸ В примечании Г. Д. Вербов добавляет: «Такой способ охоты на моржа ныне не сохранился, но его существование в прошлом, видимо, связано с развитой морской охотой приполярных аборигенных племен, впоследствии ассимилированных ненцами, перенявшими у них некоторые способы охоты».⁵⁹

Напомним, что некоторые названия морских животных у ненцев являются описательными: морж — *тивтей* (досл. «клыкастый», от *тиб* — «зуб», «клык»; вин. падеж множ. числа *тив*), белуха — *вэбарка* («листопоподобная», от *вэба* — «лист»; -рка /-рха — суффикс уподобительный), однако другие — нерпа (*няк*⁶⁰), морской заяц (*уарти'*), кит (*халэ'*), имеют свои термины.

Гарпун, распространенный у ненцев, представлял собой железный наконечник с подвижным острием, насаженным на древко.

Морских зайцев и тюленей (в частности нерп) стреляли, подкрадываясь, из лука стрелами. Зимой охотник клал около продушины, проделанной животным во льду, небольшую доску, а сам ложился недалеко за укрытие. Когда нерпа выходила из продушины на лед, охотник тянул за ремень доску и закрывал ею отверстие, а нерпу убивал палкой или закалывал ножом. Этот способ бытовал еще сравнительно недавно на северо-восточном побережье Большеземельской тундры.⁶¹

Если в заливе вблизи берега появлялась белуха (это бывало в Обской губе в июле месяце), то ненцы, собравшись от 50 до 100 человек, выезжали на лодках к устью и гнали ее «до самого тупика на мелкие места», где кололи копьями.⁶² Еще в самом начале XVII в. Иероним Мегизер, использовавший главным образом материалы нидерландских экспедиций на Север, описал способ коллективной охоты на китов у ненцев, весьма сходный с при-

⁵⁸ В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 80.

⁵⁹ Там же, стр. 95.

⁶⁰ В эскимосском языке нерпа — *няксак*. Некоторое сходство этих терминов невольно привлекает внимание.

⁶¹ В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 80, прим. Г. Д. Вербова.

⁶² Там же, стр. 80.

веденным выше описанием Зуева.⁶³ В более позднее время китов промыслили крайне редко.⁶⁴

Ненцы шкуры морских животных использовали для изготовления упряжи, сало и мясо — в пищу, клыки моржа шли на продажу и различные поделки.

В XIX в. охота на морского зверя производилась в основном с помощью огнестрельного оружия. Некоторые старые приемы лова, однако, продолжали существовать.

Нерп промыслили обычно весной на льду. Желая погреться на солнце, нерпы выходят на лед и лежат около лунок (продушин), куда спасаются, заслышав или заметив опасность. Эти отверстия во льду нерпы выпарывают снизу когтями передних катров (ластов). Лунки имеют правильную круглую форму диаметром 30—40 см. Лежа на льду, нерпы следят, чтобы лунка не замерзла, так как сверху не могут ее делать.⁶⁵ Толщина льда возле лунок не превышает обычно 40—50 см.

На охоту ненцы выезжали на оленях или собаках и, доехав до какого-либо укрытия, начинали подкрадываться. Нерпа, как известно, очень осторожна, и достаточно слабого шума, чтобы она ушла в воду. Для скрадывания нерпы охотники использовали скрадную доску, которую употребляли и при охоте на дикого оленя.⁶⁶

Подкрадываясь к нерпе, охотник учитывал ту особенность, что она примерно полминуты дремлет, опустив голову, в следующие полминуты поднимает голову и оглядывается, затем опять дремлет. В эти промежутки охотник обычно и подкрадывался, если не оказывалось торосов, за которыми можно было укрыться.

На Ямале часто для охоты на нерпу использовали такой прием. Охотники выходили на промысел попарно, и пока один охотник подползал, прикрываясь доской, к нерпе, другой, стоя на большом расстоянии на виду, отвлекал ее внимание, распевая песни и производя шум. Прислушиваясь к голосу и следя за фигурой человека, стоящего открыто, нерпа легче позволяет приблизиться ползущему с доской охотнику.⁶⁷

Подобным образом охотились и на морского зайца.

На Канинском п-ове, в Большеземельской тундре и на Ямале иногда охотились на морского зверя и в море. Обычно промысел в море начинали после того, как в июле ледяной припай отрывался от берега и уходил в море. Ненцы выходили на промысел

⁶³ М. П. Алексеев. Сибирь. . . , стр. 280.

⁶⁴ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 579.

⁶⁵ Г. Д. Вербов. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 4, стр. 138—139.

⁶⁶ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 577—578; см. стр. 64 настоящей работы.

⁶⁷ Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 212.

на больших лодках (по пять-шесть человек), которые иногда делали сами из леса, привезенного с зимних кочевий. Лодки обычно имели прямой парус и якорь. Охотники, кроме ружей, брали с собой крючки для подхвата зверя с воды. Один из промышленников — обычно лучший стрелок, заведя лежку зверя, пересаживался в маленькую лодочку, подъезжал к льдине с подветренной стороны и, высадившись, тихо подползал к зверю. В случае поднявшейся бури охотники вытаскивали лодки на большую льдину и здесь пережидали ее.

На Ямале ненцы охотнее всего били морского зайца. Этот зверь дает до 80 кг жира, который идет в пищу, и до 70 ручных сажен хорошего ремня из шкуры для постромок. Тюлень не являлся промысловым зверем. Он давал лишь шкуру для пошива непромокаемой обуви самому промышленнику.⁶⁸ Моржей били не всегда охотно: с этого крупного зверя трудно снимать шкуру на льдине, однако привлекали клыки, идущие на разные поделки.

Шкуру с морских животных вместе с салом снимали обычно на месте промысла. В прошлом существовал обычай при снятии шкуры вырезать у морского зверя глаза и бросать в лунку или просто в море. Объясняли это тем, что тогда нерпа не будет знать, кто ее убил, и придет снова.⁶⁹

При промысле в открытом море бросали в воду ружье. Этого, по мнению охотников, требовало море, сердясь и бушуя вокруг непрошенных гостей.⁷⁰

В некоторых районах (о. Белый, Гыданский п-ов и др.) применялся способ добычи нерп железными крючками длиной до 0.5 м, которые привязывали веревкой к небольшому бревну, положенному на лед поперек продушины, сделанной зверем. Крючки не мешали нерпе вылезти на лед, но при попытке нырнуть в воду задерживали ее, вонзаясь в шкуру, а бревнышко мешало отплыть дальше длины натянутой веревки.

В Чешской губе ненцы в прошлом веке промыслили также дельфинов, обычно в июне—июле. В это время дельфины собирались около берегов большими или меньшими юрками и для приискания пищи поднимались по прибрежным рекам Пеше, Оме, Снопе, Вижасу и др. Песчаные мели, окаймляющие устья рек, во время прилива заливаются водой, а во время отлива обнажаются. Этим пользовались промышленники, начиная охоту во время прилива на лодках. Один из охотников у устья реки караулил появление дельфинов и подавал сигнал, выставя махавку товарищам, которые старались повернуть юрок дельфинов обратно к морю. Находящиеся на двух других лодках охотники в устье реки преграждали путь дельфинам в море, растягивая поперек

⁶⁸ В. П. Е в л а д о в. В тундрах Ямала, стр. 31—32.

⁶⁹ Г. Д. В е р б о в. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 4, стр. 139.

⁷⁰ В. П. Е в л а д о в. В тундрах Ямала, стр. 32.

сеть размером 700×2 сажений, сплетенную из толстых веревок. Затем лодка, к которой прикреплен один из концов сети, окружала юрок так, чтобы он оказался у самого берега. В таком положении дельфинов оставляли до очередного отлива, когда они оказывались на суше. Затем охотники убивали их копьями и вытаскивали на берег.⁷¹ Дельфинов промыслили главным образом ради сала, которое шло на выделку ворвани. Сети ненцы Большеземельской тундры применяли и для ловли белух.⁷²

Рыболовство являлось весьма важным источником питания ненцев, особенно в летнее время. В досоветский период оно имело в основном потребительское значение, хотя в отдельных районах (на Печоре, Оби и других крупных реках) безоленные ненцы ловили ценные породы рыбы для продажи или занимались в артели с крупным рыбопромышленниками.

Промыслом ценных пород рыб в больших масштабах в XIX—начале XX в. занималось русское население Севера. Многие орудия промысла ненцами были заимствованы в процессе освоения рыболовства у русского населения, а на Оби — у хантов. Однако несмотря на то что у ненцев рыболовство никогда не было ведущей отраслью хозяйства и носило в большинстве случаев сезонный характер, в той или иной степени им занимались все ненцы за редким исключением.

Тундровые реки и озера богаты рыбой. В европейской части территории расселения ненцев встречаются семга (*наръяна халя* — «красная рыба»), омуль (*яв' халя* — «морская рыба»), пелядь (*пайха*), нельма (*сявта*), сиг (*палкур'*), навага (*навауга*), щука (*сяторэй* — «кусачая»), окунь (*падвы халя* — «разрисованная рыба», *ляра*), сельдь (*сэври* — досл. «только глаза»), голец (*няугэхэй*), камбала (*пелта*) и др. За Уралом (бассейн р. Оби, Гыданский залив, низовья Енисея) — муксун (*сумбак*, *сумбоуг*, *сумбауг*), сырок, или пелядь (*пайха*, ям. *палкур'*), щокур, или чир (*идюрця*), пыжьян — сибирский сиг (*палкур*; ям. *пайка*), нельма (*сявта*; маленькая нельма — *вомня*), омуль, ряпушка — сибирская сельдь (тайм. *сельдей*), осетр (*ехэна*), стерлядь (*хоя*, *коя*), налим (*нёя*), язь (*лысу*; ям., тайм. *лаугурка*), окунь (*ляра*, *нетэ*), хариус (*туи*), щука (*пыря*, *пыри*) и др.⁷³

Основными орудиями рыбной ловли у ненцев в XIX—начале XX в. служили неводы (*поуга*, *ёранз'*), ставные сети (*нямээхэй*, *яха' поуга*), переметы (*вада'*, досл. «крючки») и запоры (*ю*; *пя поуга*, досл. «деревянные сети»).

⁷¹ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 577—579.

⁷² А. Е. Норденшельд. Плавание на «Вега», т. I. Л., 1936, стр. 184.

⁷³ Интересно отметить, что на Европейском Севере большинство ненецких названий рыб (для тех пород, которые не встречаются за Уралом) являются описательными.

Неводы применялись главным образом для ловли рыбы в больших водоемах и не отличались по устройству от распространенных у русского населения Севера. Сеть для неводов — мережа, или дель, — часто изготовлялась кустарным способом из конопляной нити. Она насаживается на две пеньковые веревки — тетивы (*поуга пуд*), одна из которых проходит вдоль верхней части дель, другая — вдоль нижней. К верхней тетиве небольшими бечевками прикрепляются легкие поплавки (*сембяд*) из дерева или скрученной бересты (*тэ сембяд*). Выплывая на поверхность воды, они поддерживают невод в вертикальном положении и показывают его местонахождение. В середине невода прикрепляют большой поплавок — *поуга на'ну* (неводная утка), который изготовляют из трех кусков дерева, два из которых, образуя угол, занимают вертикальное положение по отношению к третьему. Этот поплавок издали кажется плавающей уткой.

К нижней тетиве невода прикрепляли грузила (*поуга нэ* — «неводные камни») — камни или куски рога, имеющие просверленное отверстие или зашитые в ровдугу (иногда привязанные к небольшим ивовым кольцам). Грузила растягивают сеть и тянут ее вниз.

В середину невода вшивали мотню длиной 10—15 м (*над*), над которой и укреплялся большой поплавок. Концы верхней и нижней тетивы, сходясь вместе, образуют так называемые уши (*поуга'ха*, досл. «уши невода»). К скрученным тетивам привязываются с той и другой стороны невода толстые веревки — «клячи» (*иня*).

До революции ненцы пользовались обычно небольшими неводами, бродниками. Большие стрежневые невода (длиной 100—500 саженей) в прежнее время были лишь у крупных рыбопромышленников, использовавших наемный труд.

Размеры ячеи невода (*поуга'сэв* — «глаз невода») зависели от породы рыбы, для лова которой он предназначен. Сеть для ловли крупной рыбы имела большую ячею (*сэв нарка поуга* — досл. «большеглазый невод»).

Для ловли рыбы неводом использовалась обычно лодка. Один конец невода находился у человека на берегу. Лодка с несколькими рыбаками (*ёртя*) отходила от берега, и постепенно сеть выкидывалась из лодки в воду. Сделав полукруг, лодка возвращалась к берегу, и рыбаки выбирали сеть на берег, сближаясь с оставшимся на берегу рыбаком.

Ставные сети также широко применялись ненцами. Они устанавливались с помощью кольев на небольших речках поперек течения. Иногда таких сетей устанавливалось несколько, причем сеть с более крупной ячеей ставили выше по течению реки, с более мелкой — ниже.

Перемет представлял собой длинную веревку с прикрепленными к ней крючками, которую протягивали поперек реки. Перемет обычно укреплялся на дне реки деревянными якорями, над которыми плавал поплавок, указывавший его местонахождение. Переметами ловили налима, нельму. На крючки прикрепляли наживу (червей, пиявок, мелкую рыбешку). Особенно распространены были переметы в восточных районах расселения ненцев.

На небольших реках была распространена ловля рыбы с помощью морд. Морды плели обычно из прутьев тальника в виде цилиндра, переходящего в конус. Внутри морда имела одну или две воронки, затруднявшие выход попавшей в нее рыбы. Иногда ставили рядом две-три морды, скрепляя их плетеным из ивняка жгутом. Широко практиковалось перегораживание небольших речек запорами (ю), плетеными из ивовых прутьев. В просветы между отдельными участками запора вставляли плетеные мотни или морды.

В основном лов рыбы ненцы производили в летний период, однако практиковался и подледный лов. Для установки сети или перемета подо льдом специальной пешней (*яуганабцъ*) делали проруби (*яуга*), через которые протаскивали подо льдом сети с помощью небольшого шеста. Для вычерпывания из проруби кусочков льда служили плетеные черпаки (*неро сива*, досл. «ивняковая лопата»). В восточных районах практиковался подледный лов мордами.

Сети после употребления просушивали на специальных вешалах, состоящих из жердей, положенных на крестообразные подставки.

Орудия рыболовства ненцы в прошлом обычно изготавливали сами: плели сети из конопляных ниток с помощью деревянной иглы, изготавливали поплавки из дерева, грузила из рога или камней, крючки для переметов из тонкой проволоки и т. д.

Способы лова рыбы у ненцев разных районов имели свои особенности, которые зависели от условий и возможностей промысла в тех или иных водоемах.

Так, например, рыболовство в бассейне р. Оби связано с явлением, известным под названием «замор». Сущность замора заключается в том, что в зимний период в воде под влиянием ряда химических процессов значительно понижается содержание кислорода, она приобретает неприятный затхлый запах, становится невкусной, выделяет большое количество мелких, бурого цвета хлопьев и сильно мутнеет.⁷⁴

Верхней границей Обского замора являются рр. Кеть и Чая, нижней — район Обской губы между Новым Портом и мысом

⁷⁴ П. Прибыльский. Рыбное хозяйство Ямальского округа. Омская область, № 11—12, 1940, стр. 34—35; см. также: В. И в а н ч и к о в. Замор р. Оби и его значение для рыбного хозяйства Обь-Иртышского водоема. Тобольск, 1934.

Каменным. Замор наблюдается также и в Тазовской губе под влиянием заморной воды, поступающей из рр. Таз, Пур, Мессо и др.⁷⁵

Начало замора в районе г. Салехарда (бывший Обдорск) приходится на декабрь—январь, окончание — на середину мая. В районе Нового Порта замор наступает примерно во второй половине марта или начале апреля, причем распространение его по Обской губе идет не сплошной массой во всю ширину водоема, а в первую очередь по середине губы, и только спустя значительное время замор проникает и к берегам.

Задолго до наступления замора белая и красная рыба, наиболее требовательная к кислороду, покидает Обь и ее заморные притоки, спускается в Обскую губу, где и сосредоточивается за границей заморных вод. Менее требовательная черная рыба концентрируется в это время в незаморных притоках Оби, таких, как Щучья, Собь и др., или у родников, ключей. В очень холодные и снежные зимы убежища эти промерзают, и тогда вся скопившаяся в них рыба полностью погибает.

Таким образом, явления замора ограничивают возможности лова рыбы периодом с середины июня по ноябрь, т. е. в течение 5—5½ мес. Если учесть, что замерзание Оби обычно происходит в октябре, то фактически рыбный сезон сокращается до четырех месяцев. Весной, когда начинается таяние снегов и ручьи разъедают ледяной покров реки, рыба из моря постепенно возвращается обратно. В это время и начинался ее промысел.

---

⁷⁵ Замор на Оби по величине захватываемой водной территории является самым крупным в мире и не встречается на других реках Советского Союза.

Глава 3

ОРУДИЯ ТРУДА И ТЕХНИКА

Домашнее производство ненцев носило, за редким исключением, потребительский характер. Профессионалов-ремесленников не было: в каждой семье производились необходимые в хозяйстве предметы. Однако в тундре пользовались известностью лица, особенно искусно изготавливавшие нарты, ножи или изделия из кости.

Существовало древнее и естественное разделение труда внутри семьи: мужчины занимались обработкой дерева, кости, железа, плетением арканов и сетей, женщины — выделкой шкур и шитьем, детям поручались занятия, доступные их возрасту и силе.

Домашний рабочий инвентарь каждого ненца (табл. I) состоял обычно из топора (*тубка*, в вост. говорах — *тыбка*), нескольких видов ножей (*хар*, *ня хар*, *сэдорабць'* и т. д.), напильника (*сересь'*), узкого долота (*толот*, *ситабць'*), шила (*пиня-миндя*), лучкового сверла (*парэ'*) и пилы (*ихибць'*).

Топоры и пилы ненцы и в прошлом покупали. Ножи обычно делали сами, причем клинки выковывали из напильников, капканных пружин, а иногда даже из ствола негодной винтовки. Клинки ненецких ножей узкие, лезвия затачиваются с правой стороны. Черенки ножей ненцы также делали сами из дерева или кости. Деревянные ножны обтягивали кожей и украшали полосками меди и латуни, вырезанными из покупной металлической посуды.

Употребляемое ненцами лучковое сверло (его тоже делали сами) состоит из полукруглой железной перки, вставленной в рукоятку из дерева или оленьего рога. На верхний конец рукоятки надет костяной кружок. Сверло соединяется с деревянным лучком с помощью тетивы из нерпичьей кожи. Диаметр сверла приспособляется к размерам тех отверстий, которые приходится просверливать при изготовлении нарт и деревянных частей упряжи. Для изготовления больших отверстий (в полозьях нарт

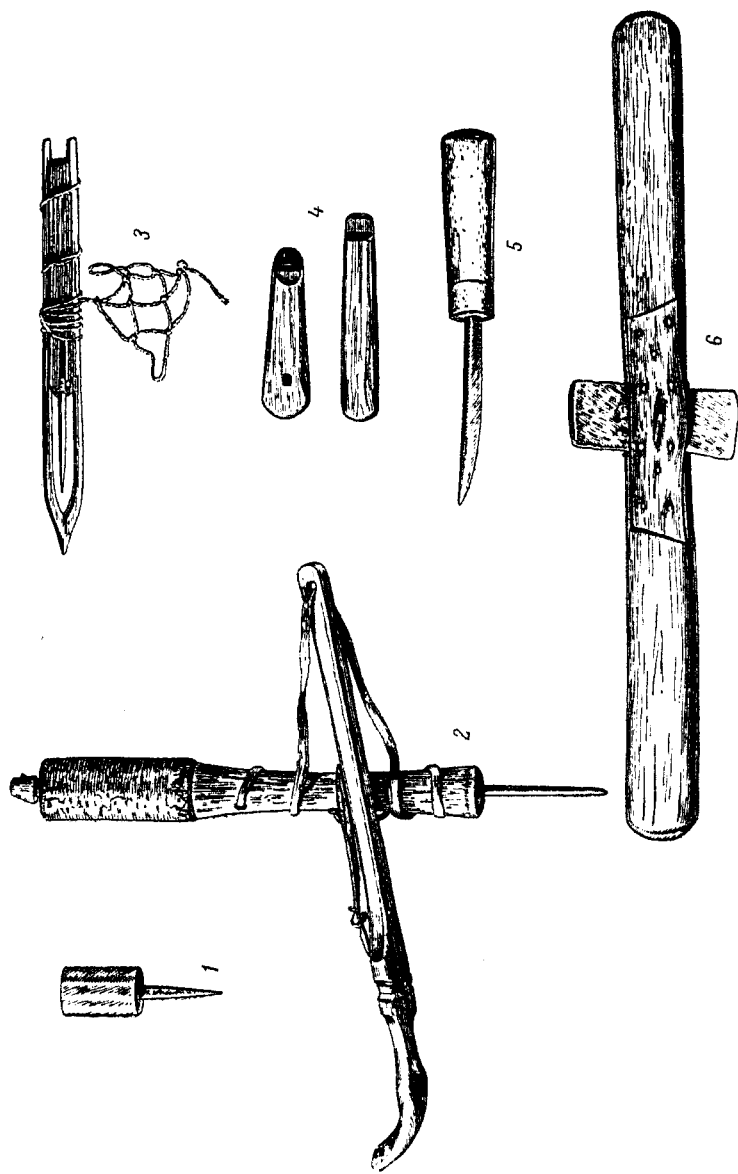

Табл. I. Орудия труда.

1 — шило; 2 — сверло; 3 — игла для вязания сетей; 4 — дощечки, употребляемые при точке ножа; 5 — нож; 6 — скребок для выделки шкур.

для копыльев и т. п.) просверливали на близком расстоянии друг от друга несколько отверстий, а затем стенки между ними удаляли ножом. Ненцы редко употребляли коловороты, которые слишком громоздки, или буравцы, которые дают отверстия с шероховатыми краями и часто колют материал.

Шила и долота ненцы тоже часто делали сами. Шило состоит из железного остроконечного стержня и цилиндрической рукоятки из рога или дерева. Для изготовления долота конец круглого в сечении стержня расплющивали.

Из дерева ненцы изготавливали шесты чума, нарты, некоторые части упряжи, хореи, предметы домашнего обихода, люльки, лыжи, лодки, культовые скульптурные изображения. Дерево для изготовления этих предметов ненцы заготавливали в период кочевок в лесотундре или лесах. Из пород деревьев наиболее часто употреблялись ель, береза, лиственница. Первичная заготовка древесины для поделок производилась с помощью топора и (в более позднее время) пилы, вся окончательная — с помощью ножа (*ня хар*). Ножом вырезали также орнамент (например, на черенках ножей для последующей инкрустации и т. д.).

Все деревянные изделия, в том числе и нарты, ненцы изготавливали без единого гвоздя, все детали соединялись между собой с помощью шипов. В отдельных случаях (для прикрепления спинки сидения нарты, доньшка в люльке) употреблялась ременная прошивка. При поломке деревянные части склеивали клеем, который варили из внутренностей осетра или из костей. Перед употреблением клей разогревали.

Загибали полозья нарт следующим образом. Переднюю часть полоза (*харму'*) замачивали в течение 1—2 суток в воде, потом к концам полоза привязывали веревку, в петлю которой посередине вставляли упор в виде небольшой палки. Подогревая *харму'* над огнем, постепенно укорачивали веревку или передвигали упор вперед. Выгнув один полоз, закрепляли в нем заготовленные заранее копылья с нащепом и начинали гнуть другой.

Обработку кости ненцы производили с помощью ножа. Для выделки костяных изделий использовали олений рог, моржовый клык, изредка — найденные бивни мамонта. Из кости делали части упряжи, надеваемые на голову оленя, держатели для вожжей, блоки для арканов, табакерки, черенки ножей, наконечники для хорея, иногда блоки для присоединения упряжи к нарте.

Моржовый клык и мамонтовый бивень перед началом выделки обычно варили в воде для размягчения. Куски оленьего рога просто предварительно опускали в горячую воду. Предметы, имеющие отверстия (костяные части упряжи, наконечник для хорея и т. п.), обрабатывали следующим образом. Кусок рога или кости забивали в углубление, вырезанное в деревянном чурбане, и сверлом просверливали дыру, затем вынимали, насаживали обра-

зованным отверстием на палку и обрабатывали ножом сначала с одной стороны, а затем с другой.

Орнамент по кости вырезали также ножом.

Для плетения арканов и изготовления ремней употреблялась кожа оленя (предпочтительно дикого) и морских животных (главным образом морского зайца).

Аркан вырезали из обработанной спинной части шкуры оленя. При этом шкура перерезалась пополам и каждая часть резалась по спирали на полосы шириной в 4—5 мм. Полученные ремни вытягивали, выбрасывая слишком тонкие и изрезанные куски. Плели в четыре пряди, предварительно намотав каждую на две

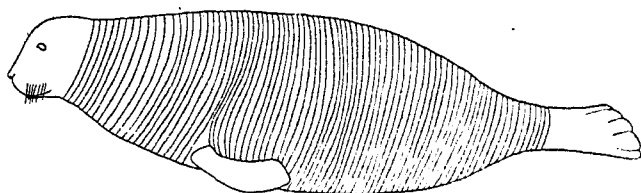

Рис. 4. Схема выкраивания ремня из шкуры морского зверя.

крестообразно сложенные палочки, с которых начинали плести аркан, укрепив начатый конец. Сплетенный аркан протягивали через отверстие в деревянном бруске и мазали жиром или наливаемой печеню. Сечение готового аркана 5—8 мм, длина 21—24 м. На изготовление одного аркана шла одна шкура оленя.

Ремни для упряжи вырезали из шкуры морского зайца прямо на туше, по спирали, начиная с головы (рис. 4). Из шкуры одного зайца выходит свыше 60 м ремня. Отверстия для соединения отдельных кожаных частей упряжи делали с помощью шила или ножа.

Сети плели из пеньковой веревки с помощью специальной деревянной иглы (*поуга нибя*, *вйгла*). Техника плетения сетей, видимо, была заимствована у русских.

Основным материалом для пошива одежды у ненцев до революции служила шкура оленя.

Оленьи шкуры в зависимости от возраста оленя, с которого они сняты, и, следовательно, от их качества носили различные названия и шли на пошив определенных частей и видов одежды. Различались шкурка новорожденного теленка (использовалась на пошив маличных капюшонов), шкура двух с половиной-трехмесячного теленка (*няблуй*; шла на изготовление женской одежды, малиц, нарядных совиков), шкура шестимесячного теленка (*мальца хоба*; также использовалась для шитья малиц, женской одежды и т. п.), шкура, снятая с взрослого оленя зимой, так на-

зывается постель (*хоба*; эти шкуры служили постелью в чуме, из них изготовляли нюки — покрышки для чумов, и совики низшего сорта). Употребляли «постель» также на покрытие грузовых нарт и т. д. Из части шкуры, снятой с ног взрослого оленя (так называемый камус, нен. *пена*), шили обувь, рукавицы, делали узоры для женской одежды; камусом подбивали лыжи. Часть шкуры, снятая со лба оленя (*тай*), использовалась на подошву для обуви (мужской), на пошив сумочек и т. д. Подошву для обуви делали также из частей шкуры, снятых с нижней части ног оленя — так называемой щетки (*вэра*).

В районах, где встречались дикие олени, одежду часто шили из шкуры дикого оленя. Следует отметить, что качество шкур дикого оленя ниже — быстрее вылезает волосаной покров. Кроме того, среди диких оленей не встречается белая масть, одежды же из белых шкур считались у ненцев нарядными.

Выделкой шкур, как упоминалось, занимались женщины. Орудиями для выделки шкур служили деревянные скребки различных форм и доски разных размеров.

Способ выделки шкур у ненцев был описан еще В. Ф. Зуевым.¹ с последующие периоды он мало изменился. Для удаления волосяного покрова снятую с оленя шкуру клали в воду (часто просто в озеро у берега) вниз шерстью на несколько дней. После этого волос легко выдергивался руками. Остатки подшерстка удаляли скребком.

Выделка мездровой (внутренней) стороны производилась следующим образом. Снятую шкуру сушили летом на улице, зимой — в чуме, заткнув за шесты в верхней части чума. Летом, после просушивания на солнце, шкуру на некоторое время также развешивали в чуме для продымливания. При этом ее тщательно расправляли, а в отдельных местах по краям вставляли палочки, чтобы края шкуры не загибались. Высохшую шкуру смазывали для размягчения содержимым оленьего желудка (*тиг*), в некоторых районах для этой цели использовали оленью или рыбью вареную печень, рыбий жир или растертую икру, после чего сворачивали мездровой стороной внутрь сначала вдоль, а затем поперек. Полученный сверток перевязывали веревкой, чтобы он не разворачивался. Смазанная шкура лежала два-три дня, затем ее разворачивали и производили первичную обработку с помощью специального скребка *есей* (*исий*). Для этого использовали доску (*надорць*'), длиной до 1 м, шириной 20—30 см. Выделывали шкуру обычно стоя, уперев доску несколько более широким концом в живот, а нижним — в землю. Часто доска покрывалась куском старой шкуры ворсом вверх, чтобы при обработке не портился мех. Обработка велась от головной части шкуры. Скребок для выделки шкур представлял собой ζ -образный изогнутый кусок железа,

¹ В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 31—32.

вставленный поперек в деревянную рукоятку (табл. I, 6), за концы которой держались обеими руками. Вся процедура (смазывание, свертывание и т. д.) повторялась во второй и в третий раз. При окончательной обработке лезвие скребка все время подтачивали оселком.

Обработка камусов имела некоторые отличия. Снятые с каждого оленя камусы сшивали простыми стежками (*тэнась*) по четыре шкурки вместе мехом наружу так, что получался как бы мешочек. Его выворачивали и наполняли травой (*уум'*), после чего подвешивали для просушки (летом — на улице, зимой — в чуме) и легкого продымления над костром. Высушенные камусы расшивали, а затем обрабатывали примерно так же, как крупные шкуры, но на доске несколько иного типа (*ядко*). *Ядко* обычно делали по росту, так, чтобы можно было упереть в колено, сидя на нарте или на чем-либо низком. Скребок употреблялся такого же типа, что и при выделке крупных шкур, но обычно более узкий. Часто скребок для выделки камусов имел одно лезвие. Окончательную обработку производили с помощью специального снаряда (*пидирць'*) сначала вдоль, а затем поперек. *Пидирць'* представлял собой кусок косы, вставленный в деревянную рукоятку или особый станок.

Лбы и щетки обрабатывали сходно с камусами. Для просушки их сшивали по несколько штук. Для обработки пыжиков — шкурок новорожденных телят (*сую, суико*) употребляли острый и неширокий скребок. Вместо *пидирць'* иногда употребляли рыболовную сеть, о которую терли шкурки.

Шкуры на крупные вещи (малицы, паницы и др.) выкраивались на досках, служащих в чуме полом, с помощью ножа по мездре. Шкуру предварительно складывали по месту будущего разреза, затем разгибали. Разрез производился по образовавшейся вмятине одним движением. Средняя часть шкуры (спинка) шла на пошив верхней одежды, брюшная и шейные части — на шапки, клинья рукавов, детскую одежду и т. д.

Мелкие вещи и орнамент из камусов выкраивали на доске *хунгар'яд* длиной 40—60 см, имеющей очень гладкую поверхность.

Шили меховую одежду нитками, изготовленными из спинных и ножных сухожилий оленя (*маха' тэнако, үз' тэнако*). Лучшими считались спинные сухожилия важенок, так как они мельче расщепляются. Нитки из ножных сухожилий (главным образом с передних ног) употреблялись в основном для шитья летней обуви: они толще спинных, но практичнее (не гниют). Жильные нитки готовились по мере надобности. Отделенные волокна протаскивались между губами, а затем скатывались на щеке. Жильные нитки (*тэмбой*) иногда бывали не толще машинных ниток малых номеров, но отличались большой прочностью. Для сшивания шкур на покрывки чума употреблялись более толстые нитки, чем для пошива одежды.

Иглы в XIX в. употреблялись покупные. В литературе встречается упоминание о бытовании в прошлом игол из рыбьих костей. Техника шитья у ненцев весьма проста. Помимо сметывания (*тэнась*), существовал всего лишь один вид шва — через край. Шили сидя с вытянутыми вперед ногами. Наперсток надевали на указательный палец правой руки. В XIX в. вошли в употребление металлические наперстки, прежде их шили из ровдуги (лишенной волоса шкуры оленя). меховую и ровдужную одежду шили иголкой к себе через край, по левой стороне,² сложив два куска шкуры вместе. Если между ними прокладывалось сукно, то с левой стороны его почти не было видно. Большие полотнища, например малицу, совик, сначала крепко сшивали в нескольких местах через каждые 20—25 см, а затем прошивали уже сплошным швом. Предварительные стежки служили вместо наметки, однако они потом не выдергивались. При раскрое одежды старались, чтобы было как можно меньше швов. Для тепла в швы ненцы, кроме жителей левобережья Енисея,³ обычно прокладывали подшейный волос оленя (*пэмде*), который использовали пучками в 5—10 волос.⁴

---

² Совик, женскую одежду, пимы и шапки шили по мездровой стороне, а малицу и либты — со стороны меха.

³ Г. Д. В е р б о в. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 41.

⁴ Подшейный волос брался только у убитого оленя.

Глава 4

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Оленный транспорт. Основным способом передвижения у ненцев по тундре во все времена года была езда на оленях, запряженных в сани (нарты). Езда на оленях верхом у тундровых ненцев не практиковалась, и о ней не упоминается в имеющихся источниках (данные фольклора, рассказы стариков, этнографическая литература и т. д.). Не употреблялся олень также и под вьюк — все грузы перевозились на нартах.

В гл. 2 мы касались проблемы происхождения ненецкого оленеводства. Мы упоминали, что переход от вьючно-верхового оленеводства к санному, по-видимому, находился в тесной связи с изменением породы оленя по мере продвижения самодийских народностей в более северные широты: измельчание оленя сделало невозможным верховое оленеводство и вызвало необходимость упряжного.

Как же сложился у ненцев существующий тип нарты и упряжи?

Многие исследователи считали, что самодийские народности перешли от верховой езды на олене к нартовой в подражание собачьей упряжке аборигенных жителей Крайнего Севера.¹

Тесная связь ненецкого упряжного оленеводства и собаководства не вызывает сомнений: тип нарт, посадка и управление слева, упряжка веером, а также многие детали упряжи одинаковы.

Саянские предки ненцев не знали как упряжного оленеводства, так и упряжного собаководства. Следовательно, последнее могло появиться у складывающейся ненецкой народности или на пути следования к северу (возможно, под влиянием соседних народов — угров), или было заимствовало самоедоязычными племенами у северных аборигенов побережья Ледовитого океана.

¹ А. Н. Максимов. Происхождение оленеводства. Уч. зап. РАНИОН, т. 6, 1928; М. Г. Левин. О происхождении упряжного собаководства. Сов. этногр., № 4, 1946; Г. М. Василевич и М. Г. Левин. Типы оленеводства и их происхождение.

Не исключено еще и третье решение вопроса — предположить, что упряжное собаководство было заимствовано ненцами в более поздний период (примерно в XIV—XV вв.) от русских поморов Архангельского Севера, среди которых езда на собаках была широко распространена.²

Для окончательного решения этого вопроса, как нам представляется, имеющиеся материалы недостаточны. Необходимы, в частности, археологические раскопки на территории обитания ненцев, а также дальнейшее изучение письменных источников ранних периодов.

Однако при изучении проблемы происхождения ненецкого упряжного оленеводства и собаководства и их сравнительной давности необходимо учитывать тот факт, что в богатом ненецком фольклоре не встречается упоминания о езде на собаках, тогда как езда на оленьих упряжках является непременным атрибутом очень многих произведений устного народного творчества.

«Бытовые картины, зарисовки, которые обычно приводятся в героических песнях, постоянно связаны со всем оленеводческим бытом героев-ненцев. Собирается ли герой в далекий путь для добывания жены — песня рисует реалистическую картину поимки оленей, дается точное описание всей оленьей упряжки, описание внешнего вида оленей и т. д.»³

Кроме того, вся терминология, связанная с оленьей упряжью, как будет видно из последующего изложения, очень подробно разработана, чего нельзя сказать о собачьей упряжи.

Все это, как нам представляется, делает выводы о позднем появлении упряжного оленеводства в подражание упряжному собаководству неубедительными.

Близкий к современному типу род упряжи и нарт у ненцев существовал, по имеющимся материалам, уже в начале XVII в. (относительно более раннего периода нет материалов). Так, в книге И. Массы (1613 г.) изображены олени, запряженные в нарту, по типу сходную с современной ненецкой.⁴

Ненецкую нарту и способ запряжки описал Корнелий де Бруин (1701 г.).⁵

Одно из ранних описаний упряжи и нарт у ненцев имеется также в работе В. Ф. Зуева «Об оленях» (1772 г.). Указывая, что в сани ненцы впрягают по два, по три и по четыре оленя, Зуев приводит рисунок легковой нарты и впряженных в нее оленей

² Интересно, что различные источники упоминают о санной езде в летнее время в русских северных областях европейской части России. См., например: Д. Н. А н у ч и н. Сани, лабья и кони как принадлежности похоронного обряда. Древности, т. XIV, 1890, стр. 123.

³ З. Н. К у п р и я н о в а. К характеристике ненецкого эпоса. Уч. зап. Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 132, 1957, стр. 183.

⁴ М. П. А л е к с е е в. Сибирь... , стр. 256.

⁵ К. де Б р у и н. Путешествие через Московию. Чтения в имп. Общ. истории и древностей российских, кн. 1, 1872.

с довольно подробным описанием, благодаря которому можно сделать вывод, что в середине XVIII в. у ненцев были такие же упряжь и нарта, как в настоящее время.⁶

Для ненцев характерна многоямочная запряжка веером. Количество оленей, запрягаемых в легковые сани, колеблется от двух до семи (летом, когда нарты тяжелее идут по траве и мху, запрягают обычно четыре-шесть оленей). В грузовые сани запрягаются два оленя (иногда летом три). Каждый запряженный олень носит определенное название: передовой (крайний левый)⁷ — *нензаминдя*, *нерняминдя* или *нерня мэта* — «идущий впереди». Обычно в качестве передового оленя употребляется специально обученный для этого олень (*тэмэ*). Крайний правый олень носит название *пелей* (западные говоры), или *пуняугы* (восточные говоры), иногда *вархана мэта*, или *вары пелей* («крайний»). Средний олень называется *еркы*. Остальные олени в разных районах называются по-разному: *нарняминдя хэвэы* — «соседний с передовым» и т. д.

Для запряжки в нарты употребляют главным образом кастрированных самцов (*хабт*; общее название для всякого домашнего оленя — *ты*) или яловых важенок (*хабтарка*). В случае недостатка в оленях используют обычных важенок (*яхадей*), а иногда и самцов-производителей (*хора*, *ямна*). Важенки считаются по сравнению с оленями-самцами менее сильными и выносливыми, но более быстрыми во время коротких переездов. Используют для упряжек оленей от 3- до 10-летнего возраста.

В еще недавнем прошлом никогда не использовались в упряжках олени, посвящавшиеся солнцу и различным духам. Их запрягать можно было только в «священные» нарты (см. стр. 206).

На упряжных оленях можно делать в сутки до 250 км. Средняя скорость оленьего бега достигает 15 км в час.

Прежде чем перейти к описанию упряжи, остановимся на конструкции и типах нарт, бытующих у ненцев.

Ненецкая нарта (*хан*) характеризуется рядом особенностей, которые отличают ее от нарт оленеводов северо-восточной Азии.

1. Наличие нескольких пар (от двух до семи и более) высоких (около 0.5 м) копыльев, закрепленных в пазах полоза с наклоном внутрь и назад. Благодаря этому расстояние между полозьями оказывается несколько шире, чем сидение, что придает нарте устойчивость. Все копылья расположены на задней половине саней.

2. Высоко загнутые (до уровня сиденья) передние концы полозьев, соединены перекладиной — головочным вязком (у легких нарт их бывает две).

⁶ В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 91.

⁷ У долганов, эвенков и якутов, имеющих тип нарт аналогичный ненецкому, посадка и управление оленями осуществляется с правой стороны, а не с левой, как у ненцев.

3. Соединение частей неподвижное: четырехугольные шипы на концах одних частей пригоняются в отверстия, сделанные с помощью сверла и ножа в соответствующих местах других частей.

С помощью ременной прошивки прикрепляются только задняя и боковая (у женской нарты) стенки сидения.

Такой тип косокопыльной нарты (табл. II) характерен, кроме ненцев, для энцев, нганасанов, кетов, долганов, а также оленных селькупов, хантов и манси. Встречается он среди северо-западных эвенков и северо-западных оленных якутов. В сравнительно недавнее время он был заимствован у ненцев русскими, коми и саамами Кольского п-ова.⁸ Следует отметить, что кеты, большая часть якутов, долганов и эвенков в отличие от ненцев пользуются санным транспортом только в зимнее время. Нганасаны тоже употребляют его летом ограниченно. У селькупов, помимо упряжного оленеводства, заимствованного от ненцев, было и вьючное. Факт заимствования хантами и манси форм ненецкого оленного транспорта также не вызывает сомнений.⁹

Таким образом, центром формирования указанного типа нарт можно считать территории, заселенные ненцами.

Ненецкая нарта состоит из следующих основных частей.

1. Полозья (*ханз'* множ. число *ханзад'*) делаются из лиственницы, ели или кедра. Они имеют отверстия для копыльев, нащепов и передних поперечин — вязков. Задний конец полоза (*ябцо*) слегка затесывают кверху для лучшего скольжения.

2. В отверстия полозьев вставляются копылья (*хан' нэз'*, досл. «ноги нарты»), тонкие в средней части и утолщенные вверху и внизу. Как и все другие части нарты (кроме полозьев), копылья делаются из ели или березы. Они изготавливаются из брусков длиной 50—60 см, толщиной 10—12 см, расколотых пополам, и имеют овальное сечение. Особенно тщательно выделяются верхние и нижние шипы, которые служат для соединения с другими частями нарты.

3. Верхние концы копыльев вставляются в нащеп — продольный брус длиной 250—260 см, который передним концом входит в отверстие верхней загнутой части полозьев (выше головочного вязка). Эта передняя часть нарт называется *хан' ныя* — «нос нарты». Для большей прочности конец нащепов закрепляется в полозе с помощью деревянного шпенька. У легкой нарты нащеп часто вытесывается из дерева с корнем так, чтобы последний своей естественной формой мог служить для устройства спинки. Задняя

⁸ Население лесной зоны несколько видоизменило указанный тип нарты, приспособив ее к условиям леса: к передку привязывается «баран» (небольшая горизонтально расположенная дуга), три-четыре пары копыльев расположены по всей длине полоза.

⁹ В. Н. Чернецов. Термины средств передвижения в мансийском языке. Сб. памяти В. Г. Богораза, М.—Л., 1937.

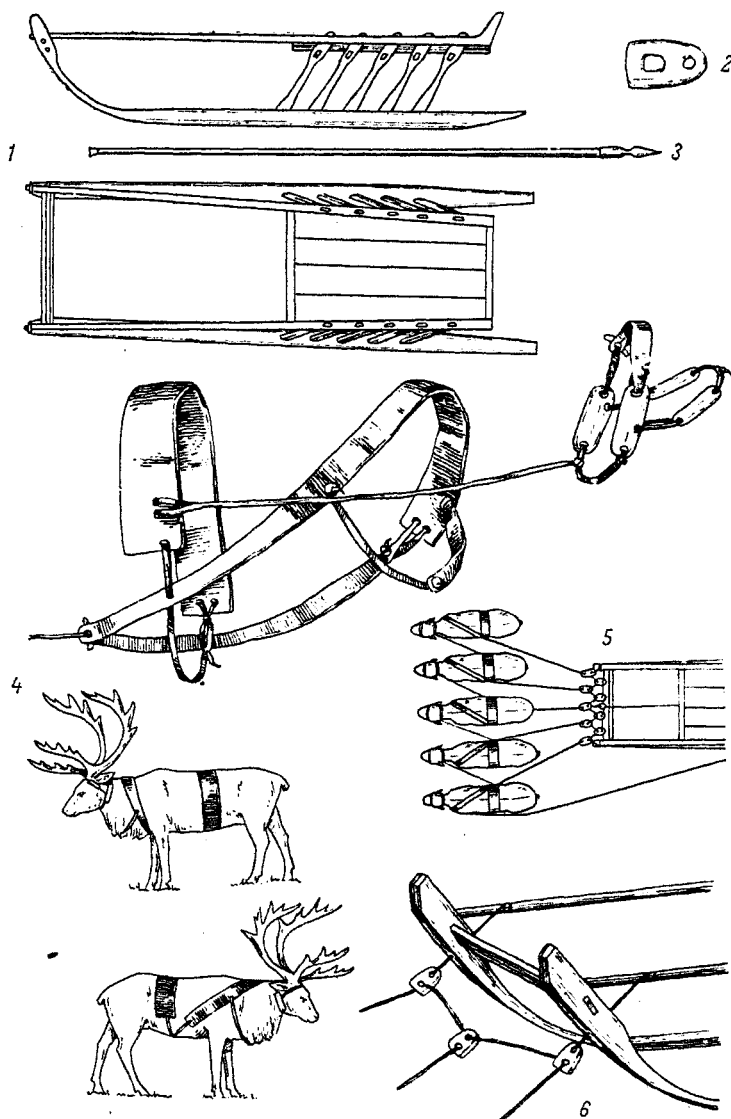

Табл. II. Олений транспорт.

1 — устройство легкой нарты (вид сбоку и сверху); 2 — костяной блок;
3 — хорей; 4 — упряжь на одного оленя (не передового); 5 — упряжь
на пять оленей; 6 — способ прикрепления блоков к нарте.

часть нащепа носит название *хан' вано* (*вано* — «корень»), передняя между сиденьем и загнутым поломом — *нин*.

4. Ниже соединения с нащепом копылья имеют отверстия, в которые проходят поперечные перекладины — вязки (*нарт'*, множ. число *нартад'*), соединяющие каждую пару копыльев между собой. Вязки представляют собой бруски длиной 60—70 см, имеющие овальное сечение.

5. На перекладины укрепляют доски сиденья длиной 110—120 см (*хан' лата'*). У некоторых типов грузовых нарт, служащих специально для перевозки шестов чума, сундуков и т. д., этих досок нет.

6. У легковых нарт (и у части грузовых) делается спинка (*пуний тёндер'*), которая сшивается ремнями с задней частью нащепа. Спинка обычно состоит из двух-четырех горизонтально положенных досок.

7. Передняя часть сиденья также имеет невысокую дощатую стенку (*нерний тёндер'*).

Кочевой образ жизни требовал особо строгого порядка размещения всех вещей. Поэтому ненцы при переездах части чума, домашние вещи и прочее размещали на специально предназначенных для тех или иных вещей нартах.

Ненецкие нарты по устройству и назначению можно разделить на легковые и грузовые.

К легковым нартам относятся ¹⁰ легковая мужская нарта (*нгэдалесь', нгэдалесь' хан*) и женская нарта (*не' хан*), которая отличалась от мужской большей площадью сиденья, более высокими копыльями и наличием, помимо задней, еще боковой стенки у сиденья (*маханий лата*).

На женские нарты при езде с детьми клали несколько покрывал так, что они закрывали сиденье и стенки. Нижнее покрывало — из меха (*тар' пи'*), сшитое в виде прямого полотнища размером 70 см × 3 м. Поверх него клали покрывало из сукна — *ной пи'*, представлявшее собой также прямое полотнище, сшитое из сукон разных цветов, размером приблизительно 1 × 3,5 м.

Грузовые нарты встречались двух основных видов. Один из них по конструкции приближался к легковым нартам: имел высокие косо поставленные копылья высотой около 65 см, дощатый настил, имеющий стенки со всех четырех сторон. От легковых нарт отличался большей прочностью, массивностью и грубостью отделки, имел три-четыре пары копыльев. Нарты этого вида носили различные названия в зависимости от их назначения: *вандако* служили для перевозки и хранения части одежды и продуктов, *юхуна* (в западных тундрах *юна*) — для перевозки постельных принадлежностей, одежды и прочей меховой утвари, *хурёда* (в за-

¹⁰ См. подробнее в статье: Л. В. Хомич. Оленьи нарты и упряжь у ненцев. Сб. МАЭ, т. XX, М.—Л., 1961.

падных говорах *вата хан*) — для перевозки и хранения меховой одежды, мехов и прочей мягкой клади, не употребляемой в данный период времени (отсюда название *вата хан*, где *вата* — «лишний»).

Вторая разновидность грузовых нарт значительно отличалась от первой. Нарты этого вида обычно имели всего две пары копыльев, более коротких (40—50 см) и поставленных менее наклонно, чем у всех предыдущих видов нарт. Среди них встречались и нарты с прямо поставленными копыльями. Дощатый настил отсутствовал. Эти нарты обладали значительной грузоподъемностью и также имели различное назначение: *нута*¹¹ (в западных районах *уту*) — нарта для перевозки шестов чума и предметов домашнего обихода (котел, крюк для котла и т. д.); *сябу* или *сябу хан* служила для перевозки досок, служащих полом в чуме, циновок из ивовых прутьев, железного листа для костра, запаса дров, мешка с женской обувью, считавшейся нечистой (*сябу хан* значит «поганая нарта»); *ларь хан* (*сундук хан*) — нарта для перевозки деревянного ларя или сундука с вещами или запасом продуктов (муки, сахара и т. д.).¹²

Упряжь у ненцев отличалась значительной сложностью (табл. II, 4, 5). Различалась упряжь для легковых и грузовых нарт.¹²

При перекочевке для отбора упряжных оленей ставили полукругом сдвинутые нарты, с помощью собак подгоняли к ним оленей, а затем с противоположной от нарт стороны протягивали веревку, замыкая круг (по-ненецки такой загон из нарт назывался *ва*¹³).

Внутри круга входили люди, выбирали оленей и привязывали их поочередно одной общей веревкой (обычно той самой, которая замыкала круг загона). Затем круг размыкали и выпускали оставшихся оленей. В восточных районах (например, у енисейских ненцев) часто вылавливали нужных для запряжки оленей просто арканом, особенно при наличии небольших стад. Потом приступали к запряжке. Сначала длинный потяг продевался через подвижные блоки, привязанные к передку нарт, и вся упряжь раскладывалась перед нартами. Затем запрягали оленей, начиная с передового, всех по очереди слева направо.

Управление оленями осуществлялось с помощью вожжи, идущей слева от передового оленя, и длинного шеста — хорей (*тюр*). Хорей делали обычно из березы, он имел круглое сечение и длину 3—5 м. На передний, более тонкий конец его надевался костяной (иногда деревянный) наконечник (*тюр' мал*) в виде пуговки или кружочка с проделанным в середине отверстием, который предохранял оленей от травмы, на другой конец — же-

¹¹ Помимо оленьих нарт, у ненцев бытовали собачья нарта и небольшая ручная нарта *сюнка*. Обе нарты, отличаясь меньшими размерами и большей легкостью, по конструкции были однотипны с грузовой оленьей.

¹² См.: Л. В. Хомич. Оленьи нарты и упряжь у ненцев.

лезный копьевидный наконечник (*наря*). Женский хорей обычно железного наконечника не имел или он был меньшего размера.

В далеком прошлом хорей использовался как оружие в военных столкновениях. Позднее железный копьевидный наконечник стал встречаться реже и служил оружием при нападении на стадо оленей волков, а также для пробивания проруби и т. п.

Ненцы (мужчины и женщины) садились на нарту с левой стороны. Во время езды в правой руке держали вожжу от передового оленя, а в левой наперевес — хорей.

Хороший передовой олень легко слушался вожжи и хорей, управляя тем самым остальными оленями. Слегка поддергивая вожжу, поворачивали оленей влево, ударяя вожжой по боку — вправо. Останавливали оленей или притянув за вожжу к нарте так, что они при этом описывали полукруг и становились головами около задка нарт, или выдвинув хорей несколько впереди головы передового оленя.

При кратковременных остановках оленей не распрягали, а просто привязывали вожжу к нарте.

Стоя на нарте, ненцы переезжали довольно глубокие реки, овраги и т. п. На оленьей легкой упряжке осуществлялось окарауливание оленей.

При перекочевках грузовые нарты соединялись по шесть-восемь вместе, одна за другой, образуя так называемый аргиш (*мюд*). Олени грузовых нарт привязывались к задку впереди идущей нарты с помощью ремня или цепи. Передняя грузовая нарта привязывалась к легкой нарте, ведущей аргиш. Бели такие группы саней (их может быть несколько) обычно женщины и дети. Весь обоз вел мужчина, едущий отдельно впереди на легкой нарте. Грузовые нарты в аргише располагались в определенном порядке: впереди — нарты с мягким грузом, а затем с ящиками, досками и пр. Последними припрягались нарты для шестов.

У лесных ненцев, т. е. группы ненцев, живущих в таежной зоне по р. Пур, тип нарт и оленьей упряжи очень незначительно отличался от описанных выше. Однако в отличие от тундровых ненцев у лесных сохранились пережитки оленеводства вьючно-верхового типа. Т. Лехтисало сообщает о седле для перевозки на оленях вьюков *rohoso*. По сведениям, полученным Г. Д. Вербовым, в начале нашего века были живы старики, помнившие верховую езду на оленях в районе верховьев р. Пур.¹³

Эти пережитки связывают оленеводство лесных ненцев с южным (саянским) вьючно-верховым, изучение которого поможет в зна-

---

¹³ Г. Д. Вербов. Лесные ненцы. Сов. этногр., № 2, 1936, стр. 64. Во время поездки в бассейн р. Пур в 1962 г. нам не удалось встретить лесных ненцев, которые помнили бы о существовании у них в прошлом седел и их названия.

чительной мере решению вопроса связей и происхождения северного тундрового оленеводства.

Другие средства передвижения. Из других видов передвижения у ненцев можно отметить езду на собаках, лодки, лыжи и пешие переходы.

Езда на собаках практиковалась ненцами на Новой Земле, где ввиду малого количества ягеля было невозможно использование оленя, на о. Вайгач, в Большеземельской тундре (главным образом в районе Югорского Шара), а также в зимнее время и в других районах расселения ненцев (на морском побережье, по рекам), причем собачьим транспортом пользовались в основном безоленные ненцы — охотники, промышленники морского зверя и рыбаки. Ненцы-олeneводы использовали в качестве упряжного животного только оленей. Таким образом, собачий транспорт для ненцев нельзя считать характерным.

Относительно времени появления упряжного собаководства в Западной Сибири, в частности у ненцев, отдельными исследователями высказывались различные предположения. Так, В. Г. Богораз считал, что западносибирское собаководство появилось поздно и, возможно, в подражание упряжному оленеводству.¹⁴ К этой точке зрения присоединился в более поздней работе, написанной совместно с В. В. Антроповой, М. Г. Левин. Авторы относят упряжное собаководство ненцев к северозападному типу, появившемуся лишь в XIX в.¹⁵

Следует отметить, что в сравнительно ранних источниках имеются сведения об использовании собаки в транспортных целях. Интересны в этом отношении материалы сказания «О человеках неизвестных в Восточной стране», где упоминается езда самоедов на оленях и собаках, а также сообщение разрядной книги о том, что во время похода 1499 г. рать Курбского и Ушатого передвигались на собаках, а лишь воеводы — на оленях.¹⁶

Вероятно, здесь речь идет о древнем западносибирском типе собаководства, который ряд авторов связывает с хантами и манси.¹⁷

Необходимо, видимо, дальнейшее изучение вопроса, так как предположение об исчезновении на территории Западной Сибири западносибирского типа и замены его северо-западным нуждается в более фундированной аргументации.

Упряжное собаководство у ненцев очень плохо описано в имеющейся литературе. Сравнительно полные материалы имеются по

---

¹⁴ В. Г. Богораз. Древние переселения народов в северной Евразии и Америке. Сб. МАЭ, т. VI, Л., 1927, стр. 44.

¹⁵ Упряжное собаководство. Историко-этнографический атлас народов Сибири. М.—Л., 1961.

¹⁶ П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга, стр. 25.

¹⁷ См., например: Л. П. Лапук. Упряжное собаководство в северо-западном Приуралье. КСИЭ, XX, 1954, стр. 33.

повоземельскому собаководству, которое является поздним,¹⁸ и собаководству у охотников-ненцев Канинского п-ова.¹⁹

Для ненецкого упряжного собаководства была характерна запряжка собак веером. Нарты, в которые запрягались собаки, по конструкции однотипны с оленьими нартами (сиденье, укрепленное на трех-четырех косо поставленных копыльях, высоко загнутый полоз, скрепление частей с помощью шипов). Обычно они отличались лишь меньшими размерами, большей легкостью. На Канинском п-ове употребляли нарты, сходные с грузовыми типа *нгута* (в канинском говоре *уту*').

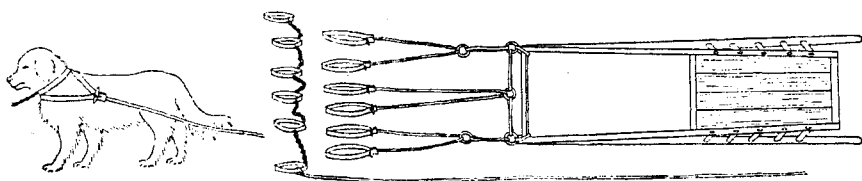

Рис. 5. Собачья упряжь.

Упряжь, бытовавшая у ненцев, представляла собой следующее (рис. 5). К передку саней прикреплялся ремень, вырезанный из шкуры морского зайца. Ремень или привязывался в нескольких местах к передней перекладине, или пропускаясь через несколько колец (блоков), привязанных к передку саней. Каждая подобранная по силе и выносливости пара собак имела общую постромку (пелейку), свободно ходящую в подвижной петле на ремне у саней. К концам постромки привязывались широкие кожаные лямки, надевавшиеся собаке на грудь через одно плечо. Постромка проходила вдоль левого бока правой собаки каждой пары и вдоль правого бока левой. Ввиду того, что при таком способе запряжки собака тянула одним боком, во время дальних поездок обычно меняли в каждой паре (кроме пары с передовым) собак местами.

Кроме постромок, все собаки соединялись между собой при помощи длинного ремня или цепи с привязанными к ней по числу собак ошейниками. Описанный способ запряжки обеспечивал большую подвижность собак, предохранявшую их от непроизводительной затраты сил при поворотах и при езде по неровной дороге. От лямки, или ошейника, надевавшейся на передового (крайнего левого) пса, шел длинный ремень (вожжа) к каюру. При поворотах налево ездок натягивал вожжу, передовик останавливался или замедлял бег, и вся упряжка, продолжая бег, поворачивалась

¹⁸ См., например, статью: А. Н. Д у б р о в с к и й. Собаководство на Новой Земле.

¹⁹ Материалы экспедиции автора 1958 г.

в сторону передовика. Для поворота вправо каюр подхлестывал передовика вожжой. Тогда, пятясь, последний начинал давить на соседних собак и таким путем поворачивал их в нужном направлении.

Более ранним, по-видимому, является тип упряжи, описанный в статье М. Г. Левина,²⁰ при котором лямка в виде пояса одевалась собаке на брюхо, таким образом, она тянула нарты тазом. О таком способе запряжки писал ранее А. Миддендорф: «В Западной Сибири всех неприятно поражает способ упряжи. Собаки тянут там сани не грудью, как на восток от Лены, а тазом, т. е. перед подвздошной костью через спину протянут мягкий в виде хомута пояс, который идет через подвздохи и на животе смыкается в хомутное кольцо, а между задними ногами проходит бечевка, которая в этом месте обматывается чем-нибудь мягким, чтобы не растирать ног».²¹

В более позднее время этот тип упряжи, насколько нам известно, не встречался.

Для управления упряжкой, помимо вожжи, а также для торможения употребляли, так же как при езде на оленях, хорей длиной около 3 м или длинный кнут.²² Иногда для остановки хорей бросали перед бегущими собаками. Поощряли собак во время пути криком: «Пырь!». Для остановки собак и для сбора их на кормежку употребляли зов: «Ля! Ля! Ля!».

Лучшими рабочими годами собак считали возраст от трех до пяти лет, причем предпочтение отдавалось кобелям.

Обучение щенков упряжной езде производилось обычно путем запряжки молодых собак с опытными, старыми собаками. В процессе работы выбирали передовых и так называемых «правых пелейных» (т. е. крайних правых), которые при запряжке веером играли большую роль, растягивая запряжку и тем самым создавая правильный, с необходимыми интервалами ход собак.

При езде на близкие расстояния запрягали шесть-восемь собак, при дальних — 10—12. Летом запрягали иногда до 16. Упряжка в шесть собак зимой перевозит до 250 кг.²³

На собаках развозили песцовые приводы, объезжали капканы, выезжали для промысла морского зверя на «припайке», производили перевозку различных грузов. Специальных построек для них обычно не делали.

На корм собакам шли продукты морского зверобойного промысла, вяленая рыба, на Новой Земле кайры, иногда специально приготовляемая болтушка из муки. Зимой они получали до 1.5 кг мяса в день. Летом кормежка бывала обычно крайне пере-

²⁰ О происхождении упряжного собаководства, стр. 100.

²¹ Путешествие на север и восток Сибири, ч. II. СПб., 1869, стр. 521.

²² А. Н. Д у б р о в с к и й. Собаководство на Новой Земле, стр. 453.

²³ Н. Н. С у ш к и н а. Два лета в Арктике. М., 1957, стр. 37.

гулярной. В годы, богатые леммингом, он являлся почти единственной пищей собак. На рост поголовья и улучшение породы ездовых собак обращалось недостаточное внимание.

Л о д к и. Переезды на лодках широко практиковались в летнее время. Лодки у ненцев встречались двух типов.

1. Шитые из досок лодки разных размеров (*уано*). Этот тип лодок был заимствован ненцами от хантов или русских. На такой лодке гребли двумя веслами, закрепленными в уключинах, нередко устанавливался парус (*есер'*), обычно прямой.

2. Челноки, выдолбленные из ствола дерева (*хой уано*, досл. «горная лодка»). Эти лодки делались небольших размеров и легко перевозились на нарте во время перекочевков. Управлялись с помощью двухлопастного весла. Наиболее распространены были челноки из осины или кедра. Часто к выдолбленному днищу пришивались борта, обычно почти без развода. Долбленки, как и шитые лодки, ненцы предпочитали приобретать у русских, коми или хантов и сравнительно редко изготовляли сами.

Л ы ж и. Ходьба на лыжах была распространена главным образом в районах лесотундры во время охоты, частично при пастьбе и загоне оленей. При объезде капканов ненец вез с собой на нарте лыжи и надевал их для прохода в места, где трудно проехать на нарте — возвышенности, кустарники и т. д.

Лыжи встречались трех разновидностей.

1. *Пяй* или *пяй ламба* («деревянные лыжи»). Это не очень широкие лыжи-голицы (не подбитые шкурой), употреблявшиеся летом (редко) или во время гололедицы.

2. *Пена ламба* — лыжи, подбитые камусом. Камус приклеивался рыбьим клеем назад ворсом. Для большей прочности по краям камусная обивка слегка находила на верхнюю плоскость лыж.

3. *Хоба ламба* — лыжи, подбитые снизу шкурой оленя. Ненкогда встречались лыжи, подбитые шкурой выдры. О них имеется упоминание в фольклоре.

Лыжи прикреплялись при помощи двойного ремня, охватывающего носок и пятку. Ходили на лыжах без палок.

П е ш и е п е р е х о д ы ненцами практиковались только летом на небольшие расстояния. Ненцы-оленьеводы даже короткие переезды всегда совершали на оленях. Это объяснялось трудностью ходьбы по тундре, а также сложившейся традицией, по которой для оленевода считалось зазорным прийти в гости пешком. Это могли делать только безоленные ненцы.

Глава 5

ЖИЛИЩЕ

Единственным видом жилища у ненцев до Великой Октябрьской социалистической революции был чум (мя', множ. число *мяд'*) — переносная конусообразная палатка. Чум был характерен также для саянских предков самоедов.¹ Он сохранился и сейчас в Южной Сибири в районах расселения оленеводов — тувинцев-тоджинцев.

Досамодийское население побережья Карского и Баренцова морей, как свидетельствуют археологические и другие источники, обитало в жилищах оседлого типа — землянках. Таким образом, чум был занесен на территорию современного расселения ненцев из более южных районов самоедоязычными племенами. Об этом свидетельствует, в частности, общее название для этого жилища у всех самодийских народностей (энецкое *ме*, иганасанское *ма*, селькупское *мот*).

Чум являлся наиболее широко распространенным типом переносного жилища среди народов Сибири. Для тундры коническая его форма наиболее целесообразна, так как с довольно крутой поверхности чума снег скатывается, не задерживаясь, поэтому при перекочевках чум без очистки и разгребания снега легко может быть разобран. Он является также устойчивым при метелях и ветрах.

Помимо самодийских народов, а также хантов, манси и коми, заимствовавших этот тип жилища вместе с оленеводством у ненцев,² конический чум встречался у кетов, долганов, эвенков, северных якутов, эвенов, юкагиров, негидальцев, ороков и орочей. В конструкции чума этих народностей имелись различия (в способе скрепления основных шестов, в их числе, устройстве очага и т. д.).³

¹ См., например: Георги. Описание. . ., стр. 14, 19.

² В. Н. Чернецов. Чум. Сов. этногр., № 6, 1937, стр. 85.

³ См.: А. А. Попов. Жилище. Историко-этнографический атлас народов Сибири.

У ненцев различных районов чум несколько отличался способом скрепления основных шестов, устройством приспособления для подвешивания котла и некоторыми другими деталями, о чем будет сказано ниже.

Ненецкий чум состоял из 25—40 (иногда до 50) шестов и нескольких покрышек, которые легко укладывались на две-три специально предназначенные для этого нарты (*нуто'*). Шесты для чума (*ну*) заготавливались обычно в зимний период, когда стада подходили к лесам. Делались они из стволов ели длиной около 5 м (до 7—8 м), имели круглое сечение, за исключением основных шестов (*макода*, их обычно бывало два), имевших часто прямоугольное сечение.⁴ Все шесты в нижней части заострялись. В западных районах расселения ненцев (Европейский Север, Ямалский п-ов) основные шесты на некотором расстоянии от верхнего конца имели по одному сквозному отверстию, сквозь которые продевалась веревка (*макода иня*) и завязывалась, образуя кольцо, соединяющее оба шеста. При установке основные шесты перекрещивали несколько ниже веревочного кольца (табл. III), в которое затем вдевали верхние концы других шестов чума. В юго-восточных районах Ямало-Ненецкого округа основные шесты не имели сквозных отверстий, их просто связывали веревками. В некоторых районах (Большеземельская, Гыданская тундры) встречались чумы с тремя основными шестами⁵ (обычно в летнее время), которые также просто связывались веревкой.

От числа шестов (и их длины) зависели размеры чума: чем больше шестов, тем вместительнее чум. С другой стороны, размеры чума зависели от материальных возможностей хозяйства, а также от численности семьи. Так, можно было часто встретить маловместительные остроконечные бедняцкие чумы. В фольклоре, например, встречается образное выражение *нибяреха мя'* («иглоподобный чум»). И наоборот, чум богатого оленевода имел форму тупого конуса.

Летний чум обычно бывал меньше зимнего. Зимние и летние покрышки для чума различались. Зимние покрышки (*нюки*) шились из крупных зимних шкур взрослого оленя (причем употреблялись только спинки) нитками из сухожилий оленя. Зимних покрышек бывало четыре: две нижние — подночья (*мюйко*), покрывающие остов чума мехом внутрь, и две наружные (*ея*) — мехом наружу. Все четыре покрышки шились примерно одинакового размера (несколько превышающего половину поверхности чума) и имели форму усеченных секторов. В верхних углах каждой покрышки имелись специальные «кармашки» (*ея ха, мюйко ха*), за которые шестами поднимали покрышки чума на остов. Наруж-

⁴ У лесных ненцев среднего течения р. Пур основные шесты называются *мяд' жасава'* — «чумовые» мужчины.

⁵ А. С о б о л е в. На реке Танаме. ИРГО, т. LVI, вып. 2, 1926, стр. 129, и др.

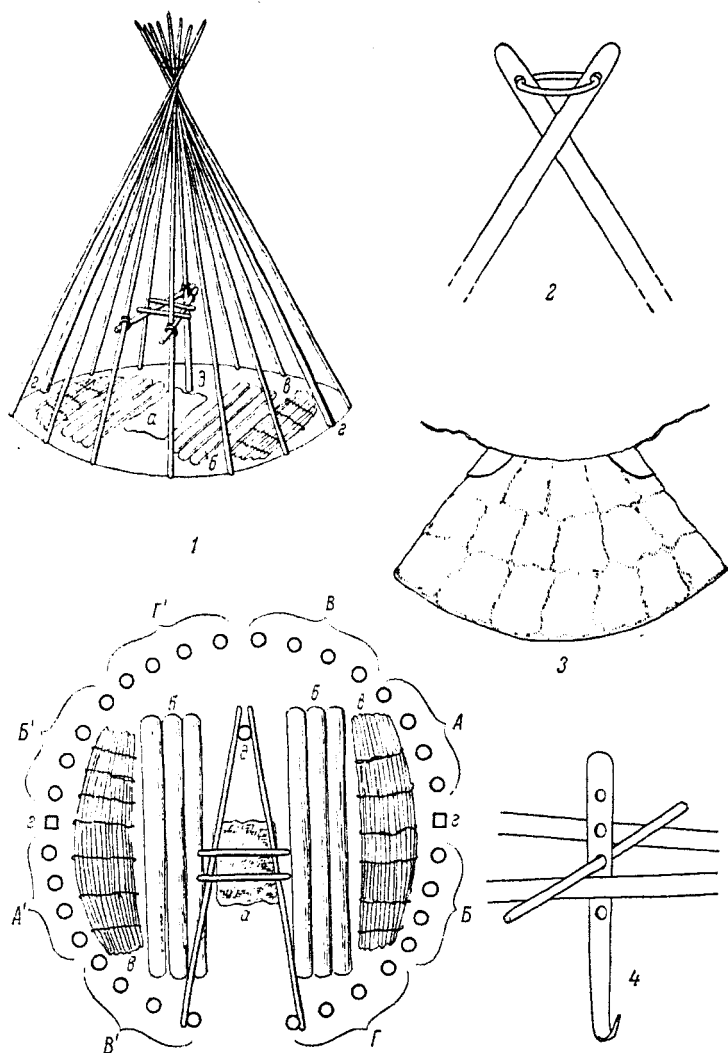

Табл. III. Устройство чума.

1 — чум (вид сбоку и сверху): а — железный лист для костра, б — доски, служащие в чуме полом, в — циновки из ивовых прутьев, г — основные шесты чума, д — шест симзы; 2 — способ крепления основных шестов чума; 3 — меховая покрывка; 4 — приспособление для подвешивания котла.

ные покрышки шили обычно из новых шкур (на две покрышки шло от 25—30 до 40 шкур), внутренние — обычно изготавливали из несколько вытертых шкур или использовали для них поношенные наружные покрышки. Если поднючья шили из новых шкур, то шерсть на них подстригалась. Иногда в качестве поднючьев использовались суконные полотнища. Внутренние покрышки предохраняли нюки от жары, а также улучшали теплозащитные свойства чума, создавая воздушную прослойку.

Всего на покрышки зимнего чума шло около 60 шкур, таким образом, покрышки представляли собой значительную ценность. Многие малооленные хозяйства имели однослойные покрышки, часто настолько ветхие, что они служили плохой защитой от ветров и морозов.

Углы покрышек имели веревки (*мауг*), которыми они привязывались к шестам чума.

Покрышки летнего чума (тиски) сшивались из полос бересты (*тэ*). Заготовка бересты для покрышек производилась летом. Снятая береста очищалась от наростов и верхней белой пленки, свертывалась в рулоны и варилась в котлах около суток, после чего в размягченном виде куски бересты складывались в два или три слоя так, чтобы слои перекрещивались (обычно два продольных и один — между ними — поперечный), а затем сшивались в большие полотнища (4—5 для одного чума). Вываренная береста обладала значительной эластичностью и прочностью и не пересыхала в течение долгого времени. Берестяные покрышки (или невыделанная береста) иногда приобреталась ненцами у народностей, населяющих лесную зону, в частности у хантов.⁶ Однако ненецкие женщины были весьма искусны в изготовлении таких покрышек.

Некоторые ненцы, кочевавшие в пределах тундры, не имели берестяных покрышек, а использовали для покрытия остова чума летом выношенные зимние нюки (в один слой). Иногда для этой цели употребляли сукно. Однако сукно плохо предохраняло от дождя и было труднодоступно.

Существовал определенный порядок при установке чума. Прежде всего выбиралось место. Выбор места был связан с временем года (зимой чум ставили по возможности на укрытых от ветра местах, летом, наоборот, на возвышенных, открытых) и другими факторами. Например, богатые оленеводы ставили свои чумы в отдалении от других чумов, чтобы не смешивались олени стада, тогда как бедняки, особенно летом, объединялись в стойбища. Большое значение имело наличие вблизи данного места ятеля.

---

⁶ Интересно, что ханты и манси называют берестяные тиски «ненецкая береста» (хантыйское *jorrin tondi*, мансийское *jorn sas*). В. Н. Чернецов. Чум, стр. 88. Это свидетельствует, по-видимому, о древности покрытия самодийскими народностями чума берестой.

Ведущий аргиш проезжал вперед и останавливался на том месте, где предполагалось ставить чум. Остальные аргиши объезжали его с обеих сторон и останавливались по бокам параллельно друг другу.

Место, приготавливаемое для чума, расчищалось. После этого взрослые начинали распрягать оленей легковых упряжек, дети — оленей, запряженных в грузовые нарты. Затем дети распаковывали нарты с предметами домашнего обихода, а женщины развязывали нарты с шестами и покрышками.

Установка чума была делом женщин, которым помогали девочки-подростки.

В зимнее время на место, где намечалась середина чума, клали железный лист для костра (*тюю*). Обычно под лист подкладывали два бревна размером 1—1.5 м, которые поддерживали его на уровне пола чума, когда снег под листом подтаивал. Летом на месте костра делалось небольшое углубление.⁷

По обеим сторонам листа (табл. III) укладывали по две-три доски, служившие в чуме полом (*мата*) размером приблизительно 0.3×4 м. Наличие досок служило признаком зажиточности чума. В бедняцких чумах нередко досок не было. Вслед за досками, дальше от костра (зимой), клали циновки, сплетенные с помощью веревок из березовых прутьев (*ху'нер'*), на которых позднее, после установки чума, устраивали постели. Потом две женщины устанавливали основные шесты чума (*макода*), скрепленные, как указывалось, в верхней части веревочным кольцом. Ставились они по обе стороны досчатого настила и циновок, на равном расстоянии от входа⁸ и противоположной стороны чума, определяя диаметр будущего чума (от 5 до 8 м). Нижние заостренные концы основных шестов слегка вкапывали в землю (или в снег). Некоторое время эти шесты поддерживали один или два человека, пока поставленные другие шесты не придавали им устойчивого положения. Затем ставили четыре шеста *хо'нэ* (табл. III, I, группа А). Одновременно ставили шесты и с другой стороны (группа А¹). Верхние концы этих шестов просовывали в петлю основной пары. Таким же порядком устанавливали шесты групп В и В¹.

После этого устанавливали *сымзы*⁹ — шест, находившийся внутри чума и являвшийся составной частью приспособления для подвешивания котла над костром. *Сымзы* считался священным шестом, олицетворяющим духа очага. Этот шест был нередко

⁷ Железный лист убирали весной, как только стаял снег. Это событие примерно соответствовало выставлению рам в русских домах, т. е. как бы знаменовало наступление весны. Зимние нюки меняли на летние обычно несколько позже.

⁸ Вход делался с подветренной стороны.

⁹ В. Н. Чернецов в статье «Чум» приводит говорной вариант *симса*. Лесные ненцы называли его *шинты*.

резной, а у шаманов на его вершине находилось деревянное изображение шаманской птицы *минлей*.¹⁰

Шесты групп *B*, *B*¹ и *Г*, *Г*¹ устанавливались в последнюю очередь, причем концы их уже не просовывались в петлю основных шестов, а накладывались поверх нее.

Потом устраивалось приспособление для подвешивания котла. Для ненецкого чума можно отметить несколько вариантов его. Наиболее распространенным являлся следующий. На уровне примерно 1.5 м укреплялись два горизонтальных шеста (*ти*), причем задние концы просовывались в петлю, привязанную к *сымзы*, а передние — в петли, привязанные к шестам, образующим вход (*нённы*). Поперек этих шестов над костром клался стержень, обычно железный (*пад'ню*),¹¹ который продевался в отверстия, имевшиеся в крюке для подвешивания котла (*па'*). Таких отверстий в крюке бывало несколько (в Большеземельской тундре до 26, в других районах 5—9), благодаря чему можно было поднимать котел выше или спускать ниже, к огню. В хозяйствах с большим достатком передние концы *ти* прикрепляли не к дверным, а к специально поставленным внутри чума у входа дополнительным шестам.

В некоторых районах (о. Колгуев, п-ов Ямал, низовья рр. Таз, Пур и др.) часто крюк для котла (особенно в летнее время) прикрепляли к П-образной установке, поставленной посреди чума. Любопытно, что это приспособление не имело специальных ненецких названий, а называлось: верхняя перекладина — *ед' маха*, т. е. «спина котла», а вертикальные подпорки с развилкой — *ед'уэ'*, т. е. «ноги котла», что указывало на его случайный или временный характер. При наличии такого приспособления, как правило, *ти* и *сымзы* отсутствовали.

Когда остов чума был поставлен, начинали натягивать нюки. Для этого обычно нужно четыре человека: двое специальными шестами (*есенабц'*) поднимали нюки за кармашки вверх, а двое держали их за боковые края, расправляли и завязывали веревки.

В зимнем чуме сначала натягивали по очереди внутренние покрышки, которые крепко привязывали веревками, имевшимися на углах покрышек, причем концы веревок привязывали всегда у оснований шестов. Затем поднимали и привязывали наружные покрышки. Для большей прочности и для того чтобы боковые края нюков не отставали, к чуму снаружи прислоняли шесты с надетыми на них свободными нартами. К основанию чума подгребали снег,¹² чтобы в чум снизу не проникал ветер. Такой вал из снега у основания чума носил название *таха*. Дверь (*нён*) зим-

¹⁰ Ю. Кушелевский. Северный полюс и земля Ямал, стр. 110; В. Н. Чернецов. Чум, стр. 86.

¹¹ Их бывало два и даже три — для котла, чайника и т. д.

¹² Летом — землю или мох.

него чума образовывалась свободно свисающим краем одной из внешних покрышек.

При устройстве летнего чума сначала покрывали остов нижними полотнищами, а затем верхними так, что они несколько находили на нижние. Две длинные веревки, привязанные к верхним углам верхних покрышек, обвивались вокруг чума в виде спирали и прикреплялись к основаниям шестов. Дверь в берестяной чум представляла собою прямоугольный или несколько суженный в верхней части кусок трех-четырёхслойной *тиски*, края которой обшивались кожей или берестой. Дверь подвешивалась на двух веревках, одни концы которой привязывались к ее углам, а другие — к верхушке одного из шестов. Иногда (чаще всего в лесной зоне) сбоку двери пришивали две кожаные петли, которыми она надевалась на шест, нижним концом воткнутый в землю и прислоненный к чуму.¹³

В верхней части чума оставалось не закрытое полотнищами отверстие для выхода дыма (*макода' си*). Для того чтобы дым не задувало ветром внутрь чума, зимой это отверстие прикрывалось с наветренной стороны небольшим трапециевидным куском шкуры (*тюрсер'*), а летом — куском бересты, поднимаемым также шестами *есенабц'*. Зимой, в морозы, отверстие для выхода дыма обычно старались делать как можно меньше для лучшего сохранения тепла. Однако это мешало свободному выходу дыма, и он густо скапливался в чуме, вынуждая жителей сначала сидеть, а потом и лежать на постелях, спасаясь от дыма, который концентрировался в верхней половине чума.

После того как чум был покрыт нюками и внесены постельные принадлежности и другие вещи, женщины застилали постели.¹⁴ Поверх циновки из ивовых прутьев, о которых было сказано выше, клали циновки, сплетенные из сухих стеблей трав (осока, камыш и т. п.), *чум' пэца* (или *чутер'*), затем — оленьи шкуры для спанья (*пэца, хоба*). У самого основания шестов складывали сумки и другие мягкие вещи и на них клали подушки (*пыркобт', чэва' уылы*). Подушки обычно шили из ситца или иной хлопчатобумажной ткани (иногда сукна) и набивали оленьей шерстью. Одеждами (*то'*) в чуме служили обшитые материей овчины, которые приобретали в русских селениях, или оленьи шкуры. Летом, в комарное время, спальное место на ночь отгораживали специальным пологом (*есер'*) из ситцевой или иной материи, которая привязывалась к шестам чума у изголовья. На день полог свертывали в рулон и закрепляли над подушками.

На случай сильной непогоды иногда чум привязывали к близстоящему дереву или тяжело нагруженным саням, так как без

¹³ В. Н. Чернецов. Чум, стр. 88.

¹⁴ На установку чума уходило около часа.

этой предосторожности все сооружение могло быть опрокинуто ветром.

Как упоминалось, по обычаю мужчины не принимали никакого участия в установке чума. Пока женщины выполняли все описанные выше работы, мужчины складывали упряжь, иногда заготавливали дрова,¹⁵ после чего в ожидании установки чума и приготовления еды и чая беседовали о событиях дня сидя на нартах.

Отдельные части чума в зависимости от назначения носили следующие названия. *Нюний* (нёны) — часть чума у входа. Здесь обычно хранились дрова. *Синий* (си', *синекуй*) — часть чума против входа, за *сымзы*. Эта часть считалась «чистой», священной, там хранились различные предметы культа, посуда, часть пищи. Женщины не могли обходить костер со стороны *си'*, даже снаружи женщинам не разрешалось проходить мимо этого места. По свидетельству некоторых авторов, в чумах богатых ненцев *синекуй* завешивался оленьей шкурой.¹⁶ *Ва'ав* — спальное место, часть чума, где находились вещи и постели, заправленные определенным образом (обычно в левой от входа половине). В пределах *ва'ав* могли спать от 5 до 10 человек. *Сея* — место по обеим сторонам от входа (ближняя к входу часть *ва'ав*). Здесь клали всевозможную утварь — одежду, обувь, вещи хозяйки. *Пелей(ка)* — общее название нежилой части чума.

В чуме обычно жила одна семья, иногда две. Бедные ненцы, как правило, имели всего по половине чума и, таким образом, в чуме жило две семьи. Зимой, когда ненцы оставались на одном месте по восемь дней и больше, чумы устраивались гораздо тщательнее и бывали просторнее, так как часто жители нескольких чумов объединялись вместе, в одном чуме.¹⁷

Жилая площадь внутри чума распределялась следующим образом. Наиболее почетным местом считалась часть *ва'ав* против основных шестов, с левой стороны от входа. Здесь спали глава семьи и его жена, а также младшие дети. Дальше к *сымзы* — неженатые сыновья. На другой стороне, от середины к *сымзы* — старики (например, отец главы семьи), неженатые сыновья и работники, а от середины к двери — незамужние женщины (дочери, сестры главы семьи) и работница, если она была. Другие брачные пары, например, женатый сын, или работники, или младший брат главы семьи, занимали середину правой половины.

Гостей укладывали, придерживаясь изложенной схемы: мужчины — от середины к *сымзы*, женщин — от середины к входу, женатых — на середине, причем в зависимости от того, какое поло-

¹⁵ В качестве топлива употреблялся обычно кустарник (ивняк, тальник), высушиваемый в чумах, а на морском побережье — плавник или мох.

¹⁶ См., например: С. В. М а к с и м о в. Год на Севере, стр. 328.

¹⁷ А. Ш р е н к. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 290.

жение имел гость, укладывали его ближе или дальше от края. Самыми худшими считались крайние места к *сымзы* — для мужчин и к входу — для женщин.¹⁸

Если в чуме жили две семьи, то каждая занимала свою половину, придерживаясь в ее пределах указанного принципа. Богатые оленеводы (особенно на Ямале) имели по два, три, а иногда и четыре чума. Такие оленеводы имели несколько жен, и каждая жена с детьми жила в отдельном чуме.¹⁹

Кочевой образ жизни определял минимум предметов, которыми пользовалась в повседневной жизни ненецкая семья, поэтому основные предметы убранства чума и у зажиточных ненцев и у бедняков различались мало.

Мебели в чумах не было никакой, за исключением низкого столика (*тол, толь*), за которым обедала семья. Ставился он на время еды перед главой семьи или почетным гостем, остальные размещались кто как мог, иногда в чуме было два столика. Столы эти высотой около 20 см изготовляли сами ненцы. Столешница размером примерно 40×60 см, состоящая из трех-четырех досок, укреплялась на четырех коротких ножках. Судя по несколько видоизмененному русскому названию, эти столы вошли в быт ненцев уже после знакомства с русскими.

О постельных принадлежностях мы говорили выше.

К ненецким национальным предметам быта можно отнести чрезвычайно широко распространенные у всех групп ненцев мешки из оленьих шкур (иногда из нерпичьей или осетровой кожи) разных размеров (*пад, падко*), служившие для хранения меховой одежды, кусков меха, шкурок, запаса древесных стружек, перьев и т. п. Их сшивали из двух половин (передней и задней), представлявших собой прямоугольные полотнища меха или ровдуги с закругленными нижними углами, причем высота этих сумок обычно меньше ширины. Переднюю сторону сумки богато орнаментировали, сшивая узоры из камуса со вставками из полосок сукна. Задняя сторона не имела украшений и часто делалась из ровдуги или нерпичьей шкуры. Устье сумки обшивали полосой меха. Вдоль отверстия пришивали три пары ремешков для завязывания (рис. 22). Средний размер сумок — 40×60 см. Они чрезвычайно удобны для перевозки на нартах. В чумах они иногда служили подушками. Эти сумки у ненцев охотно покупали северные ханты, часто обменивая на берестяные туеса.

Широко были распространены сумочки другого типа — *туця'*, служившие для хранения швейных принадлежностей. Они имелись у каждой женщины, девушки и девочки, достигшей семи-восьмилетнего возраста. *Туця'* шили из шкур с двух оленьих

¹⁸ В. Н. Чернецов. Чум, стр. 88; материалы экспедиций автора.

¹⁹ Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 210, и др.

лбов (обычно светлой и темной окраски), соединенных по бокам вставками из крашеной ровдуги, и украшали орнаментом из камуса. Устье обычно делали также из крашеной ровдуги и собирали на вздержку с помощью тесемки или ровдужного ремешка. По краям орнамента пришивали ровдужную бахрому, часто с прикрепленными на концах копытцами новорожденных телят. На месте глазниц нашивали треугольные кусочки орнамента (*сэв' си*, досл. «глазные отверстия»). Встречались *туця'*, обшитые по всей поверхности медными пуговицами или бляхами. К *туця'* на ровдужных ремешках прикреплялись маленький мешочек для жильных виток и кусочков сукна (*нюдокоця падко*, досл. «маленький мешочек»), игольник (*нив' уся*) и футлярчик для наперстка (*нумбья' усяко*), украшенные орнаментом из меха разных оттенков и кусочков сукна. В восточных районах расселения ненцев употреблялись трубчатые игольники, в западных для этой цели служили просто кусочки меха, иногда украшенные сукном.

Необходимой принадлежностью быта ненцев являлись деревянные колотушки. Они встречались двух типов — мужские и женские. Мужские (*хасава яугаць'*) служили для сколачивания снега с сиденья нарты, раскапывания снега при осмотре мест для пастбы оленей и установке капканов. Они представляли собой лопатку с вогнутой лопастью на рукоятке длиной около 30 см (общая длина 50—60 см, ширина лопасти 5—10 см).

Женские колотушки (*яугаць'*, *не яугаць'*) служили для оббивания снега с обуви и меховых вещей и имели саблевидную форму, причем каждая сторона была затесана на две грани. Общая длина 70—80 см.

В фольклоре упоминаются колотушки из кости (*лы яугаць'*).

Для освещения чума ненцы иногда пользовались жировыми светильниками (обычно единственным источником света был костер), представлявшими собой чашки, наполненные оленьим салом, куда клали кусок веревки, который затем поджигали.²⁰

В прошлом у ненцев бытовали чесалки для спины. Они изготовлялись из оленьего рога и обычно имели форму дугообразно изогнутой лопатки длиной 25—30 см.

С ведением оленеводческого хозяйства издавна связан кочевой образ жизни, поэтому чумы стояли на одном месте недолго, а затем перевозились поближе к новым оленьим пастбищам.

Каждая новая перекочевка сопровождалась разборкой чума.²¹

В день перекочевки жители чума вставали раньше, чем в обычные дни. Пока женщины готовили еду, мужчины проверяли исправность упряжи, саней. После завтрака все выходили на

²⁰ О. Тревор-Бетти. Во льдах и снегах. (Путешествие на остров Колгуев). СПб., 1897, стр. 197.

²¹ Помимо обычных перекочевок, ненцы часто в случае накопления мусора или весной при появлении сырости от таяния снега переносили чум на соседнее место. При этом выколачивались вещи, мылись доски и т. д.

улицу. Женщины выносили из чума и укладывали на нарты постельные принадлежности, одежду, мужскую и детскую обувь. Тем временем девочки и пожилые женщины развязывали веревки от покрывек чума, а затем помогали женщинам снимать нюки. На грузовую нарту (*сябу*) укладывали доски, железный лист из-под костра или печку, дрова и женскую обувь. Мужчины укладывали на грузовые нарты лодку, а также бочки. После этого начинали «ломать» чум.²² Шесты разбирали в обратном порядке и укладывали на одну-две нарты (*уито'*). На них клали нюки, внутрь которых укладывали *ягушки* (спальную одежду), стол, чайники, котлы, ведра.

В это время один из мужчин ехал за стадом, другие готовили загон из нарт. Запряжкой оленей заканчивались сборы в путь.

Место бывшей стоянки чума (*мяды*) было принято оставлять чистым. После того как были уложены на нарты части чума и венцы, женщины подбирали всякий мусор и сжигали его. Такой обычай связан с представлением, что сразу после откочевки людей на чумовище появляется дух *мядинда*, который собирает все то, что было оставлено, и может посредством этих предметов причинить вред уехавшим людям. Особенно считалось опасным оставлять волосы или обстриженные ногти.

Ненецкие чумы редко объединялись в большие стойбища. Чаще всего стойбище состояло из одного-трех чумов. Исключение составляло лето, когда оленеводы бывали заинтересованы в концентрации двух-трех и более (до 10) чумов для объединения оленей, которых пасты в комарное время легче большим стадом. Стойбища рыбаков, располагавшихся летом на длительный период возле рыболовных угодий, нередко (особенно на песках больших рек) состояли из пяти-десяти и более (до 30) чумов.

Еще в XIX в. стойбища объединяли представителей одного рода. Однако с появлением имущественной дифференциации и усилением разложения родового строя родовой характер стойбища стал понемногу утрачиваться.

Перед Великой Октябрьской социалистической революцией нередко в стойбище находились чумы богача-оленевода и его пастухов или мелких, формально самостоятельных оленеводов, находящихся у него в зависимости.

Вспомогательные хозяйственные постройки для ненцев не были характерны. Олень, пасущийся круглый год на подножном корму и под открытым небом, не нуждается в специальных помещениях.

Меха, лишняя одежда и прочие не употребляемые в данный момент вещи хранились вблизи поселков, стойбищ или просто

²² Поставить чум — *мярась*. Этот глагол может сочетаться также со словами «капкан», «пасть» (*яугом'* *мярась* — поставить капкан, насторожить пасть и т. д.). Разобрать чум — *хавдась*.

в тундре плотно увязанными на нарте. Часто зимняя одежда и нюки оставались без всякого присмотра в местах зимних и летних кочевий где-нибудь на буграх, чтобы их было потом легко найти. Случаи хищения этих вещей не имели места. Иногда часть таких нарт возили при перекочевках с собой.

Муку, мясо, рыбу хранили в бочках, привязанных к саням, сахар, чай — в ларях, ящиках, имеющих форму домика, обычно выкрашенных масляной краской.

Рис. 6. Лабаз для хранения вещей. Низовья р. Пур.

В бассейне р. Пур, на о. Колгуев ²³ и частично в Канинской тундре главным образом у богатых ненцев встречались небольшие рубленые амбары на высоких подпорках (*тин*), в которых складывались запасы продовольствия, летом — зимняя одежда, зимний чум и т. д.

Для хранения пищевых запасов, упряжи и других вещей употребляли лабазы (*паре*), состоящие из настила из досок или жердей, укрепленного на высоких подпорках или козлах (рис. 6). Для хранения мяса и особенно рыбы осенью нередко устраивали ямы, вырытые в земле (*я тин*).

Из временных жилищ, употребляемых на промыслах или в пути, можно отметить шалаши из ветвей хвойных или лиственных деревьев, заслоны из ветвей, шкур или чумового нюка и т. д.

²³ И. А. Перфильев. Краткий очерк географии острова Колгуева. Северное хоз., № 10—12, 1926, стр. 78.

Енисейские ненцы в качестве жилища иногда употребляли балок, заимствованный ими у русских или долганов. Балок представлял собой деревянный четырехугольный остов, поставленный на большие нарты и обтянутый оленьими шкурами и парусиной. Балок имел дверь и окна, а внутри — железную печь. Везли его четыре-шесть оленей. Балок, столь характерный для долган, среди ненцев был редким явлением.

В отдельных районах, где ненцы с давних пор тесно общались с русскими, некоторые из них еще в прошлом столетии переселились в рубленые избы (например, в селах Колва, Тельвиска, на Новой Земле). Однако это были единичные случаи.

Глава 6

ОДЕЖДА

Первые упоминания об одежде ненцев дают представление только о материале, из которого ее шили. Так, в известном сочинении Платона Карпинина, относящемся к XIII в., имеются следующие сведения: «...палатки и платье их (самоедов, — Л. Х.) также сделаны только из шкур зверей».¹

В сказании «О человеках неизвестных в Восточной стране» об одежде самоедов говорится: «...а платье носят соболье и оленье...».²

Позднее появляются отдельные упоминания о покрое и других деталях.

Англичанин Джильс Флетчер, посетивший Россию в XVI в., сообщает об одежде обдорских ненцев: «Они одеваются в оленьи шкуры, спускающиеся до самых колен, шерстью вверх, с такими же штанами и обувью, как мужчины, так и женщины».³ Английский путешественник Вильям Персглоу (начало XVII в.), говоря о самоедах и тунгусах, указывает на различия в покрое их одежды: «...их (тунгусов, — Л. Х.) одежда, сделанная из кожи, короче и плотнее облегает их тело, чем у самоедов».⁴

Участник Нидерландской экспедиции 1594—1595 гг. Гюйген ван Линсхотен сообщает об одежде ненцев на о. Вайгач: «Платье их из меха, непокрытого снаружи, волосом во внутрь, на руках перчатки, приделанные к рукаву, чтобы можно было всегда снимать и одевать, так же как и шапка на голове, приделанные к одежде».⁵

¹ М. П. Алексеев. Сибирь..., стр. 8.

² А. А. Титов. Сибирь в XVII в. М., 1890, стр. 1—6.

³ М. П. Алексеев. Сибирь..., стр. 204. О сходстве женской и мужской одежды см. там же, стр. 280.

⁴ Там же, стр. 232.

⁵ Нидерландская экспедиция к северным берегам России в 1594—1595 гг. Зап. по гидрогр., т. XXXIX, вып. 3, Пгр., 1915, стр. 498.

Интересные замечания находим в сочинении Исаака Массы «Покорение Сибири»: «Нитки их сделаны из сухожилий различных мелких животных; так сшивают они вместе различные меха, которые служат им одеждой, причем летом носят они шкуры ворсом наружу, зимою же внутрь, обращая их к телу».⁶

Об изготовлении одежды из оленьей шкуры говорится также в Сибирских летописях: «Остяки же одежду имеют от рыб, Самояды же от еленей».⁷

В сочинении известного немецкого ученого и писателя А. Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», относящемся к середине XVII в., содержатся также замечания относительно одежды самоедов.⁸

Несколько особняком стоят сообщения участника датской торговой экспедиции де Ламартиньера. Описывая барандайцев (жителей Большеземельской тундры в районе о. Варандей) и самоедов более южных районов, примыкающих к Уралу, он нигде не говорит об оленьих шкурах, а только о шкурах белых медведей, употребляемых на пошив одежды. Жители Новой Земли, по свидетельству Ламартиньера, носили одежду из шкур морских животных и птиц. Повсюду он подчеркивает сходство одежды мужчин и женщин.⁹

Таким образом, уже ранние источники дают нам некоторые материалы по одежде ненцев. Однако, как мы видели, они все же совершенно недостаточны для того, чтобы составить общее представление о характере покроя и деталях ненецкой одежды того времени. В частности, недостаточно ясно, была ли одежда ненцев в то время глухой или разрезной (то это кафтан, то это рубашка из оленьего меха). Сведения о том, что самоеды носили летом одежду мехом наружу, зимою внутрь, не соответствуют более поздним материалам.

Интересным является утверждение вышеприведенных авторов относительно полного сходства мужской и женской одежды (как будет показано ниже, мужская и женская одежда в XVIII—XX вв. сильно отличалась по крою и отделке).

Таким образом, если материалы по одежде, охватывающие период до XVIII в., мы и должны иметь в виду, пользоваться ими для каких-либо выводов можно лишь с большой осторожностью.

Более подробные и точные сведения об одежде ненцев разных районов относятся ко второй половине XVIII в. и связаны в основном с Академической экспедицией 1768—1774 гг. В работах

⁶ М. П. Алексеев. Сибирь. . . , стр. 257.

⁷ Сибирские летописи. Изв. имп. Археол. комиссии, СПб., 1907, стр. 111, Есиповская летопись по Сычевскому списку.

⁸ М. П. Алексеев. Сибирь. . . , стр. 295.

⁹ П. М. де Ламартиньер. Путешествие в Северные страны (1653). Зап. Моск. археол. инст., т. XV, 1912, стр. 46, 47, 50, 78, 92—93.

В. Ф. Зуева,¹⁰ П. С. Палласа,¹¹ И. Лепехина,¹² а также В. Крестинина¹³ и других материалах, относящихся к XVIII в., имеются описания одежды ненцев.

Эти описания свидетельствуют о том, что в XVIII в. одежда ненцев, европейских и зауральских, была такой же, как и в начале XX в., т. е. мужчины носили глухую одежду (малица, совик), женщины — распашную, судя по описанию такого же покроя. То же можно сказать об обуви и других частях одежды.

Однако, как мы увидим, в течение конца XVIII, XIX и начала XX в. произошло вытеснение — с востока на запад — существовавшего в XVIII в. типа верхней мужской и женской одежды другим, характерным сейчас для всех восточных районов расселения ненцев.

Остановимся подробнее на отдельных видах ненецкой одежды.

Мужская одежда. Мужская одежда состояла из малицы, штанов, меховой обуви и в холодное время совика. У канинских ненцев бытовали шапки.

З и м н я я о д е ж д а. Малица (*мальца*) — глухая, без разреза, одежда, сшитая из телячьих шкур (осенних или летних) мехом внутрь. По покрою она напоминала просторную рубаху, доходящую до колен, причем перед делался несколько короче. Малица во всех районах расселения ненцев (кроме Канинского п-ова и о. Колгуев) в конце XIX—начале XX в. имела пришитый капюшон (*мальца сава, сёбя*), заменяющий шапку (рис. 7; табл. IV, 1). При помощи продернутой тесемки можно было сужать или расширять отверстие, обрамляющее лицо. Капюшон шили обычно из пыжика в два слоя (мехом наружу и внутрь). При этом считался красивым для верха капюшона темный или даже черный мех.¹⁴ В некоторых районах (например, на п-ове Ямал, в Большеземельской тундре) по краю капюшона пришивалась опушка для тепла из песцовых хвостов или густошерстного белого оленьего меха (*сёбя' вар*). В Тазовской тундре у богатых ненцев встречались капюшоны из меха бобра. У надымских ненцев и некоторых других групп был распространен так называемый зырянский покров, при котором мех капюшона полукругом спускается на спину малицы.

К рукавам наглухо пришивали рукавицы (*уба*, в западных говорах *оба*) из камуса мехом наружу. На запястье выше ладони они имели отверстие для того, чтобы можно было при необходи-

¹⁰ В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 24—28.

¹¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, 1-я половина. СПб., 1788.

¹² И. Лепехин. Дневные записки. . .

¹³ В. Крестинин. Краткое географическое известие о земле само-ядской. Новые ежемесячные сочинения, ч. 2, август 1786.

¹⁴ Коми, заимствовавшие малицу от ненцев, напротив, часто делали капюшоны из белого меха.

мости освобождать руки от рукавиц. По подолу малицы имелась опушка (*панд'*). Обычно она делалась из шкуры осеннего теленка или летней шкуры взрослого оленя (мех короткий и невысокого качества). Красивым считался также темный или черный мех. У зауральских (иногда у большеземельских) ненцев встречалась опушка из собачьего меха (обычно белого). Над опушкой нашивались одна-две полосы сукна (желтого, зеленого или красного цвета), иногда вставлялся узор из сочетания белого и темного меха.

Рис. 7. Мужская одежда. Малая Земля.

Покрой малицы, довольно широкой в верхней части, а также особый покррой рукавов, образующих широкую пройму, позволяли ненцу, не снимая одежды, вынуть руки из рукавов и под малицей набить трубку и т. д. Поскольку малицу носили с поясом, причем поверх талии образовывался напуск, то пазуха (*ма'*) заменяла карман. Там держали кисет с табаком, трубку и пр.

Мужской пояс (*ни*) делали из кожи (коровьей) и украшали медными бляхами различной формы или пуговицами. К поясу на медных цепочках обычно прикреплялись: слева — нож (*хар*) в ножнах (*хар' се'*, *харнзе'*), справа — точильный камень (*сия*) в кожаном чехле (*сия' се'*) и сзади — клык медведя (*тибяко*), оберегавший от злых духов (по-видимому, духов покойников) и приносивший, по представлению ненцев, удачу в охоте. Многие ненцы считали, что медвежий клык предохраняет от болей в спине.

Медвежий клык могли носить не только те мужчины, которые сами добыли медведя, поэтому эти клыки приобретали у ненцев, приезжавших с о. Вайгач, Новой Земли других мест, где медведи встречаются в большом количестве. Пояс застегивался спереди с помощью медной пряжки (*ни мара*). Медные украшения ненцы прежде покупали в русских деревнях у кустарей-медников, например, канинские ненцы — в дер. Кимже Мезенского уезда¹⁵ и т. д.

Малица канинских и колгуевских ненцев имела высокий круглый воротник из оленьего меха (*икад', луху*) и отдельно надеваемую шапку с круглым дном и короткими ушами. Покрой канинской (и колгуевской) малицы был более узок, и она плотнее облегла фигуру (табл. IV, 2).

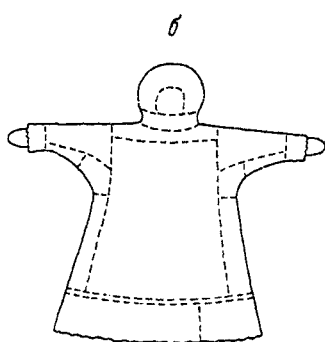
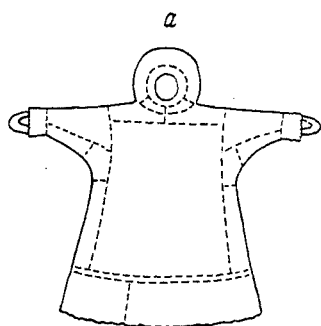
Еще в XIX в., согласно имеющимся сведениям, малица без капюшона была распространена значительно дальше на восток.¹⁶

Для предохранения от сырости и солнца с давних пор многие ненцы носили поверх малиц маличные рубахи из сукна или иной плотной материи разных цветов (*имбыт', мальця тауга*, на Канинском п-ове — *мальця' тага*). По покрою маличная рубаха была сходна с малицей: перед и спина шивались из целых кусков и слегка расклепывались книзу, перед немного короче спины, рукава значительно шире к проймам, с ластовицами.

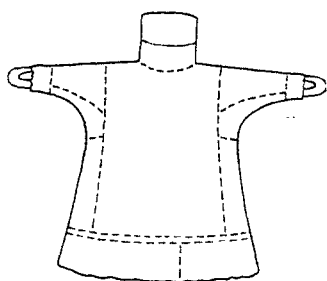
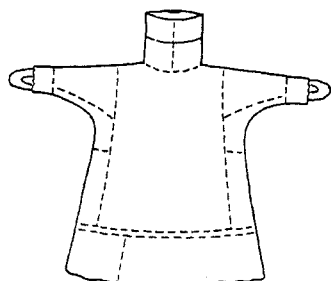
В морозы, пургу поверх малицы носили совик (*савак, соок*), среди русского населения были распространены также названия сокуй на Енисее, и гусь (Обский Север, Ямал). Совик шили мехом наружу, ворсом вниз из зимней или осенней постели (иногда из няблота). Покрой его несколько отличался от покрою малицы (табл. IV, 3). Совик не имел рукавиц, но во всех районах расселения ненцев имел капюшон, часто с опушкой из оленьего меха с длинным ворсом или из двух песцовых хвостов. Характерно, что часть шкуры с головы оленя образовывала затылочную часть капюшона, будучи выкроена вместе со спинкой. Совик имел пришитый подол, иногда из меха другого цвета. Носили совик без пояса. В зависимости от окраски шкур совики бывали белые, темные, пестрые. Красивым считался совик из белого меха. Совик был одеждой для улицы, и в чум его обычно не вносили, а оставляли на улице, укладывая на нарту так, чтобы капюшон и рукава

¹⁵ См.: Л. Н. Гейденрейх. Канинские самороды. Советский Север, № 4—5, 1930, стр. 35.

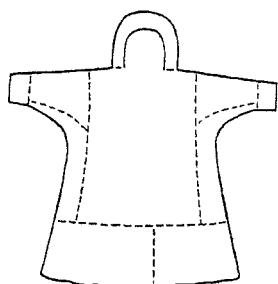
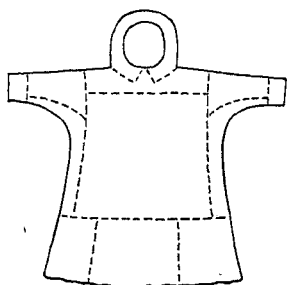
¹⁶ См.: А. И. Андреев. Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцев. Сов. этногр., № 1, 1947, стр. 98; С. В. Максимов. Год на Севере, стр. 478. В архивных материалах Г. Д. Вербова также есть следующие записи: «Николай Няруй (р. Надым) слышал от деда, что раньше у всех ненцев были *luhi* и воротники»; «Егор Безумов из Сулы (10 км ниже Коткина) в 1939 г. сообщал, что на его памяти в Большеземельской и Малоземельской гундрах почти все носили малицы с воротниками и шапки „на два пласта“» (Архив ИЭ. ф. 2, оп. 1, № 41).

1

2

3

Табл. IV. Мужская верхняя одежда.

1 — малица с капюшоном; 2 — малица канинских ненцев; 3 — совик.
a — вид спереди и б — вид сзади.

приходились внутрь. В случае остановок в пути совик заменял спальный мешок: в нем прямо ложились на снег. В качестве домашней одежды и одежды для сна (она же заменяла отчасти одеяло) мужчинами употреблялась распашная женская одежда (русское название ягушка).¹⁷ Можно предположить, что это пережиток использования мужчинами-ненцами до выхода на север распашной одежды в повседневной жизни. Домашняя одежда называлась, как и одеяло, *то'*, *тон*.

В чуме у костра ненцы часто снимали малицы. При этом они оставались обнаженными до пояса или накидывали ягушку. Нижней наплечной одежды ненцы не имели.

На Канинском п-ове мужчины и пожилые женщины носили шапки одного покроя — с круглым дном и короткими ушами (*пяр'тав*). Передняя и затылочная части выкраивались из целых кусков, причем перед бывал более высоким. Шили *пяр'тав* из пыжика на подкладке из пашин (шкура с живота оленя). В отличие от женских мужские шапки (праздничные и для молодых мужчин) иногда шили с длинными ушами, орнаментированными на концах. При надевании эти уши, скрепленные медной цепочкой, откидывали назад.

Отличие от женских шапок заключалось также в расположении украшений:¹⁸ суконовые полоски на мужских шапках нашивали вдоль шва по кругу (если шапка с короткими ушами, то и вдоль боковых швов).

Штаны (*ни'мя*) шили из пыжика или пашин телячьей постели мехом к телу. Прежде их всегда шили из шкуры хора или быка (оленя-самца). Верхняя часть штанов разреза не имела, на талии они поддерживались с помощью вздержки из ровдуги. Иногда ремешок просто пришивали и завязывали. Сшитые как натазники, штаны в нижней части имели надставки в виде штанин, которые спускались значительно ниже колена и заправлялись в чулки. От пояса спускались два ремешка (часто с колечками), к которым привязывали обувь.

Обувь состояла из меховых чулок (*либт'*), которые шили из телячьей зимней подстриженной постели мехом внутрь, и пимов (*пи'ва*). Меховые чулки шили из трех кусков: голенища, носка и подошвы. Шов делали внутренний, т. е. по шерсти. Пимы шили из камусов (*пена*) волосом наружу с суконовыми прошивками (рис. 8). Подошва делалась обычно из щетки оленя (*вэра*), иногда

¹⁷ См. об этом: Л. Н. Гейденрейх. Канинские самоеды, стр. 35; Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 286; В. Тобольков. К верховьям исчезнувшей реки, стр. 12—13. Последний, в частности, следующим образом описывает ее употребление: «В чуме прохладно, и вскоре самоеды накинули на костистые плечи халатообразные паны — оленью одежду женщин». См. также: Ю. И. Кушелевский. Северный полюс и земля Ямал, стр. 60.

¹⁸ Будничные шапки обычно не имели суконовых украшений.

из меха со лба оленя, при этом на подошве ворс бывал направлен вперед. Мужские пимы по покрою существенно отличались от женских. Как мужские, так и женские пимы шили одинаковыми для обеих ног.

Пимы привязывали с помощью специальных ремешков (*те'миц'*) к вышеупомянутым кольцам на штанах, а кроме того, подвязывали под коленом ремешком или шнурком, сплетенным

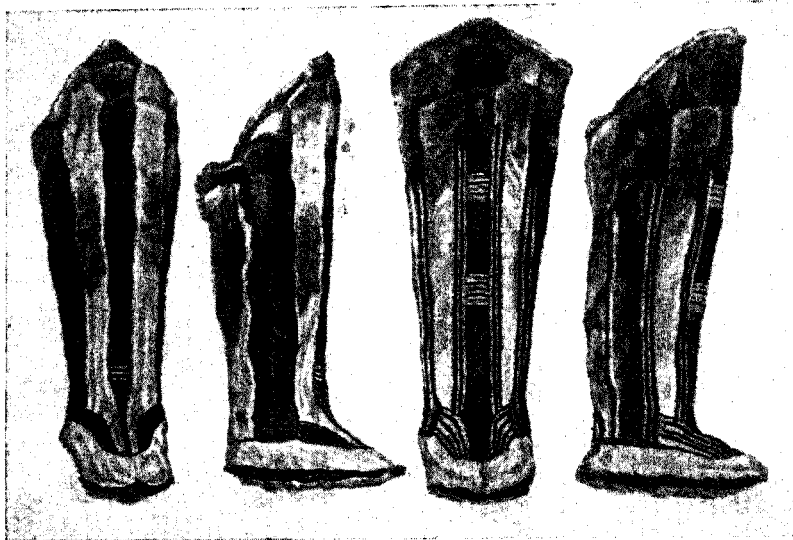

Рис. 8. Зимняя обувь.

Слева — женская; справа — мужская.

из покупной крашеной шерсти (шнурки обычно покупали или выменивали в русских деревнях).

Встречался и другой вид обуви — *тобак'*. Эта обувь шилась также из камуса, мехом наружу, но без всякой отделки. Покрой ее сходен с покроем пимов: она, как и пимы, выше колен, однако головки шились отдельно. Подошву делали из щетки. Тобаки чаще употребляли в качестве рабочей обуви.

В большие морозы или сырую погоду пользовались меховой короткой обувью без голенищ из камуса или шкуры нерпы, надеваемой поверх пимов (*тобар'*, *харнак*), она завязывалась ремнем несколько выше лодыжки.

Словом *тобак'* ненцы также называли русские бродни.

У оленеводов, частично занимавшихся морским зверобойным промыслом, встречались пимы, до половины сшитые из шкуры нерпы, с оленьим верхом, которые обычно носили в сырую погоду.

Зимняя мужская одежда ненцев с незначительными изменениями была воспринята в течение XVII—XIX вв. северными хантами и манси, а также русскими и коми, проживающими на территории расселения ненцев.¹⁹ Совик и малица были заимствованы у ненцев также тазовскими селькупам.²⁰

Л е т н я я о д е ж д а. Летняя мужская одежда мало отличалась от зимней. Верхней одеждой служила обычно поношенная малица, часто почти лишенная меха. Капюшон малицы носили почти всегда откинутым, оставляя голову непокрытой, даже в довольно прохладную погоду.

Вниз надевались штаны такого же покроя, как зимние, но сшитые из ровдуги. Никакой нижней наплечной одежды не было. В ряде районов, например в европейских тундрах, еще задолго до революции среди зажиточной части ненецкого населения стала входить в употребление одежда из хлопчатобумажных тканей (русские рубахи, матерчатые брюки, жилетки и т. п.). Однако это было редким явлением. В восточных районах хлопчатобумажная одежда почти не встречалась. Так, относительно ненцев п-ва Ямал Б. М. Житков в 1908 г. писал: «Одеваются самоседы Ямала обыкновенно еще по старине, т. е. надевают малицу прямо на голое тело».²¹

В плохую погоду летом поверх малицы надевался суконный совик, по покрою сходный с зимним меховым. На Ямале встречались совики из осетровой кожи, хорошо защищающие от дождя.

Обувью летом служили старые зимние пимы.

К востоку от Урала ненцы носили особую летнюю обувь из ровдуги с поршневидной головкой *таугад* (*та'* — «лето»). Передний клин обычно красили суриком. Вдоль шва, соединяющего голенище с головкой, делали ровдужные петли, в которые продевался ремешок, служивший завязкой. Мужские *таугад* от женских покроем не отличались, а различались способом продевания ремешков сквозь петли: на мужских ремешок продевался сзади наперед, а на женских спереди назад (рис. 9).

Ровдужная обувь с поршневидной головкой аналогичного покроя встречалась у хантов, селькупов, кетов и части эвенков. Как мы видим, она имела определенный ареал распространения.

П р и ч е с к а. Прежде мужчины обычно подстригали волосы в кружок. Восточные ненцы иногда слегка отращивали волосы и

---

¹⁹ С. В. Мартынов. Печорский край, ч. II. СПб., 1905, стр. 70—72; Н. Ф. Прыткова. Одежда хантов. Сб. МАЭ, т. XV, 1953, стр. 151; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. ТИЭ, т. XLV, 1958, стр. 284.

²⁰ Материалы Е. Д. Прокофьевой.

²¹ Полуостров Ямал, стр. 210.

заплетали в тугие косички, обматывая их затем полоской сукна или шерсти.²²

Бороду и усы ненцы обычно выщипывали ножом, поэтому среди них редко можно было встретить мужчин с растительностью на лице. Одной из причин этого, по словам ненцев, являлось то, что в холодную погоду лед на бороде и усах замерзает.

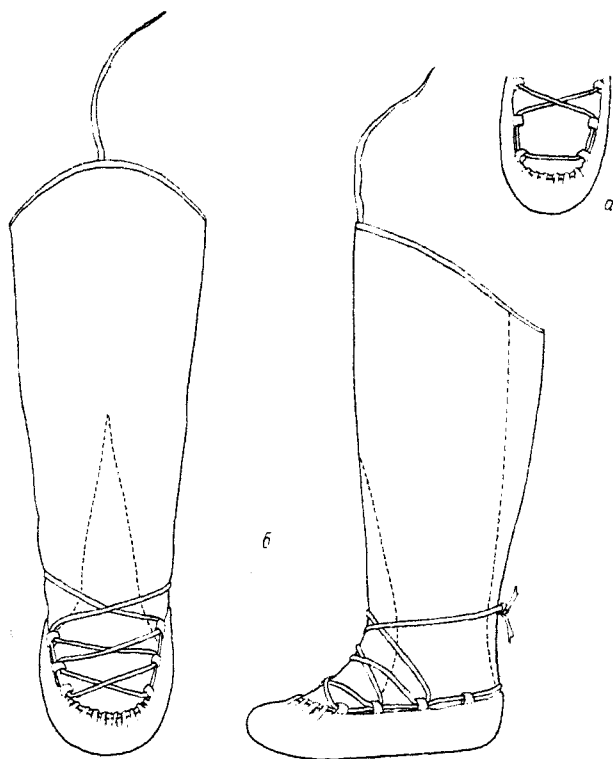

Рис. 9. Летняя обувь из ровдуги.

а — женская; б — мужская.

Ряд авторов упоминает о татуировке у приенисейских ненцев, для чего употреблялись рыбья кость и древесный уголь.²³ О татуировке у жителей Новой Земли сообщает де Ламартиньер.²⁴ Можно предположить, что она сохранилась от досамоедского населения Севера. Как известно, она широко бытовала до последнего времени в более восточных районах, в частности у коряков.

²² А. Соболев. На реке Танаме, стр. 127.

²³ Н. А. Костров. Юраки, стр. 22.

²⁴ Путешествие в Северные страны, стр. 93.

Женская одежда. Женская верхняя зимняя одежда (*не паны*, русское название на западе — паница, за Уралом — ягушка) в отличие от мужской имела разрез спереди. В конце XIX—начала XX в. наблюдались два типа этой одежды, различавшихся как покроем, так и характером украшений и отделки.

Одежда первого типа (*лидиг паны*, *таряв паны*²⁵) была распространена в Канинской и Тиманской тундрах (у крайне западных групп ненцев), на островах Колгуев и Новая Земля, а также наряду с другим типом — в Малоземельской и Большеземельской тундрах (табл. V).

Верхнюю часть этой одежды (до талии) сшивали из кусков меха белки, бобра, лисицы, вставляя в швы лоскутки разноцветного сукна, скрученные у основания с узенькими полосками меха. Концы лоскутков свободно свисали вдоль груди, спины и рукавов. Рукава — прямые, сильно суживающиеся к обшлагоу, широкие в пройме, причем верхняя часть рукава шилась вместе с наплечной частью лифа, так что одежда на плечах шва не имела. Характерной особенностью этого типа одежды являлось отсутствие вертикальных конструктивных швов — все основные швы являлись горизонтальными.

Шитье одежды всегда начинали с верхней части. Подол шили отдельно, а затем пришивали. Нижняя часть одежды (от талии) представляла собой несколько горизонтально расположенных полос сначала оленьего, а затем собачьего меха, разделенных друг от друга суконными прошивками, состоящими из разноцветных полосок сукна, сшитых в вертикальном направлении. Швы, соединяющие суконные вставки с собачьим мехом, прокладывали подшейным волосом оленя. Воротник обычно делали из меха песца или красной лисицы. Этим же мехом окантовывались полы. К бортам от воротника до колен на некотором расстоянии друг от друга пришивали парные ровдужные ремешки, служащие завязками (*сись*). Обычно их бывало 14 (по семь с каждой стороны). Ремешки завязывали изнутри, для чего руки, как в малице, вынимали из рукавов.

К рукавам пришивали рукавицы из камуса с отверстием для вынимания руки.

Описанная одежда имела подклад (*янд'*, *у кан-яд'*) из зимней или летней постели мехом внутрь. Покрой подклада отличался от покроя самой одежды (*паны*). Спина кроилась из целой постели, но имела небольшие клинья внизу по бокам, полы выкраивались также из целого куска каждая. Вдоль бортов пришивали полоски меха из-под шеи оленя (*немдя*), длинный ворс которого не пропускает сквозь разрез холодный воздух.

Длина подклада была одинаковой с *паны*, рукава выкраива-

²⁵ Т. е. бобровая паница, беличья паница.

Табл. V. Женская зимняя одежда (первый тип).

Вид спереди и сзади.

лись отдельно из шейной части шкуры и имели небольшие ластовицы.

Подклад обычно не пришивали, а просто надевали под *паны*. Разновидностью этого типа одежды являлась так называемая *пена паны*, по покрою близкая к первому, однако материалом для пошива ее верхней части (*паны' хаюк*) служил камус. Белый и темный мех сшивали в виде узоров. Более нарядными считались паны, где основным фоном являлся белый. Подол шили так же, как у *таряв паны*. Эту одежду также украшали лоскутки из сукна, однако их группы расположены были обычно только на груди, рукавах и по бокам спины. К рукавам пришивали рукавицы. Подклад кроился так же, как подклад *таряв паны*.

Имеются данные, что этот тип одежды в XVIII, XIX и даже эпизодически в начале XX в. был распространен значительно дальше на восток, в частности у сибирских ненцев за Уралом. Об этом свидетельствуют материалы В. Ф. Зуева,²⁶ Георги,²⁷ П. С. Палласа²⁸ и более поздние — В. Бартенева,²⁹ К. Рычкова³⁰ и др.

Второй тип одежды (*не' паны*) в начале XX в. был распространен главным образом за Уралом, однако наряду с первым встречался в Большеземельской и Малоземельской тундрах. *Не' паны*³¹ шили целиком из оленьего меха (няблюя). По покрою этот тип одежды значительно отличался от первого типа (рис. 23). Если последний легко расчленился на части в горизонтальном направлении, то *не' паны* кроили в вертикальном направлении. Стан состоял из спинки и двух пол, рукава выкраивались отдельно и имели ластовицы. Спинка состояла из трех полотнищ, причем среднее обычно бывало иного цвета, чем боковые. Борта делали также из меха другого цвета, чем полки, обычно темного. На плечах, вдоль бортов и на обшлагах прокладывали полоски из белого и темного меха или сукна, а у нарядной одежды — вшивной мозаичный орнамент из камуса белого и темного цвета с прослойкой из цветных сукоп (*падар' мадавы*). Подол (*пан'*) шили отдельно, тоже из няблюя, обычно того же цвета, что и борта. Между подолом и станом прокладывали также две-три полоски из белого и темного меха или вставляли полосу орнамента. Воротник делали из меха песца. Рукавицы, так же как и у одежды первого типа, пришивали наглухо к рукавам. На нижней части за-

²⁶ В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 28.

²⁷ Георги. Описание. . . , стр. 9.

²⁸ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, стр. 91.

²⁹ В. Бартенов. На крайнем северо-западе Сибири, стр. 131.

³⁰ К. Рычков. Береговой род юраков. Зап. Сиб. отд. РГО, т. XXXVIII, 1916, стр. 173.

³¹ Согласно устному сообщению Г. Д. Вербова (1940 г.), этот тип одежды ненцы иногда называют *хаби' паны* — «хантайская одежда».

пятьсти имелись отверстия для того, чтобы можно было в случае необходимости снять рукавицу.

Имелись некоторые отличия по районам. Так, на п-ове Ямал подол, борта и нижнюю часть рукавов делали всегда из темного меха и т. д.

Нам представляется возможным на основании имеющихся литературных материалов и наличия в настоящее время обоих типов в Канинской тундре считать, что некогда первый тип ненецкой женской одежды (паница с опушкой из собачьего меха) был распространен среди всех групп ненцев. Ненецкая верхняя зимняя одежда (мужская и женская) в сравнительно недавнее время была заимствована северными хантами и манси, а также русскими и коми, проживающими в районах расселения ненцев.³²

Видимо, ханты, заимствовав женскую распашную одежду у ненцев, внесли в нее изменения (подол из оленьего меха, мозаичный орнамент из белого и темного камуса вдоль бортов и подола), а в измененном виде она стала проникать к ненцам, вытесняя одежду с собачьим мехом. Таким образом, собственно ненецкой одеждой можно считать шубу *таряе паны*.

Женскую верхнюю одежду носили обычно с поясом, при этом правая пола несколько находила на левую. Женские пояса покупали в русских деревнях (например, канинские ненцы — в дер. Ома). Их плели из крашеной в разные цвета овечьей шерсти или гаруса (табл. VI). Ближе к одному из концов пришивали медную пряжку, имеющую форму кольца. Пояс складывали вдвое. Более длинный конец продевали в кольцо и оба конца связывали вместе. В прошлом пряжки женских поясов достигали значительного размера и веса.

Женские шапки различались по районам (табл. VII). В Канинской тундре встречались шапки двух типов. Пожилые женщины, как упоминалось, носили высокие шапки из пыжика с круглым дном и короткими ушами, одинаковые по покрою с мужскими (*пярьтае*). Подклад к ним шили из брюшной части телячьей постели. Нарядные шапки этого типа (*кружок ноятана сава*) отделивали сукном: квадратные или треугольные лоскутки сукна разных цветов (длиной 6—7 см, шириной 2—4 см) вставлялись на некотором расстоянии друг от друга вдоль швов шапки — вокруг донышка и по боковым швам. Концы полосок при этом свободно свисали. Сзади к шапке пришивали *сава' уз* (досл. «ноги шапки») — две длинные полосы из камуса шириной около 8 см, обильно украшенные мозаичным орнаментом из сочетания белого и темного меха и суконными вставками. Примерно посередине *сава' уз* соединялись между собой медными цепочками или нитками бус (табл. VI).

---

³² Н. Ф. Прыткова. Одежда хантов, стр. 151; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми, стр. 257, 284.

Шапка второго типа (*няндуй, няндуй сава*) представляла собой высокую полукруглую шапку, сшитую из двух кусков меха (пыжика), без донышка, с пришитыми короткими ушами. Перед шапки несколько выше. Подкладка шилась из брюшной части шкуры, по покрою она аналогична верху, но уши не пришивались, а выкраивались из одного куска (в случае нехватки материала просто делались надставки в разных местах). Вдоль шва, который шел полукругом от одного бока к другому через верх, вставляли такие же, как у шапки первого типа, полосы сукна, на некотором расстоянии одна от другой. Сзади к шапке также пришивали *сава'уэ*. *Сава'уэ* за пояс не заправлялись, а свободно свисали поверх паницы, спускаясь ниже талии.

Шапки второго типа носили девочки-подростки, девушки и молодые женщины.

В Малоземельской (и отчасти в Большеземельской) тундре женщины носили пыжиковые шапки с длинными ушами, сшитые из четырех конусообразных кусков, сходящихся на макушке. «Уши» (*сава'уэ*) соединялись между собою цепочками и нитками бус, при ношении шапки спускались вдоль спины, концы их бывали украшены орнаментом из камуса и копытцами новорожденных телят. Чтобы шапка крепче держалась на голове, рядом с основанием *сава'уэ* спереди пришивали тесемки или ленты, которые завязывали под подбородком.

В Большеземельской тундре и во всех зауральских тундрах в качестве женского головного убора был распространен капор с пышной опушкой из песцовых хвостов или белого оленьего меха. Шапки этого типа состояли из трех частей — длинной полосы, которая проходила через темя на уши, затылочной части, которая шилась всегда из оленьего лба, причем глазницы зашивались кусочками меха, окантованными цветным сукном, и задней части, которая полукругом спускалась на спину. Эти части разделялись полосками узора из белого и темного меха. Вдоль лицевой части пришивали опушку, на которую шло до пяти песцовых хвостов. Сзади к нижнему краю шапки пришивали большое количество медных и железных украшений, которые оттягивали шапку назад. Спереди под подбородком шапка завязывалась с помощью ровдужных ремешков.

Различие женских головных уборов в отдельных районах расселения ненцев чрезвычайно интересно. Выявление аналогий у других народностей Севера поможет разрешению вопроса о происхождении каждого из описанных уборов.³³

В качестве нижней одежды зимой женщины носили штаны (*пи'мя*) из короткошерстной оленьей шкуры мехом внутрь. Штанины, спускавшиеся несколько ниже колен, — надставные.

³³ Н. Ф. Прыткова указывает на сходство женских шапок западных ненцев с саамскими (Одежда народов Сибири, Историко-этнографический атлас народов Сибири, стр. 329).

Нижние части штанги заправлялись за голенища обуви.³⁴ На талии штаны поддерживались с помощью пришитого ремешка. К этому ремешку прикреплялись два кольца для подвязывания обуви.

В районах восточнее Канинского п-ова женские штаны у ненцев имели пришивной нагрудник, представляющий собой полосу меха или ровдуги от талии до шеи. Он имел сверху два ровдужных ремешка, которые завязывались сзади на шее. Наличие нагрудника объясняется, по-видимому, бытованием распашной одежды в условиях суровой природы. Отметим, что у селькупов женские штаны не имеют нагрудника, так же как и у народов Саянского нагорья. У нганасанов женщины носят комбинезоны, закрывающие грудь, но имеющие большой вырез на спине. Не исключена возможность, что ненецкий нагрудник является рудиментом комбинезона, воспринятого самодийскими народностями от аборигенов северного побережья. В свете этого предположения привлекает внимание отсутствие нагрудника у канинских ненцев.³⁵

Женская обувь, как и мужская, состояла из чулок (*либт'*), которые шились мехом внутрь, и пимов (*не пива*) из камусов мехом наружу. Покрой женских пимов несколько отличался от покроя мужских: передняя полоса камуса (*нэд'ер'*) делалась гораздо уже и заканчивалась узким мыском, не доходя до носка. Узор (*матта'ма*) делался также значительно ниже, на самом мыске (*пьяк*). Причина этого заключается, возможно, в том, что женская одежда длиннее мужской и узор делался ниже, чтобы он был виден.

По указанным признакам женские пимы всегда было можно отличить от мужских. Кроме того, на женской обуви никогда не бывало подошв из оленьих лбов (а только из щетки), так как женская обувь считалась «нечистой».³⁶ Женщины обычно не носили также обуви из нерпичьей кожи (нерпа считалась священным животным). В отличие от мужских пимов женские подвязывались только ремнями к поясу и никогда не подвязывались под коленом. Помимо узора на переднем мыске, узор из полосок меха светлых и темных тонов и сукна делался сбоку, ограничивая часть пимов, носящую название *харцюда*, и сзади — выше пятки. Считалось большим мастерством сшивать по семь таких полосок. Красивыми считались белые пимы. Под пимы носили чулки, сходные по покрою с мужскими.

Женские пимы, как и мужские, не различались по районам. Иногда ненки шили пимы «ижемского покроя»: их отличие заклю-

³⁴ Интересно, что у женщин-энок, наоборот, штанины, к которым пришиты подвязки, покрывали сверху голенища пимов. Г. Д. В е р б о в. Архив ИЭ, фонд 2, оп. 1, № 41.

³⁵ Заслуживает внимания сообщение А. Соболева относительно ненцев Гыдаканского п-ова о том, что «на теле женщина носит из шкуры оленя нечто вроде длинного передника от шеи до колен, надеваемого на плечи при помощи ремешков лямок» (На реке Танаме, стр. 128).

³⁶ См. об этом на стр. 185 настоящей работы.

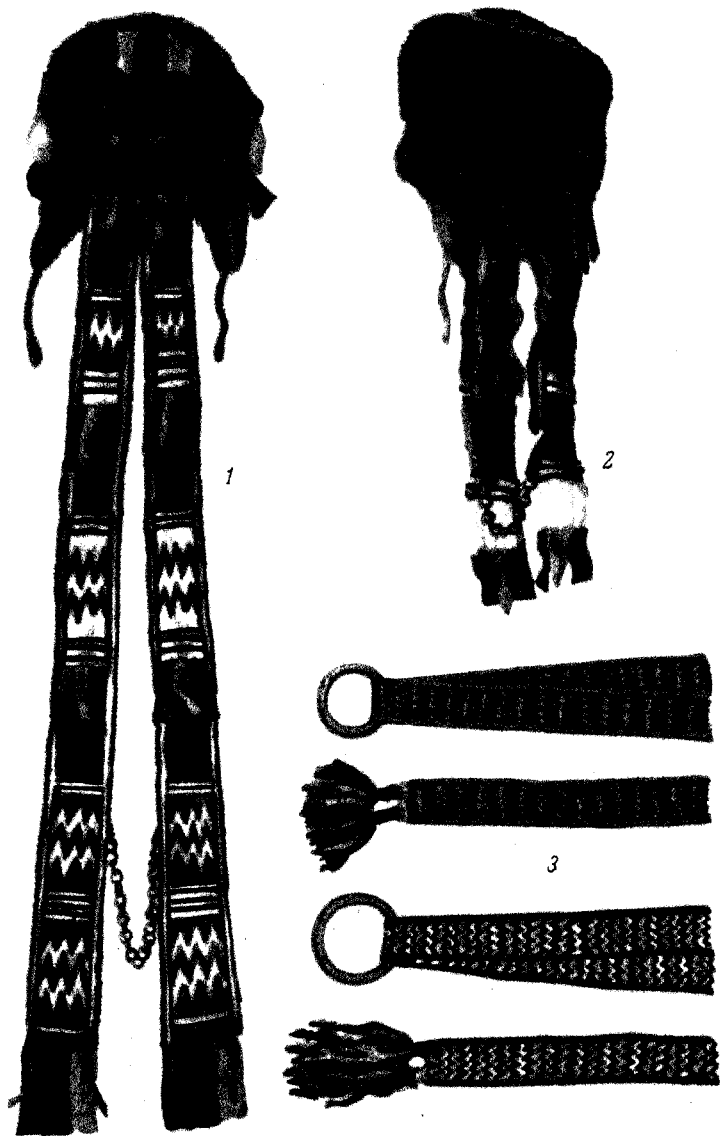

Табл. VI. Женская шапка *няндуй* (слева); мужская нарядная шапка;
женские пояса.

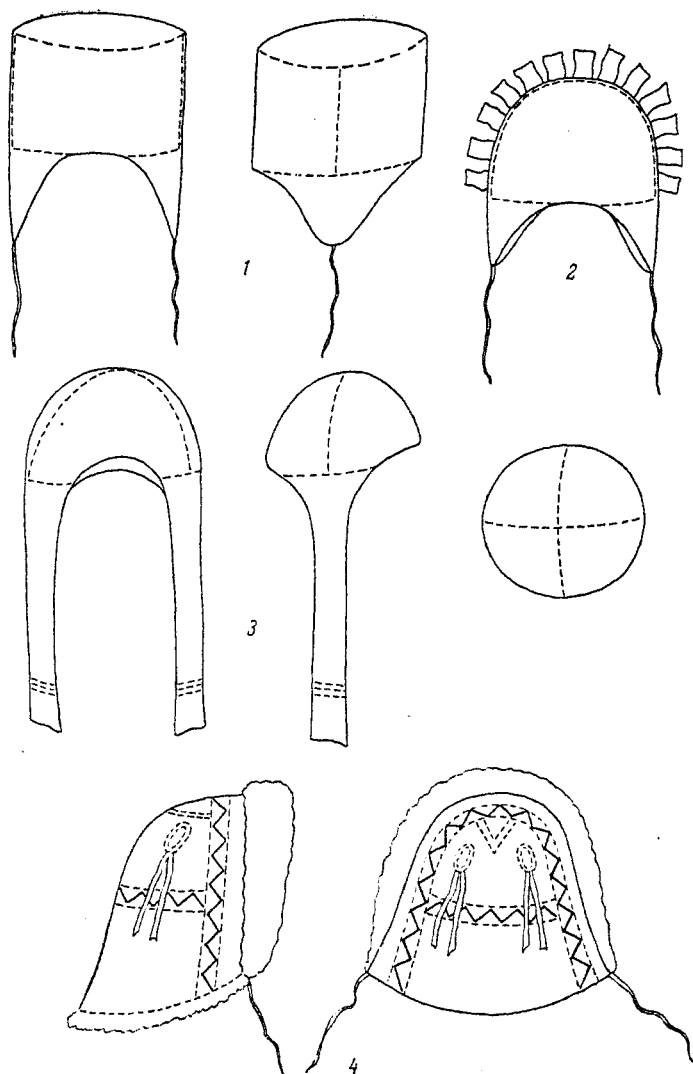

Табл. VII. Покрой шапок.

1 — шапка канинских ненцев (для пожилых мужчин и женщин); 2 — шапка канинских ненцев (для девочек и молодых женщин); 3 — женская шапка малоземельских и частично большеземельских ненцев; 4 — женская шапка восточных групп ненцев.

чается в том, что головка несколько уже и плотнее обтягивает ногу. Коми, заимствовав обувь у ненцев, несколько видоизменили ее.

Летняя одежда. В качестве летней женской одежды употреблялась поношенная зимняя (обычно без подклада), а также суконные паницы (*ной паны, нояця*), по покрою сходные с зимней одеждой второго типа, но имеющие обычно в нижней части стана клинья. *Нояця* бывала или одноцветной (например, синяя, зеленая) с подолом и обшлагами другого цвета и с отделкой полосками сукна других цветов, или состоящей из полотнищ сукна разных цветов (красного, зеленого, желтого и т. д.). Последний вид *нояця* не имел клиньев, и его можно считать более старинным. Оба вида на плечах швов не имели (см. табл. XIII).

Можно отметить отдельные локальные отличия. Так, в европейских тундрах, кроме Малой Земли, иногда подол отделявали опушкой из собачьего, оленьего, а позднее часто телячьего (коровьего) меха.

Воротник *ной паны* делался из лисьего или песцового меха. Узкой полоской этого же меха обшивали борта. Суконная паница рукавиц и подклада не имела.

Головных уборов летом обычно не носили. В холодную погоду носили поношенные зимние шапки или головные платки, концы которых завязывали вокруг шеи. В теплую погоду ходили с непокрытой головой.

На ногах носили пимы. В восточных районах широко была распространена ровдужная обувь *таугад*, о которой мы говорили выше.

Летние штаны, по покрою аналогичные зимним, шили из ровдуги.

Прическа и украшения. Женщины-ненки расчесывали волосы на прямой пробор и заплетали их в две косы. Повсеместно встречалось женское накосное украшение *та'нэ* (в восточных районах *уэбт'*). Это украшение являлось как бы продолжением натуральных кос. Начиналось оно от затылка, спускалось значительно ниже талии и представляло собой две скрученные из сукна и шерсти (жгутом) ложные косы, соединенные между собой в нескольких местах нитками разноцветных бус или металлическими украшениями (рис. 10). Концы кос заканчивались обычно треугольными кусочками ровдуги или сукна, украшенными также металлическими бляхами, цепочками и подвесками. В верхней части ложные косы вплетались в волосы свободным (нескрученным) куском сукна и обматывались поверх тесемкой из шерсти или сукна. Таким образом, при ношении этого украшения натуральные косы не были видны. Носились *та'нэ* обычно поверх зимней меховой паницы или летней суконной, заправляясь сзади за шерстяной пояс. В прошлом общее количество подвесок достигало больших размеров и веса, что

привлекало внимание путешественников и исследователей, попадавших в районы расселения ненцев. В сочетании с подвесками на шапке эти украшения производили при движении своеобразный звон. Ложные косы носили девушки и женщины, а также иногда девочки начиная с шести-семи лет.

Рис. 10. Накосные украшения.

В ряде районов (например, в Малоземельской тундре, западной части Большеземельской тундры) *та'нэ* прикреплялись к мягкой повязке — *судор'* (*сэдор'*). Последняя представляла собой три полосы сукна, одна из которых охватывала лоб и затылок, а две прикреплялись к ней, перекрещиваясь на макушке. Эти полосы сукна обильно украшались бисером.³⁷

Из других украшений широко были распространены серьги и кольца (главным образом оловянные). Серьги (*хаво' ня*, *хаёня*) часто делали из кожаного ремешка с нанизанными на него бляшками, пуговицами, крупным бисером.

Детская одежда. Различалась детская одежда в зависимости от пола и возраста ребенка. До тех пор пока ребенок не начал вставать (месяцев до 8), он содержался в люльке.

³⁷ Ненцы употребляли для украшения только фарфоровый бисер, а не стеклянный.

Люльки у ненцев изготавливались из дерева и имели овальную форму с плоским или слабо выгнутом дном. Посередине, несколько ближе к изголовью, с помощью ровдужных ремешков прикреплялась деревянная дужка.

Внутренность люльки устилали меховым одеялом. На него насыпали стружки или гнилушки (иногда длинный белый мох), которые служили для впитывания экскрементов. Сверху клали ребенка, запеленутого в мягкие шкурки, и закрывали его свободными концами одеяла. Кормили ребенка грудью не вынимая из люльки. Время от времени гнилушки в люльке меняли, а шкурки чистили и сушили.

С одного года и до четырех-пяти лет дети носили двойную меховую одежду (мехом внутрь и наружу), напоминающую по покрою мужскую малицу с глухо пришитыми рукавичками (парка). К рукавам с нижней стороны часто пришивались маленькие колокольчики (особенно на одежде девочек), назначением которых было отгонять злых духов.

Штаны для маленьких детей обычно шили вместе с обувью. Они имели внизу отверстие для выхода экскрементов.

Лет с четырех-пяти дети начинали носить соответственно мужскую и женскую одежду уменьшенных в зависимости от роста ребенка размеров. Паницы даже для маленьких девочек очень тщательно украшались орнаментом из меха и суконными прошивками. Одежда девушек отличалась от одежды женщин лишь наличием большего количества отделки из сукна и меха.

Ненцы не имели специальной праздничной или погребальной одежды. Праздничной являлась более новая и нарядная. Ненец среднего достатка в прошлом имел обычно две малицы — рабочую и более новую, тщательно сделанную для выезда в гости и т. д. Богатые ненцы-оленоводы имели две-три малицы. Безоленные бедняки имели лишь одну. Женщины соответственно имели одну-три паницы.

Глава 7

ПИЩА

Пищей ненцам издавна служили мясо и рыба. Растительная пища играла очень незначительную роль. Приготовление пищи всегда было делом женщин.

Мясная пища. Мясо оленя употреблялось ненцами главным образом с середины августа до мая, т. е. в течение зимнего периода. Ненцы западных тундр в районах, где дикий олень уже не встречался или встречался редко, употребляли в пищу мясо домашнего оленя. Енисейские, тазовские и отчасти ямальские ненцы использовали в основном мясо дикого оленя. Никогда почти не забивали в пищу ездовых оленей, так как их мясо нежирное, жилистое.

Наиболее лакомым блюдом являлось мясо только что убитого оленя. Животное обычно оглушали ударом обуха топора в лоб, а затем сквозь ребра поражали длинным острым ножом (*ня' хар*) в сердце, стараясь, чтобы при этом не вытекала кровь.¹ После этого снимали шкуру (*хырась*), для чего делали надрез от передней к задней ноге, продолжив его до конца туловища. Затем одной рукой тянули за конец шкуры у надреза, а кулаком другой надавливали на то место, где шкура отделяется от мышц. Время от времени осторожно вводили пальцы между шкурой и мышцами, чтобы облегчить освобождение мездры от подкожной клетчатки. Снятие шкуры занимало всего несколько минут.

Подготовка туши для еды заключалась в следующем: разрезом несколько сбоку вскрывали грудную клетку и после второго надреза у спины вместе с ребрами снимали всю боковую часть туши. Затем завязывали конец толстой кишки и пищевод и вываливали из брюшной полости внутренности на землю. Вслед за

---

¹ На северном Ямале и в Гыданской тундре, по некоторым материалам, оленя душили два человека арканом. В. Т о б о л я к о в. К верховьям исчезнувшей реки, стр. 112; см. также: М. С и н и ц ы н. По ненецкой земле. М., 1960, стр. 64.

этим приступали к еде, предварительно перерезав большую артерию, чтобы наполнить брюшную полость свежей кровью, которая являлась также большим лакомством.

Поедание мяса только что убитого оленя, по-ненецки *уайбарцъ* (*уайбэй* — «сырой», «неваренный»; отсюда русское «абурдание»), являлось своего рода праздником. Собирались члены семьи и приглашенные. Каждый отрезал себе ножом кусок мяса и, обмакнув его в теплую еще кровь, отправлял в рот. Захваченный зубами кусок не откусывали, а отрезали быстрым движением ножа снизу вверх непосредственно у самых губ, причем это проделывалось несколько раз, пока весь отрезанный от туши кусок не был съеден. Затем отрезался новый. Наиболее лакомыми частями считались также печень (*мыд*), почки (*суик*), дыхательное горло (*хунго*), язык (*нямю*), губы (*ня' вар*), а также мозг из трубчатых костей (*хэва*). Тут же чашками пили теплую кровь. Закончив «абурдать», разрубали остатки туши на части для дальнейшего употребления.²

Помимо сырого мяса, употреблялось в пищу также вареное (*пиревы уамза*), которое использовалось для приготовления супа. Иногда перед варкой мясо предварительно коптили на огне.

У ненцев различался бульон (*евэй*), который получался просто в результате варки нарезанного кусками оленьего мяса (или рыбы) в слегка посоленной воде, и суп (*я*), довольно густо заправленный мукой (обычно ржаной) после того, как из котла специальной большой вилкой с загнутыми зубьями вынуто мясо. Мясо при этом клали на доску, разрезали на более мелкие куски и раскладывали в чашки. Ненцы обычно мясо ели перед супом. После того как мясо было съедено, в те же чашки разливали суп. Раньше суп часто варили без соли.³ Малооленные ненцы варили бульон также из костей оленя.

Лакомым блюдом считались молодые оленьи рога. Операция отрезания рогов весьма болезненна, поэтому чтобы отрезать мягкие концы отрастающих рогов, ненцы обычно опутывали оленю ноги и валили его на землю. Затем ножом обрезали шкуру вокруг рога, а хрящ часто просто ломали. Так как из оставшихся рогов шла кровь, их перевязывали тряпкой. Через несколько дней олень поправлялся. Рога у оленя в том же году больше не росли, и питание шло на развитие всего организма. Поэтому оленю со срезанными рогами становились впоследствии очень упитанными.

Отрезанные мягкие концы рогов ненцы бросали в огонь и, спалив шерсть, соскабливали ее ножом. Наполненные кровеносными сосудами хрящевые концы рогов очень вкусны. У окосте-

² Ненцы прекрасно знают анатомию оленя. Каждая часть тела имеет на ненецком языке свое название.

³ См., например: И. А. Перфильев. Краткий очерк самоедского быта на острове Колгуеве. Северное хоз., № 1—2, 1923, стр. 89 (1).

невших рогов ненцы ели только покрывающую их кожу, предварительно опалив ее.

Во время массовых поколов оленей (особенно осенью) мясо, которое не могло быть употреблено сразу же, заготавливалось впрок. Для сохранения часть его зарывали в мерзлую землю, где оно сохранялось, как в погребе, практиковалось также копчение мяса со спины оленя над костром, изредка — вяление на солнце и — совсем редко — посолка.

Зимой ненцы охотно употребляли мороженое мясо, замораживали также в каких-либо сосудах оленью кровь.

Помимо мяса оленя, зимой добывали и ели (обычно в вареном виде) куропаток.

Начиная с весны мясо оленя заменялось мясом различных птиц — гусей, уток, турпанов, гагар, поморников, полярных сов. В пищу не употреблялись лишь чайки, которые считались священными.⁴

В период промысла линных гусей мясо этих птиц составляло основное питание ненцев. Его ели главным образом в вареном виде. Птиц ощипывали, потрошили, разрезали на куски и закладывали в котел. Сваренное гусиное мясо доставали из котла, а бульон заправляли мукой и, еще поварив, разливали в чашки. Ненцы, жившие по соседству с русскими, часто ели по русскому обычаю сначала суп, а затем мясо.

Весной собирали и ели гусиные яйца. На Малой Земле ели только вареные яйца, считая, что есть сырой плод грех.

Консервирование гусиного мяса производилось путем вяления.

Ненцы употребляли в пищу и мясо медведя, несмотря на то что он считался священным. Некоторые части туши медведя запрещены были для женщин.

В случае отсутствия другой пищи употреблялось мясо песка и даже собаки. Использовалось в пищу в периоды голодовок мясо павших оленей, что иногда приводило к эпидемиям.

На побережье моря вытапливали жир морских животных (нерп, морских зайцев, моржей). Для этого с животного снимали шкуру вместе с находящимся под нею слоем жира, потом жир отскабливали ножом, клали в котел и растапливали.

Жидкая ворвань разливалась в сосуды (обычно бочки) и использовалась по мере надобности. Мясо морских животных также иногда употреблялось в пищу. Мясо нерпы ели обычно слегка вымочив в воде.

Рыбная пища. Рыба являлась одним из основных видов пищи ненцев в летнее время. Для безоленных и малооленных ненцев это был главный продукт питания.

Употребляли только что выловленную рыбу в сыром виде, иногда чуть присолив или макая куски рыбы в соленую воду.

---

⁴ Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 210, и др.

Зимой одним из любимых кушаний являлась строганина — свежая мороженная рыба, тонко наструганная острым ножом (*ханюй халя*).

Рыбу также заготавливали впрок. Заготовка происходила в течение почти всего летнего сезона. Наиболее распространено было приготовление юколы (*пэхэ*). Юкола приготавливалась из различных пород рыб — сига, налима и др. После привоза улова женщины сразу же приступали к чистке и разделке рыбы. Для сушки

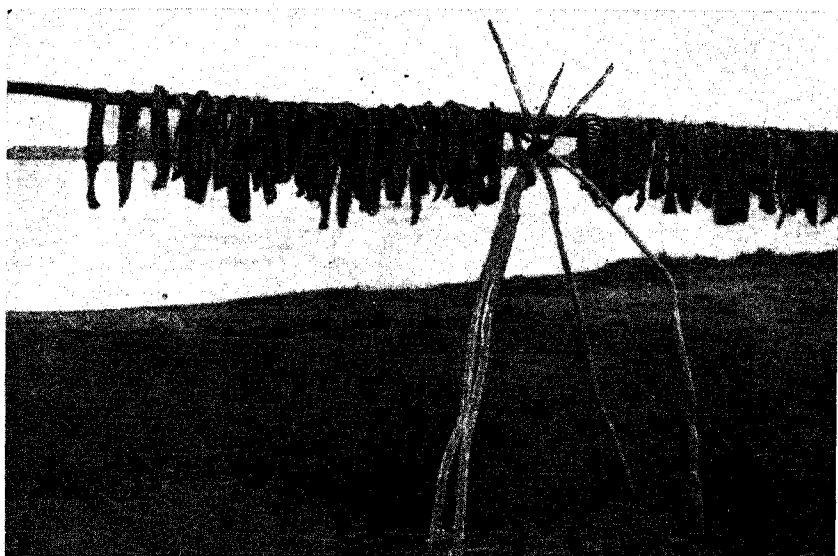

Рис. 11. Приготовление юколы.

использовали только боковины рыб (кости, головы и внутренности вынимались и выбрасывались). Боковины срезались так, что у хвоста между ними оставалась перемычка. Для лучшей просушки они на всем протяжении надрезались в поперечном направлении, затем развешивались на специально устанавливаемых для этой цели около чума шестах (рис. 11).

Часть сушеной рыбы затем варили в рыбьем жире (*порца*) и ели, иногда с лепешками или сухарями. Вытопленный рыбий жир являлся одним из любимых лакомств: в него обмакивали во время еды лепешки, куски рыбы и т. д.

Соление рыбы вследствие постоянного недостатка соли производилось редко. Слабо засоленная рыба скоро портилась. Домашнее соление рыбы производилось в деревянных бочках (обычно покупных), иногда просто в ямах. При этом слои очищенной рыбы перемежались со слоями соли.

Употребляли квашеную рыбу, для чего ее слегка присаливали и давали закиснуть.⁵

Икра (*тиребя*) ценилась главным образом в некоторых породах рыб (омуль, сиг, пелядь), причем ненцы предпочитали икру, добытую из озерной рыбы, а не речной, так как она была очень нежной и жирной. Икру ели сырой, смешивая с жиром, вываренным из внутренностей рыбы, кусочками рыбы или ягодами.

Существовал запрет для женщин чистить и потрошить некоторые породы рыб, например, осетра. Это делали мальчишки-подростки или мужчины. Многие тазовские ненцы не ели налимов и щук.

При употреблении в пищу свежей рыбы в сыром виде существовали некоторые приметы. Так, вынимали спинной нерв и с силой подбрасывали вверх. По форме, которую он принимал, приклеившись или запутавшись за шесты чума, судили об успехе в предстоящей рыбной ловле.⁶

Мучная и растительная пища. До прихода русских на Север и в Сибирь ненцы хлеба (*нянь*) почти не знали. Покупали его обычно лишь зажиточные ненцы. Часто покупали муку и сами пекли лепешки. Делали запасы сухарей. Богатые ненцы покупали также сушки и пряники.

Пресный хлеб в чуме западные ненцы выпекали следующим образом: замешав тесто (*хуса*), т. е. залив муку водой и перемешав, скатывали его в форме толстой колбасы и насаживали по длине на ровную палку (*леска ня*), слегка обмяв концы, чтобы они сходили на нет. Затем пропекали, поворачивая, у огня. Снятый с палки хлеб (*леска, реска*) имел форму батона (длина около 45 см, толщина 10 см) с пустотой в середине.

Восточные ненцы (зауральские) приготавливали леску несколько иначе. Муку заливали горячей водой и замешанному тесту придавали форму прямоугольной призмы. Затем его прикладывали одним из оснований к костру на куске железа, когда одна сторона запекалась, с помощью жильной нитки отрезали лепешку толщиной в 1 см, которую насаживали на палку и запекали с другой стороны. Так повторяли до тех пор, пока не было использовано все тесто.

И. Перфильев описывает печение хлеба у ненцев о. Колгуев в специальных маленьких печках, сложенных из дерна.⁷

По свидетельству А. Шренка, ненцы Европейского Севера к хлебу примешивали дикий лук (*Aretostaphylos alpina*), чтобы придать ему пряный вкус.⁸

⁵ А. Соболев. На реке Танаме, стр. 131.

⁶ Там же.

⁷ И. Перфильев. Краткий очерк самоедского быта на острове Колгуеве, стр. 88.

⁸ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 486.

Кроме обычного хлеба и лепешек из муки, выпекался хлеб из оленьей крови с очень небольшой примесью муки. Такой хлеб кровавого (бурого) цвета, он хорош только в теплом виде, остыв, становится твердым и упругим.

Из растительной пищи ненцы употребляли главным образом морошку (*марау́га*), которая встречается в ненецких тундрах в большом количестве. Собирали и ели также голубицу (*лынзерма*), бруснику (*енздей*). Варили жидкую кашу из альпийской толокнянки (*мологодя*).

Грибы ненцы не употребляли, считая их пищей оленей.

Н а п и т к и. Н а р к о т и к и. Ненцы употребляли много чая, предпочитая плиточный. Чай заваривали прямо в котле или чайнике и кипятили, получая таким образом очень крепкий напиток. Пили чай обычно не реже трех раз в сутки. Зимой он имел большое значение как согревающее средство. Летом чай пили в меньшем количестве и не такой крепкий. Для охлаждения чая в чайник доливали сырую воду.

В больших количествах русские, ижемские и иностранные купцы завозили спирт и водку, которые обменивали на пушнину и другие продукты промысла. Употребление спирта и водки наносило большой ущерб материальному благосостоянию и здоровью ненцев.

Табак курили в трубках, нюхали и клали за нижнюю губу (последнее — кроме Канинских ненцев). Для нюхания махорку растирали в порошок (примешивая золу от ивняка) в деревянной ступке пестиком. Нюхали табак (махорку) очень многие, как мужчины, так и женщины. Еще в XIX в. у ненцев были широко распространены курительные трубки (*сяр ня, торнали*).

Трубки, употреблявшиеся ненцами, обычно изготавливались из кости (мамонтового бивня, оленьего рога) и имели деревянный мундштук, инкрустированный оловом.⁹ Чашечка для табака обливалась оловом.

Кисеты для табака (*сяр уэсь'*) шили из ровдуги, к востоку от Оби иногда украшали бисером. Однако чаще ненцы употребляли костяные (*сяр лы*, досл. «табачная кость»), медные (*нярава сяр лы*), берестяные (*тэ сяр лы*), деревянные (*ня сяр лы*) табакерки. Табакерки имели обычно форму слегка уплощенного цилиндра высотой 5—7 см с донышком и крышкой. Однако встречались табакерки и другой формы, сделанные из коровьего рога (обычно для нюхательного табака). Широкий конец рога затыкался, а кончик пробурывался, через это отверстие табак при нюхании высыпал на ноготь большого пальца.¹⁰

Из других курительных принадлежностей встречались мешочки из оленьей кожи для хранения спичек, железные спичечницы,

⁹ О способе инкрустирования см. гл. 10.

¹⁰ См., например: О. Т р е в о р - Б е т т и. Во льдах и снегах, стр. 101.

специальные проволочки с лопаточкообразным расширением на конце для чистки трубки, ступки для растирания табака (*таб ед*). Последние выдалбливались обычно из обрубка дерева и имели форму невысокого кувшина с выпуклыми боковыми стенками, плоским дном и сравнительно узким горлышком. Пестики к ступке длиной около 20 см имели совкообразное углубление в ручке для извлечения табака из ступки. В ступках толкли курительную и листовую махорку для обращения ее в нюхательный табак.

Другие продукты. В отличие от многих других народов Сибири ненцы не знали доения важенок. Эпизодически пастиухи практиковали высасывание молока, для чего важенку со спутанными ногами валили на землю.

Коровье молоко и другие молочные продукты (творог, сметана, масло) в прошлом употребляли в пищу лишь ненцы, издавна живущие совместно с русскими. Однако эти продукты могли покупать очень немногие ввиду их дороговизны. В тундры в незначительных количествах русские купцы завозили сахар, крупу, растительное масло и т. д. Их употребляли только зажиточные ненцы.

Питание детей. Детей до полутора лет кормили почти исключительно грудным молоком, добавляя в небольших количествах жеваное вареное мясо и вареный мозг. С полутора-двух лет дети питались так же, как взрослые. Во многих семьях было распространено кормление детей грудью до трех-четырех и даже пяти лет.

Режим питания. Питание производилось обычно три раза в день, причем основным питанием считалось вечернее. Время еды во многом зависело от времени года, а также от образа жизни в данный период. Зимой утренняя еда происходила значительно позже, чем летом, во время перекочевок семье часто приходилось довольствоваться запасом сухой пищи и т. д. Большую роль играло наличие или отсутствие топлива, необходимого для разведения огня. Если топливо не привозилось с собой, то в отдельных районах Ямала, Большеземельской тундры и т. д. периодами приходилось довольствоваться холодной пищей. Ненцы, впрочем, старались этого избегать.

Утренняя еда обычно состояла из чая, хлеба и жира (или масла), днем и вечером варили мясо или рыбу и пили чай. Сначала ели мужчины и мальчики старше пяти-шести лет, а затем женщины и остальные дети.

Во время разъездов по тундре налегке ненцы обычно провианта с собой не брали, так как обычай гостеприимства предполагал угощение в первом же встреченном чуме.

Посуда. Ненцы, по имеющимся сведениям, гончарства не знали, поэтому до прихода русских они употребляли посуду, изготовленную из дерева. Однако уже с давних пор у них быто-

вала металлическая посуда, которую они выменивали у соседних народов.

Мясо и рыбу ненцы варили в медном или чугунном котле (*ед*) с дужкой для подвешивания над костром. Котлы, употреблявшиеся ненцами, обычно, крышки не имели. Чай кипятили в медных чайниках (*сыйник*), куда прямо опускали заварку. Специальных чайников для заварки у ненцев не было. Котел и чайник обычно висели над костром, и их снимали только, чтобы почистить.

Воду носили и держали в покупных жестяных ведрах (*неранзь*, *неранзь ед*), черпали и наливали в котел и чайник ковшом (*ярако*). Ковши многие ненцы употребляли деревянные, самодельные, с плоским прямоугольным дном.

Необходимыми принадлежностями каждой хозяйки были деревянная доска или плоское корытце для нарезания мяса (*ямб хыдя*), нож (*хар*), большая вилка с загнутыми зубьями для вынимания мяса из котла, деревянная поварешка (*нялько*) для той же цели, мешалка (*хулцоць*).

Ели суп, мясо, рыбу обычно из деревянных мисок (*хыдя*), в более позднее время — из металлических. Для чая зажиточные ненцы покупали фаянсовую или фарфоровую посуду (но не глиняную, которая легко бьется при перевозках).

Ложки (*ху, луцеку*)¹¹ употребляли деревянные или металлические, покупные.¹²

Посуда (за исключением котла, чайника, ведер) хранилась в кованых сундуках или плоских ящиках, приобретаемых у русских или коми, и помещалась в части чума, противоположной входу (*си*, *синекуй*). Обычно бьющуюся посуду перекладывали тонкими березовыми стружками (*варае*), служившими также для вытирания посуды, лица и рук.

¹¹ Последнее название — от *луца* («русский»).

¹² О том, что еще в самом конце XIX в. были районы, где ненцы не знали никаких русских товаров, свидетельствует замечание английского путешественника Тревор-Бетти относительно колгуевских ненцев: «Все, что у нас было: наши спички, наши ложки и вилки, наши сапоги и ружья, все это было для них предметом удивления и восхищения» (Во льдах и снегах, стр. 87).

Глава 8

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Термин «род» в применении к ненцам Березовского уезда впервые встречается в русских ясачных книгах XVII в. Характерно, что в отношении других народностей северо-западной Сибири (хантов, манси, сибирских татар) этот термин не применялся.¹

Этот же термин содержится в документах конца XVII—начала XVIII в., относящихся к Европейскому Северу (Годовые книги по Новгороду Великому и др.). Таким образом, род (*еркар*) был той основной социальной группировкой у ненцев, которую русские обнаружили при знакомстве с этой народностью.

Слово *еркар* встречается в пенецком фольклоре. Обычным вопросом к незнакомому человеку являлся: «*Еркараp yamгэ?*» — «Какого ты рода?».

О существовании у ненцев родовой организации упоминается у авторов XVIII в. — Лепехина, Палласа, Георги. Более подробные сведения сообщают путешественники и исследователи XIX и начала XX в. — архимандрит Вениамин, В. Иславин, Н. Абрамов, А. Шренк, А. Кастрен, Б. Житков и др. Имеются специальные работы, касающиеся общественного строя ненцев, — Г. Д. Вербова, М. М. Броднева, Б. О. Долгих, Н. А. Свешникова и др. Однако, как мы увидим из последующего изложения, еще многие вопросы, связанные с общественными отношениями у ненцев, остаются недостаточно изученными и ждут исследователей. Настоящая глава лишь подводит краткие итоги тому, что известно в этой области.

Ко времени присоединения Сибири к Русскому государству (конец XVI—XVII в.) родовой строй у ненцев находился уже в стадии разложения, однако многие пережитки его сохранялись вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. ТИЭ, т. LV, 1960, стр. 75.

Ненецкий род, на основании имеющихся материалов, можно охарактеризовать следующими чертами.

1. Брак внутри рода был запрещен, т. е. род был экзогамен.

2. Счет родства велся по мужской линии: дети принадлежали к роду отца и принимали соответствующее имя. Брак у ненцев был патрилокальным, т. е. жена переходила жить к мужу.

3. Каждый род имел: а) свое имя, б) особую территорию (существовала родовая собственность на рыболовные, охотничьи и частично пастбищные угодья), в) родовые жертвенные места и кладбище.

4. Практиковалась взаимопомощь внутри рода.

По свидетельству А. А. Попова, у восточной группы ненцев — юраков — сохранялись следы родовой мести.² Кроме того, у ненцев имелись следы племенного и фратриального деления.

Род определял общественную, семейную и религиозную жизнь членов. Он был также военной единицей при столкновениях с соседними племенами и народами. Ненецкий отцовский род, видимо, никогда не был экономической единицей. Как упоминалось, у нас не сохранилось сведений, чтобы когда-либо основное богатство ненцев — олени — принадлежали всему роду. Так же обстояло дело с другими орудиями и средствами производства. Экономической единицей, как мы увидим из последующего изложения, была семья, которая в силу экзогамии состояла из представителей разных родов. Большое значение имело в хозяйственном отношении объединение нескольких семей, связанных по мужской линии родственными узами и кочевавших на одной территории, которое на ненецком языке обозначается словом *уэсы* («стойбище»). В имевших у ненцев место коллективных способах производства и распределения (коллективная охота на диких оленей, песцов, гусей, объединения по совместному выпасу оленей и вылову рыбы) принимали участие обычно члены одного стойбища.

Помимо терминов *еркар* и *уэсы*, у ненцев существует еще термин, обозначающий группу людей, — *тэнз* (*тыемс*). Сейчас он в отдельных районах (на п-ове Канин, в Малоземельской тундре) иногда употребляется вместо русского слова «фамилия» наряду со словом *еркар*, которое теперь часто имеет то же значение. В прошлом, однако, эти слова обозначали, видимо, совершенно разные понятия.

Следует отметить, что в дореволюционной литературе имела место значительная путаница в терминологии. Термины «род», «ватага», «племя» употреблялись часто один вместо другого, иногда один из них противопоставлялся другому или включал его. «В брачных союзах строго соблюдался закон не жениться на де-

² А. А. П о п о в. Енисейские ненцы (юраки). Изв. ВГО, т. 26, вып. 2—3, 1944, стр. 81.

вухе одного племени».³ «Здесьшие самоеды разделяются на „каменных“ и „низовых“ и каждые опять подразделяются на свои роды или ватаги».⁴ «Многочисленные роды — как, например, Окотэтта или Вануйта — разделяются на несколько ватаг. . .».⁵ А. Шренк, сообщая о делении ненцев на три племени и приводя названия родов в двух из них, говорит о запрещении мужчине жениться на женщине одного племени (а не рода).

В чем же дело? Можно предположить, что те группы родов, которые ряд авторов называют племенами, есть не что иное, как фратрии. Действительно, фратрии, как и роды, экзогамны.⁶

Вопрос о племенах у ненцев весьма сложен. Как мы видели, упоминание многих авторов о племенах основано на неправильном употреблении терминов. Г. Д. Вербов на основании изучения брачных норм и других факторов пришел к выводу, что лесные ненцы составляли особое племя. «Лесные ненцы, занимая свою особую, четко ограниченную территорию, отделенную на севере от территории тундровых ненцев незаселенной зоной, говорят на особом диалекте ненецкого языка и считают себя особым племенем (Тьемс). Так они обычно рассматриваются и тундровыми ненцами, которые подчас склонны считать браки с лесными ненцами за браки с иноплеменниками».⁷ Лесные ненцы делятся на четыре рода: 1) Ызвасата, 2) Пяк, 3) Вэла, 4) Ивши.⁸

Ниже мы увидим, что два рода из упомянутых четырех соответствуют родам тундровых ненцев — Ызвасыда и Вэла. Однако это не может служить препятствием к тому, чтобы считать лесных и тундровых ненцев отдельными племенами. «Племена, образовавшиеся путем разделения одного и того же первоначального племени, — читаем мы в конспекте Маркса книги Моргана „Древнее Общество“, — имеют известное число общих родов и говорят на наречиях одного и того же языка; они имеют известное число общих родов даже спустя столетия после разделения».⁹

Таким образом, то, что лесные и тундровые ненцы в прошлом два самостоятельных племени, не вызывает сомнения. Бросается в глаза слишком большая разница в их численности. Действительно, если лесных ненцев можно представить себе в виде племени, то трудно представить себе племя, состоящее из двух десят-

³ Н. В. Л а т к и н. Дневник во время путешествия на Печору. Зап. РГО, кн. VII, ч. 1, 1853, стр. 100.

⁴ Н. А б р а м о в. Описание Березовского края. Зап. РГО, XII, 1857, стр. 352.

⁵ Б. М. Ж и т к о в. Полуостров Ямал, стр. 206.

⁶ См. об этом подробнее в гл. 9.

⁷ Г. Д. В е р б о в. Пережитки родового строя у ненцев. Сов. этногр., № 2, 1938, стр. 59. В ненецко-русском словаре Г. Д. Вербов дает термин *тэзэ* с переводом «племя». Вероятно, написание *тэзэ* есть фонетический вариант в одном из говоров.

⁸ Там же, стр. 58.

⁹ Архив Маркса-Энгельса, т. IX, 1941, стр. 80.

ков тысяч человек и расселенное от Белого моря до Енисея (тундровые ненцы). Считать европейских и азиатских ненцев отдельными племенами мы не имеем достаточных оснований хотя бы потому, что они говорят на одном диалекте (отдельные говоры имеют лишь незначительные фонетические и лексические различия). Таким образом, вопрос о племенах требует дополнительного изучения. Слово *тэнз*, по-видимому, обозначало именно племенные объединения. В настоящее время, помимо значения «фамилия», в восточных районах оно соответствует понятию «сорт».

Что касается термина «ватага», то он был введен русскими в середине XIX в. и обозначал подразделения крупных родов, образованные царской администрацией для удобства сбора ясака.

Относительно внутренней и внешней жизни родового общества ненцев в период его расцвета мы, к сожалению, знаем очень мало.¹⁰ Отдельные стороны этой жизни раскрывают нам произведения устного творчества, легенды и предания, передававшиеся из поколения в поколение стариками, а также некоторые исторические документы XVII в.

Известно, что в прошлом имели место довольно частые войны между восточными ненцами и соседними народностями — селькупам, энцами, нганасанами, эвенками. Причиной войн было стремление завладеть оленями и другим имуществом, захватить пленных (*хаби*), увезти женщин и т. п.

В качестве примера приведем описание одного из таких военных столкновений, которое содержится в легенде о войне между группой тазовских ненцев, с одной стороны, и энцами и нганасанами — с другой, записанной энцем П. Болиным и любезно переданной в Институт этнографии. События, записанные в легенде, происходили 150—200 лет назад.¹¹

Глава одного из крупных ненецких родов (*ере*) Ныраку, готовя нападение на соседние племена, созвал тайное совещание вождей родственных мелких родов с приглашением двух шаманов. Шаманы были призваны, чтобы воздействовать на членов рода, не желающих воевать. Мы не имеем возможности останавливаться на всех перипетиях последовавших затем военных действий и остановимся лишь на обычаях, сопровождавших ведение подобных войн.

Для объявления войны ненцы посылали к противнику оленя-самца, на левом боку которого изображен был человек, прицеливающийся из лука. Обнаружив такого оленя, противник на-

---

¹⁰ Материалы, касающиеся брачных норм, свадебной обрядности, а также религиозных представлений, будут нами изложены в последующих главах.

¹¹ Датировка произведена П. Болиным, нам же представляется, что легенда относится к значительно более раннему времени.

чинал военную подготовку — мобилизацию воинов, постройку на месте предстоящих военных действий деревянной изгороди (*марь'*) для защиты мирного населения, оленей и других ценностей и т. д. Когда наступало время сражения, вперед высылали разведчика (*уэвмпада*) с целью уточнить размеры наступающего войска. У ненцев, видимо, считалось залогом будущей удачи (*яб*) убить такого разведчика и его кровью намазать полозья нартов воинов.

В описываемом в легенде случае энецкому разведчику удалось ускользнуть, и с этим в какой-то мере связывается поражение, постигшее в дальнейшем ненцев.

Вооружение ненецких воинов состояло из железной кольчуги (*саю' паны, еся паны*) и луков со стрелами. Вот как описывается снаряжение ненца из рода Вылка в поход в другом произведении устного народного творчества: «Мать принесла кожаный мешок. Я зубами узел сорвал. Из мешка кольчуги вынул. Первую кольчугу на себя надел, вторую кольчугу тоже надел. Между кольчугами летнюю шкуру песца надел. Наверх — малицу. Ремнем опоясался. Мать крепкий лук принесла. Половина лука из елового сука, половина — из мамонтовой кости, тетива — из крепких оленьих жил. Лук я взял, наручники (защитные пластинки от удара тетивы, — Л. Х.) надел. . .».¹² Однако, видимо, кольчуги имели не все воины. При наступлении часть воинов ехала на оленьих упряжках, часть шла пешком. На месте встречи двух войск энцы устанавливали модель чума, около которой ставили несколько стрел, остриями направленных в сторону врага, и красный флажок. Увидев этот знак, указывавший, что дальше идти нельзя, ненецкий военный начальник (*саю' ере*), в данном случае вождь рода Ныраку, который выступал предводителем нескольких объединенных родов, отправил к противнику старика для ведения переговоров, передавшего главе енисейских племен семь основных условий войны. Мы позволим привести их здесь полностью, так как они представляют значительный интерес.

1. С обеих сторон назначить по представителю (*уэвмпада*) для ведения военных переговоров. Эти представители должны отличаться от других людей тем, что в их нарты должны быть запряжены по два оленя, а на хорях привязаны красные флаги. Они должны быть неприкосновенны.
2. Местом военных действий назначить оз. Торучедо.
3. Сражение начать следующим утром.
4. Для определения дистанции, с которой начнется сражение, сделать по выстрелу с каждой стороны.
5. При первом наступлении количество войска должно быть равным (в описываемом случае по 50 чел.), запасных частей — кто сколько может выставить.
6. Каждым последующим утром начинать сражение с того места,

¹² В. Т о н к о в. Ненецкие сказки. Архангельск, 1936, стр. 66.

где закончили вечером. Ночью не воевать. 7. Для прекращения боя на ночной перерыв выделенные представители должны заехать с обеих сторон с флагами. Мир должен закончиться только после особых переговоров об условиях его заключения. Эти условия были приняты с некоторыми изменениями.

Впереди сходящихся войск шли сыновья военных предводителей (*саю' ерв' ню*), которые произвели первые выстрелы из луков для определения необходимой дистанции. Во время сражения запасные части войск находились на расстоянии 200 м от полосы военных действий. Раненых воинов увозили на оленях домой, а убитые оставались до конца войны на месте сражения. В конце каждого дня производился подсчет потерь. Вместо убитых и раненых выставляли воинов из запасных частей.

В эпизоде, о котором рассказывает легенда, ненцы оказались побежденными и им пришлось просить о мире. Вождь послал военачальнику энцев и нганасанов свой военный лук с семью стрелами и военный кинжал.

Знаком прекращения войны являлось вывешивание позади передового отряда больших красных флагов.¹³ Народные представители должны были трижды обойти каждый вокруг своего войска, крича соответственно: «Наши войска войну проиграли (выиграли) и оказались побежденными (победителями), война прекращается!». После прекращения сражения военачальники определяли место захоронения убитых. Ненцы большинство убитых, согласно легенде, увезли с собой на места своих кочевий. Однако часть воинов была похоронена на поле боя. На обеих братских могилах (ненецкой и энецко-нганасанской) поставили деревянные изображения человека (*пяхад сертавы ненэць'* — «сделанный из дерева человек»). В руках каждого — лук со стрелами, направленными друг в друга, на правом боку — кинжал. У изображения на могиле ненецких воинов в левом боку была воткнута стрела — знак того, что они побеждены.

У братских могил были разведены костры и произнесены обоими военачальниками речи по поводу одержанной победы и понесенного поражения, а также о необходимости жить в мире и дружбе. Оставив луки, стрелы и кинжалы на могиле, побежденные вернулись в свои края.¹⁴

Из вышеизложенных материалов мы видим, что военная организация у ненцев, находившихся на стадии развитого родового общества, стояла на довольно высоком уровне.

Интересные сведения может дать дальнейшее изучение фольклора ненцев и соседних с ними народов. Здесь мы только отметим, что в ненецком фольклоре нашло, в частности, отражение суще-

¹³ По некоторым данным фольклора — черных.

¹⁴ Легенда хранится в ИЭ, куда была прислана П. Болиным. См. также: Б. О. Долгих. Мифологические сказки и исторические предания энцев. ТИЭ, т. LXVI, 1961.

ствование у ненцев в прошлом патриархального рабства. Так, во многих текстах, записанных в разных районах расселения ненцев, упоминается *хаби*, что в переводе на русский язык означает «иноплеменник», «раб». По-видимому, это были мужчины и женщины, взятые в плен в результате военных столкновений. Они использовались, судя по имеющимся данным, главным образом в домашних работах (запрягали оленей, готовили пищу и т. д.).¹⁵ Патриархальное рабство не получило у ненцев сколько-нибудь широкого распространения. С приходом русских оно постепенно исчезло.

Фольклорный материал подтверждает значение в жизни ненецкого общества таких объединений, как стойбище (*уэсы*), которое возглавлял его «хозяин» — *уэсы' эрэ*. При этом обычно в тексте говорится: «Чум хозяина стойбища всегда заметен» или: «разве не узнаешь чум хозяина стойбища?». Видимо, он находился в центре, был больше других и т. д. Возможно, эти объединения были большой семьей. Бывали, однако, случаи, когда хозяйкой стойбища становилась женщина, после того как она тем или иным способом доставляла победу в борьбе с врагами. Вообще участие женщин в военных столкновениях достаточно характерно для ненецкого фольклора.

Из фольклорных материалов мы узнаем о принятом у ненцев в прошлом вызове на поединок: противник стучал копьём (хореем с копьевидным наконечником) снаружи по шестам чума и говорил: «Ты в чуме будешь умирать или нет?». Герой одевался, выходил на улицу и вступал в единоборство. Красочны описания сражений: «Они своим лукам радуются», и многие другие.

Литературные данные характеризуют главным образом расселение родов, что представляет также значительный интерес.

По материалам XVII в., на территории Европейского Севера кочевало несколько ненецких родов.¹⁶ Наиболее многочисленными из них в пределах Пустозерского ведомства (Большеземельской тундры) были Тысиня (Тысыя), Явтысиня (Явтысыя), Лохей (Лэхэ), Ванюта (Вануйта), Волей (Вэли) и Выучей (Ѓууци). В Ижемском и Усть-Цилемском ведомствах (бассейн средней Печоры и Усы) постоянно кочевали роды Ванюта (Вануйта), Волей (Вэли), Хетензи (Хэтанзи), Выучей (Ѓууци), иногда Тысиня (Тысыя).¹⁷

¹⁵ З. Н. К у и р и я н о в а. Эпические песни ненцев. М.—Л., 1965.

¹⁶ Говоря о расселении рода, следует иметь в виду территорию кочевания родовой общины, мужчины которой принадлежали к одному роду.

¹⁷ Мы приводим здесь названия родов согласно документам XVII в. В скобках указывается более точное написание. Данными о родовом составе канинских, тиманских и малоземельских ненцев, находившихся в XVII в. в ведении Мезенского воеводы, мы не располагаем.

Род иногда распадался на несколько частей, кочующих в разных местах. Род Выучей, например, встречается в ясачных книгах Пустозерска, Ижемской и Усть-Цилемской слободок.

Маршруты перекочевок ненцев были более или менее постоянны. А. В. Смирнов на основании русских исторических документов XVII в. составил карту расселения и кочевания групп ненцев на территории Европейского Севера.¹⁸ Согласно приводимым им данным, канинская самоеядь жила и кочевала по всему п-ову Канин, была на о. Моржовец и в пределах бывших Мезенского и Двинского уездов, в бассейнах рек, впадающих в Мезенскую губу, Кулоя, Мезени и Пешы.

Тивунская самоеядь кочевала вдоль побережья Чешской губы до предгорий Тиманского кряжа с выходом в леса в нижнем течении рр. Мезени и Пезы. Пустозерская самоеядь занимала территорию от Тиманского кряжа до р. Кары, включая бассейн среднего течения р. Печоры.

Наиболее многочисленные роды (Тысыня, Явтысыня, Лохей, Ванюта) большую часть года проводили в северо-восточной части Большеземельской тундры около рр. Каратайки и Хэйпудыры, откочевывая на зиму в юго-западном направлении.¹⁹

Значительная часть ненцев откочевывала за Урал, в Березовский уезд. Так, в 1695 г. в Березовском уезде числилось пустозерских самоедов рода Тысыня (Тысыя) 103, рода Лохей (Лэхэ) — 44, рода Хатанзей (Хэтанзи) — 6 и рода Валеи (Вэли) — четыре человека. В 1712 г. в Березовском уезде отмечен 61 пустозерский самоед родов Тысыня и Лохей и 32 пустозерских самоеда без указания рода.²⁰

Имеются сведения, что самоеды рода Ванюта, которые считались пустозерскими, в большей части откочевали за Урал: «А ясачная самоеядь рода Ванюта... прежде сего платила... ясак в Пустозерском остроге, а ныне та самоеядь... ясак платит в Носовом Березова города и кочует за Югорским Камнем».²¹ В 1965 г. среди обдорских самоедов числилось 188 плательщиков ясака из рода Ванюта (Вануйта).²²

В зауральских тундрах в конце XVII—начале XVIII в. обитали ненцы следующих родов:²³ Карачейской (Харючи), Яры (Яр), Сигуней (Сюхуней), Адеры (Ѓадер), Ану-Карачей (Ѓано-

¹⁸ К вопросу о расселении и кочеваниях племен самоеди. Изв. ВГО, т. 89, вып. 2, 1957, стр. 139.

¹⁹ Е. И. Колычева. Ненцы Европейской России в конце XVII—начале XVIII в.

²⁰ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 72.

²¹ ЦГАДА. Приказные дела новой разборки, № 1213, л. 264.

²² Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 73.

²³ Там же. В скобках даются современные названия.

Харючи), Сабей яптики (Сабы и Яптик), Югучейской (Юууци), Выни (Вэнонка), Айвасида (Нэвасяда), Парабы (Паравы), Пяки (Пяк), Обдорской (Саландер), Лодокуйской (Ладукай), Ванюта (Вануйта), Луца-Ванюта, Соль-Ванюта, Пучей (Пуци).

Материалы XVIII в. (главным образом собранные участниками Академической экспедиции) свидетельствуют о том, что в первой половине XVIII в. больших изменений в расселении отдельных родов и групп ненцев не произошло. Так, И. Лепехин сообщает: «Ванойты живут на Мезени, на Печоре и в нижних местах реки Оби около Обдорска; Тысяи Илоген²⁴ живут во внутренних Архангелогородской губернии; а напротив того Хырючи, которые от Россиян называются Карачея, живут за горами, во внутренности Сибири, в Березовском и Обдорском Тобольской губернии уездах».²⁵

В XIX в. наиболее подробные сведения о ненецких родах и их расселении имеются в работе А. Шренка, однако его материалы отличаются от других, содержащихся, например, в работах В. Иславина, Г. Д. Вербова и требуют уточнения. Родовой состав ненцев и их расселение в XVIII—XIX вв., как нам представляется, должны быть предметом специального изучения.

По данным, относящимся к началу нашего века, количество родов у ненцев было велико — около 85—90, причем представители подавляющего большинства из них обитали на территории современного Ямало-Ненецкого национального округа. Приведем их наиболее полный перечень:²⁶

1. Надер	15. Ладукай	29. Нямдаси
2. Нэвасяда	16. Ламбай	30. Няруй
3. Нано-Харючи	17. Ламдо	31. Няць
4. Насяда ²⁷	18. Лапсуй	32. Нока-Вай
5. Вануйта ²⁸	19. Лаптандер	33. Нокаэтэ
6. Вода	20. Лар	34. Пандо
7. Вора	21. Лэхэ	35. Паравы
8. Вы'лка	22. Марьик	36. Паханседа
9. Вэла	23. Нареця	37. Пороцгуй
10. Вэли	24. Неняцг	38. Пуйко
11. Вэночка	25. Неркыхы	39. Пуци
12. Евай	26. Нехэця	40. Пырерка
13. Езыңгы	27. Нохо	41. Падаран-хасава
14. Ивпи	28. Нядаңгы	

²⁴ Следует читать: и Логен.

²⁵ И. Лепехин. Дневные записки. . ., стр. 201.

²⁶ Г. Д. Вербов. Пережитки родового строя у ненцев, стр. 43—44.

²⁷ Г. Д. Вербов при составлении списка родов в алфавитном порядке не принимает во внимание заднеязычное Н (Н, старое написание нг), которое отсутствовало в ряде говоров.

²⁸ Родовые названия принимают особую форму, когда речь идет о женщине, например, Вануйта — Ваной, Харючи — Харёй, Неняцг — Неней, Сэротета — Сэрой и т. д. См.: Г. Д. Вербов. Пережитки родового строя у ненцев, стр. 50.

42. Пяк	56. Тусяда	70. Хэтанзи
43. Сабы	57. Тысыя	71. Ядня
44. Саландер	58. Тэ мя'	72. Ямал
45. Сёхой	59. Тэсяда	73. Яндо
46. Сусой	60. Ёууци	74. Яптая
47. Сэротэта	61. Хабдэ	75. Яптик
48. Сэр'пива	62. Хандер	76. Ябто цэ
49. Сяхуней	63. Харюци	77. Яр
50. Сядэй	64. Хоралэ	78. Явцгад
51. Тадебя	65. Хоратэта	79. Янта'я
52. Тайбари	66. Худя'	80. Яхан хасава
53. Тёр	67. Хуңгала	81. Юху ²⁹
54. Тибиця	68. Хуинда	
55. Тохо	69. Хэно	

В европейских тундрах в начале нашего века обитали представители следующих ненецких родов:

1. Ванюта	7. Лэхэ	14. Тысыя
(Вануйта)	8. Нохо	15. Выуци
2. Вы'лка	9. Паханседа	(Ёууци)
3. Вэли	10. Пырерка	16. Хардяң
4. Вэнокан	11. Сядэй	17. Хэтанзи
5. Вэра	12. Тайбари	18. Яв'тысыя ³⁰
6. Лаптандер	13. Талей	

Тот факт, что в хронологически более ранних источниках упоминается меньшее число родов, объясняется, конечно, не только известной недостаточностью материалов, но в первую очередь непрерывно шедшим дроблением сравнительно немногочисленных основных родов по мере расселения ненцев по занимаемой ими территории.

Так, Г. Д. Вербов приводит предание, согласно которому род Харюци дал начало родам Ёокатэта, Сэротэта, Ядня, Лапсуй, Няруй, Тэсяда, Ёадер, Евай, Ябто цэ, Тусяда; род Вануйта — родам Яптик, Яр, Пуйко, Неркыхы, Саландер, Тысыя, Лэхэ, Вэноңка, Марык, Нохо. О дроблении крупных родов есть упоминания и у других авторов.

Сравнивая приведенные выше перечни родов азиатских и европейских ненцев, можно заметить, что часть из них являются общими: Вануйта, Вы'лка, Вэли, Лаптандер, Лэхэ, Нохо, Паханседа, Пырерка, Сядей, Тайбари, Тысыя, Выуци (Ёууци)

²⁹ Говоря о родовых группах азиатских ненцев, следует отметить, что некоторые из них, по мнению ряда авторов, хантыйского происхождения. Об этом есть данные у Б. М. Житкова (Полуостров Ямал, стр. 204 и 230), Г. Д. Вербова (Пережитки родового строя у ненцев, стр. 60 и сл.). Таких родов известно семь: Саландер, Тибиця, Пороңгуй, Неркыхы, Лар, Нядаңги и Пандо.

³⁰ Г. Д. В е р б о в. Пережитки родового строя у ненцев, стр. 52

и Хэтанзи, некоторые встречаются только в европейских тундрах (Вэнокан, Вэра, Талей, Хардянг и Яв'тысыя) или только в азиатских (Надер, Нэвасыда, Харюци и др.). Мы видели, что еще в XVII в. имели место перекочевки значительных групп ненцев за Урал. Представители азиатских ненцев часто приезжали в Пустозерск на ярмарку. Часть этих ненцев оставались на новой территории (как это было с родом Вануйта, см. выше). Представляется вероятным, однако, что большинство родов, названия которых встречаются и в европейских и в азиатских тундрах, являются по своему происхождению более ранними. Возможно, они сложились до освоения ненцами европейских тундр. Роды же, упоминаемые только в европейских или только азиатских тундрах, образовались в результате дробления указанных основных родов после окончательного освоения ныне занимаемой ненцами территории.

Большинство родовых названий легко поддается переводу. При этом следует отметить отсутствие какого-либо единого принципа их образования: то это, видимо, какие-то случайные черты внешности родоначальника, то географические условия проживания, то названия животных, насекомых и даже предметов и т. д. Приведем несколько примеров.

Ламдо — «низкий» (ростом), Лаптандер — «житель равнины», Ненянг — «комар», Нохо — «песец», Ёокатэта — «многооленный», Тусяда — «не имеющий огня», Тохо' — «ткань», «материя», Сэр' пива — «белые пимы», Тэ мя' — «берестяной чум» и т. д.

Еще в XIX в. многие из этих названий были переделаны и уподоблены русским фамилиям, например, Вэли — Валейский и Валеев, Лэхэ — Лагейский, Сядэй — Сядейский, Талей — Талеев, Выуци — Выучейский, Хэтанзи — Хатанзейский или Хатанзеев. Произошли и другие изменения, также, видимо, под влиянием русского произношения: например, Анагуричи вместо Нано Харючи, Ного вместо Нохо, Окатэта вместо Ёокатэта, Ябтунай вместо Ябто нэ, Тадибе вместо Тадебя и т. д. В последнем случае, возможно, имело место нежелание носить фамилию, в переводе означающую «шаман».

Бытующие у ненцев Малоземельской тундры фамилии — Апицины, Ардеевы, Ледковы и другие также весьма давнего происхождения. Так, еще в жалованной грамоте канинским и тунским (тиманским) самоедам (1552 г.) упоминается ненец Апица. Примерно к этому же времени относится упоминание о ненце Ледке. Принадлежность этих фамилий к родам известна: Ледковы принадлежат к роду Паханада, Апицины — к роду Вэра, Ардеевы — к роду Вэли. Фамилии канинских ненцев — Ардеевы, Бобриковы, Баракулевы, Ванюта, Варницыны, Канюковы, Латышевы, Ханзеровы — также в большинстве связаны со старыми родовыми группами, хотя сейчас уже даже старики забыли о принадлежности к какому-либо роду.

При общинно-родовом строе существовала родовая собственность на землю. Однако в силу разложения родового строя, прихода на территорию расселения ненцев значительных групп русских и коми и других причин родовое землепользование к началу XX в. было почти повсеместно разрушено. Сохранялось оно дольше всего на п-ове Ямал — вплоть до первичного землеустройства уже в годы Советской власти. Поэтому мы начнем краткую характеристику существовавших у ненцев в конце XIX—начале XX в. форм землепользования с этого района.

Вся территория полуострова делилась на ряд более или менее крупных участков, каждым из которых владел один какой-то род или часть рода. Границы шли обычно по рекам, оврагам. Иногда устанавливались специальные меты (*хэкур'*) — камни, положенные на вершинах сопок. Члены рода охотились, ловили рыбу и выпасали оленей в пределах территории своего рода. Родовые владения, носившие названия по имени рода (Яптик'я — «земля Яптиков», и т. д.), делились на более мелкие участки, так называемые вотчины, принадлежавшие отдельным семьям. Этими участками распоряжался глава семьи: он мог сдавать их в аренду, допускать или не допускать на них других, даже членов одного с ним рода, делить их между членами семьи, передавать по наследству и т. д.³¹ Тот факт, что при вступлении в брак мужчина, сохраняя все права на свою родовую землю, получал некоторые права и на территорию рода жены, создавал на первый взгляд картину отсутствия родового пользования и вводил в заблуждение некоторых исследователей. Отметим, что если право на родовую землю было пожизненным и передавалось по наследству, то право на использование угодий рода жены сохранялось только до разрыва брачных уз. В свою очередь женщина, вступив в брак, принимала участие в освоении промысловых угодий родовой территории мужа.

Распределение угодий между родами на Ямале было в начале нашего века зафиксировано Б. М. Житковым и нанесено на карту. Более поздние данные свидетельствуют о том, что до Великой Октябрьской социалистической революции, а местами и позже отмеченное им распределение территорий в основном сохранялось.³² На Ямальском п-ове располагались летние пастбища. На зимний период, откочевывая к лесам, ненцы по существу покидали свои родовые владения, так как на правом берегу Обской губы

³¹ На существование вотчинного и родового права имеются указания в работах А. А. Дунина-Горкавича (Тобольский Север, т. III, Тобольск, 1911), Б. М. Житкова (Полуостров Ямал), Г. Н. Тарасенкова (Рыбное хозяйство на Ямале, Сов. Арктика, № 10, 1936) и др.

³² См.: М. М. Б р о д н е в. 1) От родового строя к социализму. Сов. этногр., № 1, 1950, стр. 94; 2) Из истории земельных и имущественных отношений у ненцев. Сов. этногр., № 6, 1959.

в этот же период родовых владений на пастбищные угодья уже не существовало.

У приуральских и надымских ненцев родовое пользование угодьями было нарушено уже во второй половине XIX в. в связи с выходом на их пастбища значительного числа оленеводов-коми. Их приход вызвал перераспределение пастбищ и переход от родового пользования угодьями к территориально-общинному. При этом хозяйства, занимающие общинную территорию, были связаны не только совместным пользованием земель, но и коллективными видами труда: совместными загонами песца, линной птицы и т. п.³³

Своеобразно складывалось землепользование на рыболовных угодьях. До появления рыбопромышленников эти угодья были родовыми: часть безоленных и малооленных ненцев переставала кочевать по тундре, поселялась около рек и занималась ловлей рыбы и охотой, не теряя связи с группами сородичей-оленеводов. С приходом рыбопромышленников право владения угодьями стало приносить доход — арендную плату, которая обычно распределялась между теми хозяйствами, которые жили в прибрежной зоне. Таким образом, большая часть угодий из общеродовой собственности превратилась в собственность группы сородичей. Постепенно в группе, владеющей угодьями, сокращалось число хозяйств. Так, песком (рыболовным участком) Ямбура некогда владело больше десяти хозяйств, в 1914 г. он принадлежал двум семьям, а в 1917 г. — только одной.³⁴ Особенно много случаев захвата рыболовных угодий отдельными богатыми хозяйствами было в Тазовской тундре. Однако частная собственность на землю у ненцев была все же редкостью.

У европейских ненцев родовая собственность на землю была утрачена частично, видимо, еще до присоединения к Русскому государству.

Уже в XVIII в. у ненцев было отмечено наличие значительного имущественного неравенства. Об этом писали И. Лепехин и В. Зуев.³⁵ Очевидно, еще до прихода русских, в результате войн с соседними народами, часть ненцев приобретала большее число оленей, лучшее оружие и т. д. С другой стороны, эпидемии, уносившие порой сотни оленей, делали почти нищими малооленных ненцев. Им приходилось поступать пастухами к богатым оленеводам. Приход русских чрезвычайно ускорил процесс расслоения. Появился спрос на пушнину. Продуктивно охотой мог за-

---

³³ См.: Н. А. С в е ш н и к о в. О переходе родовой общины в соседскую у народов Крайнего Севера и Западной Сибири. Уч. зап. Енис. гос. пед. инст., вып. 3, 1959.

³⁴ М. М. Б р о д н е в. Из истории земельных и имущественных отношений у ненцев, стр. 74.

³⁵ Материалы..., стр. 35.

ниматься только богатый многооленный ненец: он мог осваивать большой район, приобрести лучшие орудия охоты и т. д.

Вплоть до установления Советской власти, а местами и позже, сохранялись коллективные формы труда, вызванные низким уровнем производительных сил и превратившиеся в процессе разложения родового строя в скрытые формы эксплуатации.

Так, бедные родственники или соседи постоянно или периодами объединялись с богатыми для совместных промыслов или выпаса оленей (подобное объединение носило название *парма*). Ненец, имевший две-три тысячи оленей, принимал к себе в парму ненцев, имевших 50—60 оленей. Сохранившийся от родового строя порядок выпаса оленей (каждый член пармы пас оленей по очереди, независимо от того, у кого сколько оленей) создавал такое положение, что богатый оленевод получал фактически бесплатную рабочую силу.³⁶ Во время рыбной ловли или охоты больше продуктов доставалось хозяину, владевшему орудиями промысла. В отдельных районах, однако, сохранялся вплоть до коллективизации оставшийся от прошлого обычай, по которому улов рыбы или мясо добытого зверя распределялось по потребности, в зависимости от количества членов семьи, а не от каких-либо других факторов.

Часто богатые оленеводы давали беднякам оленей во временное пользование и брали за это плату рыбой или пушниной (так называемое подерпо, от ненецкого глагола *подерпась* — «запрягать»). Иногда условием пользования оленями было их обучение.

Пережитком обычая взаимопомощи было проживание безоленных ненцев в чумах богатых сородичей. Если при родовом строе этот обычай часто был обременительным для того, кто принимал в свое хозяйство сирот или целую обедневшую семью, то в период далеко зашедшего разложения первобытнообщинных отношений он стал одной из основных форм эксплуатации. Бедные родственники становились по существу батраками, работавшими только за питание и кое-какую одежду. Положение безоленных ненцев, находившихся на положении батраков у богатых оленеводов, ухудшалось еще тем, что переход к другому хозяину в условиях тундры был затруднен большими расстояниями между чумами.

Можно отметить еще одну форму эксплуатации, когда богатые оленеводы обменивали продукты оленеводства на продукты охоты и рыболовства, которые им поставляли малооленные ненцы. Часто это был неравный, неэквивалентный обмен. Некоторые богатые оленеводы каждую весну в обмен на оленей получали несколько нарт месцов, не охотясь.

Из пережитков рода вплоть до Великой Октябрьской социа-

---

³⁶ См.: М. М. Броднев. От родового строя к социализму, стр. 35.

листической революции сохранился институт старейшин, или старшин, однако после вхождения Севера в состав Русского государства, функции старшин существенно изменились.

Звание старшины, принадлежавшее обычно представителю местной родовой знати, как правило, являлось наследственным и передавалось от отца к сыну. В обязанности старшины в XIX—начале XX в. входило быть ходатаем перед административными властями по делам своего рода, собирать ясак с членов рода и сдавать его, судить и наказывать сородичей за мелкие проступки, разбирать семейные и другие неурядицы и т. д.

Если старшина не оставлял наследника или разорился, то новый выбирался на «съезде» наиболее зажиточной части рода, происходившем обычно при Инородческой управе. Таким образом, в частности, был выбран на Ямале старшина рода Сэротэта Сэротэта Еремзи, занимавший эту должность до момента упразднения ее после революции. До него старшиной в этом роде был Сэротэта Хамби, но после внезапного падежа оленей разорился, и поэтому, когда он состарился, должность старшины не была передана его сыну.³⁷

В XIX в. на Азиатском Севере, помимо родовых старшин, избирался старшина всех ненцев. Таким был долгое время князь Тайшин для ненцев и хантов. Затем в царствование Александра I ненцам предложено было избрать своего старшину (князя). Им был избран представитель довольно многочисленного рода князь Пайгол, однако он не пользовался популярностью и уважением у местного населения. Родовые старшины (*нарка мир' пэртя* — «платящие большой ясак») выбирались ежегодно с ведама князя.

Таким образом, ко времени Великой Октябрьской социалистической революции ненцы находились на стадии далеко зашедшего разложения патриархально-родового строя. Октябрьская революция помешала образованию классового общества на Севере и повела ненцев, как и другие народы, по пути социалистических преобразований.

---

³⁷ Из сводных материалов Ямальского землеустройства, 1938.

Глава 9

БРАК И СЕМЬЯ

При вступлении в брак решающее значение имела принадлежность жениха и невесты к тому или иному роду.

Как указывалось, счет родства у ненцев велся по мужской линии, и браки были запрещены не только внутри рода, но и внутри целых групп родов. Г. Д. Вербов приводит списки родов ямальских, гыданских и тазовских ненцев, входивших в две фратрии:¹

I группа		II группа
Надер	Џокатэта	Вануйта
Нано-Харючи	Сэхой	Вора
Вода	Сусой	Вэночка
Вэла	Сэротэта	Ламдо
Евай	Тадебя	Пуйко
Езыңгы	Тэсяда	Хандер
Ладукай	Харючи	Янта'я
Ламбай	Хоралы	Яптик
Ламбяха	Худя	Яр
Лапсуй	Хуңгала	Явцагд ²
Невяңг	Ядня	
Нехэця	Ямал	
Няруй	Ябтоңгэ	

Член любого рода группы I мог взять себе жену из любого рода группы II, и наоборот. Браки внутри групп не допускались.

Роды европейских ненцев были связаны взаимными браками в основном с группой I зауральских ненцев, как бы входя таким образом во фратрию II.

Члены одной и той же фратрии называли друг друга *нями* — «мой брат» или *угамзани пеля* — «часть моей плоти». «Если спро-

¹ Г. Д. Вербов. Пережитки родового строя у ненцев, стр. 46.

² М. М. Броднев в статье «От родового строя к социализму» приводит несколько отличное деление на две фратрии. Оба списка не противоречат друг другу, а лишь дополняют. Так же обстоит дело с материалами, которые приводит В. П. Евладов (В тундрах Ямала, стр. 21).

силь, например, — пишет Г. Д. Вербов, — члена рода Ыокатэта, может ли он взять себе жену из рода Саротэта (оба эти рода входят в одну группу), то он ответит: „Яңгу. Ханзер' мэңгув? Тюку намзани пеля“. — „Нет. Как я возьму? Это часть моей плоти“». ³

Таким образом, важнейшим моментом при выборе невесты являлось определение ее родовой принадлежности, так как мужчина мог брать себе в жены только женщину, принадлежавшую к другому роду или даже к другой группе родов. Если запрещались браки по отцовской линии, то по материнской линии, наоборот, допускались браки между самыми близкими родственниками. ⁴ Можно было жениться на сестре матери (понятно почему: «мой» отец Ыокатэта, род относится к I фратрии, «моя» мать — Вануйта, род относится ко II фратрии; родовое имя переходит по отцовской линии, поэтому «я» — Ыокатэта, сестра матери — Вануйта, я могу на ней жениться); на дочери сестры отца («мой» отец — Ыокатэта, «я» — Ыокатэта, сестра отца — Ыокатэта, но муж ее Вануйта, следовательно их дочь — Вануйта и «я» могу на ней жениться) и т. д. Отмечено наличие перекрестного брака: двое мужчин из разных родов женились на сестрах или дочерях друг друга. ⁵ По существующим нормам два брата могли жениться на двух сестрах из другого рода, пасынку разрешалось жениться на своей мачехе, а отец мог жениться на вдове умершего сына. ⁶ Таковы были брачные нормы, связанные с существованием у ненцев родового строя.

Начиная с конца XVIII в. мы встречаем отдельные упоминания о многоженстве, о системе купли жен и об относительной легкости расторжения брака. «Они (ненцы, — Л. Х.) берут за себя столько жен, сколько купить могут — сообщает Георги. — Больше таких, которые имеют по одной жене; но у некоторых есть и две, а у иных и три; почему многие бедняки остаются холосты или принуждены брать тех, на которых никто и не глядит». И дальше: «Браки их и уничтожаются очень легко». ⁷

Аналогичные сведения мы находим у Иславина: «У самоедов существует многоженство; число жен зависит совершенно от состояния каждого, ибо приобретение жены сопряжено с довольно

³ Г. Д. Вербов. Пережитки родового строя у ненцев, стр. 49.

⁴ А. Я. Ефименко. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов. Зап. РГО по отд. этногр., т. VIII, 1878, стр. 171; А. А. Попов. Енисейские ненцы, стр. 81; А. И. Дмитриев-Мамонов и К. М. Голодников. Юридические обычаи самоедов. Памятная книжка Тобольск. губ. на 1884. Тобольск, 1884, стр. 39, и др.

⁵ При этом калыма не полагалось. См.: А. А. Попов. Енисейские ненцы.

⁶ Там же; А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 429.

⁷ Георги. Описание. . . , стр. 10. См. также: В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 60.

значительными издержками: по этой-то причине так много в настоящее время холостых самоедов». ⁸ Об этом же писали А. Шренк, ⁹ Б. Житков ¹⁰ и многие другие.

Обращаясь к работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», мы находим там следующее замечание: «Итак, мы имеем три главные формы брака, в общем и целом соответствующие трем главным стадиям развития человечества. Дикости соответствует групповой брак, варварству — парный брак, цивилизации — моногамия. . . На высшей ступени варварства между парным браком и моногамией вклинивается господство мужчин над рабынями и многоженство». ¹¹ И далее о многоженстве: «Многоженство мужчины было, очевидно, продуктом рабства и было доступно только отдельным лицам, занимавшим исключительное положение. . . Так обстоит дело еще и в настоящее время по всему Востоку; многоженство — привилегия богатых и знатных, и жены достаются главным образом путем покупки рабынь; большинство народа живет в моногамии». ¹²

Исходя из имеющихся материалов, можно сделать вывод, что у ненцев в конце XVIII и в XIX веках имел место переход от парного брака к моногамии. От парного брака ненцы сохранили легкость расторжения брачных уз. Многоженство, как уже указывалось, было привилегией богатых, так как приобретение жены было сопряжено со значительными затратами (уплата калыма). Бедные ненцы в лучшем случае довольствовались одной женой. Причинами приобретения второй и следующих жен были старость или болезнь первой жены, ее бесплодие и экономические причины — необходимость дополнительных рабочих рук при наличии большого хозяйства.

Вскрыть ранние формы брака у ненцев нам позволяют существующая система родства, элементы свадебного обряда, а также пережитки некоторых институтов.

Список родственных терминов был приведен в работе Г. А. Старцева «Самоеды (ненча)», вышедшей в 1930 г. Список этот отличается неточностью и нуждается в значительных коррективах. Некоторые материалы нам дают словари Г. Д. Вербова, ¹³ а также А. П. Пырерко и Н. М. Терещенко. ¹⁴ Имеется также работа

⁸ В. И с л а в и н. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 126.

⁹ Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 427.

¹⁰ Полуостров Ямал, стр. 216—217.

¹¹ Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1945, стр. 85.

¹² Там же, стр. 70.

¹³ Г. Д. В е р б о в. Краткий ненецко-русский и русско-ненецкий словарь. Салехард, 1937.

¹⁴ А. П. П ы р е р к о и Н. М. Т е р е щ е н к о. Русско-ненецкий словарь. М., 1948.

З. М. Куприяновой, специально посвященная родственной терминологии у ненцев.¹⁵

Анализируя материалы, собранные автором настоящей работы во время поездок к ненцам,¹⁶ и содержащиеся в указанной литературе, можно сделать некоторые выводы.

Ненецкие родственные термины, большинство из которых бытует сейчас среди ненцев, можно представить в следующем виде:

ири — дед (отец отца или матери), прадед, старший брат отца или матери;¹⁷
хада (в Канинской тундре *паба*) — бабка (мать отца или матери), прабабка, старшая сестра отца или матери;

нися — отец;

небя — мать;

ня, *хасава ня* — брат;

нипека, *няка* (*нека*-тайм.) — старший брат, младший брат отца, сын старшего или младшего брата отца (если старше «меня»);

папа, *пебя* — младший брат, сын старшего брата (если моложе «меня»), сын старшего или младшего брата отца (если моложе «меня»);

ня, *не ня* — сестра;

нябако — старшая сестра, младшая сестра отца, дочь старшего или младшего брата отца (если старше «меня»).

не папа — младшая сестра, дочь старшего брата, дочь старшего или младшего брата отца (если моложе «меня»);

ню — сын, внук, сын младшего брата или младшей сестры;

не ню — дочь, внучка, дочь младшего брата или младшей сестры;

тидя — младший брат матери, сын старшего или младшего брата матери (если старше «меня»), сын сестры отца;

нея — младшая сестра матери, дочь старшего или младшего брата матери, дочь сестры отца;

мяңг — сын старшей сестры;

не мяңг — дочь старшей сестры;

сюнә — сын или дочь сестры матери.

Термины свойства:¹⁸

хасава, *вэсу*, *вэсако* (досл. «мужчина», «старик») — муж;

не, *пуху*, *пухуця* (досл. «женщина», «старуха») — жена;

при многоженстве *пюды* — первая жена, *таты* — вторая и следующие жены;

ири — отец мужа, старший брат мужа, муж старшей сестры отца;

хада — мать мужа, старшая сестра мужа, жена старшего брата отца, жена старшего брата матери;

ңынаб (в западных говорах *ынаб*) — отец жены, муж старшей сестры, старший брат жены;

не ңынаб — мать жены, старшая сестра жены;

ий — муж дочери, муж младшей сестры;

¹⁵ З. Н. Куприянова. Терминология родства в устном народном творчестве ненцев. Уч. зап. Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 101, 1954.

¹⁶ Они были приведены в диссертационной работе автора «Ненецкая женщина до и после Великой Октябрьской революции» 1951 г.

¹⁷ У ненцев термины родства не зависят от того, кто обращается — мужчина или женщина.

¹⁸ Некоторые термины свойства совпадают с родственными терминами. См.: *ири*, *хада*, *нябако* и *мяңг*.

мея — жена сына, жена младшего брата, жена младшего брата мужа;
сел — муж сестры, мужья двух сестер;
няба — жена старшего брата, жена младшего брата отца;
надд — младший брат жены, младший брат мужа;
не надд — младшая сестра жены, младшая сестра мужа;
нябако — жена младшего брата матери (если моложе хоть одного из «моих» родителей), дочь старшей сестры жены (если старше «меня»);
мяңе — сын старшего брата мужа.

Некоторые общие термины:

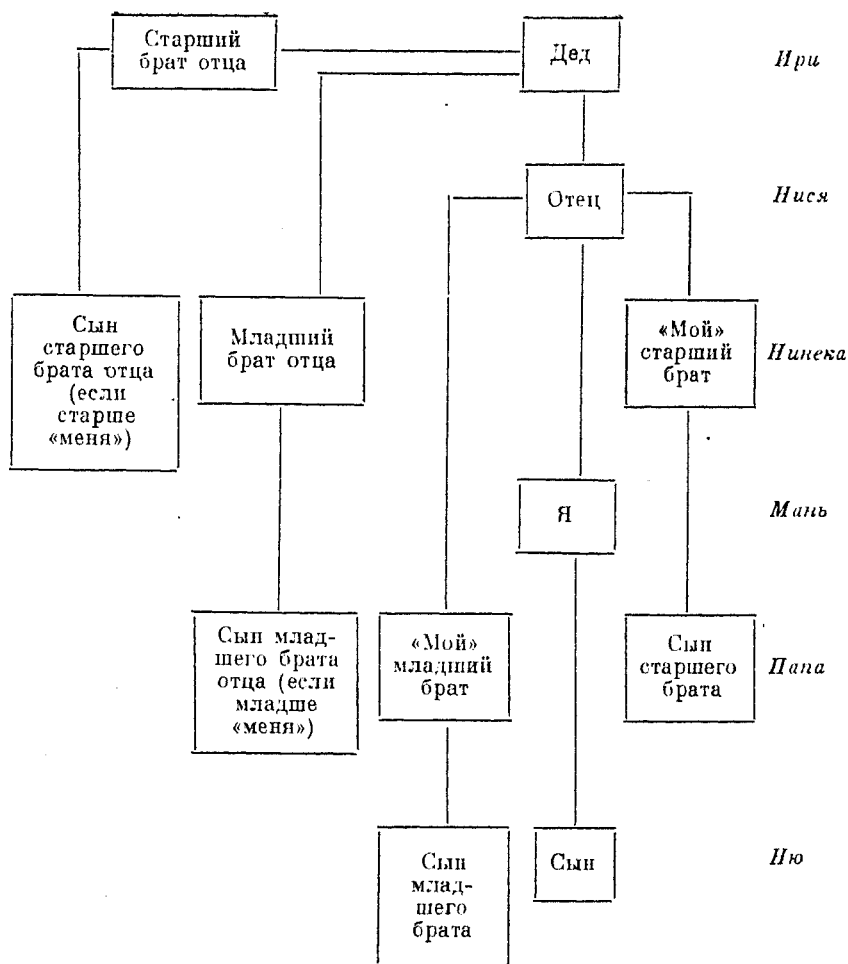
янэ' — член какого-либо из родов той группы, откуда «мой» род мог брать жен (в словаре Н. М. Терещенко *янэ'* — отец зятя или невестки, что соответствует приведенному определению, но сужает его, см. *пеня*);
ня — товарищ, брат, член одного или группы родов;
переня — родители мужа дочери или жены сына, родня.

Рассматривая приведенные термины, мы можем заметить, что если термины «отец» и «мать» являются индивидуальными (во всяком случае в настоящее время), то все остальные охватывают целые группы лиц, принадлежащих часто к разным поколениям. Так, например, словом *ири* обозначаются «мой» дед (отец «моего» отца или матери), старший брат «моего» отца и отец «моего» мужа (если «я» женщина); термином *нинека* обозначается «мой» старший брат и младший брат «моего» отца, а также сын старшего брата «моего» отца (если он старше меня); термином *папа* — младший брат, сын «моего» старшего брата и сын младшего брата «моего» отца и т. д. Далее мы видим, что для ненецкой родственной терминологии характерно четкое разделение лиц одного поколения по возрасту. Так, «моего» старшего брата «я» называю *нинека*, тогда как младшего — *папа*, старшего брата отца — *ири*, младшего — *нинека*, старшую сестру отца — *хада*, младшую — *нябако* и т. д.

Два этих момента тесно между собою связаны. Действительно, в каждую группу лиц, называемых одним термином, входят представители двух поколений — «мой» старший брат и младший брат «моего» отца, «моя» старшая сестра и младшая сестра «моей» матери и т. д., причем если мы расположим основные родственные термины по восходящей и нисходящей линиям, то указанные классовые термины займут промежуточное положение. Попытаемся пояснить это следующей схемой (см. стр. 161).

Такую же картину мы имеем по материнской линии: термином *тидя* «я» называю младшего брата матери и сына старшего брата матери (если он старше «меня») и т. д. Таким образом, мы можем ненецкую систему отнести к классификационным системам родства, которые, как считают многие ученые, свидетельствуют о существовании в прошлом брачных групп.

Рассмотрим один пример. Если «я» мужчина, то сыновья и дочери «моих» младших братьев (родных и коллатеральных)

называются мною так же, как и мои собственные дети — *ню* (сын) и *не ню* (дочь),¹⁹ в свою очередь дети «моих» младших братьев называют «меня» *при* — так же, как своего деда.²⁰ В то же время, детей «моих» старших братьев я называю *папа* — так же, как

¹⁹ У эвенков, родственной терминологии которых также свойственно деление по возрасту на старших и младших, «моими» детьми называются, помимо родных детей, дети старших братьев (а не младших). См.: А. Ф. А н и с и м о в. Родовое общество эвенков. Л., 1936, стр. 6—7.

²⁰ Термин *нися* — «отец» — в настоящее время, как указывалось, является индивидуальным, но в фольклоре сохранились следы употребления его в применении к целой группе лиц. См.: З. Н. К у п р я н о в а. Терминология родства в устном народном творчестве ненцев.

«моего» младшего брата, а они «меня» — *нинека*, так же, как своего старшего брата.

Этот интересный факт перекликается с обычаем, существовавшим до недавнего времени, по которому младший брат после смерти своего старшего брата должен был жениться на вдове покойного. Об этом обычае имеются свидетельства начиная с конца XVIII в.: «Самоедину вольно брать братнюю жену, мачеху, сноху и прочее»;²¹ «Все, из другого рода происходящие, у них (ненцев, — Л. Х.) не считаются роднею, почему в случае смерти старшего брата младший, если ему жена его нравится или у ней есть дети, охотно на ней женится».²²

В 1938 г. Г. Д. Вербов писал: «Одним из пережитков родового быта у ненцев является институт левирата. Жениться на вдове умершего брата не является, правда, обязанностью, но весьма поощряется».²³ Таким образом, пережитки этого института существовали еще в тридцатых годах. У ненцев этот обычай находит отражение в терминах родства. «Я» называю детей «своего» младшего брата своими детьми, хотя при его жизни такая терминология ничем не оправдана. Нет сомнения, что некогда «мой» младший брат имел право на «мою» жену при «моей» жизни, поэтому дети «моих» младших братьев были «моими» детьми. Как пережиток сохранился обычай, предписывающий младшему брату жениться на вдове старшего брата.

Отметим, что имеются некоторые следы другого древнего обычая — сорората. Так, при многоженстве часто женами одного мужчины были две сестры. Кроме того, если у мужчины умирала жена, очень поощрялся брак его с ее сестрой, при этом уплачивался калым. Последнее показывает, что этот обычай является пережитком, так как при наличии частной собственности он не имеет смысла.

Для вскрытия ранних форм брака и семьи большое значение имеет также изучение свадебных обрядов. Описания ненецкой свадьбы имеются во многих работах, посвященных ненцам. Наиболее раннее мы находим у Зуева. Вслед за ним свадебный обряд у различных групп ненцев описывали Белявский (у азиатских ненцев), Шренк (у европейских ненцев), Иславин (у европейских ненцев), Кушелевский (у азиатских ненцев), Куроптев (у европейских ненцев), Гейденрейх, Костиков²⁴ и др. Сохранились

²¹ В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 60.

²² Ф. Белявский. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, стр. 118. См. об этом же: А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 429.

²³ Г. Д. Вербов. Пережитки родового строя у ненцев, стр. 64.

²⁴ В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 61—62; Ф. Белявский. Поездка к Ледовитому морю, стр. 117; А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 427—429; В. Иславин. Самоеды в до-

также неопубликованные записи Г. Д. Вербова.²⁵ У малоземельских и канинских ненцев свадебный обряд был записан нами.²⁶ При сравнении всех этих описаний бросается в глаза единообразие свадебных обрядов у всех групп ненцев начиная с конца XVIII и до начала XX в.

Попытаемся изложить основные элементы свадебного обряда у ненцев, по возможности анализируя их. Однако перед этим остановимся кратко на брачном возрасте. Браки у ненцев, как правило, заключались в возрасте 16—20 лет. Широко практиковались ранние браки: родители сговаривались о браке детей, когда последним было еще от 3 до 6 лет, при этом дети часто жили вместе и отношения их были предоставлены времени и их доброй воле.²⁷ Б. Житков описывает встреченную им на Ямале супружескую пару, которой вместе было 21 год (11 лет жене и 10 мужу).²⁸ Нередко поэтому ненецкая девочка становилась матерью в 12—13 лет.²⁹ Если в семью была нужна работница, то мальчику сватали взрослую девушку. Обычно такие браки впоследствии приводили к конфликтам в семье, так как молодая женщина начинала требовать себе «мужа»³⁰ или подвергалась преследованиям со стороны свекра,³¹ а мальчик, вырастая, покупал молодую жену, предоставляя старой выбор: выйти замуж за кого она пожелает или возвратиться к своим родным.³² Реже имели место случаи женитьбы взрослых и даже пожилых мужчин на молоденьких девочках. Такие браки совершались из корыстных целей: бедные родители продавали дочерей, чтобы получить богатый калым.³³

машинем и общественном быту, стр. 126—130; Ю. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал, стр. 103—104; А. Куроптев. Свадебные обряды самоедов. Природа и люди Севера, сб. I, Архангельск, 1927; Л. Гейденрейх. Канинские самоеды; Л. Костиков. Законы тундры. Тр. Полярной комиссии АН, вып. 3, Л., 1930.

²⁵ Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70.

²⁶ Материалы экспедиции автора в 1949 и 1958 гг. к малоземельским и канинским ненцам.

²⁷ А. Куроптев. Свадебные обряды самоедов, стр. 20; В. Немович-Данченко. Мезенская тундра, стр. 89; Стеногр. засед. Комиссии ВЦИК по улучшению труда и быта женщин от 29 III 1929. АКС, оп. 61, п. 76, д. 125. Иногда свадебные обряды совершались после совершеннолетия детей. См.: А. А. Попов. Енисейские ненцы, стр. 81.

²⁸ Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 218.

²⁹ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 429; А. Кастреп. Русские самоеды. Современник, № 10, 1846; В. Евлaдов. В тундрах Ямала, стр. 35. Ранние браки были характерны и для лесных ненцев, см.: Ф. Митусова. Год среди лесного народа. Вокруг света, № 14, 1929, стр. 14.

³⁰ Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 218.

³¹ См. материалы к вопросу о работе среди женщин Севера (АКС, оп. 63, п. 99, д. 134).

³² Ю. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал, стр. 102.

³³ А. А. Попов. Енисейские ненцы, стр. 81.

Подобные браки всегда заключались родителями. Если в брак вступали взрослые молодые люди, то с желанием сына отец обычно считался, мнением же девушки даже не интересовались и согласия ее на брак не спрашивали.³⁴ Бывали лишь отдельные случаи, когда девушки проявляли свою волю и выходили замуж тайком от сопротивлявшихся родителей, лишая их таким образом возможности получить за них плату.³⁵ «Несомненно, что настоящие романы случаются в тундре, — писал Б. Житков, — если бы их не было, то бабы и девицы не бегали бы из богатых чумов с бедными работниками».³⁶ Чаще же девушки проявляли полную покорность воле родителей.

При заключении браков играли роль экономические факторы и физические качества девушки (здоровье, трудоспособность и т. д.). Наличие прижитого до брака ребенка не служило препятствием для выхода девушки замуж.³⁷ Вообще целомудрие девушки не очень ценилось, хотя некоторое значение этому, как мы увидим дальше, придавалось.

Наметив себе жену с учетом экзогамных норм, молодой ненец вместе с родней выбирал свата (*уэв*). Сватом мог быть любой член фратрии жениха, но обычно это был человек, пользующийся уважением и умеющий вести переговоры. Сватами чаще бывали пожилые люди, но могли быть и молодые. Иногда договариваться о браке ехал сам отец жениха.³⁸

Взяв в руку посох (*ядаць'*; позднее — крюк для подвешивания котла или палку), сват вместе с женихом каждый на своих нартах отправлялись к месту кочевания рода невесты. Иногда с ними ехали и другие родственники жениха (мужчины). Приезд обычно приурочивался к вечеру, когда все члены семьи бывали в сборе. Подъехав к чуму отца невесты, жених останавливал сани против входа в чум и оставался сидеть на них, а сват, войдя внутрь и остановившись у двери, сообщал о цели приезда. Формулой сватовства обычно являлись слова: «*Недкомд нюмд сападабнув, ниугодабнув?*» (досл.: «Дочку твою я застал или не застал?»). При первых же словах свата отец высылал дочь в соседний чум, а если такового поблизости не было, то невеста ложилась в стороне и ее прикрывали одеждами. При наличии у невесты стар-

³⁴ Ф. П. Л и т к е. Четырехкратное путешествие на бриге «Новая Земля». М., 1948, стр. 317 (дневник штурмана Иванова); А. А. П о п о в. Енисейские ненцы, стр. 81.

³⁵ А. Я. Е ф и м е н к о. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов, стр. 174.

³⁶ Б. М. Ж и т к о в. Полуостров Ямал, стр. 221.

³⁷ К. Р ы ч к о в. Береговой род юраков, стр. 185; А. П о п о в. Енисейские ненцы, стр. 81; Э. Г о ф м а н. Северный Урал и Береговой хребет Пай-Хой. Исследование экспедиции, снаряженной РГО в 1847—1850 гг., т. II. СПб., 1856, стр. 206, и др.

³⁸ А. К у р о п т е в. Свадебные обряды самоедов, стр. 20.

ших братьев их присутствие при переговорах считалось обязательным.³⁹

Если отец девушки почему-либо не хотел отдавать дочь замуж за данного человека, то он на предложение свата ничего не отвечал. В случае настойчивости со стороны последнего, он часто гасил огонь и укладывался спать, давая этим понять, что разговор окончен. Иногда сваты приезжали потом вновь. Если жених устраивал отца девушки, то между ним и сватом начинались переговоры о размере калыма. Способы ведения переговоров были различны. Наиболее обычным являлся следующий: отец невесты делал на посохе нарезки, соответствующие размеру калыма, а сват срезал ножом те из них, которые он считал лишними.⁴⁰ Этот посох хранился затем у свата до момента уплаты калыма или раскалывался пополам, причем одна половина вручалась отцу невесты. Спор о размерах калыма продолжался обычно долго: сват выходил к жениху, советуясь с ним, затем вновь возвращался в чум, и так до тех пор, пока обе стороны не приходили к соглашению. Тогда жених входил в чум и начиналось угощение, в котором невеста участия не принимала. Затем жених со сватом возвращались к себе.

Описанная предварительная часть свадебного обряда имела целью установить размеры калыма. Она была связана с наличием частной собственности и целиком соответствовала той форме брака, который существовал у ненцев вплоть до Октябрьской революции.

Размеры калыма были различны. Основу его составляли олени, остальную часть — меха, сукна и т. д. Иславин (середина XIX в.) приводит следующие размеры калыма:

«Богатые дают: по 100 и по 200 оленей. Кроме того, по 100 и по 200 песцов, по 1 и по 2 чернобурых и 10 красных лисиц; 3 сажени тонкого алого, синего или желтого сукна; 1 медный котел.

Среднего состояния: от 25—60 оленей; от 25—50 песцов; 1—2 красных лисиц; 3 сажени сукна недорогой цены; 1 медный котел.

Бедные: от 10 до 20 оленей или деньгами от 7 до 15 рублей серебр. Несколько сукна, котел, но рухляди не дается».⁴¹

Деньги, которые иногда входили в состав калыма, шли на уплату ясака.

Размеры калыма в начале XX в. также колебались в зависимости от состояния жениха. У богатых — 70—150 оленей и до 70 песцов, у лиц среднего достатка — 50 оленей и от 10 до 20 пес-

³⁹ Л. К о с т и к о в. Законы тундры, стр. 14.

⁴⁰ См. об этом подробно: В. И с л а в и н. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 127; Л. К о с т и к о в. Законы тундры, стр. 23.

⁴¹ В. И с л а в и н. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 127—128.

цов, у бедных — 30—40 оленей и 10 песцов, в отдельных районах — 10—15 оленей. В устье Енисея среди бедняцкого населения размер калыма часто достигал всего 5 оленей.⁴² Основную часть оленей, как правило, составляли важенки.

По материалам Г. Д. Вербова, относящимся к азиатским ненцам,⁴³ при калыме в 50 голов олени по поло-возрастному составу распределялись следующим образом: важенок — 43, взрослых хоров (быков) — 4, телят-самцов — 3.

При 50 оленях полагалось еще 2—3 *хэхэ ты* (священные олени). Клейма на них после нанесения мазали кровью жертвенного оленя. Этих оленей запрягали только в «чистые» нарты (мужские или священные) или держали как менаруев.⁴⁴

Для малооленных ненцев уплата калыма была чрезвычайно тяжелой. Отсюда невозможность жениться для многих бедняков. Отработка за невесту, которая существовала у многих народов Сибири — чукчей и других, у ненцев не имела широкого распространения. Однако в некоторых редких случаях бедный ненец шел работать в дом будущего тестя.⁴⁵

После отъезда жениха со сватом отец невесты начинал готовить приданое (*уэдинзэй, мядинзэй*). Приданое как бы являлось основой хозяйства молодой семьи. Оно обычно состояло из нескольких саней, нагруженных женской одеждой, домашней утварью (котел, чайник и т. д.), съестными припасами (главным образом мясом). Богатые оленеводы давали в приданое дочери чум или его половину (часть покрышек и пестов). Олени, которые везли сани, также оставались у невесты, однако они сохраняли ушные меты ее отца.

В XVIII в., по-видимому, в сборе приданого участвовали не только отец невесты; но и члены его рода, так же как в уплате калыма помогали члены рода жениха, которые затем получали какую-то часть «отдарков», т. е. приданого.⁴⁶

В литературе существовало мнение, что приданое у ненцев полностью соответствовало калыму, и, таким образом, фактически уплата калыма являлась не покупкой жены, а скорее меной.⁴⁷ Важным моментом при этом являлось то, что когда дочь

⁴² Л. Костиков. Законы тундры, стр. 25—26.

⁴³ Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70, стр. 13.

⁴⁴ Менаруй — недрессированный олень-самец крупного размера, обычно старше четырех-пяти лет, служащий украшением стада.

⁴⁵ В. Бартенев. На крайнем северо-западе Сибири, стр. 71; Р. Мигусова. Год среди лесного народа, № 12, стр. 16—17.

⁴⁶ В. Ф. Зуев. Материалы..., стр. 62.

⁴⁷ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 427. См. об этом также: Ф. П. Литке. Четырехкратное путешествие на бриге «Новая Земля», стр. 317; В. Иславин. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 128; Г. Старцев. Самоеды (ненча). Л. 1930, стр. 102; А. Куроптев. Свадебные обряды самоедов, стр. 23; Л. Костиков. Законы тундры, стр. 18—19.

приезжала к отцу, он по обычаю должен был дарить ей новую одежду, сани, иногда оленя. Однако напомним, что калым уплачивался сразу полностью и состоял в основном из оленей, которые являлись главным богатством ненцев. Отец невесты, получивший в виде калыма 30 важенок, на следующий год мог получить приплода до 20 голов. В то же время он отдавал в виде приданого 3—4 туши, кое-какую одежду и утварь (чум, как указывалось, давался не всегда, обычно при богатом калыме — до 100 оленей). Через год отец отдавал дочери из 20 оленей лишь одного.

Таким образом, если приданое было пропорционально калыму, то ничто не говорит о том, что оно было равно ему.

Калым за невесту выплачивался или перед свадьбой, или в тот момент, когда невесту привозили к жениху в чум. Чаше это делалось заранее, при этом не использовали загон, как это обычно делалось при запряжках во время перекочевков, а вылавливали каждого оленя арканом. Руководил этим обычно сват. После отбора оленей их метили клеймом отца невесты и соединяли с его стадом. По свидетельству Л. Костикова, прием оленей, идущих в уплату калыма, отмечался зарубками на изображении духа (*сэдэй*), которое хранилось затем у отца невесты. Число таких изображений соответствовало числу замужних дочерей.

В некоторых случаях калым при вступлении в брак не уплачивался. Это имело место при перекрестном браке: двое мужчин из разных родов обменивались сестрами или дочерьми, а также в том случае, когда мужчина женился на вдове умершего брата (по обычаю левирата). Последнее обстоятельство является причиной того, что левират, появившийся, когда не было еще частной собственности, сохранился вплоть до XX в. — он получил новый смысл. В случае смерти одного из братьев было весьма выгодно, чтобы вдова осталась в семье и стала женой другого брата, так как ему не нужно было покупать жены и в семье сохранялись рабочие руки.

Вернемся, однако, к свадебному обряду. Срок свадьбы (*тюня'*) зависел от срока уплаты калыма и наличия приданого. Иногда свадьба откладывалась на год и больше. Свадьбы обычно приурочивались к осени. В назначенный день жених вместе с родственниками, наряженными в лучшие одежды, отправлялись к чуму невесты. Впереди ехал сват, за ним жених, часто с товарищем, который выполнял за жениха в этот день всю работу и даже правил оленями.⁴⁸ За ними следовали все родственники.

---

⁴⁸ А. Куроптев. Свадебные обряды самоедов, стр. 21; Л. Гейденрейх. Канинские самоеды, стр. 29. Аналогичный материал получен нами на п-ове Канин в 1958 г. В течение всей свадьбы за женихом и невестой ухаживали специальные люди. За женихом — мужчина из его близких (по-видимому, из его рода), за невестой — женщина из ее близких. В их обязанности входило, в частности, выводить и вводить в чум жениха и невесту за руки.

Отец невесты между тем изготовлял особое сооружение *подом ня*, которое состояло из двух вколоченных в землю палок с перекладиной наверху. Устанавливалось *подом ня* по направлению к востоку от чума.⁴⁹

Следует отметить, что специальной свадебной одежды у ненцев не было. Жених и невеста одевались в обычную праздничную одежду, которая отличалась от повседневной, как упоминалось, лишь лучшей отделкой и качеством шкур. Непременной принадлежностью костюма невесты были накосники (*тане'*). По-видимому, в западных тундрах на голову невесты надевался особый головной убор (*судор'*). Так, Кастрен, описывая свадьбу в с. Несь (Канинская тундра), упоминает, что только две нити синего стекляруса на лбу отличали невесту от других девушек.

Во время экспедиции на Канинский п-ов в 1958 г. нами был собран материал, также касающийся старинного головного убора невесты (*пязд'*), представляющего собой полосу парчи, надеваемую на лоб, с завязками на затылке, от которой на лоб спускались лоскутки разноцветного сукна в два пальца толщиной. *Пязд'* невеста носила только в чуме, а выходя из него, снимала.

Жених поверх малицы надевал красивую маличную рубаху (если была — суконную); через левое плечо ему повязывали шелковый платок так, что узел приходился справа подмышкой.

Обычно около чума невесты в день свадьбы кто-нибудь дежурил, чтобы сообщить своевременно о приезде жениха. Узнав о приближении жениха и его родственников, отец и мать невесты выезжали им навстречу и приводили к своему чуму. Здесь жених и вся его родня трижды объезжали чум невесты, после чего родня невесты, находящаяся вне чума, бросалась ловить свата, жениха и всех остальных гостей. «Поймав кого-либо из них, сразу оцутывают вожжей от оленей и со всеми санями и оленями начинают привязывать мужчин к саням у синекуя, а женщин к саням у дверей; распрягают и пускают в стадо их оленей».⁵⁰ В это время убивались олени, которые тут же съедались хозяевами и гостями.

Затем все шли к чуму. Жених доставал из-за пазухи лоскут красного сукна, и его задача заключалась в том, чтобы просунуть этот лоскут в чум невесты, причем женщины — родственницы невесты, всеми силами старались не позволить ему этого. Иногда жених старался просунуть сукно через дымовое отверстие, для чего его поднимали родственники.⁵¹ Чаше же он старался просу-

⁴⁹ Сообщение о *подом ня* заимствовано нами из работы Л. Костикова «Законы тундры» (стр. 19). Об этом же сообщают А. А. Попов в работе «Енисейские ненцы (юраки)» (стр. 82) и В. П. Евладов — «В тундрах Ямала» (стр. 54). Перевод слов *подом ня* затруднителен, так как значение слова *подом* выяснить не удалось (*ня* — «дерево»).

⁵⁰ А. Куроптев. Свадебные обряды самоедов, стр. 22; Материалы экспедиции автора на п-ов Канин в 1958 г.

⁵¹ А. Куроптев. Свадебные обряды самоедов, стр. 22.

нута сукно через отверстие в покрышках чума. В конце концов сукно вталкивалось женихом в чум. Тогда его начинали рвать лентами и раздавать по ленте каждой из женщин — членов семьи невесты.⁵²

Только после этого жених и его родственники получали возможность войти в чум. Такой обычай чрезвычайно интересен.⁵³ И действия родственников невесты перед чумом, когда они стараются связать гостей, и борьба, которую приходится вести жениху, прежде чем ему удастся, «подкупив» родных невесты, войти в чум, являются, очевидно, пережитком той действительной борьбы, которая некогда происходила между родами жениха и невесты и которая сопровождала получение невесты. Так, в фольклоре молодой ненец обычно добывал невесту силой.

В чуме начиналось угощение, причем невеста не принимала участия в пиршестве, а лежала укрытая одеждами или сидела в стороне. Иногда не допускался к пиршеству и жених.⁵⁴

В более позднее время жених и невеста принимали участие в пиршестве, но в некоторых районах их сажали за первый стол от двери (Канинская тундра, экспедиция 1958 г., сведения получены от ненки Ф. М. Ханзеровой). Угощением служило мясо (сырое и вареное), суп, рыба, иногда водка и привозные продукты. Жениху и невесте обычно давали сердце и язык оленя. На богатые свадьбы изредка приглашался ненец, хорошо поющий сказки и песни. Если поблизости оказывался шаман, он камлал, предсказывая количество будущих детей.⁵⁵

После угощения начинались сборы в чум жениха (часто это бывало уже утром следующего дня, тогда новобрачные спали лежа рядом в одежде). У входа в чум убивали оленя так, чтобы кровь его образовывала лужицу перед порогом. Затем одевали невесту в дорожную одежду и женщины выносили ее из чума на руках, перешагивая через кровавую лужицу,⁵⁶ или выводили ее под руки.⁵⁷ Невесту усаживали в легковые нарты (иногда клали ничком) и наглухо закрывали покрывалом (*ни'*), причем это делали родственники жениха.⁵⁸

Нарты невесты, запряженные двумя оленями, привязывались к нартам жены свата или матери жениха.⁵⁹ За ними цепочкой

⁵² Там же. Об этом см. также: И. Лепехин. Дневные записки стр. 251.

⁵³ Нечто подобное имеет место у многих народов.

⁵⁴ А. А. Попов. Енисейские ненцы, стр. 82.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Л. Костиков. Законы тундры, стр. 20; Г. Д. Вербов. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70, стр. 9.

⁵⁸ Сведения получены от ненки Апполинии Выучейской (Малоземельская тундра, 1948 г.).

⁵⁹ М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, стр. 141.

припрягались грузовые нарты с приданым невесты. Перед тем как направиться к чуму жениха, несколько раз объезжали вокруг чума невесты. А. Шренк описывает это следующим образом: «Сани быстро начинают кружиться вокруг палатки, и как мужья, так и холостые, наперерыв друг перед другом, стараются выхватить невесту из саней; при этом многие, будучи довольно неповоротливы, уступают своей тяжести и падают ниц, вследствие чего раздается громкий хохот, между тем как тот, который успеет вытащить невесту из саней, имеет право поцеловать стыдливую невинность».⁶⁰

Кружение вокруг чума должно было, видимо, изображать некогда дальнюю и опасную дорогу, во время которой родственники невесты пытались отбить ее у увозящих ее членов другого рода.

Порядок следования участников свадебного обряда к чуму жениха был таков: впереди ехал жених, причем с ним часто ехал и правил оленями сопровождавший его в течение всего обряда родственник, за ним — отец, мать и гости жениха, затем следовал сват (или отец невесты), жена свата с невестой и приданым, за нею ее мать и остальные гости.⁶¹ При отъезде направлялись на восток и, заехав по солнцу, проезжали через *подом ня*.⁶²

«Поистине красивое зрелище представлял собой свадебный „поезд“ жениха, — рассказывает очевидец такой свадьбы Л. Гейденрейх, — все гости собрались в своих лучших одеждах. Мужчины в малицах с широкими пандами, рубахи маличные самых ярких цветов, в белых расшитых пимах с цветными подвязками. Самоедки — в паницах с типичными самоедскими узорами, унизированных разноцветными сукнами, в шапках с ленточками и кисточками, в поясах всех цветов радуги. Звенели мелкие колокольчики, пришитые к рукавам паниц, к оленьей упряжи. Сани самоедок обвиты пестрыми материями, перевязаны цветными вязками. Олени у свадебщиков у каждого лучшая упряжка из стада: белые, пестрые, черные, как жуки, ретивые в беге. Весь поезд растянулся на 1 км и пестрой лентой врезался в белые тундровые просторы».⁶³

Переезд к чуму жениха не обходился без инцидентов. На полдороге свадебный «поезд» останавливался группой людей, которая, задерживая сани невесты, требовала выкупа. Обычно это были подговоренные отцом невесты родственники. Сват, едущий впе-

⁶⁰ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 428. Позднее этот обычай принял несколько другой характер: молодые пары старались перепрыгнуть через проезжающие нарты невестина каравана, чтобы похвастать своею ловкостью. А. А. Попов. Енисейские нещи, стр. 82.

⁶¹ Иногда впереди ехал сват. Вообще имеются варианты.

⁶² Л. Костиков. Законы тундры, стр. 20. Значение этого обряда Л. Костикову, как он сам сообщает, выяснить не удалось.

⁶³ Л. Гейденрейх. Канинские самоеды.

реди и заметивший, что с анасом,⁶⁴ который ведет его жена, что-то случилось, направлялся к нему. Узнав о причине остановки, он быстро поворачивал назад, догонял жениха и сообщал ему о требовании выкупа. Жениху приходилось идти на уступки и «откупаться». Обычно «выкуп» давался живым теленком,⁶⁵ после чего шествие продолжалось в прежнем порядке. Этот эпизод опять-таки свидетельствует о некогда практиковавшемся умыкании невесты. Инсценированная засада, очевидно, является отголоском действительного нападения, последней попыткой родных невесты отбить ее. Тот факт, что невеста лежит в саях закутанная с головой, также подтверждает насильственный характер увоза девушки в прошлом.

В чуме жениха обычно происходило почти то же, что в чуме невесты: езда вокруг чума или возле чума по кругу,⁶⁶ угощение перед чумом сырым мясом, а затем угощение внутри чума. Во время пиршества невеста опять лежала в стороне, укрытая, а жених часто за недостатком места в чуме вынужден был оставаться вне его.⁶⁷ В более позднее время жених и невеста сидели в чуме рядом, но не разговаривали друг с другом. Таким образом, как мы видим, жених и невеста играют очень маленькую роль во всем обряде. Это понятно: приобретение невесты было делом рода.

Проводив гостей, жених с невестой укладывались спать, причем по другую сторону невесты ложилась ее мать. Ее присутствие связывалось с вопросом о целомудрии невесты. В некоторых семьях мать новобрачной после первой ночи показывала старухам брачную постель, которую те разрывали на части. Делалось это для того, чтобы иметь реальное основание требовать от жениха вознаграждение оленем за сохраненную невестой невинность.⁶⁸ Утром мать с дочерью снова возвращались к себе. Через два-три дня жених приезжал в чум невесты и дарил тестю несколько оленей, предназначенных для запряжки в священные нарты. Обычно жених оставался ночевать у тестя, а на другой день молодые уже как муж и жена отправлялись в свой чум. Здесь они одаривали и отпускали свата и его жену. Отъездом свата завершался круг брачных церемоний, и жизнь вступала в обычную колею.

Существуют варианты свадебной обрядности, но они не вносят ничего нового: основные моменты те же. Л. В. Костиков в работе «Законы тундры» делает упор на религиозную сторону, всячески

---

⁶⁴ Анас, или аргипш (по ненецки *мюд*), — олений караван из нескольких нарт.

⁶⁵ Л. Костиков. Законы тундры, стр. 20.

⁶⁶ Г. Д. Вербов. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70, стр. 9.

⁶⁷ Л. Костиков. Законы тундры.

⁶⁸ Там же, стр. 21; Ю. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал, стр. 104, и др.

это подчеркивая: «С развитием религиозных воззрений брак у самоедов... приобрел характер священного обряда, сопровождавшегося целым рядом жертвоприношений, носящих свои особые названия». ⁶⁹ Однако брак и связанные с ним обряды представляется нам явлением общественного, а не религиозного порядка.

Свадебный обряд, по-видимому, иногда сопровождался играми или танцами. А. М. Кастрен описывает игру-танец девушек во время заключительной части свадебного обряда: «В некотором расстоянии я заметил кучу девушек и пошел к ним. Они были заняты игрой особенного рода. Разделившись на две стоявшие друг против друга партии, в каждой по семи, они перебрасывали шапку. Сторона, поймавшая шапку, оборачивалась спиной к противной и, спрятав шапку, падала на снег. Тогда другие семь нападали на них и начиналась борьба за шапку; сперва боролись, валяясь на снегу, потом стоя, покауда не отыскивалась шапка». ⁷⁰ Об играх во время свадьбы нам сообщила Ф. М. Ханзерова (Канинская тундра, 1958 г.). После угощения в чуме невесты все выходили на улицу и начинали игру, которая носила название *уамдаккова*. Она заключалась в том, что все брались за руки, один участвующий выходил в центр. Ему завязывали глаза, после чего в круг выходил еще один человек, которого участник с завязанными глазами должен был поймать. Единичность сведений показывает, что игры не были необходимой составной частью свадебного обряда.

В тех случаях, когда не уплачивался калым (см. стр. 167 настоящей работы), вступление в брак не сопровождалось никакими обрядами.

Необходимо оговориться, что так как свадьба требовала значительных расходов, в XIX в. она уже не всегда сопровождалась описываемым ритуалом. Бедные ненцы отмечали вступление в брак лишь незначительным угощением, хотя отдельные элементы обряда при этом стремились выполнять. «Теперь уже богатых свадеб нет, потому что по всей тундре не сыщешь богатого самоеда», — писал в 1880 г. В. И. Немирович-Данченко. ⁷¹

Введение христианства не внесло изменений в отправление свадебного обряда. Крещенные ненцы совершали обряд по своим обычаям, венчались же (далеко не все) тогда, когда прикочевывали к селениям, в которых были церкви. Судя по сообщениям, священникам часто случалось крестить детей у молодых, а потом венчать родителей. Если венчание совершалось не одновременно со свадьбой, то оно не сопровождалось никакими обрядами и

⁶⁹ Л. Костиков. Законы тундры, стр. 27.

⁷⁰ М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, стр. 141—142.

⁷¹ Мезенская тундра, стр. 90

даже угощением.⁷² То обстоятельство, что христианский свадебный обряд исключал возможность расторжения брака, заставляло ненцев избегать венчания.⁷³

О легкости разрыва брачных уз мы уже говорили. Причинами могли быть бездетность жены (бесплодие в супружестве ненцы, как и многие другие народы, приписывали исключительно женщинам) или другие ее недостатки, плохое отношение со стороны мужа и т. п. При разводе жена возвращалась к родителям или, если таковых не было, к родственникам. Если разрыв происходил по вине женщины (например, она уходила от мужа к другому), приданое ее обычно оставалось у мужа. Более того, муж мог потребовать от ее родителей возвращения калыма.⁷⁴ Если виноват был муж, то калым ему не возвращался, однако и тут часто приданое жены оставалось у него.⁷⁵ Фактически по обычному праву мужчина мог в любое время разойтись с женой, выдворив ее с детьми из чума и не неся никаких обязательств по отношению к ней и детям.⁷⁶ Таким образом, неписанный закон был на стороне мужчин.

Подведем некоторые итоги.

Существовавшая у ненцев в XVIII—XIX вв. форма брака являлась результатом длительного развития семейно-брачных отношений. Ее возникновение связано с разложением родового строя и появлением частной собственности. Приобретение жены фактически являлось ее покупкой. Сохранявшаяся от парного брака легкость расторжения брачных уз в XIX в. уже заменилось нормами, характерными для моногамии, поставив женщину в худшее экономическое положение при разрыве брачных отношений. Однако в то же время еще в начале XX в. сохранились пережитки родового строя. Одним из важнейших пережитков была экзогамия. Анализ системы родства и свадебного обряда свидетельствует о существовании у ненцев в отдаленном прошлом каких-то иных брачных норм, о чем свидетельствует и практиковавшийся еще в начале XX в. левират. Свадебный обряд содержит пережитки обычая добывания жены путем умыкания, а также некогда существовавших прочных родовых связей.

---

⁷² А. Я. Ефименко. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов, стр. 173.

⁷³ А. И. Якобий. Угасание инородческих племен Севера. Пб., 1893, стр. 28.

⁷⁴ Ю. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал, стр. 102.

⁷⁵ Георги. Описание. . . , стр. 10; А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 429—430, и др.

⁷⁶ АКС, оп. 61, п. 76, д. 125 (практика борьбы с бытовыми преступлениями). По другим сведениям при разводе супругов дети мужского пола поступали к матери, а дети женского пола — к отцу. См.: А. И. Дмитриев-Мамонов и К. М. Голодников. Юридические обычаи самоедов, стр. 43.

Имущественные отношения, существовавшие у ненцев до Великой Октябрьской социалистической революции, можно охарактеризовать следующим образом. Существовал обычай на каждого вновь родившегося ребенка выделять из стада одного или нескольких оленей (обычно самок), и они с приплодом в дальнейшем считались принадлежащими ему.⁷⁷ Наследство (главным образом олени, ловушки, орудия рыбной ловли, чум, нарты и т. д.) передавалось по мужской линии.

Ненцы обычно жили небольшими семьями (семья — *мяд' тер*, досл. «наполнение чума»). Сколько-нибудь состоятельный отец после женитьбы сына тотчас старался отделить его в особый чум. Чаще отделившиеся жили своим хозяйством, иногда же продолжали составлять единую с родителями семью, ведя общее хозяйство и питаясь вместе.⁷⁸ Пока глава семьи был жив, он распоряжался всем имуществом, однако неотделенные сыновья имели иногда свою собственность (охотничье снаряжение и т. д.). После смерти отца имущество переходило к сыновьям. Дочерям отец выделял очень немного по своему усмотрению. Старшие сыновья, отделившиеся еще при жизни отца, никакого наследства не получали. Последнее доставалось обычно младшему сыну, жившему с отцом в одном чуме.⁷⁹

Собственностью замужней женщины считались те олени, которые были ей даны в приданое или подарены отцом после замужества,⁸⁰ а также лично принадлежавшая ей одежда. У богатых ненцев жена могла иногда продать шкуры, обувь или камусы и взять деньги себе.

Если женщина умирала вскоре после замужества и от нее не оставалось детей, приданое возвращалось ее отцу или родным, выдавшим ее замуж, а выкуп, данный за невесту, шел обратно. Если же от покойной оставались дети, то приданое оставалось у мужа, обязанного выкормить детей.⁸¹

Вообще о судьбе приданого, оставшегося после смерти женщины, можно говорить только тогда, когда ее отец был богат и дал за нею чум, несколько нарт и т. д. После смерти бедной ненки ничего из лично принадлежавшего ей имущества не оставалось,

---

⁷⁷ Л. Гейденрейх. Канинские самоеды, стр. 34; В. И. Немирovich-Даниченко. Мезенская тундра, стр. 89; Г. В. Горбачкий. Тундровая полоса Северного края, стр. 25.

⁷⁸ А. Я. Ефименко. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов, стр. 183; Г. Старцев. Самоеды (ненча), стр. 100.

⁷⁹ А. А. Попов. Енисейские ненцы, стр. 84, и др.

⁸⁰ А. Я. Ефименко. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов, стр. 179; Л. Гейденрейх. Канинские самоеды, стр. 34; М. М. Броднев. Из истории земельных и имущественных отношений у ненцев, стр. 76.

⁸¹ А. Я. Ефименко. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов.

так как, согласно обычаю, в могилу ее должны были положить не только вещи, необходимые ей на «том свете», но часто и всю шитую ею одежду.

Положения вдов мы уже кратко касались в связи с существовавшим обычаем левирата, согласно которому вдова вместе с детьми переходила к младшему брату умершего мужа. Способ «наследования» вдовы подтверждает древность этого обычая, так как наследство, которое является результатом появления частной собственности, переходит, как было сказано, от отца к сыну, а не от брата к брату. Если у умершего мужа не было братьев, то вдова переходила к другим родственникам со стороны мужа. Овдовевшая ненка, впрочем, могла отказаться от претендентов на ее руку и продолжать вести хозяйство мужа, если среди оставшихся сирот имелся сын хотя бы десятилетнего возраста. Однако фактически власть над ее детьми, равно как над имуществом, оставшимся после умершего, принадлежала ближайшим родственникам покойного.

Надо отметить, что нередко ценность наследства определялась не столько количеством оставшегося после ненца имущества, сколько наличием в семье умершего дочерей на выданье, так как калым за них назначался и получался наследниками, например, братьями за сестер и т. д.

Если вдова выходила замуж не за близкого родственника мужа, это не считалось предосудительным. За нее платился такой же калым, как за незамужнюю. Калым поступал также к родственникам покойного. Детей мать брала с собой.⁸²

В случае отсутствия лиц, имевших право на вдову, она могла возвратиться в свой род, отец имел право снова выдать дочь замуж и получить калым.

Жизнь ненецкой семьи находилась в тесной связи с основным занятием ненцев — оленеводством. Оленеводство требовало сезонных перекочевок, это в свою очередь обуславливало наличие переносного жилища и т. д.

Существовавшее строгое разделение труда между мужчиной и женщиной в ненецкой семье можно охарактеризовать следующим образом: деятельность мужчины была связана с оленеводством и промыслами, женщины — с домашним хозяйством и воспитанием детей.

Мужчина регулировал перекочевки, выбирал места для пастбы, караулил стадо, обучал оленей для упряжи, отбирал оленей на убой и т. д. Кроме того, в его обязанности входило изготовление и починка упряжи, саней, лыж, сетей, охотничьего инвентаря. Мужчина занимался охотой на пушного зверя — песцов, лисиц и т. д., на диких оленей, на морского зверя, ставил

---

⁸² А. И. Дмитриев-Мамонов и К. М. Голодников. Юридические обычаи самоедов, стр. 44.

ловушки, осматривал их. Ловля рыбы была также в основном мужским занятием.

Работы, которые выполняла женщина, можно разделить на четыре группы: 1) установка и разборка чума, 2) приготовление пищи, 3) пошив и починка одежды, 4) забота о детях.

В связи с тем, что перекочевки происходили часто (зимой стояли на одном месте не более 3—5 дней, летом — от 7 до 12), установка и разборка чума, особенно зимой, в мороз, пургу, представлялась весьма тяжелым и обременительным делом. Обязанностью женщины была заготовка топлива, что в зимнее время является также очень тяжелой работой, разведение огня и приготовление пищи, заготовка ее впрок и т. д. Обработка шкур, шитье одежды, починка ее, как мы видели, чрезвычайно трудоемкие процессы.

Если учесть при этом, что на долю женщины, помимо хозяйственных работ, падали заботы о детях, то становится ясно, что борьба за существование в тяжелых северных условиях отнимала у ненки все силы. Неудивительно, что ненецкая женщина старилась очень рано: тяжелый труд, заботы о семье подтачивали ее организм.

Не является странным и то, что часто пожилая женщина была довольна, если ее муж брал себе вторую, молодую жену, принимавшую на себя большую долю хозяйственных забот, с которыми пожилой женщине одной уже не под силу было справиться.

Богатый ненец имел для каждой жены отдельный чум. Семья менее богатого жила в одном чуме, и жены занимали каждая свою половину или по очереди жили то в левой, то в правой половине. В соответствии с этим муж ел и спал то в одной, то в другой половине чума, не желая обидеть ни одну из жен.⁸³ Неудобства и конфликты, связанные с пребыванием в одном чуме двух хозяек, конечно, имели место, но, судя по сообщениям, не так часто, как это можно было бы ожидать.

Обычно наибольшим весом в семейных делах пользовалась старшая жена. Она имела и особое название — *пюды*, тогда как остальные жены назывались *таты*. Бывало, впрочем, что муж больше считался с молодой женой, особенно если она была взята ввиду бездетности первой. Дети всех жен считались между собой братьями и сестрами, причем сыновья жен, за которых был дан выкуп, пользовались правом на наследство. Матери также не делали различия между своими детьми и детьми других жен и одинаково любовно относились к маленьким.

Положение бездетной женщины в семье было тягостно. Муж мог прогнать такую жену или в лучшем случае, оставив у себя, взять другую, тогда ее роль сводилась к роли прислуги при молодой жене. О положении бездетной женщины красноречиво рас-

---

⁸³ Л. Костиков. Законы тундры, стр. 38, и др.

сказывает песня, записанная Кастреном: «Я бесплодна — и оттого муж мой не любит меня. У всех моих невесток есть дети, и мужья любят их. В их сани мужья запрягают самых лучших оленей, а мой муж отыскивает для меня самых худших. Всякий раз, когда мы вместе едем, мне приходится почти тащить моего оленя за вожжу, а самой идти пешком. Другие мужья помогают своим женам на крутых местах, чтобы не опрокинулись, мне же никто не помогает. . .»⁸⁴

Жены, у которых рождались только дочери, тоже были не в почете. Участник экспедиции на Ямал Тарасов описал следующий случай: «Разговаривая со мной, Окатэтта, мужчина лет 32, здоровый, красивый, высказал свое сожаление, что у него, несмотря на то, что имеются две жены, нет сыновей и потому нет наследника. „Придется, — говорил он, — жениться еще раз и купить третью жену“. По-видимому, этот вопрос был наиболее важным в семье и поднимался неоднократно. Старуха мать вторила ему, а вторая жена, молодая женщина, сказала на это, что если возьмут третью жену, она уйдет к своему отцу».⁸⁵ Женщина, имевшая нескольких сыновей, пользовалась уважением.

Число детей в ненецких семьях было обычно невелико. Обстановка, в которой происходили роды, в значительной степени способствовала большой смертности среди детей.

Мы уже говорили о том, что никакого медицинского обслуживания в тундре до революции не существовало. Часто ненецкой женщине приходилось рожать во время перекочевки прямо на нарте.⁸⁶ При этом муж сжигал те санки, на которых родила жена, закалывал тех оленей, которые везли сани, и мясо их отдавал собакам,⁸⁷ так как у ненцев, как и у многих народов Севера, роженица считалась «нечистой». По этой же причине женщина обычно не рожала в том чуме, где жила семья. Если была возможность, то для нее ставился особый, так называемый «поганный» чум, если нет, женщина выходила из чума и рожала на нарте или просто подстеленной шкуре.⁸⁸ Часто на следующий день после родов женщина должна была уже ехать на нарте по кочкам и кустам, править сама оленями или разбирать и ставить чум, поднимая тяжелые покрывки. Нетрудно себе представить, как это отражалось на здоровье матери и ребенка.

Богатые ненцы при приближении времени родов приглашали «бабку», которая с помощью других женщин устанавливала для

---

⁸⁴ М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, стр. 305.

⁸⁵ В. Тарасов. Сообщение о поездке на п-ов Ямал. Ежегодн. Тобольск. музея за 1914, вып. 24, 1915, стр. 7.

⁸⁶ К. А. Белиловский. Женщина инородцев Сибири, стр. 83; А. И. Якобий. Угасание инородческих племен Севера, стр. 28.

⁸⁷ С. В. Максимов. Год на Севере, стр. 541.

⁸⁸ Тобольской губ. ведомости, № 29, 1861.

роженницы особый чум, куда та и переходила жить. Помощь бабки (обычно это была пожилая, «опытная» женщина) заключалась в следующем. По понятиям ненецкой народной медицины, женщина не должна была рожать лежа. Поэтому повивальная бабка не давала роженице спать и лежать, а старалась держать ее на ногах или коленях, подвязав ремнем под мышками; концы ремня прикреплялись к шестам чума.⁸⁹ В таком положении ненецкая женщина оставалась до разрешения от бремени. На снегу (если роды происходили зимой), имея под собой лишь кусок оленьей шкуры, стоя на коленях, подвязанная под мышками или опираясь на горизонтально привязанный шест, она производила на свет ребенка. Бабка находилась сзади роженицы и, упираясь коленями в крестец последней, сильно сдвигала ей живот руками. Иногда живот затягивался и сдвигался веревкой.⁹⁰

Легкость родов у женщин народов Севера отмечалась многими наблюдателями и врачами.⁹¹ Однако не всегда они происходили легко. По представлению ненцев, тяжелые роды были следствием нарушения супружеской верности, и раскаяние виновных в значительной степени могло облегчить страдания. Поэтому обязанностью повивальной бабки было также заставить роженицу сознаться в своих грехах. На особом шнурке по числу измен женщина завязывала узелки. Если это не помогало, то та же бабка или какой-нибудь старик обращался к мужу, который молча делал узелки на другом шнурке или веревке. Веревку старуха передавала больной, которой достаточно было взглянуть на узлы, а иногда и сосчитать количество их, чтобы «почувствовать облегчение». К моменту, когда завершалась довольно длительная церемония обоюдного «покаяния», в положении роженицы наступало естественное улучшение, которое и объяснялось ненцами как результат магического действия признания.⁹²

Роженица еще долгое время после родов считалась «нечистой». Несколько дней, а по другим сведениям несколько недель она принимала пищу из рук бабки, затем производилось «очищение» огнем: роженица раздевалась и переходила через разведенный огонь, затем надевала другое платье и с этих пор могла приступить к выполнению домашних работ. Все вещи, с которыми соприкасались женщина и ребенок, «очищались» водой, в которой была сварена березовая губка. Однако еще в течение некоторого времени после этого роженица считалась «нечистой» и подвергалась различным ограничениям.

⁸⁹ К. Рычков. Береговой род юраков, стр. 185; А. А. Попов. Енисейские ненцы, стр. 83.

⁹⁰ АКС, оп. 61, п. 76, д. 125, Материалы Красноярского комитета Севера; д. 126, Материалы совещания женщин Севера.

⁹¹ Объяснялось это различно. См.: К. А. Белиловский. Женщина инородцев Сибири, стр. 79 и сл.

⁹² Л. Костиков. Законы тундры, стр. 42; Ю. Кушелевский. Северный полюс и земля Ямал, стр. 121, и др.

Возможно, что условия родов были в какой-то степени причиной широкого распространения в прошлом среди ненецких женщин особой формы истерии — иммиграции. «Трудно встретить женщину, не одержимую более или менее сильными припад-

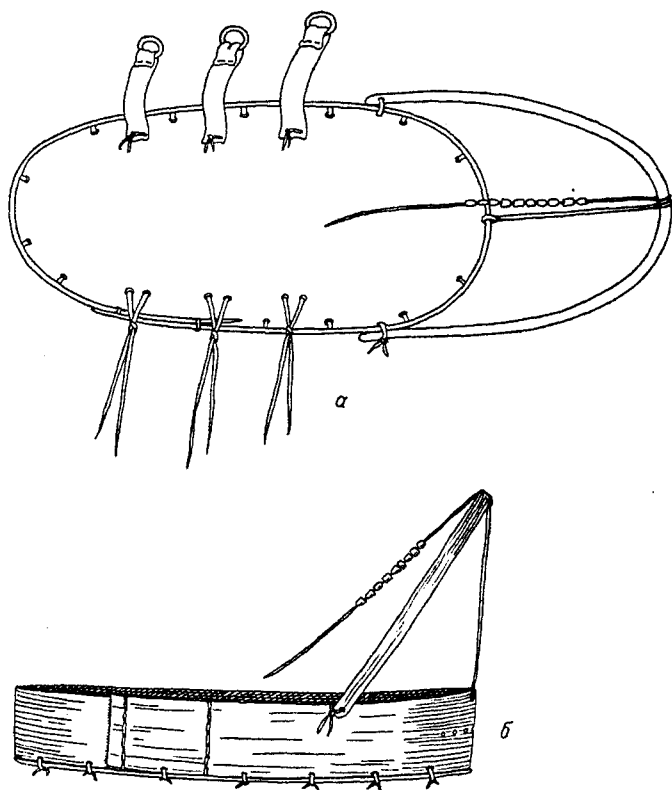

Рис. 12. Люлька.

а — вид сверху; б — вид сбоку.

ками истерии, на что, впрочем, никто не обращает ни малейшего внимания»,⁹³ — писал один из исследователей быта ненцев.

Обстановка, в которой протекало детство ненецких детей, соответствовала тому низкому уровню культурного развития, на котором находились ненцы до Октябрьской революции.

Каких-либо особых обрядов, сопровождавших рождение ребенка, не было. Пуповину у новорожденного перерезали тем же

⁹³ И. В о р о п а й. По Оби до Северного океана. Природа и охота, № 9, 1899, стр. 16—17.

ножом, которым выполнялись хозяйственные работы, и перевязывали оленьим сухожилием, после чего ребенка укладывали в люльку (рис. 12), из которой он выходил только тогда, когда начинал ходить. Иногда перед тем, как уложить ребенка, его обмывали с целью «очищения» (в религиозном смысле, а не гигиеническом) водой, в которой была сварена березовая губка.

Пеленками ребенку служили мягкие шкурки оленьего, песцового или собачьего меха, время от времени их просушивали у костра. На дно люльки насыпали мелко стертые древесные гнилушки или клали сухой мох. Ребенка, завернутого в шкурки, привязывали к люльке ремешками и вынимали только тогда, когда нужно было заменить гнилушки или мох новыми. При кормлении мать брала на руки ребенка вместе с колыбелью. Ребенка никогда не мыли и не купали. Матери, занятые повседневным тяжелым трудом, не могли уделять детям достаточного внимания, и они основную часть времени были предоставлены самим себе.

Количество детей у ненцев, как мы уже упоминали, обычно было невелико: «Обыкновенно у них детей бывает мало»;⁹⁴ «Семьи самоедов в среднем немногочисленны».⁹⁵ Бедность основной массы ненцев, тяжелые условия труда, культурная отсталость были благоприятной почвой для развития социально-бытовых болезней и для различных эпидемий.⁹⁶

Смертность среди ненецких детей была очень велика. Об этом писали многие исследователи, посетившие ненецкие тундры. «Они (дети, — Л. Х.) у юраков весьма часто умирают, не достигнув года или двух», — читаем мы у Н. Кострова. «Главные причины этому жесткие зимы, свойственные тамошнему краю, и скитальческая жизнь», — добавляет он.⁹⁷

Причина детской смертности лежала, как мы видели, не только в суровом климате и кочевом образе жизни. Болезни при отсутствии всякой медицинской помощи, антисанитарная обстановка родов и условия, в которых ребенок проводил первые месяцы своей жизни, бедность, плохое здоровье родителей, отсутствие необходимого ухода — вот те факторы, которые определяли малочисленность ненецких семей и большую детскую смертность.

Кормление ребенка грудью происходило не в определенное время и продолжалось, как упоминалось, часто до тех пор, пока ребенок не достигал пяти-шестилетнего возраста.⁹⁸ Часто мать кормила одновременно двоих детей — новорожденного и ребенка двух-трех лет.

⁹⁴ В. И с л а в и н. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 123.

⁹⁵ В. Ж и т к о в. Наш Крайний Север. М., 1924, стр. 93.

⁹⁶ См., например: С. В. М а к с и м о в. Год на Севере, стр. 532.

⁹⁷ Н. А. К о с т р о в. Юраки, стр. 28. См. также: К. Б е л и л о в с к и й. Женщина инородцев Сибири, стр. 74, и др.

⁹⁸ См.: А. С о б о л е в. На реке Танае, стр. 128—129.

В то же время дети с очень раннего возраста начинали питаться сырой рыбой и сырым мясом. Грудному ребенку уже давали сосать кровь из кусков сырого мяса и есть мозг с кровью из костей оленя.⁹⁹ Вообще дети рано привыкали к самостоятельности. «Однажды я был очень удивлен, — пишет Гофман, — увидев, как ребенок, которому не было еще и году, не умеющий ни ходить, ни говорить, удовлетворял свою жажду. Оставленный один в чуме, он выбрался из своей покрывки, спустился с возвышенной постели, переполз через весь чум к ведру с водою, почерпнул ковшиком воды, напился, повесил ковшик опять на краю ведра и пополз назад в свои шкуры».¹⁰⁰

Имена детям давались не сразу. По свидетельству Зуева, новорожденным, как мальчикам, так и девочкам, до пяти лет не давалось никакого имени, после чего им давалось «ребячье имя», которым они назывались до 15-летнего возраста. По прошествии 15 лет родители давали детям настоящее имя или по сходству какого-нибудь давно умершего сродника, или по силе, или по сложению, сходству с животным, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию, счастью и прочее».¹⁰¹ Далее Зуев приводит целый ряд мужских имен: *Naimale* — ломаная нога, *Waha* — корень у дерева и т. д. Относительно женских имен Зуев замечает: «... женский пол... имен по век свой не имеет».¹⁰²

Другие авторы также подтверждают, что имена детям у ненцев обычно давались не сразу, а через некоторое время, обычно в честь давно умершего предка. Большинство имен «являлись производными от слов «мужчина», «женщина», «человек», «ребенок» (Некоця, Савоне, Некуля, Хасава, Ненэцийко и т. д.) или были связаны с характером или видом человека, а также с обстоятельствами его рождения (Луца — досл. «русский»: в этот день в чум приезжал русский; Сэвсэр — «белоглазый», Сэрхасава — «блондин», Мэбета — «сильный» и т. д.).¹⁰³ Нам представляется, что это были не имена, а прозвища. Настоящее имя являлось запретным. Произносить его можно было или детям между собой, или в случае, когда старший звал младшего. В прямой речи обращение по имени тщательно избегалось. Муж и жена называли друг друга не по имени, а словами *хасава* — «мужчина», *вэсако* — «старик» или *не* — «женщина», *пухуця* — «старуха», родственники — родственными терминами. Так называемые «уличные имена», или клички, употреблялись более свободно. Интересно,

⁹⁹ В. П. Е в л а д о в. В тундрах Ямала, стр. 39; И. В о р о п а й. По Оби до Северного океана, стр. 17.

¹⁰⁰ Э. Г о ф м а н. Северный Урал и Береговой хребет Пай-Хой, стр. 144.

¹⁰¹ В. Ф. З у е в. Материалы. . . , стр. 65.

¹⁰² Там же, стр. 66; см. также: Ф. Б е л я в с к и й. Поездка к Ледовитому морю, стр. 123—124.

¹⁰³ См.: Н. М. Т е р е щ е н к о. В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык. Л., 1959, стр. 35—38.

что, видимо, в прошлом имелся фонд имен рода: каждый род имел имена, которыми мог пользоваться он один.¹⁰⁴

С приходом русских и введением христианства среди европейских ненцев распространились русские имена. Однако обычно, помимо русского имени, каждый ненец имел еще и ненецкое.

В азиатской части территории расселения ненцев и сейчас все пожилые люди и люди среднего возраста имеют ненецкие имена (среди лесных ненцев — и молодые). Имена эти, как правило, на ненецком языке не имеют никакого значения. Некоторые из них могут быть объяснены на основании материала чукотского, корякского, эскимосского языков, что представляет большой интерес в плане проблемы этногенеза ненцев, например, Амо по-эскимосски «волк», Ыльва по-чукотски «дикий олень» и т. д.¹⁰⁵

Приведем некоторые из имен ненцев низовьев Пура:

Мужские		Женские
Хадейка	Лут	Мелькуне
Аккача	Хабай	Окку
Хатева	Нетти	Аюни
Янтоку	Хэнуа	Негли
Аркани	Няданю	Арлани
Магали	Ямбони	Сальта
Еголо	Абоку	Пукочаку
Вати	Хасибо	Пуйме и т. д. ¹⁰⁶
Энгу	Оду	

Дети до пяти-семи лет находились под присмотром матери. Лет с семи мальчики начинали выполнять легкие работы под руководством отца и старших братьев, девочек — различные женские работы под руководством матери и старших сестер. С 12—13 лет дети выполняли все работы, соответствующие их полу. Девочка лет восьми уже при перекочевках вела караван грузовых нарт, нянчилась с младшими братьями и сестрами и помогала матери в выполнении других работ. Игры мальчиков отражали главным образом различные моменты хозяйственной деятельности ненцев. Любимым занятием девочек была игра в куклы, которые они сами шили из лоскутков цветного сукна и кусочков оленьего меха. Учиться шить девочки начинали с раннего возраста.

С приближением периода половой зрелости девушка-ненка начинала подвергаться ряду ограничений и запретов, связанных с религиозными представлениями ненцев (см. ниже). В 12—15 лет

¹⁰⁴ В. Ф. Зуев. Материалы. . . , стр. 66, см. также стр. 95 (примечание Г. Д. Вербова).

¹⁰⁵ Консультация И. С. Вдовина.

¹⁰⁶ Материалы экспедиции автора летом 1962 г. в Ямало-Ненецкий национальный округ. Отметим поразительное разнообразие ненецких имен. Из 390 имен, записанных в Пурувском р-не, только несколько повторялось по два-три раза.

она становилась невестой, выдавалась родителями замуж и принимала на себя все обязанности, связанные с положением замужней женщины.

В связи с вопросом о воспитании детей уместно несколько подробнее остановиться на описании игрушек, которые были распространены у ненцев.

Из национальных детских игрушек (*уацекы сянако*) наиболее распространенными являлись изображения оленей, нарты, луки, гуделки, а также куклы. Игрушечный олень обычно представлял собой деревянный брусочек размером примерно 10×2 см с выступом на одном конце (хвост), косым срезом на другом (голова) и отколотыми не до конца, слегка загнутыми лучинками, изображающими рога. Иногда игрушечная упряжка оленей делалась из кусочков оленьего меха.

Для детей часто делали маленькие нарты общей длиной до 50 см, обычно это достаточно точная модель взрослых нарт. В них ребята иногда запрягали собак.

Представляет интерес детская игрушка гуделка (*вывко*). Она состояла из дощечки размером 10×4 см и продетой через проделанные в ней два отверстия нитки (или ниток) из оленьего сухожилия длиной около 25 см, образующей петлю. При скручивании и раскручивании петли, которую растягивают двумя руками, дощечка гудит.

В качестве игрушек для мальчиков были распространены детские луки со стрелами, изготавливаемые обычно из прутьев ивняка.

Внимание путешественников и исследователей привлекали всегда оригинальные ненецкие куклы (*уухуко*; в западных говорах *уко*). Куклы эти (их размеры обычно 10—15 см) различались по полу и представляли собой уменьшенную модель ненецкой одежды (мужской или женской) с вложенным вместо головы гусиным (обычно у кукол-«мужчин») или утиным (у кукол-«женщин») клювом (табл. VIII). К подолу одежды иногда пришивались маленькие пимы, а у кукол-«женщин» сзади к голове-клюву — лоскутики сукна или цепочки, изображавшие косы с наконечниками. В качестве туловища куклы использовался обычно продолговатый кусочек сукна с нашитыми на него в вертикальном направлении разноцветными суконными полосками.¹⁰⁷ К нему прикреплялась голова — птичий клюв. Поверх надевалась одежда. Женская одежда (суконная или меховая) часто украшалась мозаичным орнаментом, имела пришитый воротник из кусочков белого меха. В качестве поясков служили узенькие полоски цвет-

¹⁰⁷ По материалам А. В. Журавского число этих полосок соответствует возрасту ребенка, которому принадлежит кукла (Европейский русский Север, Архангельск, 1911, стр. 21). Нам это утверждение представляется неверным, так как полоски несут явно характер орнамента: они по цветовому признаку располагаются симметрично. Кроме того, этих полосок всегда нечетное количество.

ных лоскутков. Некоторые куклы-«женщины» имели при себе куклу-«ребенка». Мужская одежда также бывала украшена полосками разноцветного сукна.

А. В. Журавский высказал предположение, что ненецкие куклы в прошлом служили «детским божеством». Головы кукол делались из клювов водоплавающих птиц, так как считалось, что перелетные птицы ежегодно улетают к «богу» (*Нум*) и являются «чистыми», «невинными». ¹⁰⁸ Это предположение не лишено, видимо, оснований: близость описанных выше кукол к некоторым предметам ненецкого культа совершенно очевидна. ¹⁰⁹ Однако в начале нашего столетия этим куклам религиозного значения обычно уже не придавалось. Их шили обычно сами девочки. Для кукол изготавливали игрушечные люльки, подушечки и т. п.

Куклы представляют известный интерес с точки зрения изучения эволюции ненецкой одежды. В кукольной одежде, видимо, сохранялись некоторые элементы более старых форм. В частности, интересен тот факт, что малицы кукол-«мужчин», встречающихся в Большеземельской тундре, часто не имели капюшона, тогда как современные настоящие малицы всегда его имеют. Характерно наличие накосников почти у всех кукол-«женщин». Интересен покрой малицы куклы, изображенной на табл. VIII, 3, близкий к нганасанскому.

Широко были распространены самодельные головоломки (*хобцо*, *ня хобцо*), которыми любили заниматься не только дети и подростки, но и взрослые.

Касаясь положения ненецкой женщины до Октябрьской революции, путешественники и исследователи обычно характеризовали его как приниженное и бесправное. Большая часть авторов относил это за счет религиозных предрассудков: женщина считалась «нечистой», существовал целый ряд запретов, которые ограничивали ее деятельность, и т. д. ¹¹⁰ Высказывались и другие точки зрения. Шренк видел причину приниженного положения женщины в многоженстве. ¹¹¹ Некоторые считали, что тяжелое положение женщины было следствием своеобразного разделения труда, по которому на женщину возлагалась якобы основная часть хозяйственных работ. ¹¹² Л. В. Костилов, специально занимавшийся этим вопросом, пришел к выводу, что «причины тяжелого положения самоедской женщины кроются главным образом не в многоженстве, а в том, что она имущественно бес-

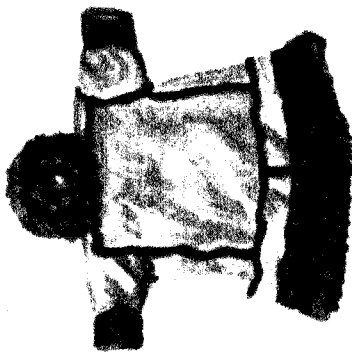
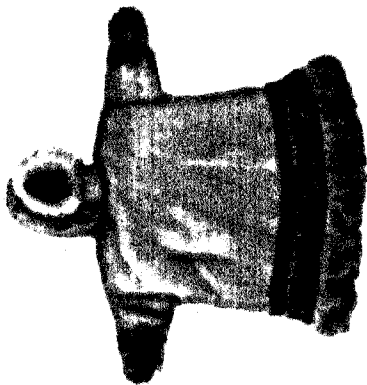
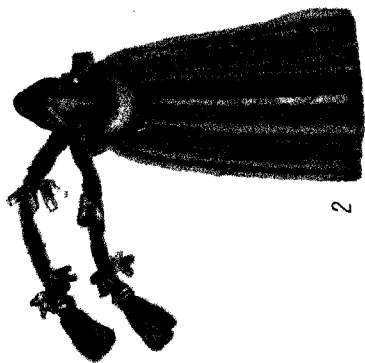
¹⁰⁸ Там же, стр. 22—23.

¹⁰⁹ См. гл. 11 настоящей работы.

¹¹⁰ Георги. Описание. . ., стр. 10; В. И с л а в и н. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 25; Б. М. Ж и т к о в. Полуостров Ямал, стр. 217, и др.

¹¹¹ А. Ш р е н к. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 429.

¹¹² В. Ф. З у е в. Материалы. . ., стр. 31, и др.

3

Табл. VIII. Куклы.

1 — куклы-женщины; 2 — туловище куклы; 3 — куклы-мужчины. Из коллекции МАЭ.

правна».¹¹³ А. Я. Ефименко и ряд других авторов указывали на все вышеприведенные причины.¹¹⁴

Остановимся несколько подробнее на запретах, касающихся женщин. Описания путешественников дают богатый фактический материал.

Замужняя женщина исключалась, как правило, из всех религиозных обрядов. Так, она не принимала участия в жертвоприношениях, не могла есть мясо принесенных в жертву оленей, очевидно, не везде или не всегда принимала участие в похоронном обряде. Женщина не могла подходить к священным нартам (*хэхэ хан*), а также к оленям, везущим эти нарты, и к их упряжи. В чуме она могла переходить с одной половины на другую только у входа и не могла обходить чум вокруг. Женщина не должна была переходить дорогу движущемуся навстречу обозу, перешагивать через принадлежности мужской одежды, орудия охоты, упряжь, через аркан, хорей и т. д. Женщина не могла есть оленью голову, резать некоторые породы рыб (например, щуку). Считалась «нечистой» женская обувь. По покрою она отличается от мужской и прежде хранилась в так называемом «поганом углу» чума, перевозилась на особых саних вместе с другими «нечистыми» предметами. К этим саням мужчины никогда не прикасались, так же как и к оленям, которые их перевозили.

Мы уже отмечали, что во время родов роженице ставился особый чум, в который мужчина входить не мог. После родов женщина долгое время считалась особенно «нечистой». Во время месячных очищений женщина ничего не могла делать для мужа, не могла есть мяса недавно убитых животных и т. д. К выполнению своих обязанностей она могла вернуться лишь после «очищения» дымом богульника или подожженным оленьим волосом.

Для девушек эти запреты были несколько смягчены. Так, например, на Новой Земле была даже девушка-охотник.¹¹⁵ У лесных ненцев девушки, очевидно, вообще имели доступ к охоте.¹¹⁶

Указанные запреты не касались, по-видимому, женщины-шаманки.

В основе взгляда на женщину как на «нечистое» существо лежало, очевидно, то обстоятельство, что отправление религиозного культа носило родовой характер, женщину же всегда брали из другого рода. Имелись, конечно, и другие причины, так как, как мы видели, женщина считалась особенно «нечистой» в определенные периоды.

Относительно положения ненецкой женщины в роде мы имеем очень мало материалов. Надо сказать, что вообще вопрос о родо-

¹¹³ Л. Костиков. Законы тундры, стр. 53.

¹¹⁴ А. Я. Ефименко. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов, стр. 183 и сл.

¹¹⁵ К. Носилов. Таня Логай. Северные рассказы. 1959.

¹¹⁶ Р. Митусова. Год среди лесного народа. № 12, стр. 16—17.

вом управлении у ненцев требует изучения. Женщина в нем, безусловно, не принимала никакого участия, и причина этого лежала в самих основах отцовского родового строя. Как чужеродка она была лишена права участвовать в общественной жизни рода, в обсуждении различных вопросов, касавшихся рода в целом. Когда после победы Октябрьской революции начали создаваться родовые советы, привлечение в них женщин встретило активное сопротивление со стороны мужчин. Многие отказывались участвовать в собраниях, на которые приезжали женщины, и т. д.

Разложение родового строя, появление имущественного неравенства, усилившегося в конце XIX и начале XX в., оказали отрицательное влияние на положение ненецкой женщины. Хотя все женщины были одинаково бесправны, жены богатых ненцев все же жили в каком-то достатке, и им не приходилось думать о пище себе и детям на каждый день. Дочери богатых ненцев могли также рассчитывать на лучшее замужество (хотя их соглашая на брак тоже не спрашивали) и в случае развода — на возврат к родителям. Дочь бедных родителей не могла рассчитывать выйти замуж в богатую семью, так как всякий ненец, неся значительные расходы по уплате калыма, старался в какой-то мере компенсировать себя приданым. Бедная девушка выходила замуж обычно за такого же бедняка, как она сама, и для нее начиналась жизнь, полная забот и лишений. В случае смерти мужа она не могла думать о возвращении к родителям, а должна была жить у брата умершего мужа, а если такового не было — у других его родственников, где влачила жалкое существование, выполняя самую черную работу.

Многие потерявшие оленей и обедневшие семьи вынуждены были наниматься на работу к богатым оленеводам или нищенствовать в поселках и городах. С. Максимов, рисуя бедственное положение таких безоленных ненцев, описывает одну семью, мать и троих детей, просивших подаяния в Холмогорах: «Вся семья в лохмотьях, между которыми даже трудно высмотреть характеристические особенности костюма, у одного мальчика плечо голое; у другого прорывается малица на груди. Крайняя, вопиющая бедность».¹¹⁷

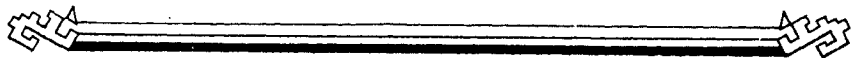
«Самоедки, давнишние испытанные мастерицы шить, работают из-за одного прокормления, всякую одежду по готовым выкройкам», — сообщает тот же Максимов.¹¹⁸

Мы видим, что целый ряд факторов обуславливал тяжелое положение ненецкой женщины до Великой Октябрьской социалистической революции.

¹¹⁷ Год на Севере, стр. 543.

¹¹⁸ Там же, стр. 540.

Глава 10

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ФОЛЬКЛОР

Изобразительное искусство ненцев чрезвычайно слабо изучено. Специальные работы по этому вопросу отсутствуют, а в трудах путешественников и исследователей конца XVIII, XIX и XX вв. встречаются лишь отрывочные сведения.¹ Некоторые данные по орнаменту ненцев содержатся в архивных материалах Г. Д. Вербова,² а также в трудах С. В. Иванова.³ Можно отметить также публикацию Салехардским домом народного творчества значительного количества образцов ненецкого орнамента.⁴

Между тем изобразительное искусство ненцев представляет значительный интерес. Изучение его сможет помочь выявлению исторических связей ненцев с другими народами.

Можно отметить следующие виды изобразительного искусства, бытовавшего у ненцев: а) резьба по кости и дереву, б) инкрустации оловом по дереву, в) орнамент из меха и разноцветного сукна, выполняемый техникой мозаики, г) деревянная религиозная скульптура.

Резьба по кости и дереву имела сравнительно небольшое распространение. Из костяных изделий украшали орнаментом лишь некоторые части упряжи (наружную сторону держателя для вожжи, а у енисейских ненцев — части недоуздка). Орнамент наносили с помощью ножа. Преобладали точечные мотивы.

Из деревянных изделий резьбой иногда украшали курительные трубки и колотушки для выбивания снега из меховых вещей.

У ненцев, особенно к западу от р. Печоры, несколько десятилетий тому назад была широко распространена инкрустация по дереву оловом или свинцом. Инкрустация делалась на черенках

¹ А. В. Журавский. Европейский русский Север, стр. 16—17; Л. Гейденрейх. Канинские самоеды, стр. 31—32.

² Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 41; см. также: Колл. МАЭ, № И-1215-205.

³ С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М.—Л., 1954.

⁴ Северные россыпи. Салехард, 1964.

пожей и табакерках. Умели инкрустировать лишь немногие, и ножи с инкрустированными черенками (*хубтавы хар*) высоко ценились как ненцами, так и нередко покупавшими или выменивавшими у ненцев эти ножи коми-ижемцами и русскими.

Инкрустирование производилось следующим способом. После выстругивания черенка с помощью обыкновенного ножа на его поверхность тонким ножом *ля хар* наносился рисунок будущего орнамента. Затем тем же ножом по намеченному рисунку вырезали неглубокие (1—2 мм) желобки. Если нож еще не посажен в черен, то в предназначенное для него отверстие вбивали палочку длиной 10—15 см, которая при изготовлении инкрустации не позволяла расплавленному олову попасть в это отверстие. Потом черен плотно, в несколько слоев, обертывали бумагой или тонкой берестой таким образом, чтобы края обертки выступали на 2—3 см за оба конца черена. Обертку плотно завязывали веревкой или сухожильной ниткой, причем излишек ее у нижнего конца черена крепко стягивали завязкой, чтобы она наглухо прилегала к лезвию ножа или заменяющей его палочке. После этого расплавленное олово вливали в трубку, образованную выступающим краем обертки над верхним концом черена. Оттуда олово попадало в просветы желобков, вырезанных на боковой поверхности черена и доходящих до торцевой стороны. Наполняя желобки, олово стекало по ним вниз, заполняя небольшую пустоту между нижним концом черена и местом прилегания обертки к лезвию ножа или палочке. После того как олово застывало, обертка снималась, и излишки олова, выступавшие над поверхностью черена или за пределы инкрустации, срезались ножом. Сглаживание поверхности инкрустации производилось с помощью напильника и обука ножа.⁵ Деревянные части орнамента протирали (чернили) сырой сажей.

Олово плавили обычно в деревянной ковшеобразной посудине, имеющей с одной стороны желобок, по которому олово стекает в описанную выше бумажную или берестяную обертку. На переплавку употребляли часто покупную оловянную посуду.

Ножи с инкрустированными черенами носили, как правило, только мужчины.

Широко бытовало в XIX и начале XX в. украшение женской одежды полосами орнамента из меха белого и черного цвета, выполняемого техникой мозаики. Орнамент изготовляли обычно из камуса (шкура с ног оленя). Мех белого и черного цвета складывали вместе, клали на специальную доску и по мездровой стороне ножом вырезали орнамент. Во многих районах пользовались трафаретами из бересты. В этом случае узор вырезали каждый раз из одного слоя меха. Затем полосу орнамента сшивали так, что узор белого меха входил в темную основу или наоборот, шов

⁵ Г. Д. В е р б о в. Описание коллекции МАЭ, № 1141-1.

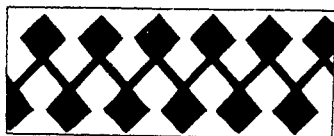
1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

Табл. IX. Образцы орнамента (из коллекций МАЭ, собиратель Г. Д. Вербов).

1 — уши зайца; 2 — головки; 3, 4 — головки, подобные чуму; 5 — безголовый соболь; 6 — рога оленя; 7 — локоть лисицы; 8 — березовая ветка; 9 — бок человека; 10 — однобокий соболь; 11 — лежащие рога оленя; 12 — красивые рога.

делался по мездровой стороне, через край. Часто в шов вкладывали узкие полоски цветного сукна так, чтобы оно было видно с лицевой стороны.

Полосами орнамента обычно украшали полы одежды, подол, рукава, плечевую часть. Помимо одежды, орнаментом украшали сумочки для хранения швейных принадлежностей и другой меховой утвари. Орнамент на меховых изделиях состоял из геометрических фигур и часто был очень сложным. Большинство видов орнамента имели ненецкие названия, однако, возможно, многие мотивы орнамента ненцы заимствовали у хантов, у которых он бытует не только на одежде, но и на берестяной посуде. Ниже мы приводим образцы орнамента (табл. IX, X).

Интересно отметить, что у крайне западных канинских ненцев отсутствовал орнамент, распространенный у других групп ненцев. Здесь встречался лишь один вид орнамента — узкие, сильно вытянутые треугольники белого и темного меха, взаимно входящие друг в друга. Из такого узора сшивается вся верхняя часть женской одежды типа *пена паны*.

Орнаментом, выполняемым техникой мозаики, ненцы украшали также суконные вещи, в частности суконные покрывала на оленей в женской упряжке. Однако здесь мы имеем дело с гораздо меньшим разнообразием видов орнамента. В большинстве случаев это был один вид, так называемый *пыдюдэ*. Сочетались обычно красный, желтый и зеленый цвета.

Скульптура у ненцев имела исключительно религиозный характер. Из дерева вырезали антропоморфные и зооморфные изображения (вместилища) духов, которым приносили жертвы. Антропоморфные изображения встречались двоякого вида: палки разных размеров с грубо высеченными на верхней части лицом или рядом лиц и выточенные более тщательно фигурки людей (см. табл. XI, XII).

Зооморфные скульптуры обычно изображали волка или гагару.

Устное поэтическое творчество ненцев, возникшее, видимо, несколько столетий назад, продолжало широко бытовать в народе и в начале XX в.

Записью и исследованием фольклорных произведений занималось весьма ограниченное число ученых. Так, в XIX в. М. А. Кастрен записал образцы ненецких песен и сказок. Собранные им тексты были опубликованы в 1940 г.⁶ Содержание отдельных фольклорных произведений было на русском языке записано рядом других исследователей.⁷ С другой стороны, в литературе

⁶ Samojedische Volksdichtung gesammelt von M. A. Castren. Herausgegeben von T. Lechtisalo. Helsinki, 1940.

⁷ Ю. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал; Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 232—246, и др.

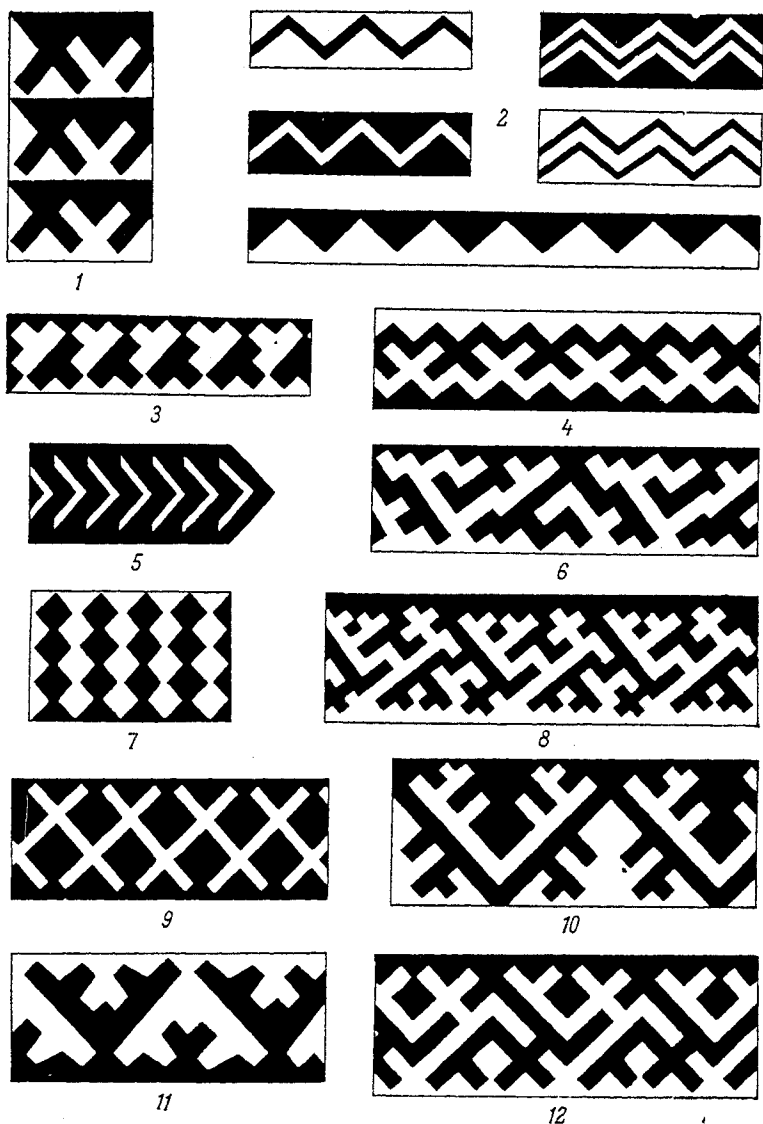

Табл. X. Образцы орнамента (из коллекций МАЭ, собиратель Г. Д. Вербов).

1, 4 — уши зайца; 2 — подобный чуму; 3 — безголовый соболь; 5 — грудь песца; 6 — перетянутый; 7 — вытянутые головки; 8 — соболь; 9 — следы медведя; 10, 12 — рога; 11 — копыта.

имеются замечания, что у ненцев «песен в нашем понятии, с определенно сложившимися словами, мыслями, не существует».⁸

После Великой Октябрьской социалистической революции были опубликованы сборники В. Тонкова (на русском языке)⁹ и А. П. Пырерка (на ненецком языке с переводом на русский),¹⁰ а также несколько текстов и небольшое количество загадок, собранных Г. Д. Вербовым.¹¹ В более позднее время вышло несколько сборников ненецких сказок, обработанных для детей.¹²

В 1946 г. Северным отделением ВГО была организована специальная фольклорная экспедиция в Ненецкий национальный округ под руководством А. М. Щербаковой, собравшая значительный материал.¹³

В 1948, 1949 и 1959 гг. З. Н. Куприянова совершила поездки в Малоземельскую тундру (Ненецкий национальный округ) для собирания и изучения бытования устного народного творчества ненцев. В 1960 г. вышла составленная ею хрестоматия по ненецкому фольклору для педучилищ национальных округов, куда вошла часть собранного материала, а в 1965 г. — капитальный труд «Эпические песни ненцев».¹⁴

За рубежом в 1947 г. были изданы фольклорные тексты, записанные Г. Лехтисало.¹⁵

Ненецкий фольклор разнообразен по жанрам. Наиболее распространенными являются эпические произведения, которые подразделяются на два основных вида: *сюдбабу* — героические песни, песни о богатырях, героях, и *ярабу* — песни-плачи. *Сюдбабу* являются более древними, архаичными песнями, их знают теперь только пожилые люди и старики. Основными темами в большинстве *сюдбабу* являются поиски жены и кровная месть.¹⁶ *Ярабу* обычно представляют собой повествования о злоключениях какого-либо лица. По-видимому, их появление относится к более позднему периоду, так как в некоторых из них налицо отражение классового расслоения и эксплуатации.¹⁷

По характеру ненецкий эпос глубоко реалистичен. В нем нет ничего мистического, потустороннего. Герои эпоса — это ненцы,

⁸ А. С о б о л е в. На реке Танама, стр. 128.

⁹ Ненецкие сказки. Архангельск, 1936.

¹⁰ Пухуца ягоб' ню (Сын старушки). Л., 1939.

¹¹ Ненец' хобдоко. Л., 1947; Ненецкие сказки и былины. Салехард, 1937.

¹² Неко хадакэнда вадако. Л., 1949.

¹³ См.: А. М. Щ е р б а к о в а. Ненец' вадако'. Л., 1960.

¹⁴ Ненецкий фольклор. Л., 1960; Эпические песни ненцев. Сост. З. Н. Куприянова. М., 1965.

¹⁵ Jurako-Samojedische Volksdichtung gesammelt von T. Lechtisalo. Helsinki, 1947.

¹⁶ З. Н. К у п р и я н о в а. К характеристике ненецкого эпоса. Уч. зап. Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 132, 1957, стр. 195.

¹⁷ Г. Д. В е р б о в. Ненецкие сказки и былины. Салехард, 1937. Текст «Няхар нохо».

оленоводы и охотники, ведущие борьбу за оленей, за женщин, за свои права. Реалистический характер эпоса делает его произведения ценными не только с художественной точки зрения, но и как своеобразный исторический источник о прошлом ненцев. В ненецком эпосе ярко раскрывается быт, хозяйственная деятельность, взаимоотношения людей.

Ненецкие эпические произведения поются. Мелодия песен своеобразна и близка к речитативу, однако каждое произведение имеет свой мотив. Лучшие исполнители эпических произведений пользуются в народе большим уважением.

В прошлом, когда в тундре не было книг, кино, радио, эти песни имели для молодежи большое познавательное значение, являясь почти единственным источником знаний о прошлом своего народа, о соседних народах, о мужестве, силе и ловкости, проявляемых их предками. На этих же произведениях воспитывались эстетические взгляды молодого поколения. Художественные образы *сюдбабц* и *ярабц* обычно очень ярки и сочны, для первых характерна известная гиперболизация. Вот как описывается в одном из произведений поимка арканом оленя: «Дошел я до конца своего стопятидесятиголового стада, свистнул сквозь зубы тонким свистом по обычаю своей земли. Услышав свист, мои сто пятьдесят оленей сбились в кучу. Я погнал их к чуму. Намотал свой тридцатисаженный, толщиной с перекладину в чуме, тынзей; то, что оказалось лишним, перебросил за локоть. Сто пятьдесят моих оленей бегают около чума. У комолого оленя наострены уши, он бегают по краю всего стада на расстоянии ста сажень, никак не хочет войти в гущу стада. Вот он пробежал мимо меня с раскрытым ртом. Я прыгнул несколько раз по обычаю своей земли, и когда настало время — бросил тридцатисаженный аркан чуть ли не через плечо. Тридцатисаженный тынзей пока долетел, повторил все звуки волчьего воя. Слыша эти звуки тынзея, олень наострил уши. Он сунул только нос в стопятидесятиголовое стадо. Вернувшись, петля тынзея упала на шею оленя. Комолый олень тянет к себе; я трижды уперся, трижды выросли снежные горы у моих ног. Тридцать сажень намотал на руку, притянул к себе комолого оленя, как маленького теленка...».¹⁸

Герои эпических песен, как правило, выступают носителями идеалов родового строя: они отправляются за женой в дальние края, соблюдая экзогамные нормы, они мстят врагам за убийство своих родственников, они отстаивают права на владение своей землей. Можно предположить, что во времена, когда разложение родового строя не зашло еще далеко, эти песни имели еще большее значение, оживляя и воспевая родовые традиции.

¹⁸ «Стдя пэ' тер» («Житель двух горных хребтов»). Текст записан от И. И. Няруа в 1953 г. на Ямале. Перевод автора.

Среди эпических произведений следует выделить также произведения исторического характера (*ва'ал*). Этот жанр почти совершенно не изучен. К нему относятся, в частности, песни о Вавлѣ Ненянге. По некоторым сведениям, термином *ва'ал* называют также рассказы о *сихиртя*, маленьких людях, якобы живущих в сопках.

Эпические произведения исполнялись особенно часто осенними вечерами, и исполнение их длилось обычно несколько часов, а иногда и несколько вечеров. Слушатели, собравшиеся в чуме, возгласами одобрения или порицания живо реагировали на ход повествования.

Широко распространены были и другие жанры ненецкого фольклора: *вадако* («сказка», досл. «словечко»), *хобцоко* («загадка») и *хынабц* («лирическая песня»). Сказки в отличие от песен рассказывали. Различаются волшебные сказки, среди которых известное место занимают несколько видоизмененные русские сказки, и сказки о животных, где действующими лицами являются олени, мыши, лисицы, росомахи, куропатки и другие обитатели тундры и леса. Некоторые из сказок о животных имеют концовки, которые указывают на их мифологическое происхождение. Это сказки типа Халяко' икана нгамге' иле («Почему рыбы живут в воде») или Нгамгэ е'эмня нюня ядэрць я'ма («Почему гагара ходить не может») и т. д.

Тематика ненецких загадок тесно связана с основными занятиями ненцев, кочевым бытом, природой и животным миром тундры. В качестве примеров можно привести следующие. 1. Лым нэвта халы вэрна — «Вьется змея с костяной головой» (ответ: *тынзя'* — «аркан»). 2. Спдя взнеко нув'няю' нгоберца — «Две собаки воют в небо» (ответ: *хан пня* — «головки нарт»). 3. Юр' хасава тю'у' харва', юр' хасава таси' харва' — «Сто мужчин стремятся вверх, сто мужчин стремятся вниз» (ответ: *поуга* — «невод»). 4. Ня'маси', манэ'маци' — «Не поймать, не увидеть» (ответ: *мерця* — «ветер»). 5. Нгарка ни нга', илугу нир — «Не большой, а не поднимешь» (ответ: *ту* — «огонь»).

Ненцы — дети и взрослые — очень любили загадки и в свободное время охотно загадывали их друг другу.

Лирические песни систематически начали собирать только в последнее время, хотя несколько образцов, записанных порусски, встречается на страницах описаний путешествий по ненецким тундрам.¹⁹ Эти песни обычно импровизировались и не имели такого устойчивого, сложившегося текста, как другие жанры. Они часто пелись во время переездов по тундре, причем исполнитель описывал в них в поэтической форме цель поездки, окружающую природу, свое настроение и т. п.

¹⁹ М. А. К а с т р е н. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, стр. 305, и др.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Анимистические представления. Все путешественники и исследователи XVIII—начала XX в. утверждали, что у ненцев существовало представление о верховном существе, которое по-ненецки носит название *Нум'*. *Нум'* — существо бестелесное, не имеющее никакого образа, являлось, согласно сообщениям исследователей, творцом Земли и всего на ней существующего. Однако, сотворив все это, *Нум'* устранился от дальнейшего вмешательства в земные дела, предоставив это духам — *тадебуцё*. *Нум'* находится постоянно на небе. Его другое название — *Илевбарте* или *Илеумбарте*, что, по мнению ряда исследователей, значит «скизнедатель», «творец».¹

Исследователь ненцев Ямальского п-ова Б. М. Житков, однако, различает покровителя и хозяина диких оленей «старика Илибём-бэрти» и Нума, которому жертвы приносят и поклоняются только крещенные самоеды.² Впрочем, он тут же добавляет: «Но изредка выходило как будто и так, что Нум' и Илибём-бэрти — одно и то же». И. Лепехин указывает, что это «верховное существо» в Большеземельской тундре самоеды называют Нум' а в Мало-земельской — Илеумбарте.³

Как мы видим, сведения, излагаемые авторами по поводу Нума, в известной степени противоречивы.

Нам представляется справедливым замечание Б. М. Житкова, различающего Нума и Илибём-бэрти. По-видимому, с этими названиями связывались совершенно различные представления.

¹ И. Лепехин. Дневные записки. . . , стр. 201—202, 219; Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские. Вестн. РГО, ч. 14, 1855, стр. 114—115; А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 356; П. И. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871, стр. 414, и др.

² Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 226. Примерно то же мы имеем в статье Л. В. Костинова «Боговы олени в религиозных верованиях хасово» (Этнография, № 1—2, 1930, стр. 121).

³ Там же, стр. 260.

Напомним, что в ненецком языке дикий олень носит название *илебц'* — «то, с помощью чего живут». Глагол *пэрц'* — «делать», может означать также «пасти», «караулить» и т. д. Образованное от него причастие дает имя деятеля, так, *ты пэртя* — «пастух домашних оленей».

Правоммерно высказать предположение, что слово, которое различные исследователи и путешественники передают как Илеумбарте или Илибём-бэрти, есть не что иное, как *Илебц'* *пэртя*, которое, согласно закону ассимиляции в ненецком языке превращается в устной речи в Илебцямбэртя и означает «пастух», или «охранитель стад диких оленей». По-видимому, это, по представлению ненцев, дух — хозяин диких оленей. В таком случае его тождественность Нуму весьма сомнительна.⁴

Вернемся, однако, к представлению о «верховном существе». Слово *Нум'* в ненецком языке означает «небо» и «погода». Очевидно, то, что указанные выше авторы называют богом, верховным существом, было в действительности в представлении ненцев духом неба.

На существовании у ненцев представления о верховном существе настаивали те, кто был заинтересован в этом. Недаром, например, известный австрийский лингвист и этнолог Вильгельм Шмидт, представитель воинствующего католицизма, в труде «*Der Ursprung der Gottesidee*» целую главу посвятил религии самоедов (ненцев) и в ней всячески старался доказать подлинный туземный характер веры в единого бога, всеведующего и всемогущего.⁵

К сожалению, это произвольное проведение аналогии между пенецким Нумом и христианским богом помешало многим исследователям выяснить действительное представление, существовавшее у ненцев о Нуме.

Тем не менее все авторы указывают, например, на отсутствие какого-либо образа у Нума. Это понятно: небо не имеет никакого образа, дух его подобен ему. То, что светлое «божество» не тождественно небу, а является только его духом, хозяином, подтверждается лингвистическим материалом. Например, обычным является выражение *Нумда пэвсюм* — «наступил вечер» (досл. «небо е г о потемнело», где *-да* лично-притяж. суффикс 3-го лица ед. числа, указывающий на принадлежность чего-либо кому-нибудь, в данном случае, очевидно, имеется в виду именно дух — хозяин неба). Первоначально слово *Нум'* означало, видимо,

⁴ В связи с этим следует отметить, что Б. М. Житков сообщает об особых жертвенных местах, где жертвы приносятся специально Илибём-бэрти, а Л. В. Костилов пишет о живых оленях, посвящаемых Илеумбарте, причем Нуму посвящаются олени совсем другой масти и пола (Илеумбарте посвящается серая важенька, тогда как Нуму — беловато-серый бык).

⁵ W. Schmidt. *Der Ursprung der Gottesidee*. Bd. III. Die Samojede. 1931, SS. 340—384.

только «небо», раздвоение понятия возникло с появлением анимистических представлений.

Ненцы редко обращались к Нуму — только в самых важных случаях, счастливых или несчастных. Возможно, что чаще всего это было связано с различными явлениями природы. Нуму приносили в жертву ежегодно весной и осенью белого оленя, обычно на высоких горах и всегда на открытом месте (*Нум'* никогда не показывался людям в видимом образе, поэтому они не пытались создать его изображение). Оленя душили особым образом, ставя его при этом головой на восток.⁶ Жертва Нуму всегда приносилась шаманом.⁷

В связи с жертвоприношением Нуму интересен момент посвящения ему живых оленей, о котором сообщает Л. В. Костиков.⁸

В основе религиозных представлений ненцев лежали анимистические представления, т. е. вера в духов. Не один *Нум'* — дух неба — был предметом почитания ненцев. Весь окружающий мир представлялся населенным духами, которые принимали непосредственное участие в жизни людей, принося им удачу или неудачу в промыслах, доставляя радости и огорчения, насылая различные болезни и т. п. Земля, реки, озера, отдельные урочища имели своих духов — хозяев.⁹ Так, дух *ид' ерв* (досл. «хозяин воды») мог способствовать хорошим уловам, поэтому после каждого удачного лова рыбы ему приносили жертвы, опуская какие-либо предметы прямо в воду. Ю. Кушелевский описывает жертвоприношения, которые совершали ненцы во время переправ через Обь или Тазовскую губу при переходе из летних кочевий на зимние и обратно. Рога принесенного в жертву оленя вешали на лиственницу.¹⁰ Хозяину огня, согласно сообщению Л. В. Костинова,¹¹ посвящались особые олени темной масти.

Злое начало ненцы представляли себе в виде *Ѓа* — духа болезни и смерти, который, по некоторым источникам, является сыном Нума, по другим — мужем сестры жены Нума.¹² «Диавола Мезенские самоеды называют А,¹³ сатана, производят от Нума и представляют злым, а потому всячески стараются умилистить его, чтобы таким образом избавиться от несчастий»,¹⁴ —

⁶ См.: В е н и а м и н, архимандрит. Самоеды мезенские, стр. 120—121.

⁷ Там же, стр. 121.

⁸ Боговы олени в религиозных верованиях хасово, стр. 115.

⁹ Несмотря на то, что озеро не может принадлежать никому из людей, ненцы часто говорили *тода*, — «его озеро», т. е. «озеро духа» (ср.: *нумда*).

¹⁰ Северный полюс и земля Ялмал, стр. 114.

¹¹ Боговы олени в религиозных верованиях хасово, стр. 123.

¹² Материалы экспедиции автора летом 1962 г. в Ямало-Ненецкий национальный округ.

¹³ В восточных тундрах — *Ѓа*.

¹⁴ В е н и а м и н, архимандрит. Самоеды мезенские, стр. 116.

читаем мы в одной из работ. О злом духе имеется сообщение и у Третьякова: «В противоположность светлому богу в мрачной стороне обитает столь же мрачное божество, называемое. . . у юраков Паридэ Нум (т. е. черный бог). Летом между богами светлым и мрачным бывает драка; из зубов, которыми они хватают друг друга, летят искры (молния), а от наносимых ударов раздается гром».¹⁵ Интересно, что Лепехин не упоминает о существовании в представлении ненцев особого злого духа с названием Џа. Нет такого упоминания у Иславина и Шренка. Последний считает, что представителем этого начала является не один какой-нибудь дух, а определенная категория духов, *тадебуё*, о которой речь ниже. Вениамин же дает подробное описание жертвоприношения Џа.¹⁶

По представлениям ненцев, Џа жил под землей, в темноте, за семью слоями вечной мерзлоты. Существует легенда,¹⁷ согласно которой однажды Џа обратился к Нуму с жалобой на то, что живет в темноте под землей и часто в поисках выхода натывается на острые углы семи слоев вечной мерзлоты. Он попросил у Нума для освещения своего жилья луну и солнце. Нум' был вынужден с этим согласиться, не желая портить отношений с Џа, с которым он, согласно легенде, находится в отношениях свойства (их жены — сестры). После того, как Нум' уступил Џа луну и солнце, на земле наступила тьма. . . Люди, животные и птицы могли пользоваться только скудным светом небесных звезд, животные и птицы стали погибать, натываясь в темноте на деревья и проваливаясь в ямы. Люди начали приносить жертвы на святых местах, умоляя Нума вернуть свет людям. Нум' для совета собрал всех небесных и земных богов. *Яв'мал* — бог верховий рек — посоветовал Нуму, чтобы последний пошел в гости к Џа и хитростью добыл светила. Нум последовал этому совету. Поговорив о разных делах породственному, Нум, уходя, попросил у Џа его тень, ссылаясь на то, что ему скучно на небе без собеседника. Џа, до этого не подозревавший о существовании у него тени, удивился, рассмотрев ее, но отдал Нуму. Однако тень Џа, несмотря на его уговоры и даже на побои, никак не хотела следовать за Нумом одна, без хозяйина. Нум, видя это, сказал Џа: «Нехорошо, что ты не можешь выполнить даже такой маленькой просьбы. Что ж, долг платежом красен». После этих слов он выхватил из углов жилища Џа луну и солнце, вынес их на поверхность земли и поместил на прежнее место. Снова на земле стало светло.

В качестве доброго духа в религии ненцев занимала видное

¹⁵ П. И. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители, стр. 414. Между прочим, это описание лишней раз подтверждает, что «светлый бог» (Нум) не есть бог в том смысле, который ему придавало христианское учение и приписывали миссионеры и большинство путешественников.

¹⁶ Самоеды мезенские, стр. 121.

¹⁷ Сообщена автору Владимиром Ивановичем Ядне, г. Салехард, 1962 г.

место *Я-Небя* (что в переводе означает «мать земля» или «мать земли», т. е., по-видимому, дух земли), которая считалась покровительницей женщин.

Кроме указанных, у ненцев существовало представление о бесчисленном множестве духов, носивших название *тадебцё*. Эти духи являлись, по сообщению одних авторов, посредниками между шаманами и Нумом, по сведениям других представляли злое начало, противодействующее добру, т. е. Нуму. Некоторые авторы утверждали, что эти духи, по существовавшим представлениям, невидимы ни для кого, кроме шаманов, и могли приносить как добро, так и зло.

Сведения относительно этой категории духов в имеющейся литературе, пожалуй, наиболее разноречивы и неясны.¹⁸ Однако название этих духов — *тадебцё* — говорит о том, что они, по-видимому, помощники шаманов (шаман по-ненецки *тадебя*), которых последние призывали во время камланий. Позднее, в связи с описанием ненецкого шаманства, мы вернемся к ним.

Сведения о различных сторонах религиозных представлений и культа у ненцев встречаются в довольно ранних источниках. Еще в Сибирских летописях, относящихся к XVI в., упоминается, что самоеды поклонялись идолам. Многие авторы XVIII, XIX и начала XX в. в своих работах приводят описания «священных» мест (*хэбидя я*) и производимых на них жертвоприношений.

Наиболее популярными среди ненцев из «священных» мест были так называемый Болванский Нос на о. Вайгач, Козьмин перелесок в районе р. Несь, *Яумал хэ* на Ямале, гора Минисей на Северном Урале, ряд «священных» мест на Канинском п-ове.

По преданию, приведенному у Вениамина, первоначально почитались два камня-идола на Вайгаче — *Вэсако* и *Хадако* («Старик» и «Старуха»). У них были четыре сына, «которые разошлись в разные места по тундрам: Нью-Хег, сын-идол, небольшой утес на Вайгаче; Минисей, возвышение Уральского хребта; Ялмал, на западной стороне Обской губы и Козьмин перелесок в Канинской тундре».¹⁹

Существуют и другие легенды об образовании этих святынь.²⁰

¹⁸ См.: И. Лепехин. Дневные записки..., стр. 218—219, 271—262; Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские, стр. 116; В. Пиславин. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 115—116; А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 356—357, и др.

¹⁹ Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские, стр. 125.

²⁰ См.: В. Пиславин. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 114; Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 51.

Приведу также предание о появлении «священной» горы Минисей в северной части Урала (русское название Константинов камень), записанное нами на Ямале в 1953 г. Когда-то давно дочь Нума вела аргиш. Вдруг на нее налетел злой дух *На*. Тут весь аргиш ее обратился в камень, и образовались

Помимо этих широко известных в прошлом у ненцев «священных» мест, во всех тундрах были разбросаны небольшие жертвенные места, почитавшиеся группами ненцев, принадлежавших к одному роду, или (позднее) отдельными семьями, кочевавшими в данном районе. Обычно жертвенные места располагались возле камня какой-нибудь особенной формы, на вершине сопки, которая в разную погоду «меняет» свои очертания, на берегу озера. В восточных тундрах часто на «священном» месте ставили лиственницу (яля ля — «светлое дерево»).

«Священными» места признавались по указанию шаманов. Бывало, что на этом месте кто-нибудь испугался, провалился под лед, утонул, видел видение и т. д. Тогда шаман указывал, что это место должно почитаться и что здесь нужно какой-либо предмет поместить или считать в качестве хэхэ — «хозяина» данного «священного» места.²¹

Описаний «священных» мест существует много. Так, Болванский Нос описали Витсен,²² Норденшельд,²³ Вениамин²⁴ (миссия, которую он возглавлял, в 1825 г. уничтожила это священное место) и др. Через 10 лет после уничтожения миссией вайгачских идолов это место посетил А. Шренк и нашел полнейшее запустение. Однако в некотором отдалении от старого места ненцы вновь поставили своих «идолов» и начали приносить жертвы.²⁵

Описания жертвенных мест имеются и у современных авторов. Так, очень интересное описание имеется у геолога А. Соболева, который в 1921 г. исследовал район р. Танамы.²⁶ Интересно также описание жертвенных мест на п-ове Канин, сделанное ботаником В. Н. Андреевым, объехавшим в 1928 г. всю северную часть Канинской тундры. Одно из описанных им жертвенных мест еще в 1928 г. посещалось ненцами.²⁷

В 1958 г. нам довелось побывать на одном «священном» месте в 8—9 км к юго-востоку от пос. Шойна на западном побережье Канинского п-ова, не упомянутом (насколько нам известно) в литературе (рис. 13).

Уральские горы, а гора Минисей — ее передовой олень. С тех пор ненцы специально ездили к этой горе, чтобы принести в жертву теленка оленя, обычно белой масти.

²¹ Б. М. Житков. Полуостров Ямал. Материалы Г. Д. Вербова (Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70, стр. 29—30).

²² Н. Витсен. Северная и Восточная Татария (рукописный перевод В. Г. Трисман, Архив ИЭ, ф. К-У, оп. 1, стр. 2989).

²³ Плавание на «Вега», т. I, стр. 109 и сл.

²⁴ Самоеды мезенские, стр. 122—125.

²⁵ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 314—315.

²⁶ На реке Танаме, стр. 133—134.

²⁷ Остатки культа сядеа у самоедов. ИРГО, т. LXII, вып. 4, 1930, стр. 391 и сл. См. также: В. Тобольков. К верховьям исчезнувшей реки, стр. 22, 61, 63, 65; М. Б. Едемский. Канин. Изв. Гос. геогр. общ., т. LXIII, вып. 2—3, 1931, стр. 219—220, и др.

Место это называется *хэ се'*.

На участке тундры, обильно поросшем кустарником, лежит белый камень-валун, возвышающийся над землей на 80—100 см. Виден он на расстоянии 10 шагов. Вокруг камня (особенно с южной стороны) — значительное количество оленьих черепов с рогами, побелевшими от времени. Кроме того, около камня находилось довольно большое количество целых и битых бутылок из-под спирта и водки; модель женской шапки размером 5×5 см,

Рис. 13. Жертвенное место *хэ се'*. П-ов Канин.

спитая из черного сукна с вставками из красного и желтого сукна, надетая на отросток рога; привязанные к рогам лоскутки желтого и красного сукна и др. Все это служило бесспорным признаком того, что здесь — жертвенное место. По словам местных жителей, прежде такие места были у многих семей, особенно у богатых оленеводов. Теперь они обычно общие: каждый, кто проезжает мимо них, оставляет что-нибудь. На данном месте чаще всего оставляли табак (он плохо различим в траве) или лили вино. У духа этого места просили удачи в охоте, рыболовстве, выздоровления больного.²⁸ Интересно название места — *хэ се'*. Означает оно, по-видимому, «вместилище *хэ*», т. е. духа (ср.: *хар' се'* — «ножны», *сия се'* — «футляр для оселка» и т. д.), хотя осознается сейчас обычно как одно слово. Некоторые ненцы теперь называют его *Хэсе' ири* — «старик *Хэсе'*».

²⁸ Материалы экспедиции автора на п-ов Канин летом 1958 г.

Необходимо несколько подробнее остановиться на значении ненецкого слова *хэхэ* (в западных тундрах *хэ*, в старой литературе — *хэг*, *хэги*). Это слово имело у ненцев довольно широкое значение. Им обозначали и священные скалы, и небольшие камни, отколотые от скал или просто имеющие причудливую форму, и антропоморфные и зооморфные изображения из дерева или металла, хранившиеся обычно в чуме или в специальной нарте *хэхэ хан*. В сочетании с некоторыми другими именами существительными слово *хэхэ* можно условно переводить как «святой», «священный»: *хэхэ' мя'* — «церковь» (досл. «священный чум», а возможно, «чум *хэхэ*»), *хэхэ' ту* — «молния» (досл. «священный огонь»), *хэхэ' сарё* — «гроза» (досл. «священный дождь») и т. д. Как мы видели, словом *хэхэ* обозначали как предметы природы, так и изображения, сделанные руками человека. Можно предполагать, что термин *хэхэ* являлся общим для предметов культа у ненцев. По некоторым сведениям, им называли также духов, воплотившихся (или вместилившихся) в эти предметы.²⁹ Однако среди *хэхэ* можно выделить определенные группы, связанные с жилищем и данной семьей, находящиеся на урочищах и т. д.

Домашние *хэхэ* (*мяд' хэхэ*) представляли собой или камни небольшого размера, или изображения из дерева антропоморфного или зооморфного характера (табл. XI). Антропоморфные изображения и камни (если позволяла их форма) одевали в меховую или суконную одежду ненецкого покроя. В зависимости от функций этих изображений одежда была мужской или женской. Часто на одну фигурку надевали по несколько одежд одна на другую. Каждую новую одежду шили в благодарность за оказанную «помощь».

К *мяд' хэхэ* обращались по самым различным поводам, связанным с оленеводством, промыслами, болезнями и т. д. Однако многие *хэхэ* имели более определенные функции. Так, ненцы почитали покровительницу семьи *Мяд' пухуця* (досл. «старуха», или «хозяйка чума»). По сообщению уроженки Приуральской тундры ненки С. Ладукей, *Мяд' пухуця* имелась прежде в каждом чуме и находилась в женской половине обычно на подушке старшей по возрасту женщины или в сумке над ее изголовьем. На *Мяд' пухуця* бывало очень много одежды. Каждый раз как после болезни выздоравливал тот или иной член семьи, в благодарность ей шили новую одежду. К помощи *Мяд' пухуця* прибегали в случае тяжелого заболевания, для чего ее клали в изголовье больного. Чтобы узнать об исходе болезни, брали *Мяд' пухуця* на руки: если она казалась легкой, то больной должен выздороветь, если тяжелой, больной умрет.³⁰ Имеются данные, что *Мяд' пухуця*

²⁹ В е н и а м и н, архимандрит. Самоеды мезенские, стр. 116; материалы Г. Д. Вербова; см. выше наши замечания по поводу названия священного места *хэ' се*.

³⁰ Материалы экспедиции автора в 1953 г. на п-ов Ямал.

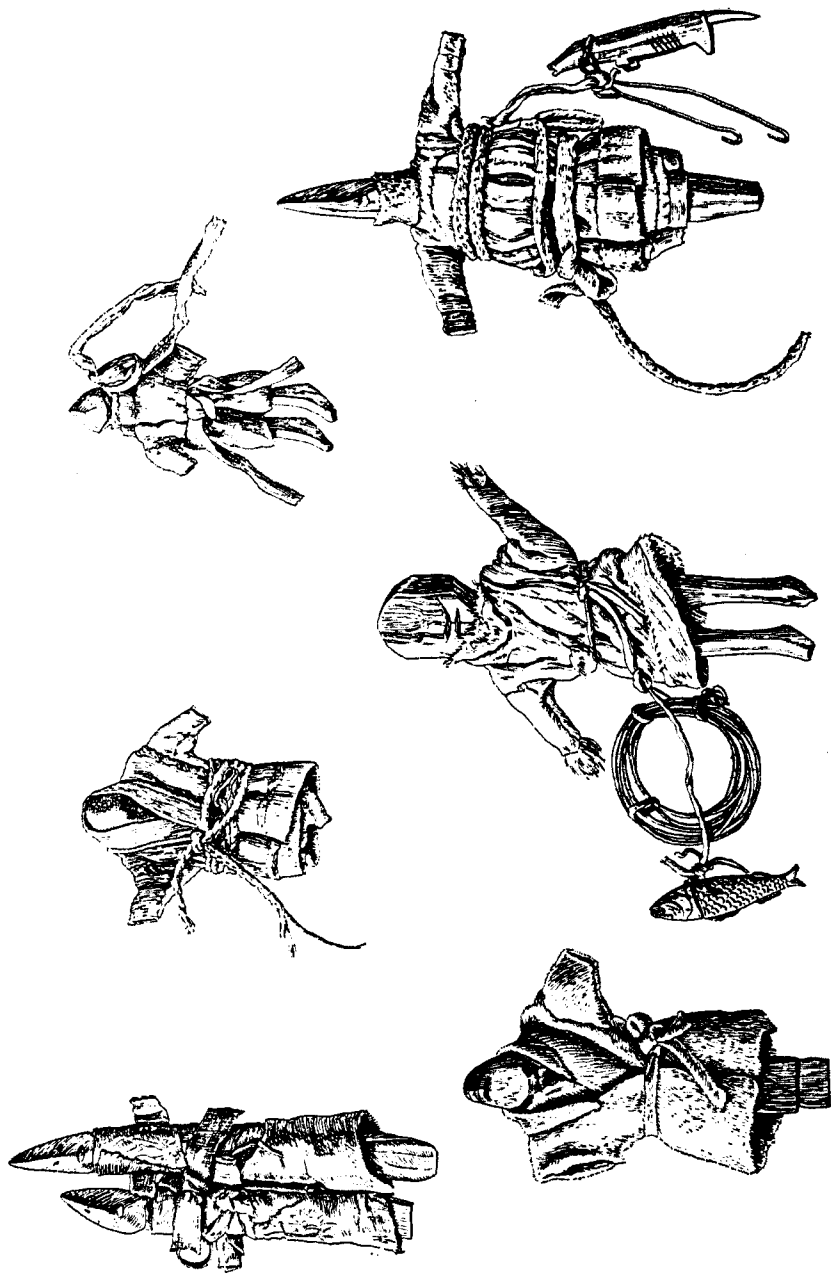

Табл. XI. Предметы культа. Из коллекции МАЭ.

серебряные кресты,
медь, кресты

изготавливала каждая женщина после рождения первой дочери, этот предмет культа сопровождал женщину в течение всей жизни и передавался по наследству исключительно по женской линии.³¹

Для облегчения родов обращались к *Я' небя* (досл. «мать земля», по некоторым сведениям, *Я' мяня* — «нутро земли»). *Я' небя* считалась главной покровительницей женщин. Во время родов роженица держала *Я' небя* на животе обеими руками, сжимая ее при болях и прося об облегчении. Очень характерно, что *Я' небя* не имела (как другие *хэхэ*) деревянного или каменного туловища и головы. Вместо них в одежду вкладывались кусочки сукна. Часто к панице пришивали шапку и пимы. Иногда взамен головы в шапку вставляли медную бляшку. Если роды совершались благополучно, покровительнице женщин дарили новую шубу, медное кольцо, кушак и т. п. (олени в жертву *Я' небя* никогда не приносились), а затем сажали на три дня в люльку новорожденного, после чего укладывали в ларец и помещали до следующей надобности в «чистую» часть чума против входа. Согласно полученным сведениям, главную покровительницу женщин изготавливали в честь умершей шаманки, она «помогала» при родах женщинам, принадлежавшим к той же фратрии.³²

В Большеземельской тундре распространенным домашним божеством была *Яр' пухуця*, предохраняющая маленьких детей от плача (*яр'* — «плач»). Она представляла собой деревянное антропоморфное изображение, одетое в несколько паниц.³³

Некоторые *мяд' хэхэ* «помогали» в оленеводстве, охоте или рыболовстве, другие — при различных заболеваниях.

В фондах МАЭ хранится несколько *хэхэ*, «помогающих» при болезнях. Одно из них представляет собой шкурку лемминга, обернутую в красный ситец и подпоясанную лоскутками из красного и желтого сукна. Другое — небольшой камень, одетый в женскую сукоянную одежду и т. д. По сообщению В. Журавского, больного растирали камнем или кололи «носом» *хэхэ* в больное место. Когда *хэхэ* «помогало», для него забивали оленя и мазали теплой кровью. Если болезнь была серьезной, то шили, кроме того, одежду, если нет — дарили медяшки, кушак, цепочки и т. д.³⁴

Хэхэ, помогающему при промыслах, жертвовали лапы и носы (мырки) добытых животных.

В качестве *хэхэ* иногда выступали изображения различных животных и птиц (чаще волков и гагар). К ним также обращались обычно в связи с оленеводством и промыслами.

³¹ Материалы экспедиции автора в 1962 г. в Надымский р-н Ямало-Ненецкого национального округа.

³² Там же.

³³ Сведения получены от В. Н. Ледкова.

³⁴ А. В. Журавский. Европейский русский Север.

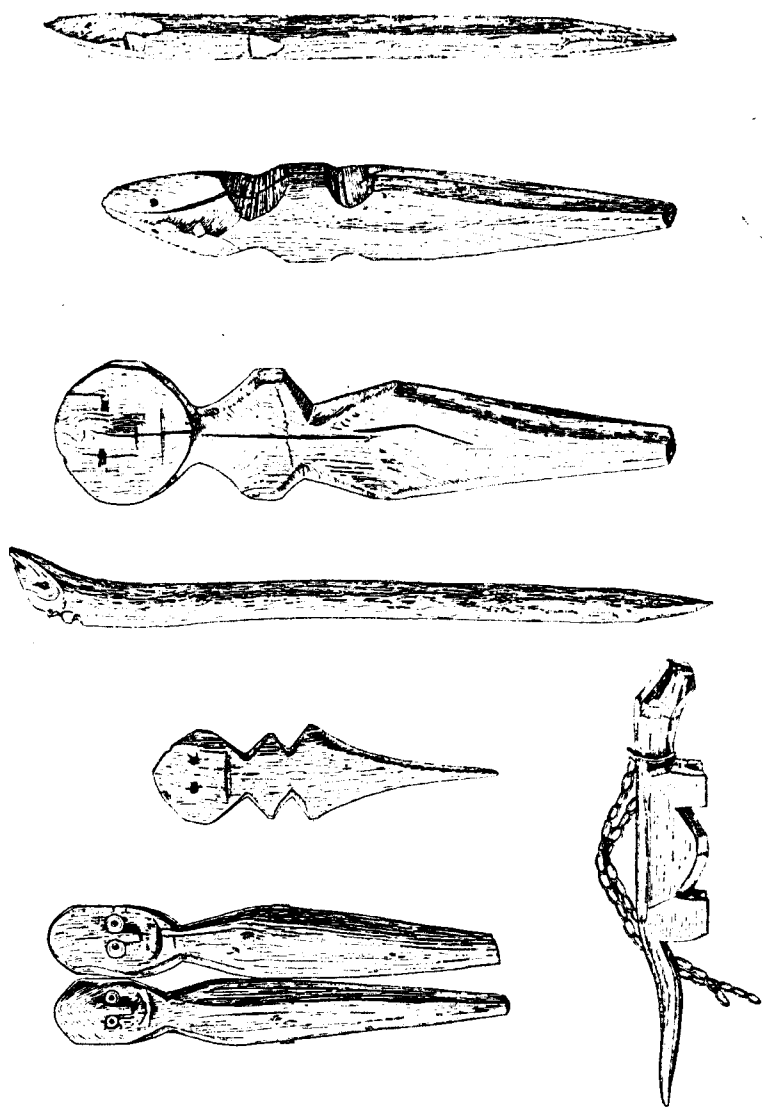

Табл. XII. Предметы культа. Из коллекции МАЭ.

Мяо' хэхэ ненцы хранили в *синекуе* (*си'*), расположенном в противоположной от входа части чума, а при перекочевках перевозили на специально предназначенных для этой цели нартах *хэхэ хан*.

Хэхэ хан отличались от обычных, употребляемых в быту легковых и грузовых нарт наличием семи пар копыльцев ³⁵ и семи рубежков на передней части нащепов (*нин*). Их покрывали оленьей шкурой с головою, ногами и даже копытами,³⁶ что обычно не практикуется. На нарту ставили ларь или ящик с крышкой, куда и клали идолов. На переднюю поперечину нарты вешали различные железные подвески, кусочки сукна и т. п. Вся нарта представлялась как бы живым существом. Верхняя продольная перекладина имела зарубки, изображавшие «спинную кость» (*маха лэдя*) духа, вселившегося в нарту. Передняя часть ее изображала голову и намазывалась жиром и кровью, что означало кормление духа. Копылья считались ногами.³⁷

Хэхэ, устанавливаемые на «священных» местах, обычно не имели одежды. Они представляли собой более или менее тщательно выделанные из дерева человеческие фигурки с головой, иногда с ногами, но обычно без рук (табл. XII).

Говоря о предметах культа антропоморфного характера, необходимо отметить наличие у ненцев деревянных скульптурных изображений, имеющих форму заостренных внизу колец с грубо вырезанным на верхнем конце лицом или рядом лиц, расположенных одно над другим. Эти изображения устанавливались на «священных» местах и носили специальное название *сядэй*. Название *сядэй* одни ученые производят от слова *ся'* (2-я основа *сяд*) — «лицо»,³⁸ поскольку оно относится только к антропоморфным изображениям, другие — от омонима этого слова *ся'* (*сяд*) — «горный кряж», «крутой берег», исходя из того, что описанные выше изображения обычно устанавливали на возвышенных местах.³⁹ Мы считаем более правомерным первое предположение.⁴⁰

Вопросов жертвоприношений мы кратко касались в связи с принесением жертв Нуму и Ёа. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее. Жертвоприношения часто были «кровные» (*хан'*), т. е. на священном месте убивали животное (обычно оленя,

³⁵ Число семь у ненцев считалось священным.

³⁶ В. И с л а в и н. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 115.

³⁷ Е. Д. П р о к о ф ъ е в а. Материалы по религиозным представлениям энцев. Сб. МАЭ, XIV, М.—Л., 1953, стр. 227.

³⁸ М. А. К а с т р е н. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, стр. 131.

³⁹ В е н и а м и н, архимандрит. Самоеды мезенские, стр. 116—117.

⁴⁰ Следует отметить, что употребление терминов *хэхэ* и *сядэй* в старой литературе подчас очень неопределенно. Некоторые авторы всех идолов называют *хэхэ*, другие — *сядэй*. Часто четкой грани между ними не проводится. Видимо, это связано с некоторой нечеткостью разграничения их «функций».

очень редко собаку), свежей кровью мазали «рот» сядэя, мясо съедали присутствующие, лоб животного с рогами оставляли. Животное, предназначавшееся в жертву, обязательно душили, а не закалывали, так же как в случае принесения жертвы Нуму.

Помимо кровавых жертв, имели место и бескровные (*хауор'*), когда на священном месте оставляли хлеб, вино, кусочки сукна, монеты и т. п.

С чем же связано явление жертвоприношения? Как мы знаем, в прошлом все существование ненцев было основано на оленеводстве и промыслах (охота, рыболовство). Поэтому беды, которые могли постигать их, выражались в первую очередь в плохом промысле и падеже оленей. Очень важным врагом являлись также болезни. Не зная и не понимая естественных причин этих бедствий, ненцы в своем воображении связали их с существованием различных духов, во власти которых творить добро или причинять зло людям. Желание привлечь на свою сторону и задобрить духов и лежит в основе жертвоприношения. Принесение жертвы соответствовало, по представлению ненцев, кормлению духа, который взамен мог послать удачу в охоте или выздоровление больного.

Этому предшествовало, однако, как нам представляется, почитание и принесение жертв непосредственно силам и предметам природы, т. е. дары опускались прямо в реку, озеро, складывались у подножья сопки в тундре и т. д. Лишь позднее появилось представление о духах-хозяевах и духах-помощниках, и просить помощи стали у этих духов, по-прежнему принося жертвы у мест их предполагаемого обитания. Еще позднее возникло стремление изготавливать специальные вместилища духов.

Интересен момент «проверки» *сядэя* или *хэхэ*. «Чтобы удостовериться, точно ли камень, который должен представлять хэга, имеет все свойства, которые от него требуются, забрасывают под его покровительством сети в озеро или ставят к песчовой норе капкан или кулему и, в случае удачного улова, признают в нем силу свыше и тогда украшают его и держат в почете, в противном случае оставляют без внимания»,⁴¹ — пишет известный исследователь В. Иславин. Таким образом испытывали не только *хэхэ*, но и *сядэя*: «Обязанность *сядэя*, — сообщает тот же автор, — всеми силами способствовать обильным промыслам; если же улов песцов или лисиц был неудачен, то *сядэю* не только ничего не жертвуют, но еще и наказывают его розгами; бывает так, что *сядэя* самоеды привяжут к деревянному волку, сами залягут спать и поставят *сядэя* с волком к стаду, для того чтобы он стерег его от нападения волков; если же в ночь на беду волк затронет

⁴¹ В. И с л а в и н. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 116—117.

оленя, то за все отвечает божок и, разумеется, получает побои». ⁴² Такое отношение к «святыням» является, видимо, древним.

В заключение обзора предметов культа нам хочется остановиться на изображениях, связанных с культом предков, так называемых *уытарма* и *сидряуг*. В имеющейся литературе сведения о них крайне немногочисленны. Так, В. Иславин сообщает, что *уытарма* делаются в память прадедушки или прабабушки и представляют собой божков, присутствующих при рождении младенцев. ⁴³

К. Д. Носилов приводит интересные сведения о «портрете» покойного мужа одной пожилой ненки: «Это было не что иное, как небольшой деревянный чурбанчик, одетый в малицу, пимы и оленью шапочку — точный, говорят, костюм ее покойного мужа. . . Мы знали, что бабушка очень любит его, часто угощает, мажет ему губы салом. . .». ⁴⁴ Встречаются еще одно-два упоминания. ⁴⁵

В материалах Г. Д. Вербова, относящихся к тазовским ненцам, содержатся следующие сведения: *уытарма* — это изображения предка, мужчины или женщины, умерших давно и в преклонном возрасте. Делали его из куска дерева, одевали и сажали в чум. Его иногда кормили (не постоянно) и возили повсюду: все, что относится к покойному, по мнению ненцев, — *самый*, «нечистое» и другой «нечистоты» не боится. Богатые оленеводы иногда убивали в жертву ему оленя. Делали *уытарма* через 7—10 лет после смерти и держали вечно (даже в течение трех-четырех поколений). Полное название — *уытарма сидяуг*, или *уытарма сядэй*. У родов *хаби* (ненецких родов хантыйского происхождения — Салиндер, Тибици и др.) после смерти изготовлялось «изображение» покойного для умерших старше 7—9 лет, называемое *сидряуг*. Его делали из осины, оклеивали берестой и одевали в одежды. Вместо лица вставляли металлическую пуговицу. Держали его на постели, во время еды сажали за стол и кормили постоянно, причем клали перед ним нож, табакерку и пр. Богатые оленеводы ежемесячно в полнолуние забивали для *сидряуг* оленя, а бедняки приносили бескровную жертву. Через три года его хоронили в особом ящике, отдельно от покойного, в честь которого он был сделан, но вблизи его гроба. ⁴⁶

Аналогичные сведения были нами получены на п-ове Ямал. В частности, ненка Сэрне Ладукей сообщила, что *уытарма* — изображение «души» человека. В этом изображении якобы человек

⁴² Там же. Об этом же см.: В е н и а м и н, архимандрит. Самоеды мезенские, стр. 116—117; Ю. И. К у ш е л е в с к и й. Северный полюс и земля Ялмал.

⁴³ В. И с л а в и н. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 116.

⁴⁴ К. Д. Н о с и л о в. На Новой Земле. СПб., 1903, стр. 18.

⁴⁵ Ю. И. К у ш е л е в с к и й. Северный полюс и земля Ялмал, стр. 120.

⁴⁶ Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70, стр. 39.

после смерти продолжает жить среди людей. Место *ытарма* — в любой части постели, чаще на женской половине. Если *ытарма* является изображением умершего шамана, то его применяли для исцеления больного. *Сидряг* в отличие от *ытарма* наряжали красивее и считали чуть ли не живым существом. Его сажали за стол вместе с людьми во время еды (три раза в день), причем *сидряг* имел определенное место, свою чашку, ложку и т. д.⁴⁷

«Кормление» *ытарма* и *сидряг* происходило следующим образом. Наливали в определенную чашку чай, клали другую пищу, и все это стояло до тех пор, пока не остывало. Когда горячая пища остывала, считалось, что *сидряг* или *ытарма* поели и можно налить еще. Из их чашки отливали немного в костер или под печку и давали остальное доедать или допивать детям.⁴⁸

Шаманство. Помимо принесения жертв духам, существовал еще способ «общения» с ними — через шаманов. Шаманы (*тадеба*) являлись как бы посредниками между людьми и духами.

Возможно, что некогда у ненцев шаманом мог быть каждый, однако уже в XVIII в., по свидетельству ряда авторов, шаманы составляли особую категорию людей. Звание шамана у ненцев было наследственным и передавалось, как правило, по мужской линии от отца к сыну. Об этом имеются многочисленные свидетельства.⁴⁹

Однако для того, чтобы стать шаманом, недостаточно было иметь шаманов среди предков. Шаманом мог стать только тот, кого изберут духи — *тадебце*.⁵⁰ При этом шаманами становились не по доброй воле, а под сильным «давлением» со стороны духов, и шаманское звание принималось не с радостью, а как тяжелое бремя.

Откуда же могло появиться такое представление? Сейчас уже ясно, что сознательный обман шаманы ввели в практику своей деятельности в очень позднее время, в эпоху далеко зашедшего разложения первобытного общества, когда шаманство стало в какой-то мере выгодной «профессией». На ранних этапах суще-

---

⁴⁷ Согласно сведениям, полученным на Ямале, *ытарма* изготовлялся не спустя несколько лет после смерти человека, а сразу, и сажали его за стол только в течение нескольких месяцев, а затем постепенно переставали это делать.

⁴⁸ Материалы экспедиции на п-ов Ямал в 1953 г.

⁴⁹ И. Лепехин. Дневные записки... стр. 264. Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские, стр. 128. Материалов, касающихся женского шаманства у ненцев, почти нет. Встречаются лишь отдельные упоминания о том, что способностями быть шаманом обладали и женщины. «Так, среди других шаманов была и женщина-шаман — старуха лет 50, мать упомянутого выше шамана Ивана», — писал, например, Соболев (На реке Танае, стр. 137—138). Имеются отрывочные сведения о женском шаманстве в фольклоре.

⁵⁰ И. Лепехин. Дневные записки... стр. 264. См. также: Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские, стр. 128; А. Шренк. Путешествие по северо-востоку Европейской России, стр. 257; В. Иславин. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 109.

ствования шаманства сами шаманы действительно «видели» духов и верили, что они могут помочь им вылечить больного или принести богатый промысел жителям стойбища. По этому поводу М. А. Кастрен писал следующее: «Во всяком случае это верно, что тадебци действительно и сам верит, будто слышит изречение из уст Тадебци. Меня убедила в этом простота и совершенная одинаковость их рассказов, и еще более нередкое признание колдуна, что он мог призвать Тадебци или не мог добиться от него ясного ответа при таких обстоятельствах, при которых можно было состряпать какое угодно изречение».⁵¹

Интересно, что еще П. С. Паллас давал почти научное объяснение природы шаманства: «Они (вообще многие народы Севера, в частности ненцы и, особенно, шаманы, — Л. Х.)... имеют особливой некоторой род пужливости, которая отчасти от их чрезвычайного напряжения мыслей и раздражимости тела, от действия климата и роду их жития происшедших, частью от испорченного суеверием воображения, кажется, имеет начало...».⁵² Таким образом, Паллас видел в основе шаманства нервное заболевание, которому действительно были очень подвержены народы Севера.

Об этом же есть упоминание в работе В. Бартенева «На крайнем северо-западе Сибири».⁵³

Не считая истоком шаманства нервные заболевания (шаманство — явление идеологического и, отчасти, социального порядка), мы все же должны отметить, что при образовании контингента лиц, занимавшихся шаманством, большую роль играло наличие неуравновешенной и легко возбудимой психики.

Остановимся несколько подробнее на обрядах, связанных с приобретением шаманского дара и звания.⁵⁴ Ненцы считали, что шаманом определено стать уже при рождении. У новорожденного избранника обычно якобы бывала на темени пленочка, которая, по представлению ненцев, являлась символом кожи бубна. Мать ребенка бережно снимала ее и вешала на дерево или на две скрещивающиеся палочки, воткнутые в землю (или снег). Особым признаком шамана считалось также родимое пятно, которое, по существующим представлениям, давалось шаману в детстве вместо бубна.

Когда такой отмеченный особым знаком ребенок подрастал, он будто бы начинал замечать вещи, недоступные глазам других

---

⁵¹ М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, стр. 128.

⁵² П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, стр. 102.

⁵³ СПб., 1896, стр. 83—84.

⁵⁴ Приводимые ниже материалы собраны Г. Д. Вербовым (Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70, стр. 22—28). Часть их изложена в ст.: Е. Д. Прокофьев. Материалы по религиозным представлениям энецов.

людей. Затем, приближаясь к периоду половой зрелости, он, по словам ненцев, «немного с ума сходил», т. е. вел себя странно: то начинал петь, то спать целыми сутками, то ходил, никого не замечая, и т. д. Считалось, что к нему являлись *тадебце* — духи-помощники предка шамана — и «принуждали» его к шаманской деятельности, мучали его. Тогда сам страдающий или его родные обращались к шаману с просьбой помочь его излечению. «Помочь» мог, однако, только шаман определенной категории. Если в процессе камлания шаман узнавал, что мучающийся молодой человек должен стать шаманом той же категории, что и он сам (по принадлежности к гому или иному миру духов, мучающих будущего шамана), он говорил: «Я могу его научить». Если же он видел, что духи, одолевающие молодого ненца, не принадлежат к его миру, что он будет шаманом другой категории, он говорил: «Я научить не могу, идите к такому-то».

Для того чтобы научить будущего шамана основным приемам, было достаточно обычно одной ночи, однако руководство новичком и дальнейшее его обучение продолжалось потом еще долгие годы. За это первичное обучение, которое, по-видимому, было по существу посвящением в шаманское звание, родители избранника уплачивали учителю-шаману одного оленя.

Впервые на «работу» новый шаман мог ехать к больному, по указанию учителя, через несколько дней после первой ночи посвящения. Он еще не имел бубна, а камлал с подвязкой от пимов, которой перевязывал больное место у пациента.⁵⁵ Вместо бубна молодому шаману часто служил его обычный пояс, к которому слетались духи-помощники. В случае успешного «лечения» родные больного обычно платили шаману (новые рукавицы, немного мяса и т. п.). Если при лечении в жертву был принесен олень, то шаману отдавали половину туши.

Шаман, еще не имеющий бубна, назывался *мал тадеба*. Через семь лет шаман-учитель указывал ученику, где следует срубить листовенницу для обечайки бубна. Если начинающий шаман умел, он делал бубен сам, если нет — просил другое лицо. Тогда же делалась и колотушка. Первый бубен служил шаману несколько лет. Шаман, обладающий бубном, но еще не имеющий подвесок (первый бубен не имел подвесок), назывался *си'мя* или *уадимя* — «появившийся».

Через несколько лет шаман-учитель, попробовав бубен, указывал, какие нужно сделать к нему подвески. И только через 10 лет после получения подвесок шаман считался выучившимся (*янутпой*, *инутана*).

Как видно, срок приобретения шаманом опыта и атрибутов составлял примерно 20 лет.

---

⁵⁵ Этот прием камлания с подвязками упоминается в селькупском фольклоре (сообщение Е. Д. Прокофьевой).

Ненецкие шаманы (как и энецкие и иганасанские) делились на несколько категорий в зависимости от выполняемых функций. Шаманы категории *выдутана*⁵⁶ «лечили» больных, в том числе и тяжелобольных, а также предсказывали будущее, глядя на лезвие ножа. Все фокусы («чудеса»), которыми славились шаманы, могли проделывать только шаманы категории *выдутана*: они «стреляли» в себя, «протыкали» себя насквозь хореем, позволяли душиТЬ себя веревкой и т. п.⁵⁷ Из всех шаманов только *выдутана* имел особую одежду, состоявшую из малицы, совика и пимов (*са'морць паны*), которую он надевал лишь при камлании.

Шаманы категории *я' няуы* (*я' няуы тадебя*) — шаманы, связанные с духами земли. Они «лечили» легкобольных, разыскивали пропавших оленей и т. д. Камлали они, в отличие от шаманов других категорий, только ночью, при костре. *Я' няуы* «помогали» при затяжных родах.

Шаманы категории *самбана* ведали похоронным обрядом и проводжали «душу» покойного в загробный мир.

Внешним выражением звания шамана являлся шаманский костюм. К сожалению, лишь у очень немногих исследователей мы встречаем упоминание о специальной одежде шамана, а подробных описаний и совсем нет. Это объясняется, в частности, тем, что в XIX в. шаманские костюмы стали выходить из употребления у ненцев, особенно на Европейском Севере. Все же некоторые сведения имеются. Так, И. Лепехин по поводу европейских ненцев сообщает: «Тадибей, приготовляющийся к принятию откровения свыше, облекается в священную свою ровдужные кожи одежду и закрывает свою голову покрывалом».⁵⁸ «Он... одевается в платье суконное или ровдужное, к коему вокруг пришиты разные лоскутки суконные или кожаные, к рукавам и на спине привешены железные цепи, чтобы был гром, когда он ломаться будет. . .», — читаем мы у В. Зуева относительно восточных ненцев.⁵⁹

Подобные же совершенно недостаточные сведения мы имеем и у других авторов — у Вениамина,⁶⁰ Георги,⁶¹ Иславина⁶² и др. Представляет известный интерес описание М. А. Кастрена: «Костюм тадибея красив и странен, он состоит из замшевой рубашки (самбурна), с красною суконною каймою, с такими же выпушками по всем швам и эполетами на плечах из такой же

⁵⁶ По некоторым материалам, они назывались также *сэвндана* (Ямал).

⁵⁷ См.: И. Лепехин. Дневные записки. . ., стр. 121; В. Иславин. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 109—110, и др.

⁵⁸ И. Лепехин. Дневные записки. . ., стр. 219.

⁵⁹ В. Ф. Зуев. Материалы. . ., стр. 46.

⁶⁰ Самоеды мезенские, стр. 267.

⁶¹ Описание. . ., стр. 100.

⁶² Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 118.

яркой материи. На глаза и на все лицо опущен лоскут сукна, потому что тадибеи проникают в мир духов не телесными глазами. Голова не покрыта; только узенькая лента красного сукна проходит по затылку, а другая по темени для укрепления лоскута, спускающегося на лицо. На груди висит железная бляха». ⁶³ О шаманском костюме упоминает А. Соболев. ⁶⁴ Фотография шамана-юрака в костюме имеется в работе А. А. Попова «Енисей-

Рис. 14. Костюм шамана.

ские ненцы». Там же содержится краткое его описание и указывается назначение отдельных частей. ⁶⁵

В коллекциях МАЭ имеется несколько предметов шаманского облачения: головные уборы шаманов, шаманские маски, перчатки и, наконец, шаманский костюм ненцев Большеземельской тундры. ⁶⁶

Таким образом, мы можем констатировать наличие в прошлом у всех групп ненцев шаманского костюма, состоявшего из наплеч-

⁶³ М. А. К а с т р е н. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, стр. 126.

⁶⁴ На реке Танаме, стр. 126.

⁶⁵ А. А. П о п о в. Енисейские ненцы (юраки), стр. 93.

⁶⁶ Колл. №№ 5707-1, 2427-7, 2966-1, 2966-3 и др.

ной одежды (рис. 14), маски и перчатки (или двух перчаток). У енисейских ненцев, по-видимому, имелся также передник.

Относительно способов изготовления костюма шамана имеется упоминание у Вениамина, что его шьют «при пении припоровленных к тому самоедских песен».

Рис. 15. Бубен.

Необходимой принадлежностью и как бы «орудием производства» шамана, достигшего необходимого уровня знаний, являлись бубен (*пензер'*) и колотушка (*пеуабцъ'* или *ладорабцъ'*). С помощью звуков бубна шаман вызывал духов. Для ненцев характерными являлись бубны круглой или, реже, овальной формы (рис. 15),

примерно 50—60 см в диаметре.⁶⁷ Обечайку шириной 8—10 см делали обычно из лиственницы. На внешней стороне обечайки устанавливали 7 или 14 столбиков, вырезанных из дерева или кости. На столбики натягивали жилую нить или тонкие ремешки. После того как на бубен натягивали кожу, образовавшиеся благодаря наличию столбиков с наружной стороны обечайки пустоты служили резонаторами. Для обтяжки бубна обычно использовалась шкура дикого оленя-самца. Покрышка бубна выкраивалась из передней части спины (без шеи) и прикреплялась к обечайке путем прошивки кожаным ремешком. После выделки, перед натягиванием на обечайку, кожу смачивали и в центр ее завязывали какой-либо круглый предмет. Потом он вынимался. Делалось это для того, чтобы при окончательном высыхании оставался какой-то запас кожи, иначе обтяжка могла лопнуть. Рукоять бубна (*наморць*) состояла из двух палок — основной, расположенной по продольному диаметру, и короткой, прикрепленной под углом к основной. Рисунков на обтяжке ненецких бубнов, как правило, не было.⁶⁸ Колотушка имела обычно форму лопатки с рукояткой и достигала в длину 40 см. На конце рукоятки часто изображали лицо. Широкую часть лопатки обертывали ровдугой или шкуркой и обвязывали тонкой веревочкой или жилой ниткой.

К западу от Печоры бытовали, видимо, бубны несколько иные, чем у ненцев других районов, — меньших размеров и имеющие рукоять в виде палки, несколько меньшей диаметра бубна, и подпорки, поставленной к ней перпендикулярно. Важным атрибутом шамана был жезл (посох), который служил для проводов души умершего в загробный мир.⁶⁹ Для по «ледяной дороге», шаман опирался на него. Посох состоял из плоского кованого стержня или деревянной палки с семью расширениями и перетяжками. Верхнее расширение изображало человеческое лицо с намеченными при помощи вдавливания и насечек глазами, носом и ртом.

К помощи шамана прибегали почти во всех важных для ненцев случаях жизни (болезнь, отправка на промысел, пропажа оленей и т. п.). Шаман совершал тот особый комплекс действий, который в литературе носит название камлание (камлать — *пенарець, тадебтеуось*). Камлания, по представлению ненцев, являлись способом общения шаманов с духами. По существу это был прием, при помощи которого шаман доводил себя до состояния экстаза и одновременно гипнотизировал зрителей. В литературе имеется много описаний камланий. В основном они сводятся к следующему. Камлания происходили всегда в чуме. Обычно это бывал чум больного, пострадавшего или просто того лица, которое хочет узнать

⁶⁷ Е. Д. Прокофьева. Шаманские бубны. Историко-этнографический атлас народов Сибири, стр. 437.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Колл. МАЭ, №№ 2407-9, 2407-10.

что-либо через шамана о своем будущем. Иногда это был чум шамана. Камлания могли происходить в различное время дня и ночи и продолжались обычно несколько часов. В чум собирались все желающие присутствовать при камлании ненцы. Шаман облачался в специальный костюм (если он был категории *выдутана*) или надевал головной убор.

Приглашенные лица располагались в чуме; шаман садился на разостланную оленью шкуру и грел бубен над огнем, чтобы кожа, которой он обтянут, натянулась и получила надлежащую упругость. Затем шаман, взяв в левую руку бубен, а в правую — колотушку, начинал тихо и мерно бить в бубен, сопровождая барабанный бой протяжным монотонным зовом: «Гой, гой, гой, гой». Постепенно звуки бубна усиливались и учащались. Это продолжалось некоторое время. Потом звуки бубна затихали и шаман начинал задавать вопросы невидимым духам, перемежая их с монотонными звуками: «Гой, гой. . .». Это означало, что духи «явились» к шаману. Шаман расспрашивал их об обстоятельствах дела, по поводу которого совершалось камлание, и духи «давали ему ответы». В случае, если духи упрямились, камлание продолжалось, шаман продолжал задавать вопросы, разговаривать с духами.

Иногда, наоборот, «душа» шамана «путешествовала» в мире духов, тогда в напевах под аккомпанемент бубна шаман описывал свое путешествие в иной мир, встречу с духами и т. д. Бывало, что покинутое «душой» тело шамана падало и лежало без движения до возвращения «души». Случалось, что духи вселялись в шамана. Это внешне проявлялось в сильном возбуждении, которое испытывал шаман. Он начинал делать различные резкие движения, скакать, плясать и, наконец, падал в изнеможении.

В результате тех или иных из описанных действий, производимых в зависимости от цели камлания, шаман узнавал и сообщал собравшимся решение духов. Обычно это были ответы на вопросы, заданные шаманом, относительно перспектив промысла и т. п.

Путешествуя в мире духов, шаман мог найти или не найти похищенную «душу» больного. Иногда шаман объявлял о жертве, которую надо было принести такому-то сядэю. В последнем случае жертва приносилась обычно сразу же после камлания.

Ненецкий шаман имел обычно помощника (часто им бывал начинающий шаман), который садился рядом с шаманом и повторял за ним все его слова и напевы.

Мы уже кратко касались вопроса о вознаграждении шамана. Судя по имеющимся материалам, еще в XVIII в. шаманы не получали никакого вознаграждения. Так, И. Лепехин сообщает по этому поводу: «Тадибэи не получают определенных доходов от прельщаемого ими сямоедского народа; но каждый из них по примеру прочих живет и питается собственным промыслом и обыкно-

венными трудами». ⁷⁰ Позднее шаманы стали брать плату за свои «труды» (сначала только в случае удачного исхода камлания). Плата шаману (*хасо*) была различна (от рукавиц до нескольких оленей) и часто, возможно, носила символический характер.

В конце XIX и начале XX в. в связи с далеко зашедшим разложением родового строя и усилением имущественного неравенства среди ненцев стала особенно заметна эксплуататорская роль шаманов, так как к их услугам в случае различных несчастий — болезней, падежа оленей, чаще обращались бедняки, для которых уплата шаману вознаграждения являлась тяжелым бременем. Однако и в этот период основной вред шаманства заключался не в тяготах материальной оплаты шаманских сеансов, а в той духовной кабале, в которой держали шаманы народ.

Похоронный обряд. У ненцев существовало представление о загробном мире, куда попадала какая-то часть человеческого существа после его телесной смерти. Об этом свидетельствует похоронный обряд, описанный довольно подробно целым рядом исследователей.

В случае смерти кого-либо из ненцев, будь то мужчина или женщина, в чуме против места, где лежал умерший, поднималась покрывка в промежутке между двумя шестами, так как ненцы никогда не выносили покойника через дверь.

Часто покойного оставляли в той одежде, в которой он был в момент смерти. ⁷¹ Однако на покойном завязки пимов не завязывались, у женщин одна коса к другой не привязывались. Одетого покойника завертывали в шкуру, куски ровдуги или материи, зашивали (при этом стежки делали в обратную сторону) и завязывали. В некоторых районах во время обрядов покойного на его постель клали заменители частей его тела: вместо позвоночника — большой гвоздь, вместо глаз — бисер и г. д. ⁷² Имеются также сведения, что на покойного клали малицу или паницу руками к ногам. ⁷³

На глаза клали лоскут сукна (*сэдыр'*), обшитый сукном другого цвета. На нем против глаз пришивали пуговицы, бисерины и т. п.

Относительно контингента лиц, принимающих участие в погребальном обряде, в литературе существуют противоречия. Так, например, Третьяков сообщает, что «женщины и молодые люди не участвуют в похоронах». ⁷⁴ И. Лепехин же, напротив, отмечает

⁷⁰ И. Лепехин. Дневные записки. . . , стр. 222.

⁷¹ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 467.

⁷² Материалы экспедиции на п-ов Ямал в 1953 г.

⁷³ Сообщение С. Ладукей (Приуралье).

⁷⁴ Туруханский край, его природа и жители, стр. 398. То же у К. Рычкова (Береговой род юраков).

дейтельную роль женщин при совершении обряда: когда покойника вынесут из чума, то «переходят через него женщины и ребята, чтоб тем его опоганить, дабы поганому уже встать было не можно».⁷⁵ И в другом месте: «... отвозят на кладбище в провожании всех Сямоедов и Сямоедок, сколько их тут прилучится. По прибытии туда разрезают иньки ⁷⁶ ремни, коими умерший опутан, делая при том на всякой части одеяния по малой прорехе. . .».⁷⁷ В материалах Г. Д. Вербова также содержатся сведения об участии в обряде женщин.

На Ямале нами были получены сведения, что провожало покойного обязательно четное число людей. В противном случае оказавшийся без пары, якобы, последует по пути умершего — умрет.

После выноса покойника клали на нарты. Для этой цели служили обычно более длинные грузовые нарты *хурумы*, а для женщин — *не хан*.⁷⁸ Согласно сообщению Третьякова, это те сани, «где лежали у этого человека идолы».⁷⁹

В нарту впрягали от двух до четырех оленей, обычно старых быков, служивших покойному для разъездов еще при жизни, затем нарта припрягалась к легкой нарте, которую вели, как правило, старик или старуха позади прочих аргшей.

В прошлом умершего обычно хоронили на родовом кладбище. Г. Д. Вербов в своей работе «Пережитки родового строя у ненцев» пишет: «Если зимой, когда тундровые ненцы откочевывают к югу, в зону лесотундры, и находятся подчас за сотни километров от своей родовой территории, у них кто-либо умрет, то его зачастую не хоронят, а завернув в шкуры или в берестяные „тиски“, укладывают на нарты. По окончании весенней перекочевки к северу, достигнув родовой территории, покойника хоронят на одном из кладбищ рода. Подобные случаи встречались еще около 1935 года. Вопрос о месте похорон обычно решает самбана — лицо, ведающее похоронами и проводами души умершего в загробный мир. Если есть возможность отвезти тело на родовое кладбище, то самбана обычно говорит, что покойник „хочет в свою землю“. В этом случае его везут на родовое кладбище».⁸⁰ Женщину хоронили на кладбище ее рода.

⁷⁵ Дневные записки. . ., стр. 117.

⁷⁶ Т. е. женщины.

⁷⁷ Там же, стр. 257.

⁷⁸ Г. Д. Вербов. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70, стр. 36.

⁷⁹ П. И. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители, стр. 398.

⁸⁰ Г. Д. Вербов. Пережитки родового строя у ненцев, стр. 64. О родовом характере кладбищ есть упоминание также у А. Шренка (Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 467), Б. Житкова (Полуостров Ямал, стр. 34, 230), В. Иславина (Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 135) и др.

Кладбища⁸¹ ненцев обычно располагались на возвышенных местах.⁸² Причину этого некоторые исследователи видели в религиозных представлениях: «Обитатели однообразных равнин, которые открывают даже самое малое отступление природы, всегда склонны приписывать местностям, отличающимся каким-нибудь необычайным явлением природы, какую-то святость и близкую связь с таинственными силами».⁸³ Существует ряд указаний, что место погребения выбирал шаман.⁸⁴

У ненцев существовало два способа захоронения: в деревянном ящике на поверхности земли и просто в земле. Безусловно, характерным для ненцев является захоронение на поверхности. Захоронения в земле были, видимо, в значительной степени случайными и производились только летом.

Следует отметить, что и могила, и гроб делались тесными, точно по росту покойного, «чтобы больше никто поместиться не мог». Гроб (*пэмб', тин*) делали в виде четырехугольного ящика с двумя стойками по бокам (*мэмбад' ня'*), снабженными перекладиной, к ней подвешивали колокольчик, который раскачивался ветром, издавая звон. Материалом для гроба обычно служила древесина лиственницы, ели или сосны. Не допускалось делать гроб из березового дерева. В случае отсутствия леса иногда использовали доски, служащие в чуме полом, пасти и даже дрова.⁸⁵

Изредка гробами служили половинки лодок⁸⁶ или нарты. В случае захоронения в земле над женской могилой обычно также устанавливали деревянные воротца с подвешенным колокольцем от парадной упряжки.⁸⁷

В могилу или гроб покойника прежде клали так, чтобы голова его приходилась на запад, а лицо обращено было к земле.⁸⁸

По-видимому, допускались варианты положения покойника в могиле.⁸⁹ Костров у восточных ненцев отметил особый способ

---

⁸¹ Кладбище по-ненецки *хальмер' нэсь'*, что дословно значит «местонахождение покойников». *Хальмер* — «покойник».

⁸² П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, стр. 100; А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, стр. 687; А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 277 и др.

⁸³ Там же, стр. 277—278.

⁸⁴ И. Лепехин. Дневные записки. . . , стр. 257; Г. Д. Вербов. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70, стр. 36.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 23.

⁸⁷ В. Тобольков. К верховьям исчезнувшей реки.

⁸⁸ И. Лепехин. Дневные записки. . . , стр. 117, 257; П. И. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители, стр. 398; А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 467; К. Рычков. Береговой род жураков, стр. 186.

⁸⁹ А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 467; В. Иславин. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 135.

захоронения: «Врываются в землю четыре столба, вышиною сажени в две каждый, а оконечности их связывают четырьмя перекладинами, которые зарешетчиваются хворостом. На этом возвышении расстилают кожу убитого оленя, сняв ее так, чтобы голова, рога и копыта остались целыми». На эту шкуру клали умершего.⁹⁰

С покойным в гроб или яму прежде клали все вещи, которыми он пользовался при жизни и которыми он, согласно представлению ненцев, пользуется затем в загробном мире. Так, в мужскую могилу клали нож, топор, долото, ружье (или деревянное ложе от ружья), капкан и другие орудия производства и охоты, а также котел для варки пищи, миску, ложку, рожок с табаком, трубку и т. д.⁹¹

В женскую могилу клали чашку, ложку, котел для варки пищи, скоблильный нож, все швейные принадлежности и другие предметы хозяйственного обихода. Все эти вещи непременно подвергались порче — протыкались, прорезались или ломались.

Имеются различные объяснения этого явления. И. Лепехин: предметы ломают, «дабы оные, так как и мертвое тело, были недействительны».⁹² В. Иславин: «Все эти вещи должны быть положены в знак того, что на том свете употребляют их в другом виде, чем здесь».⁹³ Существует и иное мнение, согласно которому вещи продырявливались, чтобы душа этих вещей могла выйти из своей оболочки и последовать за душой хозяина. А. А. Попов, касаясь долганских погребений, высказывает предположение, аналогичное предположению Иславина, что на том свете, по представлению некоторых народов Севера, все происходит наоборот: порванные вещи становятся целыми.⁹⁴ Видимо, для разрешения этого вопроса требуется дополнительное исследование.

После того как покойник был положен в гроб и уложены все вещи, гроб закрывали досками. В случае, если покойника клали в могилу, ее еще засыпали землей. Затем на могиле прежде убивали оленя (или оленей), на котором был привезен покойник, чтобы душа его (оленя) могла сопутствовать своему хозяину. В отдаленном прошлом оленей обычно убивали, не распрягая.

Сани, на которых привозили труп, ломали, опрокидывали и вместе с испорченной упряжью оставляли на могиле. Рядом с могилой втыкали хорей. Иногда к нему привязывали колокольчик. На женских могилах всегда вешали колокольчики из тех,

---

⁹⁰ Н. А. К о с т р о в. Очерки Туруханского края. Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. II, 1856, стр. 160.

⁹¹ Спичек и оселка не клали. Г. Д. В е р б о в. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70, стр. 36. Есть свидетельства, что раньше вместо ружья клали лук и стрелы.

⁹² Дневные записки. . . , стр. 257.

⁹³ Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 135.

⁹⁴ Устное сообщение, 1953 г.

которые женщины привязывали к нартам своих парадных упряжек и одеждам. Поэтому при ветре уже издали был слышен звон этих колокольчиков на кладбищах. Звон колокольчиков, очевидно, играл роль оберегов от злых духов.

По окончании обряда кто-либо из родственников умершего или шаман, ведающий погребальным обрядом, говорил, обращаясь к умершему: «Ты отправился в свою землю, иди своей дорогой и не приходи к нам». ⁹⁵ Затем все присутствующие отходили от могилы, пятась садились в сани и уезжали в свои чумы. При этом поперек следа уходящей нарты каждый участник втыкал прутик с наклоном на юг, чтобы заградить дорогу душе умершего. В изголовье покойного также втыкался большой прут (или несколько), который указывал последнему дорогу в загробный мир. При возвращении с похорон ехали параллельно старому следу, но не по нему. ⁹⁶

После похорон все присутствовавшие на них очищались путем окуривания оленьим салом. Окуривание производилось иногда у могилы, иногда уже после возвращения домой. Г. Д. Вербов так описывает этот обряд. По приезде домой разводили костер вне чума и окуривались оленьим салом. Затем окуривали нарты и оленей, участвовавших в похоронах. ⁹⁷

Маленьких детей хоронили, подвешивая их в люльках к деревьям или воткнувшим в землю палкам.

В случае смерти шамана обряд усложнялся. П. Третьяков сообщает по этому поводу, что приглашали другого шамана, который колотил в бубен, делал на возвратном пути от могилы по деревьям засеки, «из коих каждая знаменует известного ему дьявола». ⁹⁸ Об этом же имеются сведения у А. Шренка. ⁹⁹

Часто после возвращения с кладбища чум переносили на другое место, боясь посещений души покойного, или очищали водяным паром (*еся инд'*), для чего обливали водой раскаленное железо, посредством запаха горелой шкурки (*торабт'*) соболя или куницы, обрызгивали водой, в которой растворяли горелый кусок чаги (*тюнц' и'*) и т. д.

В знак траура родственники умершего некоторое время не подвязывали ремней у нижней обуви, а вдовы в течение последующей жизни на виске оставляли незаплетенной прядь волос. ¹⁰⁰

Об изобразительных умерших (*уытарма*) мы сообщали выше. Интересно, что у нганасан, например, такой «заменяющий покой-

⁹⁵ П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, стр. 101.

⁹⁶ Г. Д. Вербов. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70, стр. 38.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Туруханский край, его природа и жители, стр. 398.

⁹⁹ Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 472.

¹⁰⁰ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, стр. 102; П. П. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители, стр. 398.

ного» является главным действующим лицом всякого похоронного обряда, причем роль его играет живой человек.¹⁰¹ Возможно, что *уытарма* у ненцев — более позднее явление.

В течение некоторого времени после похорон имя покойного не произносили (его называли *янгумы* — «отсутствующий») ни родственники, ни чужие люди в присутствии кого-либо из родственников. Того, кого звали тем же именем, что и покойного, переставали называть этим именем и называли как-нибудь по-другому или просто *не* (женщина), *хасава* (мужчина).¹⁰²

Раз в год приходили на могилу, звонили в колокольчик и говорили: «Я пришел к тебе». Иногда на могиле оставляли новую одежду, так как по представлению ненцев старая изнашивалась, убивали оленя.¹⁰³ Жертва, приносимая покойнику, носила название *хауор'*.

Через несколько лет шаман проводил душу умершего через различные препятствия в загробный мир.

Судя по тем материалам, которые нам дает похоронный обряд, ненцы представляли загробный мир очень похожим на тот, который окружал их в повседневной жизни. На «том свете» ненец охотился, ездил на оленьей упряжке, носил (и снашивал) меховую одежду, ел, пил и т. д. В ненецком фольклоре встречается мотив: человек ночью набредает на чум. В чуме люди, но они не видят и не слышат его. А утром оказывается, что он бродил среди могил.¹⁰⁴ Видимо, существовало представление, что ночью мертвые ведут ту же жизнь, что и живые люди.

Вслед за военными и торговыми людьми в Сибирь пришли миссионеры. Развернулась деятельная «работа» по обращению в христианство «диких язычников». Вместе с другими народами в христианство обращали и ненцев. Деятельность миссионеров и вообще православной церкви сводилась главным образом к принудительному крещению, проповедям, уничтожению жертвенных мест и строительству церквей в ненецких тундрах. В частности, миссией, которую возглавлял неоднократно упоминаемый нами архимандрит Вениамин, были уничтожены почти все жертвенные места ненцев европейских тундр. Однако почти за столетний период деятельность миссионеров принесла совершенно незначительные результаты. Почти все обращенные в христианство ненцы остались по существу при своих прежних религиозных воззрениях.¹⁰⁵

¹⁰¹ Устное сообщение А. А. Попова, 1958 г.

¹⁰² Материалы экспедиции автора в 1953, 1958 гг.

¹⁰³ П. С. П а л л а с. Путешествие по разным провинциям Российского государства, стр. 101; И. Л е п е х и н. Дневные записки. . . , стр. 257; А. Ш р е н к. Путешествие к северо-востоку Европейской России, стр. 472, и др.

¹⁰⁴ См., например: Эпические песни ненцев, стр. 100—101, 126—187.

¹⁰⁵ См., например: Н. А. К о с т р о в. Очерки Туруханского края, стр. 154.

Лишь постепенно и особенно в западных тундрах христианство в трансформированном виде проникло в религию ненцев (почитание св. Николы, появление в культе, в слабой степени и в фольклоре числа три наряду с древней семеркой и т. д.).

Деятельность миссионеров и церкви сыграла немаловажную роль в дальнейшем закабалении и эксплуатации ненцев и вызывала у них страх и справедливое негодование. Сами миссионеры в своих записках признают, что ненцы от них скрывались, уезжая в дальние районы, отказывая им в предоставлении оленей для переездов и т. д.

ЧАСТЬ II

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА, КУЛЬТУРЫ И БЫТА НЕНЦЕВ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Глава I

СОВЕТСКОЕ И КООПЕРАТИВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО (1917—1929 гг.)

Сразу после свершения Великой Октябрьской социалистической революции «Декларация прав народов России» провозгласила равенство и суверенность всех народов, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп.

Однако в силу глубокой политической, хозяйственной и культурной отсталости народностей Севера, трудностей гражданской войны и восстановительного периода для фактического осуществления завоеваний революции потребовалось известное время.

Установление Советской власти на Севере произошло позже, чем в центральных областях России. Причинами этого были удаленность от экономических и политических центров, трудности связи, вторжение белогвардейцев из более южных районов, иностранная интервенция и т. д.

В уездах Архангельской губернии в течение нескольких месяцев после победы Великой Октябрьской социалистической революции продолжали функционировать органы свергнутой власти буржуазного Временного правительства наряду с созданными в 1918 г. Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Несмотря на наличие в первых Советах значительного числа эсеров и меньшевиков, Советы, опираясь на широкие массы, стали проводить в жизнь декреты Советской власти: отбирали церковные и кулацкие земли, излишки хлеба и передавали трудовому крестьянству, проводили некоторые мероприятия по организации народного просвещения и оказанию медицинской помощи.

Однако иностранная интервенция, начатая на Севере в 1918 г. и поддержанная внутренней контрреволюцией, помешала осуществлению мероприятий Советской власти, направленных на улучшение жизни трудящихся. В августе 1918 г. Архангельск

был занят английскими, американскими и французскими войсками. В губернии было создано Верховное управление Северной области, которое отменило декреты Советской власти. Интервенты приступили к самому безудержному грабежу оккупированной территории Севера, вывозя лес, ценные меха и другие богатства. Большевики вынуждены были уйти в подполье, где продолжали борьбу.

Многие ненцы принимали активное участие в борьбе с белогвардейцами и интервентами. Одним из выдающихся борцов за установление Советской власти на Европейском Севере был ненец Григорий Хатанзейский.

Еще в 1906 г. он был исключен из Архангельского фельдшерского училища за революционную работу, затем посажен в тюрьму. Отбыв наказание, Г. Хатанзейский поступил на печорский лесозавод (ныне носящий его имя). Здесь он продолжал пропагандировать среди рабочих революционные идеи. В 1918 г. Г. Хатанзейский был избран секретарем первого заводского комитета, однако в период интервенции и контрреволюционного мятежа он был арестован и сослан на о. Мудьюг в Двинской губе. Осенью 1919 г. на острове произошло вооруженное восстание против белогвардейцев, в котором принял активное участие Г. Хатанзейский. Среди других ему удалось бежать, но он был схвачен белогвардейцами и расстрелян.

В связи с трудным положением на других фронтах только в начале 1920 г. Красной Армии при поддержке партизан и населения удалось освободить г. Архангельск и прилегающие районы.

На Ямальском Севере вскоре после провозглашения Советской власти были организованы кооперативные лавки, так называемые Мурлавки.¹ Первая такая лавка была организована в Яр-Сале (Южный Ямал). В нее привезли много хороших и дешевых товаров, ненцы стали за пушнину получать значительно больше, чем получали раньше: им разъясняли, что продавец новой лавки — не купец, что он дает товару столько, сколько стоит песец. Весть о Мурлавке быстро распространилась по тундре. Сюда приезжали ненцы сдавать пушнину за сотни километров. Они скоро поняли преимущество кооперации и стали активно ей помогать. Долгое время Мурлавка была опорным пунктом Советской власти в тундре. В Мурлавку шли не только сдавать пушнину и покупать товар. Сюда обращались с жалобами на богатых оленеводов, присваивавших чужих оленей, с просьбами разрешить тот или иной вопрос. Особенной популярностью среди ненцев пользовался А. Ф. Федоров, проработавший в Ярсалинской Мурлавке много лет.²

¹ Мурлавка — мудрая лавка, так называли первые кооперативные лавки ненцы.

² Советский Ямал (к пятилетию создания Ямало-Ненецкого округа), 1937. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 2, № 87.

Но не успела окрепнуть Советская власть, как против нее поднялись враждебные силы. Купцы, богатые оленеводы, шаманы, остатки белогвардейцев организовывали бандитские отряды. Их поддерживали банды Колчака.

В ответ на эти враждебные действия большевики Обдорска сплотились вокруг бывших политических ссыльных Т. Д. Сенькина и И. В. Королева. На одном из подпольных собраний они решили организовать рабочий союз. Эта была первая революционная организация на Севере. В апреле 1918 г. в Обдорске (ныне Салехард) был образован первый Совет депутатов трудящихся (Совдеп), который и взял в свои руки власть (рис. 16). Одним из членов его был ненец Максим Федорович Ядобчев. Для охраны революционного порядка был создан красногвардейский отряд, куда вступили, в частности, ненцы В. Ядобчев, И. Езынги, И. Ямзин.

В июне 1918 г. в Обдорск на пароходе «Мейснер» прибыл большой отряд белогвардейцев, жестоко расправившихся со всеми, кто помогал устанавливать Советскую власть. Из руководителей Совдепа были арестованы 18 человек, в том числе активные его работники братья Максим и Василий Ядобчевы. Максим был расстрелян в Обдорске. Остальных посадили в трюм парохода и отправили в тобольскую каторжную тюрьму, а затем в связи с отступлением Колчака — дальше на восток на баржах, называвшихся эшелонами смерти. Многие были расстреляны, другие умерли от тифа или погибли на баржах, взорванных белыми.

Т. Д. Сенькин, В. Ядобчев и другие были закованы в кандалы и брошены в Александровский централ в Иркутске, где их ожидала мучительная расправа. Однако им удалось бежать. Пробираясь сквозь тайгу, обходя белогвардейские дозоры, они спешили в Обдорск, где властвовали антисоветские силы.

В июне 1919 г. Обдорск был освобожден от белых, и там вновь была установлена Советская власть, создан ревком. Однако местные богачи и остатки белогвардейцев неоднократно поднимали мятежи, жестоко расправлялись с защитниками Советской власти.

В этот период особенно быстро росло политическое сознание ненецкого населения. Пастух М. Хатанзеев, на глазах которого приспешники белых убили товарищей и угнали оленей, добрался до Обдорска и присоединился к отряду, посланному для подавления контрреволюционных банд. Только летом 1921 г. на Ямальском Севере прочно и окончательно установилась Советская власть. Участник борьбы за ее победу Василий Федорович Ядобчев принял активное участие в работе органов Советской власти.³

---

³ Советский Ямал (к пятилетию создания Ямало-Ненецкого округа), 1937. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 2, № 87; М. Е. Б у д а р и н. Прошлое и настоящее народов северо-западной Сибири. Омск, 1952, стр. 112—124.

Примерно в это же время завершилось установление Советской власти на Енисейском Севере.

Гражданская война и интервенция вызвали прекращение торговых связей, падение рыбного и пушного промыслов, дальнейший упадок оленеводческого хозяйства. В очень тяжелом положении оказалась охота, так как прекратился завоз огнест-

Рис. 16. Салехард. Дом, где заседал первый Совдеп.

рельного оружия, боеприпасов. На Европейском Севере в 1925 г. около 50% охотников не имели ружей.⁴ Так же обстояло дело с орудиями рыболовства. Огромный ущерб понесло оленеводство. Десятки тысяч оленей были истреблены белыми на мясо, много ездовых оленей они угнали как тягловую силу. Имели место массовые падежи оленей. Так, на Канинском п-ове поголовье оленей с 1918 по 1923 г. уменьшилось с 53 до 20 тыс.⁵ Выросла за эти годы зависимость бедняцкой части населения от богатых оленеводов, которые имели запасы оружия и продовольствия.

После окончания гражданской войны и установления на всей территории России Советской власти перед Коммунистической

⁴ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. Тр. ИЭ, т. XXVII, М.—Л., 1955, стр. 210.

⁵ Там же.

партией и Советским Правительством встал вопрос о разработке радикальных мер по преодолению экономической и культурной отсталости народностей Севера, о борьбе против социальных и религиозных пережитков, оставшихся в наследие от царизма, с тем, чтобы помочь этим народам в строительстве социализма.

В 1922 г. при Народном комиссариате по делам национальностей был создан специальный Полярный подотдел управления туземными народами Севера. В задачу подотдела входили организация управления, охрана от эксплуатации, снабжение, урегулирование вопросов землепользования, а также изучение хозяйства и быта народов Севера с целью изыскания путей наиболее успешного приобщения их к новой социалистической культуре. Подотдел провел значительную работу, подготовив создание позднее Комитета Севера. Была, в частности, организована посылка хлеба в северные районы, был поставлен вопрос о создании школ-интернатов, а также о создании для них письменности и т. д.

Руководство уездами и волостями в первые годы после установления Советской власти сталкивалось со значительными трудностями, о которых мы уже говорили выше: плохая связь с центром, недостаток продовольствия, наличие повсеместно сохранившихся враждебных элементов (бывших царских чиновников, торговцев и т. д.). Работа на местах сводилась главным образом к организации Советов и кооперативов, выяснению хозяйственных и культурных нужд коренного населения, оказанию ему некоторой экономической и культурной помощи.

Долгое время вся основная работа сосредоточивалась вокруг кооперативов. В 1922 г. на р. Печоре был образован первый ненецкий кооператив «Кочевник». В его создании принимал участие И. П. Выучейский — видный советский и партийный работник, о котором мы скажем несколько ниже. К 1924 г. в Архангельской губернии было уже четыре кооператива, из них Нижнепечорский (центр с. Тельвиска) объединял 780 ненцев Большеземельской тундры и о. Варандей.⁶ Образовывались кооперативы на Ямальском и Енисейском Севере. В 1924 г. в низовьях Енисея был организован кооператив «Каральский интеграл». Первоначально в него записались 15 ненцев и 25 русских, через год, увидев выгоды кооперации, в него вступило еще примерно столько же человек. Позднее кооператив разделился на два, ненецкое население выделилось в самостоятельный кооператив. Однако появились новые трудности: ненец, председатель правления, не имел достаточного опыта, был неграмотен, существовала известного рода «конкуренция» между кооперативом и госторгом и т. д.⁷ Позднее в Туруханске открылись курсы по подготовке кооперативных

⁶ АОА, Фонд Комитета Севера, д. 38, л. 59.

⁷ М. Я м к и н. Ямальский кооператив «Каральский интеграл». В сб.: Тайга и тундра, № 2, 1930.

работников, на которых стали учиться представители коренных национальностей Севера.

Создание Советов у кочевого населения шло обычно по родовому признаку, т. е. Совет объединял представителей одного рода. Подчас это носило формальный характер: члены рода кочевали на большой территории, во многих районах родовые связи были слабы. Иногда коренное население просто приписывалось к Советам, базировавшимся в старинных русских поселках. Такая организация имела другие отрицательные стороны, в этих случаях ненцы фактически были в стороне от решения хозяйственных и других вопросов.

Наиболее удачным можно считать опыт европейских ненцев, где первые же Советы были близки трудовым массам, в них активное участие принимали малооленные ненцы, которые видели в Советах органы своей власти. В 1920 г. в с. Тельвиска (низовья р. Печоры) был образован Нижнепечорский самоедский волостной Исполнительный Комитет, в состав которого вошли ненцы-активисты А. С. Вылка, А. Г. Выучейский, И. С. Хатанзейский. Позднее, после окончательного установления Советской власти на Печорском Севере, была создана сеть национальных Советов и районных исполнительных комитетов в Канино-Тиманской, Малоземельской и Большеземельской тундрах.

Следует отметить, что не везде дело обстояло так. В первые годы на Ямальском Севере в Советы попало много бывших «князцов» и старшин, так как большинство коренного населения слабо понимало цели и задачи новых органов. У отдельных групп ненцев (северный Ямал, бассейн р. Пур, низовья рр. Таз и Енисей) организация Советов затянулась и фактически большие группы ненцев еще долгое время (до 1926—1927 гг.) оставались вне влияния Советской власти.

Для скорейшего вовлечения народов Севера в общее русло социалистического строительства в 1924 г. был создан Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). «Учитывая огромное экономическое и политическое значение северных окраин, с одной стороны, — гласило постановление ЦИК СССР, предлагавшее ВЦИК создать Комитет Севера, — и катастрофическое положение племен, их населяющих, — с другой, а также принимая во внимание полную неорганизованность и оторванность туземной массы от советского строительства и необходимость законодательной, административно-правовой и экономической защиты их интересов, образовать Комитет содействия народностям северных окраин».⁸

Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 23 февраля 1925 г., были учреждены также местные Комитеты содействия народностям северных окраин, в частности при Архангельском

⁸ А. С. Десять лет работы Комитета Севера. Сов. Север, № 2, 1934, стр. 9.

и Уральском губернском исполкомах, при Сибирском краевом исполнительном комитете и др.

Комитету Севера и местным Комитетам свою деятельность пришлось начать с подробного ознакомления с жизнью и бытом коренного населения, так как материалы дореволюционной литературы слабо освещали экономические и социальные явления, идеологию и т. п. Для выяснения расселения и истинного положения народностей на Север посылались экспедиции Комитета, давались специальные задания участникам других экспедиций, а в 1926—1927 гг. по инициативе Комитета Севера была проведена в связи с Всесоюзной переписью населения и специальная, по особой программе, Приполярная перепись населения, которая определила круг народов Севера, обслуживаемых Комитетом Севера, и дала материалы для скорейшей организации их хозяйства и быта на социалистических началах. За 10 лет существования Комитета Севера была проведена большая разносторонняя работа по административному и земельно-водному устройству народов Севера, по разработке необходимых законоположений, по кооперированию коренного населения, культурному строительству и т. д.⁹

Для лучшей организации у малых народностей административно-судебного устройства в 1926 г. было издано «Временное положение об управлении туземных народностей и северных окраин РСФСР».¹⁰ В основу создания органов управления было положено родовое деление. Причинами этого были отсутствие достаточных сведений о расселении народностей и связи их с определенными территориями, наличие родовых связей, которые могли на начальном этапе административного устройства Севера служить каким-то ориентиром для выделения определенных групп населения. В отдельных районах, где уже к этому времени сложились территориальные (локальные) группы, где родовые связи были утрачены, было предоставлено право образовывать Советы по территориальному признаку. У ненцев наибольшее распространение получил второй принцип. На Европейском Севере еще до «Временного положения» органы Советской власти были созданы по территориальному признаку (тундровые Советы). В 1926 г. их границы и состав были более четко определены. Было создано четыре тундровых Совета и три островных (на Новой Земле, Колгуеве и Вайгаче). Канинский и Тиманский тундровые Советы находились в ведении Канино-Тиманского туземного райисполкома (Мезенский уезд Архангельской губернии). Мало-земельским и Большеземельским Советами руководил второй

---

⁹ В 1935 г. в силу происшедшего значительного экономического и культурного подъема и завершения национального районирования Комитет Севера был ликвидирован как выполнивший возложенную на него задачу.

¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений, № 73, 1926, стр. 575.

туземный райисполком — Тельвисочный, находившийся в Печорском уезде Архангельской губернии.

Ненцы Коми-области были объединены в три тундровых Совета, а Советы — в один тузрик с центром в с. Колва (позднее в культуре Хоседа-Хард). Председателями всех ненецких Советов были ненцы (Новоземельского — известный впоследствии поэт и общественный деятель Тыко Вылка, Тельвисочного — А. Ф. Хатанзейский, Тиманского тундрового Совета — Н. Н. Выучейский и т. д.). Председателем Канино-Тиманского районного исполнительного комитета была женщина-ненка М. В. Вылка. Советы вели большую организационно-хозяйственную работу. Например, в 1927 г. тундровые Советы провели общие собрания ненцев: Канинский — 2, Тиманский — 5, Большеземельский — 3, Мало-земельский — 3 и т. д. Важно отметить, что в этих собраниях принимали участие и женщины. На собраниях обсуждались вопросы, касающиеся условий жизни кочевого населения.

На Ямальском Севере в пределах Обдорского р-на Уральской области были созданы родовые Советы.

К 1927 г. на Енисейском Севере было образовано 34 родовых Совета, из них 6 ненецких. Они находились в ведении Тазовского туземного райисполкома.¹¹

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 14 октября 1927 г. на местные органы управления временно возлагались также и судебные функции.¹²

Работа Советов в этот период сталкивалась со значительными трудностями. Коренное население плохо подчас еще понимало сущность происшедших перемен. Не были понятны сами принципы новых органов власти, плохо усваивался, в частности, коллективный принцип руководства. Отмена ясака в некоторых районах была встречена недоверчиво (например, лесными ненцами), казалась странной безвозмездная отмена привычного налога. Большие расстояния затрудняли проведение собраний и разъяснительной работы. У азиатских ненцев плохо было с привлечением в Советы женщин, которые прежде никогда не принимали участия в решении вопросов общественной жизни. Местное кочевое и полукочевое население в подавляющей массе было неграмотно. По данным переписи 1926 г., у ненцев среди мужчин было лишь 4.59% грамотных, среди женщин — 1.3%. Неграмотными были в большинстве и председатели Советов, избранные из числа ненецкого населения.

В советском строительстве значительную помощь ненцам, как и другим народам Севера, оказали русские. Еще в годы гражданской войны пример русских коммунистов оказывал большое влия-

¹¹ В. Н. У в а ч а н. Переход к социализму малых народов Севера (по материалам Эвенкийского и Таймырского национальных округов). М., 1958, стр. 52.

¹² Известия ЦИК СССР, 17 декабря 1927.

ние на широкие массы трудового ненецкого населения. В первые годы советского строительства многие русские — секретари Советов, работники кооперативов — сыграли большую роль, разъясняя ненцам законы Советской власти, помогая советами, проводя большую организационную работу.

Советы вели учет населения, регистрировали акты гражданского состояния, разбирали заявления населения, боролись с нарушениями правил охоты, заботились о снабжении, об открытии факторий и кооперативных лавок, организовывали кустарные артельные мастерские и т. д. Кочевые Советы постоянно перемещались вместе с оленеводами, поэтому они находились в постоянном контакте с населением.

Большое значение имели созданные в некоторых районах расселения ненцев Комитеты взаимопомощи. У европейских ненцев Комитеты взаимопомощи были организованы при Канино-Тиманском и Тельвисочном райисполкомах, при Колгуевском островном и двух тундровых Советах. Тельвисочный Комитет к 1929 г. объединил 428 членов и располагал капиталом в 5129 руб., из которого выдавал бедноте ссуды на приобретение орудий рыболовства и на организацию сезонных артелей для промысла семги. Канино-Тиманский комитет располагал капиталом в 2 тыс. руб., значительным количеством муки и оказывал постоянную помощь беднякам артелям.¹³

В Тельвиске и Неси (Европейский Север) в 1927 г. по инициативе Советов были организованы Дома самоедов — первые на Севере заезжие дома для коренного населения. Здесь ненцы, приезжавшие из тундры, могли переночевать, напиться чаю, отдохнуть.

Налаживалась и деятельность судов, в то время тесно связанных с Советами. Конфликты, возникавшие наиболее часто, связаны были преимущественно с участвовавшими нарушениями традиционного землепользования богатыми оленеводами. Эти споры решались, как правило, в пользу малооленных ненцев. Возникали конфликты и в связи со старыми бытовыми и социальными пережитками. Советские суды боролись с многоженством, калымом, принудительными браками и т. д., стараясь разъяснять населению их вредность.

Постепенно и в зауральских тундрах ненцы стали интересоваться работой Советов, принимать в ней активное участие. Это было большой победой Советской власти. Вокруг Советов вырос актив из числа ненцев, который помогал осуществлять различные мероприятия, разъяснять их на родном языке более отсталой части населения. В работе туземных съездов Советов стали принимать участие женщины. Вот как описывает участник Гыданской экспедиции АН СССР В. Тоболяков один из таких съездов, происходивших в 1927 г. в Тазовской тундре: «В Хальмер-седе

¹³ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера, стр. 240.

мы видели, как в прениях о кооперативе выступала пожилая самоедка. Самоеды сидели молча кругом на снегу и слушали, что говорила им стоявшая вне круга „баба“. Это было необычно для старых законов самоедской тундры. . .».¹⁴ Конечно, такие случаи бывали нечасто.

Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 29 сентября 1925 г., в связи с тяжелым экономическим положением народности Севера были освобождены от всех налогов. Это также явилось для ненцев наглядным примером заботы Советской власти. Целый ряд других указов и постановлений был направлен на ограничение ввоза спиртных напитков, прекращение деятельности на Севере приезжих частных торговцев и т. д.¹⁵

Советское строительство на Севере в 1920—1929 гг. вызывало активное сопротивление со стороны крупных оленеводов, шаманов, торговцев и других эксплуататорских элементов. Они понимали, что с развитием кооперирования, ростом сознательности населения навсегда исчезнет их экономическая и моральная власть над основной массой населения. Всячески используя имевшие место затруднения со снабжением орудиями производства и продовольствием, бывшие хозяева тундры проводили агитацию, распускали нелепые слухи, например, о том, что будут у всех отбирать оленей или всех заберут в солдаты. Они пользовались и экономическими мерами воздействия, предоставляли кредиты, пытались сохранить систему экономической кабалы бедняков тундры.

Успешное распространение советской торговли было одной из важных мер ограничения влияния богатых оленеводов и русских торговцев. Торгово-кооперативная политика, осуществлявшаяся с первых лет советского строительства, была мощным средством подъема и перестройки хозяйства малых народностей.

Мы уже говорили о первых кооперативах, появившихся в разных районах расселения ненцев. Большинство их с самого начала было интегрального (смешанного) типа; они производили самые разнообразные операции: снабжение продуктами питания и отпуск их в кредит, обеспечение орудиями охоты и рыболовства, прием пушнины и другого сырья от местного населения и т. д. Ассортимент товаров, завозимых на Север, учитывал спрос местного населения, заготовительные цены на продукцию охоты, рыболовства, оленеводства повышались. Так, цены на рыбу, скупаемую интегральной кооперацией и государственным рыбным трестом в низовьях Оби с 1928 по 1932 г. были увеличены в среднем на 96%.¹⁶ Все это привлекало к кооперации коренное население. К 1930 г. около 100% европейских ненцев и значительная часть азиатских были охвачены кооперированием.

¹⁴ В. Т о б о л я к о в. К верховьям исчезнувшей реки. 1930, стр. 107.

¹⁵ См.: М. Е. З и н г е р. Основные законы по Крайнему Северу. Л., 1935.

¹⁶ Т. В. С и н и ц ы н. В ненцком кооперативе. Сов. Север, № 2, 1930.

Глава 2

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО У НЕНЦЕВ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРУГОВ

Социалистическому переустройству в ненецких тундрах мешали административная раздробленность и отсутствие правильного принципа включения населения в ту или иную административную единицу. В отдельных местах в основу была положена принадлежность к определенной национальности. В результате дело доходило до курьезов: русские, проживавшие в с. Пеша, относились непосредственно к Мезенскому уезду, тогда как ненцы, жившие в том же селе, причислялись к Канино-Чешской волости¹ и т. д. С другой стороны, малочисленные народности были распылены по многим административным единицам. Так, ненцы обитали в восьми районах и пяти областях.

Однако дело было не только в неудобствах административного и хозяйственного управления. Европейские ненцы сознавали себя единой народностью и сами видели необходимость объединения в определенную административную единицу. «Мы, ненцы Малоземельной тундры в районе Лапты, ходатайствуем и настаиваем на решении IX районного ненецкого съезда Советов о создании единого Ненецкого округа, объединив тундры: Малоземельскую, Большеземельскую, Тиманскую и Канинскую... Мы, ненцы (самоеды), просим нам дать полные национальные права, как велел В. И. Ленин»,² — писали в марте 1929 г. ненцы Малоземельской тундры.

После всестороннего обсуждения вопросов о границах, центре округа и т. п. Архангельским Комитетом Севера при активном участии местных работников из числа ненецкого населения, VI пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК в 1929 г.

¹ АОА, ф. 352, д. 79, л. 131. О работе среди нацменьшинств Севера, 1928—1929 гг.

² Там же.

признал необходимым создание Ненецкого национального округа в европейской части РСФСР с непосредственным подчинением исполкому вновь организованного Северного края.

Постановление Президиума ВЦИК от 15 июля 1929 г. положило начало организации Ненецкого национального округа с районами Канино-Тиманским (центр Нижняя Пеша) и Ненецким (центр Хоседа-Хард). Решением ВЦИК от 20 декабря 1929 г. в состав Ненецкого округа была дополнительно включена часть бывшей Пустозерской волости в виде третьего района — Пустозерского. Центром округа стало село Тельвисочное (позднее началось строительство современного центра — города Нарьян-Мар). 15 января 1930 г. состоялся первый окружной съезд Советов.

Создание национального округа способствовало развитию хозяйственного и культурного строительства, а также подъему благосостояния ненецкого народа. В том же году появился первый оленеводческий колхоз, а в следующем — совхоз, активизировалась работа кооперации. Вскоре открылись первые пять ненецких школ, стала проводиться работа по ликвидации неграмотности. Организация национального округа способствовала привлечению к руководящей административно-хозяйственной работе новых, местных кадров. Из 13 работников окружного исполнительного комитета пятеро были ненцами, в районных исполнительных комитетах ненцы составляли 50%, 58% председателей сельских (оседлых) и тундровых (кочевых) Советов составляли ненцы.³

Опыт организации Ненецкого национального округа был учтен, и в конце 1930 г. было образовано еще восемь национальных округов, в том числе Ямало-Ненецкий и Таймырский (Долгано-Ненецкий). 10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК постановил:

«Образовать на территории расселения малых народностей Севера нижеследующие национальные административные объединения:

а) В составе Уральской области:⁴

... Ямальский национальный (Ненецкий) округ (окружной центр — Обдорск), районы: Надымский (центр Хэ), Приуральский (центр Щучья), Тазовский (центр Хальмер-Седэ) и Ямальский (центр — район реки Пяты-Юн).

б) В составе Восточно-Сибирского края:

... Таймырский национальный (Долгано-Ненецкий) округ (окружной центр — Дудинка), районы: Авамский (центр Волосянка), Дудинский (центр Дудинка), Хатангский (центр Хатанга) и Усть-Енисейский (центр Носок)».

Одновременно с образованием округов были введены новые названия для народностей Севера, основанные на их самоназва-

³ Е. Хата. О районировании. В сб.: Тайга и тундра, № 2, 1930.

⁴ Мы приводим выдержки из постановления, относящиеся к ненцам. См.: Сов. Север, № 1, 1931.

ниях. С этого времени во всех официальных документах употребляется название «ненцы» (вместо устаревших «самоеды» и «юраки»).

Последовавшее затем законодательство определило порядок образования и структуру новых органов управления, ввело в национальных объединениях органы юстиции и т. д.⁵ Действовавшее до этого «Временное положение» было отменено.

В 1931—1932 гг. в округах происходили перевыборы тундровых, районных и окружных Советов депутатов трудящихся. Они показали возросшую активность масс, в частности коренного населения. В Ямальском округе в окружные исполнительные комитеты было избрано 70% представителей малых народностей.

Создание национальных объединений для малых народностей Севера явилось осуществлением идеи В. И. Ленина о том, что для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с целым, единым национальным составом.⁶

Образование национальных округов совпало с началом коллективизации. Еще в марте 1929 г. из числа ненецких оленеводческих кочевых хозяйств на территории Малоземельского тундрового Совета (Ненецкий национальный округ) организовался первый ненецкий оленеводческий колхоз (ПНОК), принявший устав смешанной оленеводческо-промысловой артели. Организатором колхоза был И. П. Выучейский, оленевод-бедняк, впоследствии работавший председателем Ненецкого окружного исполнительного комитета, член окружного комитета партии, член ЦИК РСФСР, в августе 1936 г. погибший от пули врага Советской власти. В увековечение его памяти первому оленеводческому колхозу было присвоено имя И. П. Выучейского, которое он носит и поныне.

В момент организации колхоза в него вошло всего семь хозяйств ненцев-оленьеводов. Общее число оленей у них было 264. До 1932 г. колхоз не имел твердо установленных маршрутов кочевания и мест промысла. Только в результате проведения в 1931—1932 гг. первоначального земельно-водного устройства колхозу были выделены пастбища, промысловые и рыболовные угодья. К 1937 г. колхоз им. И. П. Выучейского уже значительно вырос, хозяйств было 22 (все члены колхоза — ненцы), поголовье оленей увеличилось в 5½ раз. К 1949 г. число хозяйств достигло 42, а число оленей было в 14 раз больше, чем в 1929 г. Ныне колхоз им. Выучейского — одно из крупных многоотраслевых хозяйств Ненецкого национального округа. Именно в этом колхозе в 1930 г. появилась первая в ненецких тундрах ячейка ВКП(б).

Характерным было отношение ненцев к молодому коллективу: многие ненцы приезжали издалека, чтобы поговорить, посмотреть.

⁵ М. Е. З и н г е р. Основные законы по Крайнему Северу, стр. 99 и сл.

⁶ В. И. Л е н и н, Соч., т. 24, стр. 148.

На предложение вступить в колхоз отвечали: «Посмотрим, что получится», но прежде чем идти весной в тундру, справлялись, где будет пасти колхоз свое стадо, чтобы не помешать ему, не захватить случайно отведенных ему тундровым Советом ягельников.⁷

На Ямале первым колхозом был «Харп» — «Северное сияние». В 1929 г. группа бедняцких рыболовецких хозяйств объединилась в артель «Ялома», позднее переименованную в «Харп», однако ввиду плохой организации и имевших место перегибов до 1934 г. этот коллектив оставался единственным в районе.

На Северном Ямале до 1936 г. не было ни одного колхоза, в 1936 г. были созданы два простейших производственных товарищества. Инициатором коллективизации и здесь была беднота. Ямальский ненец Няравэй Некэца сказал на собрании в стойбище Това-Логол (Приуральский р-н): «Сколько в одиночку ни жили, ни работали, а богатства своим трудом не нажили. За нас хорошо жили кулаки и шаманы. Пришло время объединиться в колхоз».⁸ В Ямальский районный исполнительный комитет поступило следующее пиктографическое «заявление» ненца Ядко о желании вступить в колхоз:

$\sqrt{v} \text{ III } \sqrt{v} + + =$

Первые два знака означали, что в семье два работника: один большой — сам Ядко и второй — его младший брат. Следующие пять знаков указывали на число оленей — три быка и две важенки. Два плюса обозначали двух нетрудоспособных женщин — мать и маленькую сестру. Заключала «заявление» подпись (тамга).⁹

Основной формой коллективных объединений в 1929—1932 гг. на Европейском Севере и за Уралом были простейшие производственные объединения или товарищества (ППО, ППТ). Экономической основой ППО было совместное использование угодий с объединением средств производства лишь на определенные периоды. Кооперирование на Европейском Севере первоначально происходило только в ведущей отрасли хозяйства, оленеводстве, поэтому такие объединения обычно именовали товариществами по совместному выпасу оленей (ТСВО). Позднее кооперирование распространилось и на другие отрасли, стали создаваться смешанные производственные артели.

На общих собраниях принимали устав товарищества или артели, определяли размеры вступительного и членского взноса (послед-

⁷ О колхозе им. И. П. Выхучейского см.: Н. Е. Сапрыкин. ПНОК (первый ненецкий оленеводческий коллектив). Сов. Север, № 1, 1930; Л. В. Хомич. Ненцы Малоземельской тундры. ИРГО, т. 83, вып. 1, 1951, и др.

⁸ Г. Д. Вербов. Ненцы. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 14.

⁹ А. Климов, В. Смирнов, Е. Чусовитина. Сердце тундры (очерки о завоевании Ямала). Омск, 1935, стр. 81.

ний обычно составляли олени), выбирали правление и ревизионную комиссию, составляли план работы на ближайший период времени (клеяние обобществленных оленей общей метой, выработка маршрутов перекочевков, определение мест промыслов и т. д.). Обычно колхозы получали ссуды на обзаведение оленями, инвентарем.

Коллективизация проходила в трудной обстановке: во многих районах враждебные Советской власти элементы не только вели агитацию против колхозов, всячески вредили им, часто для этого проникая в Советы и правления колхозов, но и создавали банды, совершали террористические акты. Особенно это было характерно для наиболее удаленных от хозяйственных и культурных центров районов Ямальского и Енисейского Севера.

Так, на Северном Ямале (мыс Дровяной) богачи-оленоводы пытались организовать «новую власть», распуская слухи о падении Советской власти. В колхозе «Промышленник» (Надымский р-н) на пост бригадира оленеводов проник Лондо Салиндер, который умышленно смешивал колхозные стада со стадами единоличников и разбазаривал колхозных оленей. В колхозе «Едай Илер» по указке шаманов и их приспешников было забито много колхозных оленей для жертвоприношений. В ППТ «Победа» шаман Николай Ямкин так организовал выпас оленей, что в течение одного сезона они вытоптали богатые ягельники. Председатель колхоза «Няръяна Хаер» Хортво Того, чтобы скомпрометировать колхозный строй в глазах трудящихся, при распределении доходов поощрял нерадивых колхозников, выдавая им больше продуктов, чем колхозникам-активистам. В Надымском р-не весной 1933 г. богатые оленеводы и шаманы создали антисоветскую группировку в целях саботажа выполнения твердых заданий по заготовке пушнины. В середине 30-х годов врагом Советской власти был убит один из организаторов первых колхозов Г. С. Мирюгин.¹⁰

Враждебному влиянию крупных оленеводов активно противостояли широкие трудовые массы ненцев, видевших все преимущества советского строя несмотря на многие организационные и экономические затруднения. Число колхозов росло. К концу 1934 г. в тундровых районах Ненецкого национального округа имелось уже 6 артелей и 15 ТСВО, объединявших около 30 % всех кочевых хозяйств.¹¹ В Ямало-Ненецком национальном округе ввиду большой удаленности от хозяйственных и культурных центров этот процесс шел медленнее: в 1933 г. было коллективизировано всего 11.9 % общего количества хозяйств.

В некоторых местах нарушались директивы ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и необходимости исходить при ее про-

¹⁰ 30 лет Ямало-Ненецкого округа. Тюмень, 1960, стр. 5—6.

¹¹ Е. В. Бунаков. Ненецкий национальный округ Северного края. Труды Полярной комиссии, вып. 29. М.—Л., 1936, стр. 54.

ведении из местных условий (1930 г.). В Ямальском округе имели место факты обобществления охотничьего инвентаря, транспортных средств, что вызывало недовольство промысловиков.

В 1932 г. ЦК ВКП(б) еще раз обратил внимание на недопустимость искусственного убыстрения темпов коллективизации и необходимость исправления допущенных ошибок. «Там где не имеется для укрепления и развития смешанных и промысловых артелей необходимых условий, перевести артели на устав простейших производственных объединений. Организацию коммун категорически воспретить», — указывалось в постановлении.¹²

В результате тщательного обследования деятельности всех артелей часть из них как организационно и экономически окрепшие решено было оставить на уставе артели, другие были с согласия колхозников реорганизованы в ППТ. Так, в Ненецком национальном округе число артелей понизилось с 8 в 1932 до 7 в 1933 г., а количество ППО увеличилось с 5 в 1931 до 10 в 1933 г., в Ямало-Ненецком округе вместо имевшихся в 1932 г. 11 артелей и 3 ППО стало в 1933 г. 5 артелей и 10 ППО, в Таймырском — были оставлены 4 артели, ППО там было 10.

Дальнейшая коллективизация шла в двух основных формах — товарищества и артели, в зависимости от общего политического и хозяйственного уровня развития того или иного района.

Огромное значение для развития колхозного строительства имело первоначальное земельно-водное устройство, проводившееся на Крайнем Севере согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 10 сентября 1930 г. В задачи земельно-водного устройства входило выявление промысловых угодий и определение их хозяйственной ценности, изучение экономики края, закрепление охотничьих, рыболовных, пастбищных и других угодий за коренным и пришлым трудовым населением в размерах, обеспечивающих правильное ведение хозяйства, выделение территорий для надобностей государственных организаций. Землеустройство положило конец существовавшим еще остаткам вотчинного и родового пользования угодьями, многие участки, находившиеся ранее в пользовании крупных оленеводов, были изъяты и предоставлены колхозам и малоолненным группам населения. Во всех случаях колхозам отводились лучшие и наиболее удобные из имеющихся угодий.

Приведем в качестве примеров простейшего земельно-водного устройства на Европейском Севере ПНОК им. И. П. Выучейского, на Азиатском — колхозов Ямальского р-на.

В 1931 г. было начато, а в 1932 г. закончено первоначальное земельно-водное устройство Малоземельской тундры. При проведении его учитывались перспективы развития отраслей хозяй-

---

¹² М. Е. З и н г е р. Основные законы по Крайнему Северу, стр. 129.

ства, пожелания колхозников, фактическое использование угодий и т. п. Ввиду комплексности хозяйства у ненцев колхозу были выделены пастбищные, охотничье-промысловые, рыбопромысловые угодья, а также участок для промысла морского зверя. При этом более северная часть территории была в основном промысловой, южная — представляла собой пастбища. Кроме того, на случай гололедицы для всех пользователей Малоземельской тундры был выделен резервный участок.

В период 1932—1937 гг. проводилась практическая проверка рациональности и правильности проведенного устройства. Как оказалось, при проведении первичного устройства в достаточной мере были учтены интересы как самого колхоза, так и смежных с ним землепользователей: за все пять лет значительных нарушений границ не было. Однако использование участков внутри хозяйства проводилось в значительной степени бесплано, что приводило к застою производительности пастбищных и промысловых угодий, а в отдельных случаях — к ее падению. В то же время поголовье оленей неуклонно росло. Уравновесить кормовую способность пастбищ с растущим поголовьем должна была правильная организация территории — установление пастбищеоборота. Другими причинами, диктующими необходимость дальнейшего устройства территории колхоза, были тяга к переходу на оседлость и развитию подсобных отраслей хозяйства, в частности молочного животноводства, а также освоение новых участков.

В 1935 г. ВЦИК РСФСР вынес решение провести внутрихозяйственное устройство в трех оленеводческих колхозах Ненецкого округа. В число указанных трех колхозов постановлением Ненецкого окрисполкома от 4 I 1936 был включен и колхоз им. И. П. Выучейского. Внутрихозяйственное устройство территории колхоза было проведено в течение года (1936—1937). Границы первоначального устройства были изменены лишь незначительно в связи с тем, что многие единоличники за это время вступили в колхоз им. И. П. Выучейского, и их земли были прирезаны колхозу. Границы были закреплены межевыми знаками хекурами (*хекур'*) из местного материала (торф, земля, камни) высотой до 50—70 см. Площадь колхоза составляла 267 000 га. При распределении пастбищ по сезонам и проведении других работ привлекались как члены правления колхоза, так и опытные пастухи.¹³

При землеустройстве колхоза им. И. П. Выучейского, как и других колхозов Малоземельской тундры, особых трудностей не возникало. Несколько сложнее обстояло дело на Ямале.

---

¹³ Материалы по хозяйственному устройству территории колхоза им. И. П. Выучейского, расположенного в Малоземельском тунсове Ненецкого округа Северной области. 1936—1937 гг.

Простейшее земельно-водное устройство Ямальского р-на проходило ввиду его большей отдаленности несколько позднее — в 1935—1937 гг. В состав Ямальского р-на входило в тот период пять кочевых Советов: Ярсалинский, Южно-Ямальский, Нейтинский, Тамбейский и Тиутейский. Коренное население вело кочевой образ жизни, лишь незначительная часть членов колхоза «Харп» перешла на оседлость, имея несколько домов в пос. Яр-Сале. В связи с начавшейся в Ямало-Ненецком округе коллективизацией в конце 20—начале 30-х годов значительная часть крупных оленеводов из других районов устремилась на Северный Ямал как на территорию, наиболее оторванную от влияния Советской власти. Эти группы оленеводов стали проводить на Северном Ямале и зиму, вопреки сложившейся традиции. В одном только Южно-Ямальском Совете в 1935 г. было зарегистрировано 35 хозяйств, пришедших в этом году из Надымского и Тазовского р-нов.¹⁴

Первоначальное земельно-водное устройство не смогло до конца разрешить всех проблем. Оно главным образом ставило целью выявить существующее положение пастбищ и угодий и в какой-то мере организовать территорию тех 10 колхозов, которые были в районе на 1 V 1936 (одна артель и девять ППТ). Основным занятием всех колхозов было рыболовство (60% валового дохода), однако все они имели оленей. Основным занятием единоличных хозяев было оленеводство. К 1 V 1936 коллективизация в районе достигла лишь 16,8%. По численности оленей Ямальский р-н, отчасти ввиду притока оленеводов из других районов, стоял на первом месте — около 139 тыс. голов (в Пуровском — 10 тыс., в Тазовском — 20 тыс.). Таким образом, вопрос о пастбищах стоял остро. Забегая несколько вперед, отметим, что уже в послевоенные годы было проведено межколхозное землеустройство Ямальского и части Надымского р-нов. Задачей землеустроительной экспедиции этого года было выведение с Северного Ямала части оленьих стад для того чтобы ликвидировать возможность дальнейшего истощения пастбищ. В результате землеустройства часть населения была переселена в южную часть Ямальского п-ова. Из 440 хозяйств было оставлено только 75, объединившихся в три ППТ — «Красный охотник», «Няръяна Нярм» и «Няръяна Нумгы». В процессе межколхозного землеустройства также было проведено некоторое укрупнение колхозов: в 1945 г. их было 20, а в 1948 г. — 15.¹⁵

В период землеустройства создавались все новые коллективы, все большее число единоличников-оленеводов изъявляло желание трудиться совместно. О темпах коллективизации в Ненецком

¹⁴ Материалы межколхозного землеустройства Ямало-Ненецкого округа, 1946 г.

¹⁵ Проект межколхозного землеустройства, 1948 г.

национальном округе говорят следующие цифры, относящиеся к кочевому, в основном ненецкому, населению округа:

Год	Число колхозов	Хозяйств в них
1935	27	426
1938	40	657
1939	32	806

В 1939 г. число объединений уменьшилось за счет их укрупнения. В этом же году появилось 15 новых оленеводческих артелей за счет перевода ТСВО на устав артели в связи с их экономическим развитием.¹⁶ Процент коллективизации на 1 I 1939 составлял 86.

За эти же годы произошел решительный поворот к коллективизации и в Ямало-Ненецком округе.

Год	Число колхозов	Хозяйств в них	% коллективизации
1934	14	495	18.1
1938	113	3087	68.6

Колхозы округа организационно и экономически окрепли. Об этом, в частности, свидетельствуют рост поголовья оленей и развитие других отраслей хозяйства, появление новых отраслей, например, молочного животноводства. В 1938 г. план добычи рыбы колхозами был выполнен на 105.7%. Возросла доходность колхозов. Так, в 1937 г. доходность колхозов по отношению к 1933 г. составила 155.3%.¹⁷

В Ямало-Ненецком округе на 1 I 1938 в колхозы было объединено 1056 ненцев.

Коллективизация сыграла огромную роль в развитии хозяйства и культуры ненцев, о чем мы подробнее скажем в последующих разделах.

Следует отметить, что в ходе землеустроительных работ выявлялась общность хозяйства некоторых районов, в связи с чем уточнялись и несколько изменялись границы округов, организовывались новые Советы. В 1936 г. из Ямальского р-на (Ямало-Ненецкий округ) была передана в Надымский р-н территория, расположенная по правобережью Обской губы (так называемая Хэнская сторона — от названия населенного пункта Хэ), в связи с тем, что к этому времени использование оленеводами Ямала зимних пастбищ на правом берегу Оби почти прекратилось и связи Ямала с Хэнской стороной нарушились.

В состав Ямало-Ненецкого округа по решению правительства в 1937 г. был включен Шурышкарский р-н Ханты-Мансийского округа.¹⁸ В округе к 1938 г. было 18 Советов.

¹⁶ НОА, ф. 6, 1940, арх. инв. 7, св. 2, л. 35.

¹⁷ Колхозное строительство в Ямало-Ненецком округе. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 87.

¹⁸ Еще позднее, в 1944 г., в состав округа был включен Красноселькупский район.

Следует сказать немного о совхозном строительстве. Совхозы как государственные предприятия на хозрасчете стали организовываться в Ненецком округе Севкрайгосторгом в 1930 г. Было закуплено у единоличников 8544 оленя и организован первый совхоз. Развитию совхозного хозяйства мешало, однако, противодействие крупных оленеводов, которые вели агитацию против колхозов и совхозов, вытаптывали пастбища совхозов и т. д. Потребовалось специальное постановление Ненецкого окрисполкома для ограничения вредной деятельности крупных единоличников-олeneводоB (в частности разрешалась продажа оленей только колхозам или совхозам, была упорядочена сдача продукции оленеводства единоличниками и т. д.).¹⁹ В 1934 г. было создано еще два совхоза. Поголовье совхозных стад в 1937 г. составляло 25 221 оленей, а в 1938 г. — 26 697.

На Ямальском Севере создание оленеводческих совхозов произошло несколько позже и развивались они главным образом уже в послевоенные годы.

Рассказывая об успехах Советской власти на Севере, мы уже упоминали о большом значении развития торговли. В свое время создание интегральной кооперации много способствовало колхозному строительству.

В 1936 г. операции по торговле были переданы торговому управлению Главсевморпути. Во многих точках Азиатского Севера были открыты фактории ГУСМП, которые проделали большую работу по обеспечению населения необходимыми товарами и приему от населения сырья. Товарооборот в 1938 г. составил 150% по сравнению с 1936 г. На 1 января 1938 г. в Ямало-Ненецком округе работало 79 торговых точек, из них 7 разъездных.²⁰ После ликвидации карточной системы в стране и открытия свободной торговли стало возможным отделить розничную торговлю от приема продуктов северного хозяйства, тогда как до этого торговля в интегральной кооперации носила характер обмена.

Развитие советской торговли сыграло большую роль в деле освобождения ненецкого трудового населения из кабалы частных торговцев и крупных оленеводов, способствовало подъему культурного уровня населения. Г. Д. Вербов в 1936 г. на Северном Ямале наблюдал, как ненцы приобретали белье, платья, костюмы, шерстяные одеяла, детские игрушки, гребни, примусы и т. п. Часто спрос населения превышал возможности торгующих организаций.²¹

Вместе с сельским хозяйством росла на Севере и промышленность. В конце 1931—начале 1932 г. состоялась созданная Гос-

¹⁹ Материалы Окргстатуправления, 1938 г., Нарьян-Мар.

²⁰ Краткий обзор торговой деятельности в Ямальском округе. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 87.

²¹ Г. Д. Вербов. Заключение о работе некоторых организаций в тундре. Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 51.

планом СССР Конференция по размещению производительных сил на Крайнем Севере, которая наметила и перспективы развития промышленности. Создавать промышленность приходилось по существу заново; на ненецком Европейском Севере имелись только лесозавод с устаревшим оборудованием и маленький кирпичный завод. На Ямальском Севере до революции орудовали крупные рыбопромышленники Плотниковы, которые вывозили в Тобольск и Тюмень ежегодно до полумиллиона пудов высокосортной рыбы. Однако это способствовало обогащению только промышленников и никак не содействовало развитию экономики края. Напротив, работавшие на добыче рыбы в низовьях Оби ненцы подвергались бесчеловечной эксплуатации и разорению.²²

В 30-е годы появились первые рыбоконсервные заводы в Шойне, Салехарде, стала развиваться горная промышленность в Амдерме, стали проводиться разведочные работы. Развитие промышленности вызвало, помимо вовлечения в нее представителей народов Севера, значительный приток рабочих из других районов страны, что сыграло большую роль в повышении культурного уровня народов Севера. Строились новые поселки, стали появляться новые отрасли хозяйства.

Однако мирное строительство было прервано летом 1941 г. нападением на нашу страну фашистской Германии. Уже в начале войны большинство мужчин-ненцев ушло на фронт. Ушли на фронт председатели колхозов и тундровых Советов, пастухи, охотники, рыболовы. Свое умение ориентироваться в любой обстановке, метко стрелять, ходить на лыжах они с успехом применяли в боевых условиях. Многие ненцы осуществляли военные грузоперевозки на оленях в северо-западных районах страны. За проявленные героизм и мужество сотни воинов-ненцев были награждены боевыми орденами и медалями. Среди них можно назвать ненецкого поэта И. Юганпелика, делегата XXII съезда КПСС бригадира-оленевода А. Е. Ледкова, оленевода П. Ф. Тайбарей, И. А. Вынукана и многих других. Ненцы художник К. Панков и ученый-лингвист А. Пырерка отдали жизнь в боях за Родину. Погиб, защищая Ленинград, студент Зотов. При исполнении особого задания командования погиб сын оленевода В. Хатанзейский. Он был посмертно награжден орденом. Невозможно в рамках данной работы даже перечислить всех ненцев, участников Великой Отечественной войны. Когда-нибудь ненецкие поэты и писатели посвятят им свои книги. Как и во всей стране, на место мужчин, ушедших на фронт, встали женщины, готовые преодолеть любые трудности для скорейшего разгрома врага. Сотни женщин-ненок стали пастухами, рыболовами, охотниками. С первых дней войны стали работать пастухами в колхозе

---

²² См., например: А. Ду н и н - Г о р к а в и ч. Тобольский Север, т. I. СПб., 1904, стр. 211 и сл.

«Няръяна ты» (Малоземельская тундра) Е. Т. Явтысая, М. Ф. Канюкова — депутат Малоземельского тундрового Совета.²³ В колхозе им. С. М. Кирова женщины принимали активное участие в пушном промысле. Колхозницы Е. Талеева, К. Талеева, П. Ноготысая и другие успешно проводили лов песка капканами.²⁴ В районе р. Коротаихи была организована специальная женская бригада охотников. Эта бригада сразу же приступила к лову куропатки, выставив 2000 силков.²⁵ Народная инициатива породила новые формы помощи Красной Армии и флоту: в ненецких округах, как и по всей стране, проводился сбор средств в фонд обороны, сбор теплых вещей в подарок бойцам Красной Армии, которые в большинстве случаев с любовью шили сами колхозницы-ненки из оленьего и других мехов.

Фронтové и трудовые подвиги ненцев в годы Великой Отечественной войны были свидетельством их выросшего политического сознания, проявлением советского патриотизма.

Война принесла трудности в жизнь северных округов. Недостаток мяса в стране потребовал внепланового забоя оленей, в результате чего несколько снизилось их поголовье. Так, в Ямало-Ненецком округе на 1 I 1941 было 358 тыс. оленей, а на 1 I 1945 — 225 тыс.²⁶ Сократился завоз промышленных и продовольственных товаров.

Однако послевоенный период ознаменовался новыми успехами в развитии хозяйства и культуры. Решающее значение в этом имела работа партийных организаций, которые за годы Советской власти стали руководящей и организующей силой на Севере. Мы уже говорили о первых коммунистах-ненцах, беззаветно боровшихся в годы гражданской войны за установление Советской власти, о первой ячейке в колхозе ПНОК, созданной в 1930 г.²⁷ С тех пор число членов Коммунистической партии и ВЛКСМ непрерывно росло. В 1931 г. в тундре на Европейском Севере было всего 4 партийные ячейки, объединявшие 31 коммуниста, в 1933 г. — 14 ячеек, включающих 103 коммуниста.²⁸ В последующие годы в каждом колхозе и совхозе были созданы партийные организации.

Роль коммунистов в развитии общественного производства очень велика: на всех этапах борьбы за социалистические преобразования тундры они были в первых рядах организаторов и передовиков производства.

Приведем только два примера. Все оленеводческие бригады, в которых работал зоотехник Новопортóвского рыбозавода ком-

²³ Няръяна вындер, 23 июля 1941. В этом колхозе в годы войны пастухами работали почти все женщины, в 1943 г. колхоз вышел в число передовых.

²⁴ Там же, 11 февраля 1942.

²⁵ Там же, 25 апреля 1942.

²⁶ 30 лет Ямало-Ненецкого округа, стр. 48.

²⁷ И. Докучаев. Коммунисты — передовики оленеводства. Сов. Север, № 4, 1934.

²⁸ Ненецкий национальный округ. Сов. Север, № 1, 1934, стр. 89.

мунист Ермени Яптик, имели в 1964 г. высокие показатели. Е. Яптик непрерывно учится, совершенствует свое мастерство. Бригада рыбаков Надымского р-на, где бригадиром Иримбо Няданги, за путину 1964 г. сдала на приемные пункты около тысячи тонн рыбы. Все члены бригады — коммунисты. Одними из первых они стали использовать рюжи на подледном лове, непрерывно осваивают новые водоемы. Так, бригада освоила богатую частиковыми породами рыб реку Сядэй Харвута, которая раньше считалась священной и не облавливалась.²⁹

Большую помощь коммунистам оказывают комсомольцы. Первая комсомольская ячейка, куда вошли ненцы, появилась в с. Колва в 1925 г. В 1927 г. были организованы еще две — в Хоседа-Хард и Хорейвере. В 1929 г. на территории современного Ненецкого округа было 35 членов ВЛКСМ, главным образом из числа малооленных или безоленных ненцев. Комсомольцы активно участвовали в работе Советов, кооперации, организации колхозов.

В ямальных тундрах лучшая молодежь также вступала в комсомол, боролась за высокие показатели в оленеводстве, рыболовстве. В 1933 г. комсомольская бригада ненцев-олeneводоов Надымского совхоза (заведующий бригадой Ан Харючи) добилась высоких показателей: 95.8% сохранности взрослых оленей, 90.4% выхода молодняка.³⁰

Комсомольцы стремились повышать общеобразовательный уровень, получить нужные тундре специальности. Из первых комсомольцев впоследствии выросли замечательные кадры партийных и советских работников.

За годы Советской власти достигнуты значительные успехи в области развития хозяйства, культуры и быта ненцев.

В нашу задачу не входит подробная характеристика сельского хозяйства и промышленности национальных округов, в которых живут ненцы.³¹ В связи с освоением Крайнего Севера и значительным притоком туда населения эти округа являются многонациональными. Так, в Ненецком национальном округе по переписи 1959 г. русские составляют 71% всего населения, коми — 12%, ненцы — 11%, другие народности — 6%, в Ямало-Ненецком — 47% русских, 23% ненцев, 9% хантов, 8% коми, 2% селькупов, 11% представителей других национальностей (украинцев, белорусов, татар и др.). В Таймырском национальном округе

²⁹ Красный Север, 1 января 1965.

³⁰ Я. Кошелев. В ямальных тундрах. Сов. Север, № 6, 1934.

³¹ См. следующие работы: А. Н. Крупи н. Преображенный край (социалистические преобразования в Ненецком национальном округе за годы Советской власти). Архангельск, 1957; 30 лет Ямало-Ненецкого округа; К. Г. Куз а к о в. Национальные округа Крайнего Севера. М., 1964; Л. Е. К и с е л е в. Север раскрывает богатства. М., 1964; И. С. Г у р в и ч. Еще раз к вопросу о переходе малых народов Севера и Дальнего Востока к социализму. Вопр. ист. КПСС, № 9, 1964.

ненцы составляют всего 6% от общего многонационального населения округа.

Ненцы трудятся во всех отраслях хозяйства совместно с другими народами, однако поскольку нашей задачей является описание хозяйства, культуры и быта этой народности, мы позволим себе дать лишь очень краткую характеристику современного состояния промышленности и сельского хозяйства указанных национальных округов с тем, чтобы затем рассмотреть те изменения, которые произошли за годы Советской власти в хозяйстве и культуре ненцев.

Ненецкий национальный округ Архангельской области является районом рыбной и лесообрабатывающей промышленности, крупного оленеводства и пушного хозяйства.

Из промышленных предприятий большое значение имеет лесопильный завод им. Г. Хатанзейского, который в последние годы был оснащен новой техникой. Пиломатериалы, выпускаемые лесозаводом, вывозятся за границу (в ГДР, ФРГ, Швецию, Норвегию и др.), а также идут на нужды округа. Из года в год выпуск продукции увеличивается: в 1964 г. выпуск валовой продукции по сравнению с 1958 г. увеличился почти вдвое. Значительное развитие получила рыбная промышленность. Добычу рыбы ведет Нарьян-Марское отделение Рыбколхозсоюза, а приемку и переработку ее — Печорский рыбокомбинат. Последний ежегодно выпускает валовой продукции на сумму свыше 3 млн руб. Многочисленные цеха комбината производят копчение, консервирование различных пород рыб (400—500 тыс. банок в год), большое количество продукции отправляется в различные города в свежемороженом виде. Кроме того, рыбокомбинат дает 1—1.2 млн банок консервов из оленьего мяса. Вылов рыбы составляет 35—45 тыс. ц в год (за годы существования округа он увеличился почти в четыре раза). Ненецкий округ, в частности, дает около $\frac{1}{4}$ общесоюзного улова семги. В рыболовстве применяются механизация и наиболее совершенные орудия лова, так, в последние годы почти половина рыбы вылавливается механизированным и моторизированным флотом. В результате значительно выросла производительность труда.

Промышленность представлена также Нарьян-Марским и Канино-Тиманским (в пос. Индига) промкомбинатами, мясо-молочным комбинатом (г. Нарьян-Мар). Значительное развитие получила каменноугольная промышленность. В августе 1957 г. в Большеземельской тундре (пос. Хальмер-Ю) вступила в строй первая в Ненецком национальном округе угольная шахта. Позднее здесь открылась вторая шахта и был построен цементный завод. Связанный железной дорогой с Воркутой, он имеет большое тяготение к более южным районам и в последние годы был передан в подчинение совнархоза Коми АССР.

Все сельское население округа является членами колхозов или работает в совхозах. Тундровые колхозы и совхозы в большинстве своем многоотраслевые хозяйства, широко использующие достижения современной науки и техники. На 1 I 1964 в Ненецком национальном округе имелось 19 колхозов (10 рыболовецких и 9 сельскохозяйственных артелей), 2 совхоза и Нарьян-Марская сельскохозяйственная станция. Профиль хозяйств колхозов и совхозов может показать табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Название колхоза		Хозяйственный центр	Отрасли хозяйства			
			оленовод-ство	животно-водство	зверовод-ство	рыболов-ство
Рыболовец- кие кол- хозы	«Северный полюс».	Несь.	+	+	—	+
	Им. В. И. Ленина.	Великович- сочное.	—	+	—	+
	«Родина».	Любожское.	—	+	—	+
	«Победа».	Оксино.	—	+	—	+
	Им. С. М. Кирова.	Тельвиска.	—	+	—	+
	«Красное знамя».	Куя.	—	+	—	+
	«Активист».	Андег.	—	+	—	+
	Им. В. И. Чапаева.	Осколково.	—	+	—	+
	«Путь к комму- низму».	Н. Пеша.	+	+	—	+
	Им. XXII съезда КПСС.	Коткино.	—	+	—	+
Сельско- хозяйствен- ные артели	«Няръяна ты».	Хонгурей.	+	+	+	+
	Им. И. П. Выучей- ского.	Нельмин Нос.	+	+	+	+
	«Харп».	Красное.	+	+	+	+
	«Россия».	Ома.	+	+	—	+
	«Дружба народов».	Каратайка.	+	+	+	+
	«Путь Ильича».	Хорей-Вер.	+	+	+	—
	«Рассвет Севера».	Харута.	+	+	+	—
	«Тиманец».	Индига.	+	—	+	+
	«Красный Октябрь».	Кара.	+	—	+	+
Совхозы	Индигский.	Выучей- ское.	+	+	+	—
	Колгуевский.	Бугрино.	+	—	+	—
	Сельхозстанция.	Нарьян-Мар.	+	+	+	—

Как мы видим, из рыболовецких колхозов только в двух занимаются оленеводством, остальные осваивают добычу рыбы и животноводство. Как правило, последние объединяют русское население округа. Сельскохозяйственные артели, помимо оленеводства, в качестве ведущих отраслей хозяйства имеют животноводство, звероводство и рыболовство. Большинство колхозов в зимний период организует охотничьи бригады.

Ненецкое население объединено главным образом в оленеводческие колхозы. За первые пять лет семилетки выполнен план продажи государству мяса на 122,5%, молока — на 106%. Стали экономически крепче колхозы и совхозы округа. Их денежные доходы в 1963 г. по сравнению с 1958 г. возросли на 1452 тыс. руб., а неделимые фонды колхозов за тот же период — на 2359 тыс. руб. Все колхозы переведены на денежную оплату труда. Большая работа проведена по укреплению технической вооруженности колхозов и механизации трудоемких работ. Улучшилась материальная обеспеченность трудящихся. Товарооборот за пять лет увеличился на 1666 тыс. руб.

В Ямало-Ненецком округе ведущее место занимает рыбообрабатывающая и горная промышленность. Рыбная промышленность округа представлена Салехардским и Тазовским рыбоконсервными комбинатами, Кусеватским, Аксарковским, Пуйковским, Ново-Портовским, Гыданским рыбозаводами с разветвленной сетью рыбоприемных пунктов.³² Продукция Салехардского рыбокомбината известна по всей стране. В 1963 г. здесь было выпущено около 11,7 млн банок высококачественных консервов. До 1955 г. рыбная промышленность округа не имела рыбоморозильных транспортных судов, в настоящее время здесь работают свыше 20 таких судов. В округе были построены холодильники с использованием вечной мерзлоты. Рыбная промышленность оснащается тракторами и автомашинами для перевозки рыбы в зимний период. До 30 тыс. ц рыбы ежегодно вывозится из отдаленных водоемов самолетами. Внедряются новые орудия лова, расширяется активный и экспедиционный лов. Это позволило ликвидировать сезонность в добыче рыбы. В Салехарде работает лесопильный завод, обеспечивающий рыбную промышленность деревянной тарой.

В последние годы в округе большой размах получили геолого-разведочные работы. Были открыты богатейшие месторождения нефти и природного газа, в частности Тазовское, Тибей-Салинское, Ново-Портовское, началось их промышленное освоение.

Успешно развивается сельское хозяйство округа. В результате проведенного в 1961 г. укрупнения хозяйств было образовано 12 совхозов. По районам они распределяются следующим образом: в Приуральском р-не — 1 (Байдарацкий), в Ямальском — 3 (Ямальский, Ярсадинский, «Россия»), в Тазовском — 1 (Гыданский, позднее он был слит с рыбозаводом), в Пуровском — 2 (Нижне- и Верхне-Пуровский), в Надымском — 1 (Ныдинский), в Шурышкарском — 2 (Мужевский и Горковский), в Красноселькупском — 2 (Толькинский и «Полярный»).

---

³² На многих рыбоучастках, помимо добычи рыбы, развиваются и другие отрасли хозяйства — оленеводство, звероводство и др.

В двух последних районах основным коренным населением являются ханты и селькупы.

Все совхозы округа — многоотраслевые хозяйства (оленоводство, молочное животноводство, звероводство, рыболовство, охота). В округе имеется также одно охотничье-промысловое хозяйство (ПОХ) в таежной зоне (верховья р. Пур). Все большее значение в округе приобретает растениеводство.

Ненецкое население занято в разных отраслях хозяйства совхозов, рыбоучастков и промхозов, но главным образом в оленеводстве, рыболовстве и охотничьем промысле.

В округе неуклонно растет товарооборот. Торговая сеть на 1 I 1964 состояла из 270 торговых точек, где население округа может приобретать необходимые промышленные и продовольственные товары. Большое значение имеет развитие за последние годы общественного питания, только в 1964 г. были сданы в эксплуатацию четыре столовые. Растет число предприятий бытового обслуживания. Все это способствует повышению материального уровня населения.

Т а й м ы р с к и й   н а ц и о н а л ь н ы й   о к р у г в народном хозяйстве Красноярского края является районом горно-металлургической промышленности, развитого рыболовства, оленеводства и пушного промысла.³³

Ненецкое население округа, занимающее лишь крайне западную часть, в основном объединено в колхозах «Заря Таймыра» и «Новая жизнь». Основными отраслями этих колхозов являются рыболовство, охота, оленеводство.

---

³³ О Таймырском национальном округе см., например: А. Колониченко. Сегодня на Таймыре. Охота и охотничье хоз., № 11, 1960; В. И. Васильев, Ю. С. Симченко. Современное самодийское население Таймыра. Сов. этногр., № 3, 1963.

Глава 3

НОВОЕ В ТРАДИЦИОННЫХ ОТРАСЛЯХ ХОЗЯЙСТВА. ОТРАСЛИ ХОЗЯЙСТВА, ПОЯВИВШИЕСЯ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Мы уже отмечали выше, что колхозы и совхозы, где преобладающей национальностью являются ненцы, как правило, многоотраслевые хозяйства. В них развиваются оленеводство, рыболовство, охота и новые отрасли, появившиеся за годы Советской власти, — молочное животноводство, звероводство, в некоторых районах земледелие.

Оленеводство. Для ненцев по-прежнему ведущей отраслью хозяйства является оленеводство, которое за годы Советской власти значительно изменилось. Характеристике происшедших изменений мы предпошлем общие сведения.

Как мы попытались показать в предыдущих главах, социалистическая реконструкция оленеводческого хозяйства происходила в сложных условиях. В результате большой работы, проведенной партийными и советскими органами на местах, неуклонно стало расти общественное поголовье оленей, сначала за счет объединения в колхозы новых хозяйств, покупки оленей у единоличников и т. д., затем главным образом за счет воспроизводства. Приведем сравнительные данные за 1930, 1956¹ и 1963² гг. по Ненецкому национальному округу (табл. 2).

На 1 января 1964 г. в Ненецком национальном округе в общественном секторе было 146 224 оленя, что составило 88.4% общего числа оленей в округе. Примерно половина хозяйств колхозников, занимающихся оленеводством, имеет, кроме того, оленей в личной собственности (19 154 голов).

В Ямало-Ненецком округе в 30-е годы самую значительную группу составляли стада единоличников, где наряду с хозяй-

¹ А. Н. К р у п и н. Преображенный край, стр. 10.

² Материалы экспедиции автора в 1964 г.

Таблица 2

Категория хозяйств	Поголовье оленей, в %		
	1930 г.	1956 г.	1963 г.
Колхозы	8.6	70.5	73.4
Совхозы и другие государственные учреждения	13.3	13.7	15.0
Личная собственность колхозников	10.6	13.1	10.1
Личная собственность рабочих и служащих	—	2.6	1.46
Единоличники	67.5	0.1	0.04
Всего	100.0	100.0	100.0

ствами, имевшими по 20—30 голов оленей, встречались хозяйства с двумя-тремя тысячами оленей. Общественный сектор был еще слабым. Так, в 1932 г. в 12 колхозах насчитывалось всего 12 770 оленей. К 1938 г. общее поголовье оленьих стад в колхозах составляло уже 28 445.³ На 1 I 1964 в общественном секторе Ямало-Ненецкого округа насчитывалось 251.4 тыс. оленей. Кроме того, в личной собственности рабочих и служащих имелось 104 тыс. оленей, в среднем по 33 оленя на одно хозяйство.

Количество оленей в совхозах и колхозах различно. Так, на 1 I 1964 в Ненецком национальном округе оленеводческие колхозы и совхозы имели следующее количество оленей:

Колхозы:

«Харп»	18360	«Нарьяна ты»	7669
«Северный полюс»	16606	«Тиманец»	7248
«Путь Ильича»	16260	«Россия»	5546
«Рассвет Севера»	13578	«Путь к коммунизму»	3517
Им. И. П. Выучейского	12618	Индигский совхоз	8498
«Красный Октябрь»	10312	Колгуевский совхоз	6055
«Дружба народов»	9899	Сельхозстанция	10058

В Ямало-Ненецком округе на 1 I 1964 количество оленей у отдельных хозяйств было следующим (в тыс. голов):⁴

Ямальский р-н		Пуровский р-н	
Совхоз «Ямальский»	14.6	Совхоз «Пуровский»	16.3
» «Ярсалинский»	28.0	Совхоз «Верхнепуровский»	10.3
» «Россия»	16.5	Халесовинское ПОХ	2.3
Новопортовский рыбозавод	15.2		

³ 30 лет Ямало-Ненецкого округа, стр. 41.

⁴ Здесь мы приводим цифры только по районам, где оленеводством занимаются в основном ненцы.

Тазовский р-н		Надымский р-н	
Совхоз «Гыданский»	14.0	Совхоз «Надымский»	21.5
Тазовский консервный комбинат	34.5	Пуйковский рыбозавод	5.2
Приуральский р-н			
Совхоз «Байдарацкий»	19.4		
Аксарковский рыбозавод	10.0		
Имальская сельскохозяйственная опытная станция	8.5		

Как мы видим, наличие богатых ягелем пастбищ позволяет многим хозяйствам держать значительные стада оленей.

Колхоз «Заря Таймыра», в котором объединено наибольшее число ненцев Таймырского округа, имел на 1 I 1961 4415 оленей.

В результате коллективизации изменилась сама организация труда. Если прежде основная масса оленеводов выпасала каждый свое стадо, объединяясь только на некоторые периоды, то теперь совхозные и колхозные стада, а также оленей, находящихся в личной собственности рабочих совхозов и колхозников, выпасают специально выделенные для этого пастухи (*ты пэртя*). Благодаря этому высвободилось значительное количество рабочих рук, которые используются в других отраслях хозяйства.

Олени каждого колхоза, совхоза или рыбоучастка разбиваются на несколько стад, от 800 до 1500 голов в каждом. В общественные стада включают также оленей, принадлежащих рабочим совхозов или колхозникам.⁵

Количество важенков определяет рост поголовья, поэтому в колхозах, где состояние пастбищ позволяет увеличение размеров стад, стремятся к высокому проценту (до 60) маточного поголовья. Примерно 15% от общего поголовья составляют ездовые олени.

Каждое стадо обслуживает бригада оленеводов, состоящая из пяти-шести человек — бригадира, его заместителя, двух-трех пастухов и работницы чума. В зимний период в каждой бригаде обычно остается не более четырех-пяти человек, а в период отела правлениями колхозов часто выделяются дополнительно один-два человека. Все члены бригады, за исключением работницы

⁵ Число оленей, находящихся в личной собственности, в большинстве колхозов по решению колхозных собраний в последние годы не превышает 75 голов на один колхозный двор. Наиболее часто встречающееся количество — 10—40 голов. Есть колхозники и рабочие совхозов, не имеющие оленей в личной собственности. Следует отметить, что в связи с развитием общественного хозяйства число личных оленей из года в год сокращается. Так, по Ненецкому национальному округу можно привести следующие цифры:

	1 I 1960	1 I 1961	1 I 1962	1 I 1963	1 I 1964
Число оленей в личной собственности...	23822	22045	20348	20306	19154

чума, на которую возлагаются обязанности по приготовлению пищи и забота о рабочей одежде, несут регулярные дежурства в стаде в порядке очереди, устанавливаемой бригадиром. Основную массу пастухов составляют мужчины, однако в настоящее время среди опытных пастухов можно встретить и женщин.

Окарауливание производится на оленьих упряжках кругло-суточно. Пастухи используют оленегонных лаек. Залогом успеха работы каждой бригады является строгая дисциплина и добросовестное отношение к обязанностям. Во время дежурства пастухи должны следить за спокойным выпасом оленей, охранять их от возможного нападения волков, не допускать откола оленей и т. д. Большое значение имеет знание бригадиром и пастухами пастбищ, путей движения стада. В лучшие бригады включают учеников, которые под руководством опытных оленеводов приобретают необходимые знания и навыки.

После каждой смены пастухи информируют бригадира о всех происшествиях во время дежурства.

Большинство пастухов кочует вместе с семьями. В последние годы всячески пропагандируется и во многих районах применяется, особенно в летнее время, так называемый бесчумный выпас, т. е. способ пастьбы, при котором стойбище не снимается с места при каждом перегоне стада, а пастухи уходят на значительные расстояния от стойбища с легкой палаткой.

Годовой цикл ведения оленеводческого хозяйства и в настоящее время в основном остается прежним. Сохраняются и многие трудности, связанные с выпасом оленей в отдельные сезоны. Однако внедрение новых методов выпаса, использование в практике оленеводства научных достижений, помощь специалистов — все это позволяет поднять оленеводство на более высокую ступень и добиваться больших производственных успехов. В зимний период большое значение придается очередности использования пастбищ того или иного типа. В начале зимы используются пастбища в сырых елово-березовых лесах, в долинах рек и ручьев, где в этот период имеется подснежная зелень, которая позднее становится недоступной из-за глубокого снежного покрова. С середины зимы оленей выпасают в сосновых и лиственных борах, где снежный покров в течение всей зимы лежит ровным, рыхлым слоем. Особое значение придается окарауливанию оленей ночью, когда возможно нападение волков.⁶ Зимний рацион оленей беден минеральными веществами, поэтому во многих передовых бригадах практикуют подкормку оленей поваренной солью. В качестве кормушек используют обыкновенные нарты с дощатым настилом и бортиками (типа *вандако*).

---

⁶ В ненецком языке есть специальный термин *есь* — «караулить оленей ночью», «пастись оленей вообще» — *ты парць*.

Весной в период отела каждое стадо разделяют на две части — плодое стадо и группу транспортных оленей с молодым. Маточное поголовье подгоняют к укрытым от ветра богатым кормами пастбищам, где мелкий снег и много проталин. В этой группе работают наиболее опытные пастухи. В группе транспортных оленей в период отела проводят обучение молодняка, оленей выпасают вблизи чумов, отсюда берут оленей для дежурных упряжек.

По окончании отела производят подсчет оленей, чтобы определить размер приплода.

Перегон оленей на летние пастбища является также ответственным периодом, так как новорожденные телята еще слабы и нужно выбирать пути с хорошими кормами и легкими переправами через реки. Летний период связан с появлением оводов и мошкеры. Для отдыха стада на летнем пастбище пастухи выбирают участки, свободные от кустарников, с мягкой почвой, так как при полете оводов олени начинают движение по кругу и твердая почва может привести к заболеванию некробациллезом. Если олени начали кружение, обязанностью бригады является организация противоводных обработок стада препаратами ДДТ и гексохлорана.

Для летнего нагула оленей большое значение имеет такое их содержание, при котором животные кормятся любимыми растениями. Оно обеспечивается наилучшим образом при бесчумном выпасе. Основная задача в летний период — повышение упитанности оленей. Эта же задача стоит в период движения стад на осенние пастбища, когда повышается значение оленегонной лайки, помогающей предотвратить откол от стада групп оленей и предупреждающей о появлении волков.

Промышленный забой оленей производится по плану с 26 сентября по 20 октября, однако часто имеют место значительные опоздания.⁷ Это объясняется в ряде случаев недостаточным оборудованием забойных пунктов холодильниками или иными помещениями для хранения продукции, а также их небольшой пропускной способностью.

В передовых колхозах оленей, предназначенных для забоя, заблаговременно выделяют в так называемые нагульные стада, которые ведут к забойным пунктам особым маршрутом с хорошими пастбищами. Создание нагульного стада, выпасаемого на о. Сенгейском, где почти нет мошкеры и имеются хорошие пастбища, позволило, например, колхозу им. Выхучейского (Ненецкий

---

⁷ Специальной проверкой в Ямальском р-не установлено, что те олени, которых забивают в октябре, дают продукции почти в два раза больше, чем олени, забиваемые в декабре—январе. В первом случае выше ценность оленьих шкур, жирность мяса (Красный Север, 18 февраля 1961). В Ненецком национальном округе считается наилучшим периодом забоя оленей вторая половина сентября—первая половина октября (Няръяна вындер, 13 мая 1964).

округ) в 1963 г. добиться очень хороших результатов: 82,8% оленей этого стада имели высшую упитанность.⁸

Кастрация оленей проводится теперь специалистами. В начале сентября производится тщательный отбор хоров и важенок для случки. Подсчет оленей, отбор их для гона, выбраковка в период массового забоя, лечение, измерение, взвешивание, прививки и т. п. производятся в камерах постоянных или переносных загонів.

В прошлом у ненцев существовал загон (*ва'*), который устраивали из нарт, поставленных полукругом,⁹ и использовали для вылавливания оленей, необходимых для транспортных целей. Однако этот загон не удовлетворяет современным требованиям.

В настоящее время используются или деревянные загонь (корали), к которым подгоняют оленей для проведения тех или иных мероприятий, или переносные — веревочные, которые являются более удобными и поэтому более распространенными.

Современный переносный веревочный загон состоит из 20—25 десятиметровых сеток, каждая из которых насажена на пять легких, обычно еловых, струганых кольев. Высота стенок общего загонь 170—180 см, стенки рабочей и предварительной камер делаются немного выше и с более мелкой ячейей. Для того чтобы удлинить срок службы загонь, веревку дубят или слегка просмаливают, сетки часто просушивают и ремонтируют после каждого использования загонь. Перевозят загонь на специальных грузовых нартах с дощатым настилом. Очень важно организовать спокойный завод оленей в загонь, поэтому его часто устанавливают на берегу реки или озера: вдоль берега легче направлять оленей в загонь. Обычно при заводе стада впереди едет пастух, за санями которого привязано несколько смиренных важенок. Тихо двигаясь впереди стада в загонь, пастух зовом манит оленей за собой. Когда олени, войдя в загонь, несколько успокоятся, колья загонь закрепляют и устанавливают предварительную и запасную камеры. В последнюю выделяют оленей, которых нужно специально обработать или перевести в другое стадо. В окончательно подготовленном для выпуска оленей виде загонь состоит из трех-четырех камер¹⁰ (рис. 17). Учет оленей проводится обычно два раза в год, весной и зимой (в декабре), во многих совхозах и колхозах — ежеквартально.

Благодаря проведенным в разные годы мероприятиям по земельно-водному устройству в основном разрешен вопрос о максимально целесообразном использовании имеющихся пастбищ колхозами и совхозами ненецких национальных округов и оленеводческими колхозами Коми АССР, часть стад которых в лет-

⁸ Няръяна вындер, 17 января 1964.

⁹ См. гл. 4.

¹⁰ Северное оленеводство. Сб. под ред. П. С. Жигунова. М., 1961, стр. 151—154.

ний период выпасается в пределах Ненецкого национального округа. За каждым колхозом и совхозом закреплены определенные сезонные пастбища (соответствующие карты имеются у каждого бригадира), границы которых обычно не нарушаются оленеводами других колхозов. Однако положение с пастбищами требует постоянного внимания и в настоящее время. Во многих районах оленеёмкость пастбищ не позволяет колхозам увеличивать поголовье оленей. Дальнейшее развитие оленеводства здесь возможно только за счет повышения его продуктивности (повышения упитанности оленей и т. д.). При таких условиях строгое проведение пастбищеоборота, т. е. чередования отдыха и использования пастбищ, является основой рационального ведения оленеводческого хозяйства.

Первая попытка введения пастбищеоборота в Ненецком национальном округе была сделана в 1940 г. на зимних пастбищах опытного стада сельскохозяйственной станции. С 1951 г. трехлетний пастбищеоборот проводится на зимних пастбищах оленеводческого колхоза «Нярьян-ты» (Малоземельская тундра). Маршрут каждого стада этого колхоза был разбит на три участка с таким расчетом, чтобы на каждом из них возможно было выпасать стадо в течение всего зимнего сезона. На каждом участке имеются все виды пастбищ, приблизительно равноценных по запасу кормов. Границы пастбищ были нанесены на карты угодий колхозов. В результате введения пастбищеоборота повысилась упитанность всего поголовья оленей. Уже в 1955 г. 98 % забойного контингента оленей имели среднюю упитанность, чего не бывало раньше.¹¹ Позднее пастбищеобороты были введены во многих ненецких колхозах и совхозах, главным образом на зимних пастбищах, в результате повысилась упитанность оленей. В стадах, где введен пастбищеоборот, запасы кормов на пастбищах не истощаются, а, наоборот, пополняются. Это создает у оленеводов уверенность в хорошем проведении зимовок: они знают, что на случай стихийных бедствий есть запасной фонд, где олени найдут корм.

В большинстве колхозов при проведении землеустройства были сохранены традиционные маршруты сезонных перекочевок, сложившиеся на протяжении долгого времени. Так, колхозы Канинской тундры летом выпасают оленей на Канинском хребте, а на зиму уводят их по сравнительно узкому перешейку Канинского п-ова в Мезенские леса и низовья р. Вижас. Стада Индигского оленеводческого колхоза имеют летние пастбища в районе

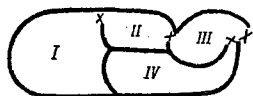

Рис. 17. Схема четырехкамерного загона.

I — общий загон; II — предварительная камера; III — рабочая камера; IV — запасная камера.

¹¹ А. Ф. К а н я к о в. Пастбищеоборот в колхозе «Нярьян-ты». Архангельск, 1957, стр. 31 (Библиотека оленевода).

Тиманского хребта, откуда олени перегоняются на зиму в леса к Омским болотам. Оленеводы Ямала имеют зимние пастбища по-прежнему в районе р. Надым. Однако, видимо, не во всех случаях эти маршруты удовлетворяют современным требованиям. В периоды весенних и осенних перекочевов стада оленей около двух месяцев, а в некоторых случаях и больше, находятся почти в непрерывном движении. Этот период является наиболее трудным в отношении условий труда и быта оленеводов. Кроме того, весенне-осенние переходные пастбища обычно являются наиболее истощенными: у многих колхозов они вытягиваются в виде довольно узкой полосы от летних пастбищ к зимним, и на них особенно трудно вводить пастбищеоборот.

В настоящее время проводится работа по выявлению возможностей выпасания оленей летом вблизи зимних пастбищ. Широкое применение препаратов гексохлорана и ДДТ для опрыскивания оленей летом во время появления оводов и комаров, а также солевая подкормка делают ненужным выход оленьих стад на побережье, основной целью которого является избавление от гнуса, а также использование морской воды для удовлетворения потребности в соли. Этот важный вопрос изучается научно-исследовательскими организациями округов, а также широко обсуждается на страницах местной периодической печати.

В повышении продуктивности оленеводства, как и в развитии других отраслей хозяйства, помощь колхозам и совхозам оказывают окружные сельскохозяйственные станции, специалисты которых на основе работ в стаде станции и обобщения опыта передовиков оленеводства разработали комплекс мероприятий по улучшению содержания и кормления оленей. Большое значение придается созданию правильной структуры стада. В частности, оленеводческим колхозам и совхозам рекомендуется в ближайшие годы довести количество маток в стадах до 58—60 %.

Такие мероприятия, как обмен производителями, солевая подкормка оленей в зимний период, рациональное использование ягельных пастбищ, племенная работа, опрыскивание гексохлораном и другими препаратами в летний период, включены в обязательные зоотехнические и ветеринарные правила по оленеводству и внедряются на практике. За последние два года колхозы и бригады Ненецкого округа произвели обмен более 800 хороших производителей, что способствовало увеличению продуктивности оленеводства. Производится регулярный отстрел волков с самолетов и вертолетов. В последние годы в Ненецком национальном округе количество волков значительно сократилось. Во многих оленеводческих колхозах оленеводы уже давно не встречали их. Это результат многолетней планомерной работы по уничтожению волков с воздуха.

За годы существования национальных округов в тундре проведены массовые ветеринарные мероприятия по предохранению

олений от инфекционных заболеваний. В настоящее время ежегодно проводятся прививки для предупреждения заболеваний домашних животных и пушных зверей, а в случае возникновения вспышек инфекционных болезней проводятся экстренные комплек-

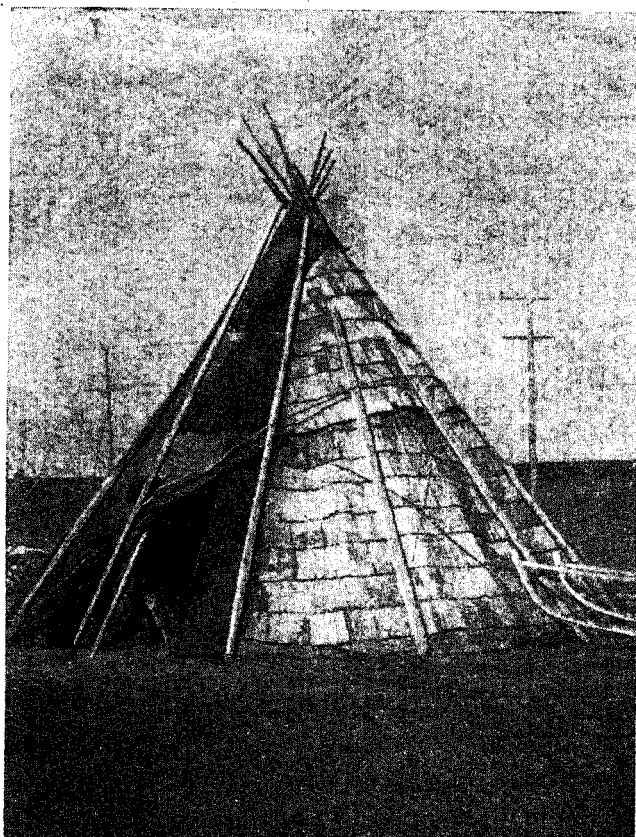

Рис. 18. Летний чум оленевода.

ные противоэпизоотические мероприятия для быстрейшей ликвидации заболевания. В результате ликвидирована такая страшная болезнь, как сибирская язва. Проводятся также успешные мероприятия по борьбе с некробациллезом и глистными заболеваниями оленей.

В Ненецком, Ямало-Ненецком и Таймырском округах работает обширная зооветеринарная сеть, все колхозы и совхозы обслуживаются специалистами сельского хозяйства. Так, в Ямало-Ненецком округе в настоящее время работает около 150 зоотех-

ников, ветврачей и ветфельдшеров. Ветеринарные работники оказывают большую помощь правлениям колхозов и бригадам в проведении всех зоотехнических и ветеринарных мероприятий.

Большое значение для успешного развития оленеводства имеет передача опыта молодым оленеводам, которая проводится в повседневной работе, а также на периодически проводимых совещаниях оленеводов.

В результате совместной работы партийных, советских и сельскохозяйственных органов возросла культура выпаса оленей и повысились производственные показатели работы пастушеских бригад. Так, в среднем за 1953—1954 гг. взрослое поголовье было сохранено в оленеводческих колхозах Ненецкого национального округа на 91, в совхозах — на 97%, а телята — соответственно на 75 и 89%. Прирост в весе составил в колхозах 16 и в совхозах 26 ц на каждые 100 оленей, имевшихся к началу года.¹² В последующие годы оленеводы округа добились еще больших успехов: в 1959 г. взрослое поголовье сохранено в колхозах на 96, а в совхозах — на 99%, а от каждых 100 январских важенков получено в колхозах 83, а в совхозах 89 телят. Следует отметить, что Ненецкий национальный округ по производственным показателям оленеводства находится на одном из первых мест среди других оленеводческих районов СССР.

В ненецких округах стало традицией проведение Дня оленевода. На этом празднике (он проводится обычно в начале августа по районам) оленеводы отчитываются о проделанной за год работе, отмечаются лучшие колхозы, бригады, пастухи. День оленевода заканчивается соревнованиями в национальных видах спорта — метании аркана, топора, прыжки через нарты, гонки на оленьих упряжках и т. д.

В связи с задачами строительства коммунистического общества перед Ненецким, Ямало-Ненецким и Таймырским национальными округами встает проблема постепенного перехода к оседлости всего населения тундры.

В настоящее время все оленеводческие колхозы и совхозы имеют свои постоянные базы, строительство в них хозяйственных построек и жилых домов продолжается. Однако создание поселков способствовало переходу к оседлости лишь части населения, связанной с новыми отраслями хозяйства (молочное животноводство, звероводство), строительными работами и т. д. Члены оленеводческих бригад и большая часть их семей до последнего времени продолжали вести кочевой образ жизни в связи с сезонными переходами оленей.

---

¹² А. Н. К р у п и н. Преображенный край, стр. 12.

Мы уже упоминали, что маршруты перекочевков некоторых колхозов и совхозов достигают несколько сотен километров. Базы оседания многих колхозов и совхозов расположены в районе весенне-осенних пастбищ, примерно на полпути между летними и зимними пастбищами, в местах, мимо которых оленеводы проходят особенно быстро, не имея возможности задерживаться. В этих случаях колхозный поселок фактически не играет почти никакой роли в жизни членов оленеводческих бригад. Ниже мы будем говорить о недостатках чума как жилища по сравнению с домом. Оседлый образ жизни способствует повышению культурного уровня коренного населения, создает необходимые условия для медицинского обслуживания, нормального снабжения, способствует привлечению коренного населения к общественной жизни. Неудивительно, что в последние годы встал вопрос о необходимости скорейшего перехода к оседлости всего населения тундры.

Еще в 1959 г. окружная газета «Нярьяна вындер» опубликовала в порядке обсуждения статью ненца В. Ледкова «О перспективах развития северного оленеводства», где автор высказывал ряд интересных соображений по поводу ведения оленеводческого хозяйства в условиях перехода оленеводов к оседлому образу жизни.¹³ На примере колхоза «Нярьяна ты» Ледков показал, что переход к оседлому образу жизни всего населения тундры даст возможность развивать экономику оленеводческих хозяйств в более рациональных формах, повысит производительность труда, поднимет культурно-просветительную работу. Автор предложил колхозам округа, ставшим экономически крепкими, приобрести у государства транспортные средства, необходимые для проведения смены дежурств пастухов (небольшие самолеты, вертолеты, гусеничные вездеходы), что даст возможность всем членам оленеводческих бригад жить на базах оседания с выездами в стада лишь на период дежурства. При этом целесообразно, по мнению автора, установить еженедельную, ежедекадную, а там, где это невозможно, ежемесячную или даже посезонную смену дежурств, так как практикуемая в условиях кочевого оленеводства ежесуточная смена не может обеспечить рентабельность использования техники. Высказывались и другие предложения, связанные с реорганизацией оленеводства: строительство промежуточных баз, замена чума переносным домиком облегченной конструкции, введение полувольного выпаса оленей в изгородах в летне-осенний период.

С 1960 г. началось практическое осуществление перехода всего коренного населения ненецких национальных округов к оседлому образу жизни. Так, при исполнении Ненецкого окружного Совета депутатов трудящихся была создана комиссия по пере-

¹³ Нярьяна вындер. 25 января 1959.

воду на оседлость кочевников-оленоводов. В ее состав вошли представители партийных и советских органов, специалисты сельского хозяйства, научные работники Нарьян-Марской сельскохозяйственной опытной станции и руководители некоторых оленеводческих колхозов. За последующие годы в округе была проделана большая работа по осуществлению указанной выше задачи: построены домостроительные и мебельные цехи на лесозаводе, сдано в эксплуатацию свыше 800 жилых домов для семей оленеводов, построено большое количество клубов, школ, медицинских пунктов, детских учреждений, различных объектов хозяйственного назначения. Лучше других вели строительство колхозы «Дружба народов», «Рассвет Севера», «Путь Ильича». Одновременно со строительством проводились мероприятия по изменению технологии выпаса оленей: перевод оленеводческих бригад на сменный выпас.

Впервые сменный выпас оленей был осуществлен летом 1960 г. в 5-й бригаде колхоза «Нярьяна ты». Маршрут стада от летних до зимних пастбищ составляет 150 км, т. е. относительно невелик по сравнению с маршрутами других стад. Весенние, летние и осенние пастбища этого стада расположены очень близко к оседлой базе колхоза (пос. Хонгурей) и смену пастухов можно было осуществлять на оленях.

Бригада, состоявшая из шести человек, была разделена на два звена. В одно входили бригадир и два пастуха, в другое — заместитель бригадира и также два пастуха. В то время как одно звено дежурило в стаде, второе находилось в поселке и выполняло другие хозяйственные работы. Летом и осенью звенья менялись каждые 10—12 дней, зимой — каждые 20—30 дней, так как приходилось использовать рейсовые самолеты на участке Нарьян-мар—Коткино. Смена производилась таким образом, что бригадир, отпустив на базу пастухов своего звена, дожидался приезда заместителя и других пастухов, а потом уже сам ехал на базу. Так же поступал заместитель. Помимо организации работы бригады, в их обязанность входило снабжение пастухов продуктами. После дежурства в стаде и перед отправкой на новое дежурство пастухам давались один-два дня на отдых и сборы. В период отела вся бригада объединялась для работы в стаде, которое насчитывало 1500 голов: в этот период самцов отделяют от самок и практически нужно выпасать два стада. Кроме того, отел — наиболее ответственная пора в оленеводстве.

В первый период работы стада по новому методу члены бригады жили летом в легкой палатке, а зимой и осенью — в утепленной, имевшей два окна и небольшую железную печку. Обе палатки принадлежали колхозу, поэтому не требовалось оленей на их перевозку от базы к стаду, таким образом появилась возможность увеличения маточного поголовья за счет ездовых быков. Опыт колхоза «Нярьяна ты» показал, что при сменном выпасе

производительность труда повысилась на 35—40%.¹⁴ В течение половины всего времени пастухи имели возможность жить на базе, а их семьи проживали там постоянно.

В 1962 г. в колхозе «Нярьяна ты» было проведено укрупнение стад и в 5-й бригаде стадо увеличилось до 1988 голов (из них 60 % важенок). В связи с этим бригада была увеличена до восьми человек. Помимо работы в стаде за каждым членом бригады были закреплены определенные обязанности (уход за палаткой, нартами, упряжью и т. д.). Летом 1962 г. по проекту работника Нарьян-Марской опытной станции А. С. Пономарева бригадир стада К. А. Попов и пастух Н. М. Ледков построили для бригады балок — небольшой домик, установленный на санях.¹⁵ Жизнь в балке дает возможность оленеводам в свободное от дежурства время спокойно отдыхать в теплом, просторном помещении.

Производственные показатели в 5-й бригаде за годы работы по новому методу говорят сами за себя:

	1959 г.	1963 г.
Сохранение взрослых оленей (в ‰)	95.4	96.3
Деловой выход молодняка (в ‰)	74.3	88.0
Выход мяса на 100 январских оленей (в ц) . .	—	27.7

Опыт 5-й бригады получил распространение в округе. В 1964 г. перешли на сменный выпас оленей все девять бригад колхоза «Рассвет Севера» (база — пос. Харута), одного из крупнейших колхозов округа (12 тыс. оленей). Однако в колхозе «Рассвет Севера» самые длинные маршруты в округе (1200—1500 км), некоторые бригады уходят на зиму в леса Коми АССР, поэтому смену пастухов в бригадах приходится проводить один раз в квартал, а бригадир и его заместителя — раз в полугодие, после подсчета оленей. Для смены используются разные виды транспорта в зависимости от времени года и расстояния до поселка — олени, железная дорога, гужевой транспорт, самолеты. Как и в 5-й бригаде колхоза «Нярьяна ты», в период отела все восемь человек бригады находятся при стаде. В связи с этим отрыв пастухов от семей фактически удлиняется и некоторые жены с детьми время от времени вынуждены кочевать со стадами, что сводит на нет все преимущества сменного выпаса.

На 1 I 1964 в Ненецком округе по новому методу работало 13 бригад. В колхозе «Тиманец» бригада также построила балок.

5-ю бригаду колхоза «Нярьяна ты» посещают председатели и бригадиры из других колхозов для ознакомления с устройством балка и методом сменного выпаса оленей.

¹⁴ А. С. Пономарев. Новая организация выпаса оленей. Нарьян-Мар, 1963.

¹⁵ Его описание см. в гл. 4, ч. II.

Несмотря на имеющиеся успехи, проблема перехода к оседлости ненецкого населения еще далека от разрешения. В Ямало-Ненецком округе в 1964 г. 2287 семей ненцев, хантов и селькупов продолжали еще вести кочевой образ жизни.

Для скорейшего разрешения этой важнейшей проблемы и успешного развития оленеводства необходимо осуществить следующее: 1) построить нужное количество удобных жилых домов для оленеводов; 2) разрешить проблему транспорта (снизить тарифы на перевозку пастухов самолетами и вертолетами, завезти необходимое количество аэросаней, вездеходов и т. д.); 3) создать удобные транспортабельные жилища для каждой бригады пастухов; 4) обеспечить всех оленеводов портативными рациями, световыми ракетами и др.

Охота и рыболовство. Охота сохраняет важное значение в хозяйстве ненцев. За годы Советской власти охотничий промысел стал одной из доходных отраслей хозяйства. Государство неоднократно повышало заготовительные цены на пушнину, что стимулировало заинтересованность охотников и позволило увеличить ее заготовку.

Большое значение в развитии охотничьего промысла имело проведение охотоустройства и закрепление охотничьих угодий за колхозами. В последние годы положено начало широкому проведению ряда биотехнических мероприятий в пушном промысле (подкормка и т. п.), больше внимания уделяется дальнейшим внутриколхозным охотоустроительным мероприятиям, промысловой разведке. Установлены определенные сроки охоты.¹⁶

Не менее важное значение имели проведенные несколько лет назад обобществление охотничьих промыслов и переход к оплате охотников по трудодням. Инициатором обобществления охотничьих промыслов был колхоз «Красный Октябрь» Амдерминского р-на (Ненецкий национальный округ), в результате чего в 1956 г. было получено 917 тыс. руб. дохода;¹⁷ по его примеру успешно проводится обобществление охотничьих промыслов и в других колхозах округа. Строительство охотничьих избушек создает благоприятные условия для труда охотников.

Изменилась сама организация промысла: основным звеном в промысле пушного зверя стала колхозная бригада во главе с бригадиром. В некоторых районах созданы промыслово-охотничьи хозяйства (Промхоз, или ПОХ) — верховья р. Пур, нижнее течение р. Енисей.

Следует отметить, что не все колхозы и совхозы в достаточной мере занимаются организацией охотничьего промысла. Охотничьи бригады обычно создаются лишь на период сезона охоты,

¹⁶ На зайца, горностаю, белку и других мелких зверьков охота разрешена с 1 ноября. На песца — в зависимости от промысловых условий — несколько позже.

¹⁷ В старом исчислении.

причем часто выделяется для ведения охоты недостаточное число охотников, бывает, что опытные охотники в период промысла заняты на других работах.

Одной из форм успешного развития охотничьего хозяйства, как показывает опыт колхоза им. С. М. Кирова Усть-Енисейского р-на (Таймырский национальный округ), является создание специализированных охотничьих бригад. Расскажем об этом опыте несколько подробнее.

Колхоз им. Кирова (хозяйственный центр — пос. Воронцово) объединяет 86 семей ненцев, энцев, нганасан и русских. По производственным показателям это — одно из передовых хозяйств в Таймырском национальном округе. Основные отрасли хозяйства — рыболовство, охотничий промысел и оленеводство. Пушной промысел дает значительный доход колхозу (до 30 % общего дохода), в нем постоянно участвует 35—40 сезонных охотников — шесть бригад. С 1960 г. в колхозе существует специализированная бригада охотников, состоящая из 11 человек, которые в отличие от сезонных охотников работают в своей отрасли в течение круглого года. Бригадой руководит опытный охотник-ненец А. Е. Вануйта. На промысловом участке площадью 80 тыс. га, расположенном по правому берегу Енисейского залива, охотники осуществляют лов главным образом песца с помощью пастей и капканов крупного размера, в среднем по 214 пастей и 42 капкана на охотника. Рабочее время подразделяется на два периода — подготовительный (апрель—октябрь) и промысловый (ноябрь—март). В течение подготовительного периода охотники ремонтируют и строят новые пасты, заготавливают приваду, развозят ее по охотничьим участкам и т. п. В промысловый период на собачьих упряжках проводится регулярный (через пять-семь дней) осмотр капканов и пастей.

Специализированная промысловая бригада добывает 30 % и более общего количества пушнины, добываемой колхозом. Специализированные бригады получили распространение и в других колхозах округа. Такая организация охотничьего промысла повышает производительность труда примерно на 50 %. Среднегодовая добыча пушнины охотниками тундровой зоны Ямало-Ненецкого национального округа, где организованная подготовка бригад к промыслу не практикуется, выражается в 370 руб., а охотниками Таймырского национального округа — в 574 руб.¹⁸

В 1964 г. в Ямало-Ненецком округе был изменен порядок сдачи пушнины: с IV квартала заготовку пушнины и выдачу зарплаты охотникам, обработку и отправку пушнины Московскому холодильнику ведут непосредственно совхозы. Это повысило материальную заинтересованность и в IV квартале 1964 г.

¹⁸ В. С к р о б о в. Специализированные охотничье-промысловые бригады в колхозах Таймырского национального округа. Охота и охотничье хоз., № 10, 1963.

было заготовлено пушнины в полтора раза больше, чем в тот же период 1962 г.

Помимо организационных мероприятий, проводимых в колхозах и совхозах и способствующих повышению производительности труда охотника, в последние годы совершенствуются и орудия лова.

В настоящее время песец является основным пушным промысловым зверем в районах расселения ненцев. На территории Ненецкого округа, в частности, на долю песка приходится более 80 % стоимости заготавливаемой пушнины.

В результате использования опыта передовых охотников вырабатываются более совершенные типы деревянных ловушек, которые с успехом применяются наряду с железными капканами. Так, в 1950 г. была применена в Большеземельской тундре кормушка-ловушка конструкции С. А. Кожеева. Она относится к типу живоловящих самоловов и представляет собой сочетание ящичной ловушки с ловчей ямой. Она устанавливается в местах массового скопления песцов, а также на путях их миграции обычно в сентябре, чтобы к началу промыслового сезона деревянные части их обветрились. Длительность службы ловушки при хорошем уходе 15—20 лет. Ловушка состоит из четырехугольной ямы глубиной 1,5—2 м и наземного сооружения. Наземная часть ловушки напоминает большой прямоугольный ящик без дна длиной 3 м. Крыша двухскатная, с плоской средней частью, имеющей две дверки на шарнирах. Ловчий аппарат состоит из двух дощатых труб, расположенных внутри ловушки вдоль боковых стенок.

Пользуются ловушкой следующим образом. В октябре, с наступлением морозов, на дно ямы закладывают приваду (низкосортную рыбу, мясо морского зверя, отходы забоя оленей и т. п.). Над ямой устанавливают ловчий ящик, который заваливают камнями и землей. На дно ямы от входных труб опускают трапы. Почуввав запах привады, песцы подходят к ловушке, заходят в трубу и по трапу спускаются внутрь ямы. Наевшись, они свободно поднимаются по трапу и выходят наружу. Охотник время от времени осматривает ловушки и, если надо, дополнительно закладывает приваду. Перед началом промыслового сезона трапы из ям убирают, а в трубы вставляют качающиеся полы. Привыкший к посещению ловушки зверек смело лезет в трубу, но, не дойдя до середины, проваливается сквозь створки качающегося пола. Отдельные песцы в поисках пищи забираются на крышу ловушки и проваливаются сквозь качающиеся дверки. Осматривают ямы и вынимают пойманных песцов через верхние качающиеся дверки.¹⁹ Применение этой ловушки в Большеземельской тундре дало хорошие результаты.

¹⁹ В. Д. Скрябин, В. С. Кожеев. Охота на песка. Архангельск, 1957, стр. 20—23.

Широкое распространение среди охотников района р. Кары (Большеземельская тундра) получила также так называемая карская переносная пасть (кулема), сконструированная ненцами-охотниками П. А. Тайбареем и М. С. Вылкой и впервые примененная в 1943 г. охотниками колхоза «Красный Октябрь». К четырем вертикальным стойкам на высоте 25 см от земли (с внутренней их стороны) врезаются или приколачиваются гвоздями боковые доски-борта длиной 150 см. Эти боковины связываются между собой балками (брусками), на которых укрепляется дощатый пол шириной 40 см, который вместе со стенками образует подобие коридорчика на четырех ножках. Гнет пасти составляют две скрепленные между собой доски, общая ширина которых равна ширине коридорчика. На верху гнета сделан ящик без крышки, в который накладывается груз (земля, лед, камни) для увеличения тяжести гнета. Настораживающий механизм состоит из упорного порожка, упорной планки и скрепляющей стрелки, на остром конце которой укрепляется приманка. Описанная пасть удобна тем, что ее легко можно перемещать с одного места на другое: ее вес около 30 кг. В 1957 г. карские охотники использовали уже 862 переносных пасти.²⁰

На всей территории расселения ненцев в настоящее время широко применяются капканы новейших конструкций (тарелочные капканы №№ 3 и 5, «Зверобой» и др.). На основе обмена опытом вырабатываются наиболее целесообразные методы закладки привады и установки капканов.

В годы, бедные леммингом, большое внимание уделяют заготовке и закладке привады. Эта работа проводится с апреля до декабря, т. е. с конца одного промыслового сезона до начала нового. Приваду укладывают в ямы в местах концентрации нор песца, обычно на возвышенностях, по 300—1000 кг в каждую. Ямы закладывают рядом бревен или заваливают камнями и землей. В одном или нескольких местах оставляют лазы такой ширины, чтобы песец, доставая корм, не мог залезть в яму. В течение промыслового сезона эти ямы служат основными местами лова. За несколько дней до начала промысла охотник подготавливает места для установки капканов, раскладывая ловчую приманку. На месте, выбранном для установки капкана, при помощи ножа и лопатки делают лунку, соответствующую размеру капкана в настороженном виде, глубиной 5 см. Капкан настораживают и вкладывают в лунку. Затем его осторожно засыпают свежевыпавшим снегом.²¹

²⁰ Там же, стр. 23—25.

²¹ Карские охотники (Большеземельская тундра) делают маскировку капкана по методу охотника С. Я. Хозяинова: насыпанный снег сглаживают лопаткой, после чего пульверизатором или через рот обрызгивают мелкими брызгами воды, образующими на морозе тонкую корочку льда, которая препятствует сдуванию снега с замаскированного капкана (В. Д. Скрябин, В. С. Кожевин. Охота на песца, стр. 6).

Перед установкой капканы вываривают в кипятке, тщательно очищают их от заводской смазки и ржавчины, а затем подвешивают на улице для выветривания. Рукавицы натирают приманкой.

Один из лучших охотников Ненецкого округа колхозник артели «Красный Октябрь» А. Ф. Хатанзейский является неоднократным участником Выставки достижений народного хозяйства СССР. Семилетнее задание по добыче пушнины он выполнил в течение двух сезонов, сдав государству пушнины на 5800 руб. (в новых деньгах). А. Ф. Хатанзейский большое внимание уделяет подготовке к промыслу (заготовка привады, подготовка орудий лова). Своими приемами охоты он делится с другими промысловиками.²²

Внесены усовершенствования в традиционный способ лова песка загоном. С 1940 г. в Ненецком национальном округе для промысла песка загоном применяются сети. Загонная сеть изготовляется обычно из готовой дели, предназначенной для ловли семги. Она состоит из отдельных звеньев длиной 20—24 м каждое. Высота сети 2—2.5 м. При охоте с сетью за замерзшим озером или другим ровным местом устанавливается поддерживаемая кольщиками сеть общей длиной около 200 м. Охотники выезжают двумя партиями. Впереди едут ведущие (обычно бригадиры), затем стрелки, замыкают женщины, старики и дети. Охватывается площадь 70—100 км². Участники загона, криками вспугивая зверя и постепенно сближаясь, гонят животных на сеть. Когда круг сузится достаточно, охотники соскакивают с нарт и стреляют по животным, оказавшимся в кругу. Сеть заменяет собой немалое количество охотников.²³ Правила охоты в Архангельской области запрещают сейчас загонную охоту на песцов. Специалисты же считают, что с начала сезона до середины января в годы массового хода песка лов загоном может применяться без ущерба для запасов этого зверя.²⁴

Следует упомянуть также о ловле ондатры в восточных районах расселения ненцев. Ондатра (североамериканская мускусная крыса) была выпущена в 1936 г. в р. Полуй, а в 1937 г. — в р. Пур всего в количестве 100 штук. Она хорошо акклиматизировалась и распространилась на значительной территории Ямало-Ненецкого округа. Высокая стоимость шкурки ондатры при легком способе ее добычи делает промысел этого зверька доходным. Однако далеко не все уголья, населенные ондатрой, осваиваются.

Охота на дикого оленя сейчас практикуется лишь на Северном Ямале, на Гыданском п-ове, в отдельных районах бассейнов рек Надым, Пур и Таз и в низовьях Енисея. В этих районах по-прежнему в пищу и на хозяйственные нужды идут мясо и шкуры пре-

²² Охота и охотничье хоз., № 3, 1963.

²³ Л. В. Хомич. Ненцы Малоземельской тундры, стр. 43; В. Д. Скробов, В. С. Рожевин. Охота на песка, стр. 14—20.

²⁴ Охота и охотничье хоз., № 4, 1963.

имущественно диких оленей. Промысел оленя главным образом индивидуальный, с ружьем.

Колхозы, совхозы и рыбозаводы, расположенные по побережьям морей и морских заливов, ведут промысел морского зверя. Особенно большое значение придается промыслу белухи, которая является ценным промысловым зверем, кроме того, постоянно питаясь рыбой, она наносит серьезный ущерб народному хозяйству. Белуха встречается по всему северному побережью ненецких округов и заходит в Енисейский залив, Обскую, Байдарацкую, Чешскую, Варандейскую губы. Промысел ее производится с помощью ставных сетей из стального троса или двухмиллиметрового капронового шнура. Более эффективна металлическая сеть (предложил ее гарпунер Д. Буторин): она малозаметна в воде. Белуха попадает в сеть хвостовым оперением, причем, врезаясь в тело, стальной трос парализует зверя; в одну сеть может попасть от 10 до 20 белух.

Промысел нерпы ведется с помощью руж, главным образом в зимнее время.

Для морского промысла колхозы и совхозы выделяют, как правило, по два-три рыбака, обеспечивают их орудиями лова и транспортом. В настоящее время в Ненецком национальном округе ставится вопрос о создании межколхозных специализированных бригад зверобоев, что способствовало бы экономии транспортных средств и лучшему использованию рабочей силы.

Из птиц промышляют гусей на внутренние нужды и куропаток, которых в урожайные годы сдают в значительных количествах заготовительным организациям.

Говоря о развитии охоты и охотничьего хозяйства в ненецких округах, нельзя не отметить большого значения еще одной новой формы организации. Это промыслово-охотничье хозяйство, появившиеся в Ямало-Ненецком и Таймырском национальных округах. Расскажем несколько подробнее о работе Халесовинского промхоза (Пуровский р-н, Ямальский национальный округ). Промхоз существует с 1961 г. Он расположен в таежной зоне, основным промысловым зверьком здесь является белка, составляющая около 90 % всей добываемой пушнины. На втором месте — ондатра, которая все дальше уходит в верховья р. Пур. В небольших количествах промышляют белого песца, горностая, лисицу, выдру, росомуху и соболя. На охотничьих угодьях построены избушки, охотники снабжаются винтовками, капканами, палатками, оленьим транспортом. В результате хорошей организации труда промхоз добился больших успехов. В 1962 г. он получил 10 тыс. руб. чистой прибыли вместо запланированных 13 тыс. руб. убытка, так как учитывался первый начальный этап организации. В 1963 г. промхоз сдал государству высококачественной пушнины на 40 тыс. руб., вместо запланированных 32 тыс. Халесовинский промхоз проводит также добычу рыбы в местных водоемах.

В 1963 г. было выловлено свыше 3 тыс. ц рыбы. За период существования промхоза резко повысилась зарплата рабочих, все охотники и рыбаки своевременно используют отпуска, работают в нем в основном лесные неницы. В промхозе повышается общеобразовательный уровень рабочих, занятия проводит учительница неника Ирина Айваседо.

Специализированные бригады и промхозы — удачные формы организации охотничьего промысла.

За годы колхозного строительства рыболовство заняло видное место среди отраслей социалистического хозяйства.

Большое значение имела организация рыбного промысла, которая в прошлом, за исключением некоторых районов, где хозяйничали русские предприниматели, полностью отсутствовала.

Первичные объединения рыбацких хозяйств создавались обычно только на сезон лова рыбы. Более широко коллективизация захватила эту отрасль хозяйства только после создания национальных округов и развития рыбной промышленности. К 1941 г. кооперирование рыболовецких хозяйств в основном было завершено. Необходимо было вооружение рыбаков новой техникой.

Подъему добычи рыбы в ненецких округах в значительной мере способствовало создание моторно-рыболовных станций. Так, в 1933 г. в Ненецком национальном округе была создана первая МРС — Канинская, в 1937 г. — Печорская, а в 1940 г. — Чешская. Позднее Канинская МРС была объединена с Мезенской, а Чешская присоединена к Печорской. Объединенная Печорская станция обслуживала 25 рыболовецких колхозов и 10 рыботорварных ферм оленеводческих колхозов, а два рыболовецких колхоза Канино-Тиманского р-на техническими средствами обслуживала Мезенская МРС.²⁵

Освоение важнейших в промысловом отношении крупных водоемов ведут в Ненецком национальном округе русские рыболовецкие колхозы. Описание новейших способов лова, применяемых ими, не входит в нашу задачу.²⁶ Отметим лишь, что в последние годы широко практикуется экспедиционный лов с перевозкой рыбаков на место лова на самолетах. В Ненецком округе наибольшее значение в настоящее время имеет лов семги, омуля, сельди и наваги. Для лова семги в последнее время применяется перекрытие рукавов Печоры, что дает положительные результаты. Если до Октябрьской революции вылов семги составлял от 500 до 2 тыс. ц в год, то уже в 50-е годы он превысил 4 тыс. ц. В плановом экспедиционном лове, в частности на Печоре, наряду с рус-

²⁵ А. Н. К р у п и н. Преображенный край, стр. 39.

²⁶ См., например: Ф. П о н о м а р е в, А. С е м а к о в. На берегу Болванской губы. Архангельск, 1958.

скими рыболовецкими колхозами принимают участие и рыбаки национальных оленеводческих колхозов.

Оленеводческие колхозы на летний период организуют также бригады, которые ловят рыбу в водоемах, находящихся на территории данного колхоза. Широко используются капроновые сети, моторный транспорт. На рыболовных угодьях построены промысловые избышки, создаются все условия для отдыха рыбаков в свободное время. Так, на вновь освоенных водоемах Фариха, Кара и Каратайка выстроено свыше 30 жилых и производственных построек. Рыбаков на путине обслуживают культбригады, производится показ кинокартин и т. д.

Хорошая организация лова, обеспеченность современными орудиями облегчили труд рыбаков и повысили продуктивность этой важной отрасли хозяйства.

В Ямало-Ненецком округе в последние годы в связи с некоторым уменьшением запасов был установлен лимит на вылов лососевых и осетровых пород рыб, которые всегда являлись основным объектом промысла. Основное внимание обращено на добычу частиковых пород рыб (корюшка, налим, ерш), что потребовало перестройки лова. Так, если в прошлые годы наряду со ставными сетями употреблялось большое количество неводов, то в новых условиях основным орудием лова являются ставные сети. Для лова налима стали выставлять переметы. Широко применяется котцовый лов рыбы в верховьях рек. На маленьких речках ставят запоры.

Выполнив план по лову сиговых, лососевых или осетровых, рыбаки того или иного колхоза на других участках начинают интенсивный лов частиковых. В связи с этим большое значение приобретает освоение внутренних водоемов — верховьев рр. Пур, Таз, Надым, систем озер и т. д.

Совершенствуются орудия лова: с 1958 г. применяются так называемые оборотные (с двумя ловушками) ставные сети, в которые попадает значительно больше рыбы. Также невода, в частности, применяет ненецкий ямальский совхоз «Россия». Усовершенствован способ крепления ставных сетей, изменен порядок приемки рыбы от рыбаков: в последнее время приемка рыбы производится прямо у места лова на плашкоуты или рефрижераторные суда, и затем весь улов сразу доставляется на холодильники или непосредственно на рыбозаводы. Усовершенствуется техническое оснащение холодильников с использованием вечной мерзлоты, имеющих в Новом Порту, пос. Находка и Се-Яхе. В результате этих мероприятий государство получает тысячи центнеров первосортной рыбопродукции.

В предыдущих главах мы говорили о развитии промышленности в национальных округах, в частности рыбной. До недавнего времени лишь отдельные представители ненецкой народности работали на промышленных предприятиях. В последние годы

число ненцев, работающих на предприятиях рыбной, лесопильной, горной промышленности значительно выросло. Так, свыше 20 ненцев работает на рыбокомбинате г. Нарьян-Мара, свыше 30 — на Салехардском рыбокомбинате и т. д.

Отрасли хозяйства, появившиеся за годы Советской власти. Колхозный строй и переход колхозников к оседлому образу жизни способствовали появлению новых отраслей хозяйства, невозможных при кочевом образе жизни: молочного животноводства, звероводства, а в ряде районов — земледелия.

Из новых отраслей хозяйства особенно большое значение приобрело **молочное животноводство**.

До начала коллективизации и создания национальных округов крупный рогатый скот имелся только у русского населения, жившего на Европейском Севере по р. Печоре вверх от с. Тельвисочного и частично в Канинской и Тиманской тундрах, а за Уралом — по р. Оби. Ненцы животноводства не знали.

Учитывая благоприятные природно-экономические условия многих районов и наличие продуктивной и выносливой породы печорского крупного рогатого скота, оленеводческие колхозы Ненецкого национального округа, перешедшие на оседлость, стали развивать эту важную отрасль хозяйства.²⁷ Первоначально создавались небольшие фермы, где содержалось всего несколько коров, однако постепенно поголовье увеличивалось. Так, в 1948 г. в колхозе им. Выучейского (бывший ПНОК) было 12 голов рогатого скота (в том числе 5 дойных коров), в 1952 г. — 60 (в том числе 26 коров), а в 1956 г. — 88 (в том числе 56 коров). В настоящее время в этом колхозе скот размещен в двух типовых постройках — коровнике и телятнике. Внедряется новая техника: оборудована подвесная дорога для вывозки навоза, имеется кормозапарник. Колхоз имеет облицованные силосные ямы на 300 т. Надой на одну корову в 1952 г. составлял 1829 кг, в 1956 г. — 2896 кг, а в 1960 г. — 3423 кг. На молочно-товарной ферме (МТФ) имеется сепаратор и колхозники обеспечивают разнообразными молочными продуктами. Из среды ненцев выросли хорошие кадры животноводов. Многие ненки-дойрки добиваются таких же высоких показателей, как передовые доярки из русских и коми, для которых эта отрасль не является новой. Колхоз им. Выучейского в 1960 г. завоевал переходящее Красное знамя окружкома КПСС и окрисполкома в социалистическом соревновании за повышение продуктивности животноводства.²⁸ Значительных успехов добиваются и другие колхозы. Средний надой молока на одну корову в колхозах Ненецкого округа в 1962 г. составлял 2465 кг.

²⁷ В ненецком языке нет своего слова для обозначения коров, они употребляют русское слово (хорова).

²⁸ Нарьяна вындер, 25 января 1961.

В Ямало-Ненецком округе первые колхозные фермы появились в 1935 г. Из Ханты-Мансийского и Тобольского округов был завезен нетребовательный к кормам и выносливый скот тагильской породы. К 1940 г. в округе уже имелось 13 колхозных животноводческих ферм. Салехардский совхоз явился показательным хозяйством, где за короткий срок поголовье было увеличено в несколько раз. Этот опыт свидетельствовал о значительных возможностях развития животноводства на Севере. Заметный подъем животноводства приходится на 1956—1959 гг., когда в результате улучшения племенного поголовья и укрепления кормовой базы значительно повысилась продуктивность этой отрасли хозяйства, несмотря на некоторое уменьшение численности скота. Об этом свидетельствуют данные табл. 3.²⁹

Т а б л и ц а 3

Год	Поголовье крупного рогатого скота		Валовой надой молока, в ц	Надой молока на одну фуражную корову, в л
	всего	в том числе коров		
1953	2017	861	10618.5	1049
1954	1972	959	11939.5	1285
1955	1749	872	9618.2	1056
1956	1477	851	11855.4	1410
1957	1462	821	11480.9	1391
1958	1376	797	13079.2	1641
1959	1450	780	15129.9	1967

Молочное животноводство удовлетворяет потребность населения тундры в молочных продуктах, служит развитию звероводства (молоко входит в рацион зверей) и т. д. В животноводстве заняты кадры, которые высвободились в результате более рациональной организации труда в оленеводстве, ставшей возможной при колхозно-совхозном строе.

Молочное животноводство в тундровых оленеводческих колхозах, видимо, не имеет значительных перспектив ввиду ограниченности пастбищ. В некоторых случаях оно пока еще является убыточной отраслью хозяйства. Однако организация его в пределах, удовлетворяющих внутренние нужды (снабжение детских учреждений, больниц и т. д.), целесообразна. Большое будущее, в частности, за молочно-товарной фермой Нарьян-Марского городского отделения опытного хозяйства, снабжающей молочными продуктами г. Нарьян-Мар.

В начальный период организации МТФ заготовка сена ненцами производилась в большинстве случаев вручную косами

²⁹ 30 лет Ямало-Ненецкого округа, стр. 54.

(в европейских тундрах — косами-горбушами). Сено складывали в зароды, и оно так лежало до зимы, когда его перевозили на лошадях на сеновалы. По мере роста животноводства в тундровых колхозах в эту отрасль хозяйства стала внедряться техника, появились тракторы, сенокосилки. На зиму стали заготавливать не только сено, но и силос.

В настоящее время в национальных колхозах Ненецкого округа во многих районах используют более удобный в условиях тундры наземный способ силосования кормов в буртах. Для наземного силосования скошенную траву складывают на поверхности земли или в небольшом углублении в виде круглых или эллипсовидных буртов диаметром 8—10 м, высотой 2—2,5 м. Трамбовка силосной массы производится с помощью двух-четырех лошадей или трактора. Затем бурт закрывают мешковиной или толем, а сверху укладывают дерн травой вниз, чтобы земля не попадала в силосную массу. Качество силоса, по мнению животноводов, в буртах выше, чем в ямах. Передовые колхозы стремятся закладывать силос из молодой травы, так как он богат питательными веществами и охотно поедается животными. Силос закладывают из расчета в среднем 8 т на каждую корову.

Основными задачами развития животноводства являются дальнейшее внедрение техники, освоение новых пастбищ и повышение продуктивности.

В связи с объединением в последнее время некоторых оленеводческих колхозов с тундровыми животноводческими колхозами (обычно с русскими или коми) животноводство стало занимать ведущее место в экономике этих колхозов. Однако более рентабельной отраслью продолжает оставаться оленеводство.

Сравнительно новая отрасль хозяйства в ненецких колхозах — **з в е р о в о д с т в о**.

В 1936 г. в Ямало-Ненецком национальном округе была создана звероферма серебристо-черных лисиц, задачей которой было выращивание молодняка для колхозных звероферм. В 1940 г. звероферма имела уже свыше 100 голов и дала прибыль в 90 тыс. руб.³⁰ В 1941 г. была создана первая колхозная звероферма. Однако должное развитие эта отрасль хозяйства получила лишь в послевоенные годы. Так, в 1947 г. в округе было 4 зверофермы, в 1952 г. — 26, а в 1958 г. — уже 39.³¹ Позднее часть мелких ферм была ликвидирована. В настоящее время большинство совхозов и рыбоучастков округа занимается разведением ценных пушных зверей — серебристо-черных лисиц, голубых песцов, норки.

К числу лучших звероферм Ямало-Ненецкого округа относятся зверофермы Пуровского совхоза (центр — Самбург) и

³⁰ Славный путь народов Севера. Омск, 1941, стр. 61—62.

³¹ 30 лет Ямало-Ненецкого округа, стр. 37.

Верхне-Пуровского (центр Тарко-Сале). На Самбургской звероферме к 1 I 1962 было 640 голубых песцов, ежегодный приплод составлял около 4 тыс. щенков. поголовье песцов было разделено на 15 отделений, по 42—43 песца в каждом, из них 34 самки и 8—9 самцов. Обычный штат звероферм следующий: заведующий, зоотехник, 15 основных звероводов, 3 сменных, 6 работников кухни. Приготовление кормов механизировано, имеется ледник,

Рис. 19. Зверовод — лесной ненец.

использующий вечную мерзлоту. Благодаря усилиям всех работников фермы совхоз в 1961 г. только сверх плана вырастил 919 щенят, получив дополнительно 64 140 руб. Больших успехов добились звероводы в борьбе за качество пушнины. В 1961 г. совхоз сдал 4414 шкурок по 70 р. 40 к. при плановой стоимости 60 руб.³² По качеству пушнины Пуровского совхоза заняла третье место по РСФСР. На ферме с успехом трудятся и звероводы-ненцы, в том числе представители лесных ненцев (рис. 19). В ноябре 1963 г. при Самбургской звероферме была организована школа передового опыта, где обучались звероводы Ямальского, Тазовского и других районов округа.

В 1963 г. больших успехов добились звероводы Верхне-Пуровского совхоза. Из Гатчинского совхоза Ленинградской обл. было завезено 52 норвежских песца к имевшимся 405 песцам. Несмотря

³² Материалы экспедиции автора в Ямало-Ненецкий округ. Данные годового отчета Нижне-Пуровского совхоза за 1961 г.

на трудности акклиматизации новоселов, гон и щенение были проведены успешно. В целом по звероферме от каждой самки было получено в среднем по 7,4 щенка, сверх плана пуровские звероводы получили 450 песцов.³³

В Ненецком округе первые зверофермы были организованы в 1949 г. в Индигском оленсовхозе и Нижне-Печорской районной заготовительной конторе «Заготживсырье».

Обе зверофермы были укомплектованы серебристо-черными лисицами, привезенными из одного из зверосовхозов Архангельской обл. В последующие годы было организовано еще восемь таких ферм, в том числе шесть колхозных и две совхозных. К 1960 г. в округе было 17 звероферм.

Звероводство в колхозах в основном базируется на отходах оленеводства. Успешное развитие его способствует повышению доходов колхозов и облегчает трудовое устройство коренного населения, живущего на базах оседлости.

На первых порах ненцы встречались с многими трудностями, связанными с особенностями новой для них отрасли хозяйства (питание зверей, уход за ними, выращивание молодняка и т. д.). Постепенно, с помощью опытных звероводов, необходимые навыки были приобретены. В настоящее время в передовых колхозах звероводство ведется на достаточно высоком научном уровне и дает государству большое количество шкурок серебристо-черных лисец, голубого песца, норки.

Одна из лучших звероферм в Ненецком национальном округе имеется в ненецком колхозе «Няръяна ты». Здесь содержится свыше 500 зверей. Кроме лисец и песцов, на ферме выращиваются норки, завезенные в 1959 г. из Кольского зверосовхоза. Звери содержатся в клетках-домиках и шеде-сараях. Приготовление кормов механизировано: кормоприготовительный электрический комбайн готовит мясной или рыбный фарш, дробит кости и т. д. В пищу зверям зимой идет оленьё мясо, летом — рыба (щука, язь, окунь и др.). Кроме мяса и рыбы, звери получают крупу, молоко, творог.

В 1963 г. хороших успехов добились звероводы сельскохозяйственной опытной станции и колхоза «Харп». Всего по округу было сдано 2060 шкурок серебристо-черной лисицы, 2677 — норки и 1936 — песца.³⁴

В своей работе звероводы используют достижения науки и опыт передовых звероводов. Советы специалистов регулярно печатаются на страницах окружных газет.

О развитии звероводства в Ненецком национальном округе

---

³³ Красный Север, 3 января 1964 г.

³⁴ Няръяна вындер, 29 января 1964 г.

свидетельствуют следующие данные о поголовье зверей (на конец года):

	1958 г.	1960 г.	1962 г.
Лисицы серебристо-черные	1202	1403	869
Песцы голубые	210	420	499
Норки	—	182	894
Всего	1412	2005	2262

Соотношение количества тех или иных зверей на зверофермах зависит от спроса на рынке. Себестоимость шкурок подчас еще очень велика, а удельный вес доходов от звероводства по отношению к общей сумме доходов еще низок, особенно в колхозах. Так, в 1962 г. в Ненецком национальном округе доход от звероферм в колхозах составлял 4%. Сравнительно низкий удельный вес доходов от звероводства в колхозах объясняется малым количеством зверей. В колхозе «Рассвет Севера», например, на 1 I 1964 на звероферме было (взрослого поголовья) 20 серебристо-черных лисиц, 25 песцов и 40 норок, в колхозе «Путь Ильича» — 43 лисицы и 40 норок.

Между тем богатая кормовая база позволяет иметь в округе современные промышленные зверофермы. То же можно сказать о Ямало-Ненецком и Таймырском округах. Ликвидация мелких звероферм и развитие крупных, с современным оборудованием позволит значительно увеличить продукцию и снизить ее себестоимость.

Развитие земледелия в пределах ненецких национальных округов в старой краеведческой и специальной сельскохозяйственной литературе считалось невозможным. Однако советские ученые доказали, что вечная мерзлота не везде является препятствием для выращивания зерновых и овощей.

Зачинателем развития земледелия на Ямальском Севере был метеоролог и естествоиспытатель Д. М. Чубынин, который начал заниматься первыми опытами по заполярному растениеводству с 1927 г. К 1930 г. на опытном участке он получил значительные урожаи ячменя, овса, пшеницы, овощей.

На первом окружном съезде Советов депутатов трудящихся Ямало-Ненецкого национального округа было решено развивать в округе земледелие, приобщая к нему ненцев, хантов, коми. В Салехарде был создан овоще-молочный совхоз, на полях которого выращивались капуста, репа, турнепс, морковь, салат. Вскоре эти культуры стали выращивать и колхозы. К 1945 г. общая посевная площадь в округе уже составляла 345 га, в том числе 239 га — посевная площадь колхозов. К 1950 г. полеводством и овощеводством занимались 15 сельскохозяйственных и 19 рыбацких артелей. Общая посевная площадь увеличилась

до 377 га. В 1955 г. площадь посева картофеля и овощей в открытом грунте была доведена до 420 га, а парничково-тепличное хозяйство опытной станции имело 4000 парниковых рам. Земледелие получило наибольшее развитие в «южном» Шурышкарском р-не, однако и в некоторых других районах округа занимаются выращиванием овощей — в Пуровском, Красноселькупском, Приуральском.

В Ненецком национальном округе земледелие появилось около 20 лет тому назад. Посевные площади имеются только в районе Нарьян-Мара и в Канино-Тиманье. Общая посевная площадь в 1955 г. составляла всего 163.9 га,³⁵ основную часть ее занимает картофель. Из других культур выращивают овес на зеленый корм, репу, турнепс.

Работы Нарьян-Марской сельскохозяйственной опытной станции, а также передовой опыт колхозов и совхозов доказывают возможность развития рентабельного и устойчивого земледелия в округе. Ненецкий оленеводческий совхоз уже в течение нескольких лет получает урожай картофеля 110—130 ц с гектара. Особое значение придается развитию тепличного хозяйства. В 1960 г. валовой урожай в округе составил 2 тыс. т картофеля и 300 т овощей.

Развитие земледелия имеет большое значение для удовлетворения потребностей населения в свежих овощах, транспортировка которых из других районов страны достаточно дорога. Ненцы, прежде не употреблявшие в пищу овощей и соответственно не выращивавшие их сейчас в районах, где развивается земледелие, принимают участие в возделывании колхозных и совхозных посевных площадей. Некоторые ненцы, живущие в поселках, на своих приусадебных участках выращивают небольшое количество картофеля и зеленого лука (например, в Канинской тундре, Пуровском р-не).

Глава 4

ИЗМЕНЕНИЯ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

В связи с особенностями хозяйственной деятельности и природных условий ненцы до настоящего времени сохранили в значительной степени свою традиционную культуру, однако за годы Советской власти эта культура претерпела значительные изменения. В ч. I настоящей работы дано подробное описание транспорта, одежды, жилища ненцев. В данной главе мы попытаемся показать изменения в традиционной культуре и новые явления, характерные для современного быта ненцев.

Транспорт. Ввиду своеобразия почвы тундры, где далеко не везде можно проехать на гужевом транспорте или лошади, здесь по-прежнему большое значение сохраняет олений транспорт. Использование оленей чрезвычайно удобно тем, что они не нуждаются в специально заготовленном корме и легко проходят даже по сильно заболоченным участкам тундры.

Устройство нарт и упряжи до настоящего времени сохранилось прежним. Изготавливают их ненцы сами, используя навыки, которые передаются из поколения в поколение. Повсеместно сохранились и традиционные украшения для женских упряжек — бахромы из крашеной ровдуги и суконные покрывала на спину оленя.

Олени используются для выпаса стад, для переездов из стада в поселок и обратно (в том числе для смены пастухов), для осмотра ловушек, в районах, где еще не осуществлен переход к сменному выпасу, — для перевозки чумов и другого имущества.

Охотники для расстановки и осмотра ловушек используют также собачьи упряжки (п-ов Канин, Большеземельская тундра, Южный Ямал, низовья Енисея). В последнее время в некоторых районах (Диксон, Большеземельская тундра) летом употребляют для запряжки собак особые повозки на колесах, состоящие из дощатого плоского ящика с прикрепленными на двух осях четырьмя небольшими колесами, обычно металлическими. Эти по-

возки употребляются экспедициями, содержатся при школах, складах и т. п.

Повсеместно для переездов на небольшие расстояния по воде сохраняются шитые лодки и долбленки. Следует отметить широкое применение в тундре моторов, которые устанавливаются на обычных шитых лодках и в настоящее время почти совсем вытеснили весла.

Для осмотра капканов в зимнее время ненцы используют лыжи старинного образца. Наряду с ними сейчас повсюду вошли в употребление современные спортивные лыжи, которые имеются в качестве спортивного инвентаря при школах, продаются в магазинах и т. д. Школьники-ненцы обычно хорошие лыжники.

Новым видом транспорта для ненцев являются лошади (юно, в сказках *уабте'е* — «волосатая»).

Конный транспорт был распространен на Севере среди русского населения до Великой Октябрьской социалистической революции в таких местах, как Пустозерск, Колва, Несь, Обдорск. На лошадях совершались летом перевозки грузов внутри поселков, а зимой — по специальным трактам — почты, пассажиров и грузов между поселками.

Широкое распространение этот вид транспорта получил только в советский период, с началом перехода тундровых колхозов к оседлости. В настоящее время почти во всех колхозах имеются лошади, которые используются для перевозки различных грузов на территории поселков, а зимой — и на более далекие расстояния. Следует отметить, что конный транспорт, в отличие от оленого, требует укатанной дороги.

До недавнего времени ненцы лошадей зимой и летом запрягали в сани: зимой обычно в дровни, летом в легкие сани особого типа или даже в нарты. Упряжь, однако, была заимствована от русских — оглобли, хомут, дуга и т. д. Сейчас в большинстве районов для местных перевозок летом используют телеги.

В начальный период освоения ненцами конного транспорта во многих колхозах использование лошадей в летнее время было явно недостаточным. Так, еще в 1953 г. нам приходилось наблюдать лошадей, которые все лето паслись вблизи поселка Яр-Сале (Южный Ямал) и ни разу не использовались на работе. Аналогичное явление имело место и в других районах.

На территории Ненецкого и Ямало-Ненецкого округов встречаются лошади разных пород, но обычно они низкорослые, крепкие, с длинной гривой. В некоторых районах они еще в 50-е годы производили впечатление совершенно диких. Запрячь лошадь для работы было целым событием. Нам вспоминается, как в поселке Нельмин Нос (Малоземельская тундра, Ненецкий национальный округ) в 1949 г. ненцы ловили лошадей, как и оленей, арканом. Испуганные животные метались, убегали, а так как обычно все

хорошие пастухи находились при оленьих стадах, то зачастую эта ловля занимала много времени. Запряженная лошадь сразу становилась мирной.

В последние годы ненцы освоили приемы обращения с лошадьми, научились ездить на них верхом (рис. 20). Сено для лошадей заготавливается, как и для коров, в летний период.

В настоящее время в связи с развитием молочного животноводства лошади находят широкое применение в период уборки

Рис. 20. Ненцы осваивают новый вид транспорта.

сена и заготовки силоса. На лошадях подвозят материалы для строительства колхозных домов и т. д. Употребление конного транспорта в тундре, естественно, ограничено особенностями почвы и рельефа, к которым максимально приспособлен лишь олень. Тем не менее в Ненецком национальном округе в колхозах, где основными членами являются ненцы (сельхозартели и два рыболовецких колхоза), на 1 I 1964 было 627 лошадей, в среднем по 57 лошадей. Есть, впрочем, колхозы («Тиманец», «Дружба народов», «Красный октябрь»), где в каждом имеется меньше 10 лошадей.

За годы Советской власти получил широкое распространение водный и воздушный транспорт. Регулярные рейсы вдоль морского побережья и по рекам совершают пассажирские и грузовые пароходы. Между населенными пунктами курсируют катера связи

и небольшие пассажирские теплоходы. Авиалинии связывают Нарьян-Мар и Салехард с Ленинградом, Москвой и другими городами. Самолеты и вертолеты доставляют пассажиров, почту и грузы в самые отдаленные уголки тундры. Уже несколько лет функционирует одна из самых северных железных дорог — на Салехард.

Особенно велико на Севере значение авиации. Это объясняется, во-первых, сравнительно коротким периодом навигации, который сейчас все удлиняется благодаря мощным ледоколам, во-вторых, своеобразием тундровых почв, что препятствует использованию гужевого транспорта.

Самолеты, гидросамолеты, вертолеты стали для ненцев — без преувеличения — столь же обычным видом транспорта, как оленья упряжка. Прилет в окружной или районный центр на совещание, в отпуск, в гости к родным или знакомым стал совершенно обычным явлением для ненцев, для которых еще сравнительно недавно целым событием был приход в поселок парохода. Впрочем, и сейчас у всех жителей Севера, как и прежде, радостно бьется сердце при виде первого парохода после долгой полярной зимы. . .

Жилище. В большинстве районов расселения ненцев чум еще сохраняется как основное жилище оленеводов. Однако и в этот вид жилища внесены усовершенствования. Так, в некоторых районах в юки в передней части чума вставляют небольшие стекла, закрепляя их в специально для этой цели сделанных мягких оконных переплетах.

В последние годы в зимнее время почти повсеместно в чумах костер заменен железной печкой с трубой, отводящей дым в отверстие в верхней части чума.¹ Эти печи ненцы покупают в магазинах. Печи избавляют обитателей чума от дыма, дают больше тепла, на них удобнее готовить пищу. Летом обычно печь выносят на улицу, где и готовят. Костер же зажигают в чуме, так как дым отгоняет комаров и мошкору. В связи с этим в большинстве чумов шест сымзы, к которому прикреплялись горизонтальные шесты над костром, не устанавливают.

Интересно еще одно усовершенствование чума. К одному из чумов колхоза им. А. М. Горького была сделана пристройка — прихожая, где можно было снять верхнюю одежду и отряхнуть снег с одежды и обуви. Такие пристройки из жердей, покрытых юками, иногда встречаются в европейских тундрах.

---

¹ По сообщению С. П. Сперанского, первая рама и первая печь в чуме были установлены по инициативе колхозника-олeneвода из колхоза им. А. М. Горького бывшего Нижне-Печорского района Н. З. Чупрова в 1935 г. Это усовершенствование оказалось настолько удачным, что примеру Чупрова последовали другие оленеводы (С. П. С п е р а н с к и й). Чум как основное передвижное жилище оленевода-пастуха Ненецкого национального округа. Сб. трудов Арханг. мед. инст., вып. 10, 1950).

Однако сама конструкция и переносный характер чума не позволяют вносить коренных улучшений в быт оленеводов-кочевников. Остается много неудобств, в частности малая площадь: в связи с конусообразной формой чума значительная часть площади может быть использована только для сна, в чуме невозможно употребление иной мебели, кроме низеньких столиков, и т. д. Недостаточная температура внутри чума, резкие ее колебания вынуждают оленеводов длительное время находиться в меховой одежде, что затрудняет соблюдение правил гигиены (в чуме тепло только пока горит костер или печь). Для освещения, помимо костра и жировиков, применяются иногда керосиновые лампы, которые неудобны для перевозки.

В последние годы разрабатываются типовые проекты усовершенствованных чумов для оленеводов и охотников Крайнего Севера. Эти чумы имеют вертикальные стенки и шатровую крышу, пол, окна, двери. Наличие вертикальных стен позволит оленеводам пользоваться столами, стульями, кроватями. Более совершенная печь с духовкой и регулируемой тягой позволит сохранять в помещении сравнительно ровную температуру воздуха. Двухслойные покрышки из грубошерстного сукна и брезента в зимнее время могут заменяться нюками из оленьих шкур. Каркасы чумов изготавливаются из дерева или металла (дюралюминиевых трубок).

Чумы с деревянным каркасом уже используются в Ямальском р-не под ясли, Красный уголок и жилые помещения для оленеводов. В оленеводческой бригаде Ямальской сельскохозяйственной опытной станции с успехом используется чум с деревянным каркасом, где отдельные части соединяются при помощи металлических креплений. В некоторых районах в летнее время употребляются брезентовые палатки с вертикальными стенками.

Об интересном нововведении у оленеводов Ненецкого национального округа, перешедших к сменному выпасу оленей, мы уже говорили. Это — домик-балок, сконструированный оленеводами по проекту, предложенному сельскохозяйственной станцией. Он имеет форму небольшого вагончика длиной 3,5, шириной 2,5 и высотой 1,8 м, установленного на специальные санн. Балок представляет собой деревянный каркас из планок, обтянутый брезентом, с дверью и двумя небольшими окнами. Вдоль торцовых сторон в два этажа тянутся нары, как в купе вагона. У окна имеется столик с небольшим буфетиком, около двери — металлическая печь с выводной трубой. Спальные места отделены от остального помещения занавесками. В балке употребляются легкие стулья из дюралюминиевых трубок. Зимой используют другой балок, аналогичной конструкции, но с утепленными стенками. Поверх каркаса натягивают чехол из оленьих шкур. Такой домик-балок значительно удобнее и легче балка долганского типа,

который используют некоторые ненцы Таймырского национального округа.

В первые годы существования оленеводческих колхозов члены их продолжали вести кочевой образ жизни, передвигаясь вместе с оленями.

В 30-е годы началось создание оседлых баз колхозников. Так, в колхозе ПНОК в 1934 г. был построен первый жилой дом.

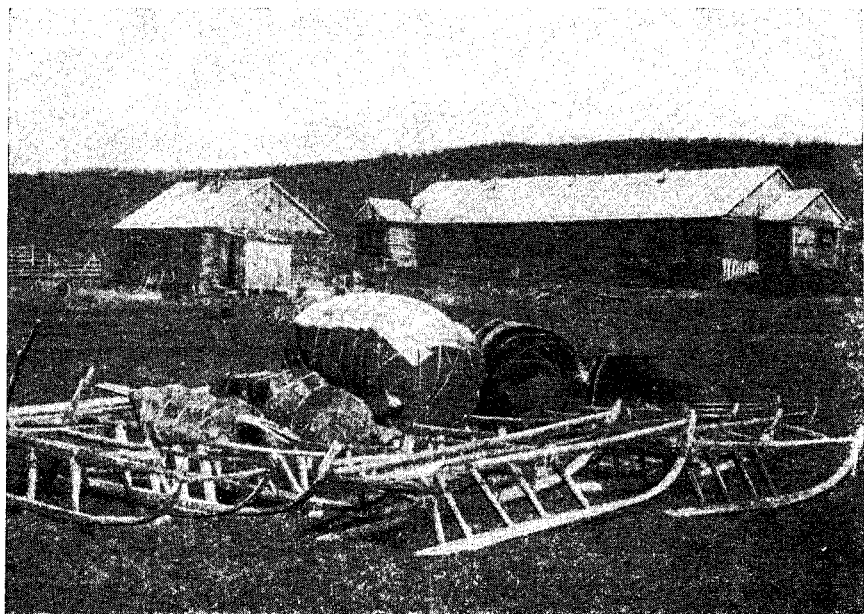

Рис. 21. Хранение вещей на нартах.

Проведение в 1936—1937 гг. внутрихозяйственного устройства колхоза способствовало более интенсивному переходу оленеводов к оседлости. В качестве постоянной базы был выбран Нельмин Нос, где в последующие годы развернулось значительное строительство. Базы оседлости стали строить и в других колхозах. Обычно такая база колхоза состояла из общественных построек (правление колхоза, почта, хлебопекарня, баня, клуб, иногда школа) и ряда жилых домов, куда вселялись престарелые колхозники. Позднее, в связи с развитием животноводства и звероводства, на базе возводились соответствующие хозяйственные сооружения.

Государство отпускало значительные средства национальным округам и районам на строительство, вносили значительные

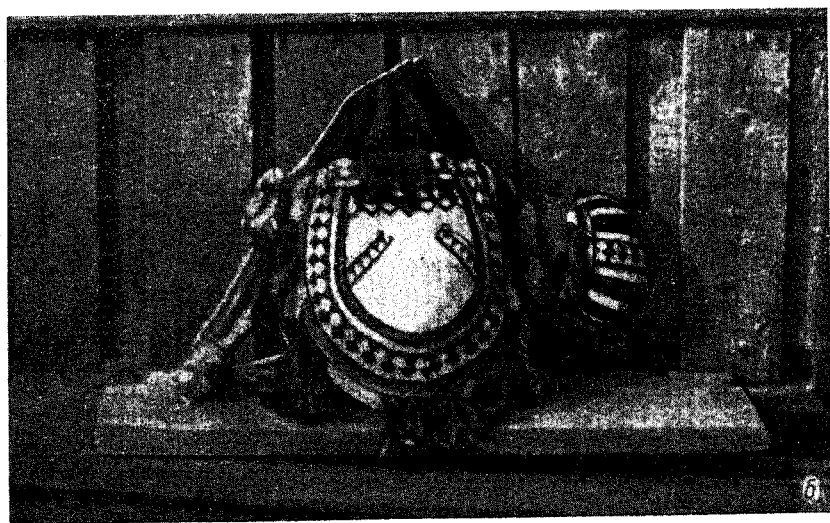
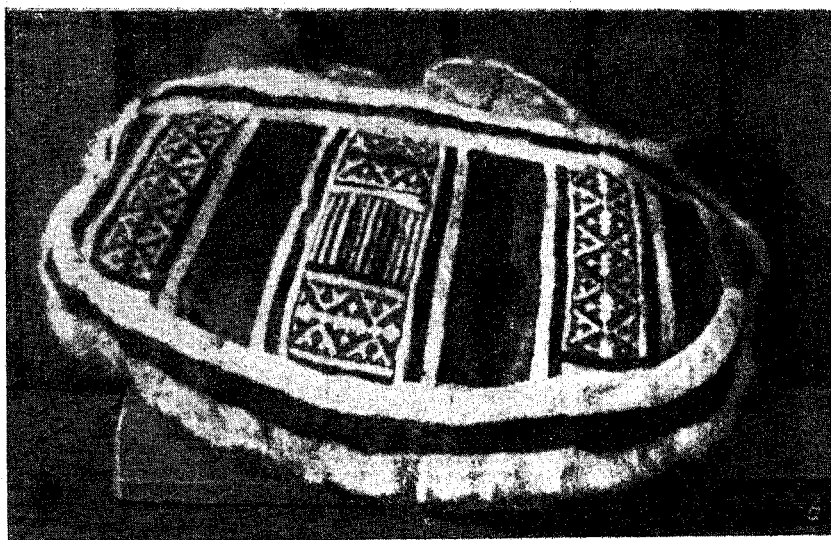

Рис. 22. Сумки.
а — падко; б — туця'.

средства и сами колхозы, каждый колхозник мог строить дом, используя долгосрочные ссуды (25% стоимости дома на 13 лет).

К 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции все оленеводческие колхозы Ненецкого национального округа и большинство колхозов Ямало-Ненецкого округа имели свои базы оседлости.

Как правило, колхозные поселки строились на местах, расположенных по берегам рек, так как это расширяло возможности сообщений. Иногда ненецкие колхозные поселки строились вблизи старинных русских деревень (например, Кия, Индига в Ненецком национальном округе) или культбаз (Яр-Сале, Хоседа-Хард). Однако не все пункты для строительства были выбраны удачно. Болотистая почва (пос. Нельмин Нос в Ненецком округе, пос. Тибей-Сале в Ямало-Ненецком округе и др.), трудность подхода крупных судов, например, к пос. Яр-Сале, и до сих пор создают известные неудобства для этих, теперь уже ставших крупными, поселков.

Обычно на территории расселения ненцев строили рубленые двухквартирные или одноквартирные дома. Стройматериалы завозили из районных или областных центров, затем дома собирали бригады колхозных плотников, часто из числа самих ненцев.

В настоящее время в Ненецком округе строительство ведет специальная организация Межколхозстрой. В Ямало-Ненецком округе этим занимаются совхозы и рыбозаводы, имеющие строительные бригады.

За последние годы в национальных округах построены сотни новых домов для коренного населения, выросли десятки новых поселков. В Ненецком округе на 1 I 1964 имелось 54 населенных пункта, в том числе населенных пунктов с коренным населением 13, со смешанным 11. За последние 10 лет в округе построены такие крупные поселки, как Красное, Хорейвер, Харута, Каратайка, Кара, Нельмин Нос, Хонгурей и др. С 1960 г. построено более 800 домов и других объектов. Во всех населенных пунктах имеются школы, детские сады и ясли, клубы, медицинские учреждения. Все поселки электрифицированы. На Печорском лесозаводе были построены домостроительный и мебельный цехи, которые снабжают округ сборными домами и необходимой мебелью.

В Ямало-Ненецком округе переход к оседлости осуществляется медленнее, хотя и здесь в 1963—1964 гг. стали оседлыми 229 хозяйств, в том числе 154 в рыбозаводах и 75 в совхозах. Растут такие крупные поселки, как районные центры Яр-Сале, Тазовское, Ныда, центры рыбной промышленности Новый Порт, Гыда и др., за последние годы появились новые поселки Харампур, Тибей-Сале, Се-Яха и др.

В 30-е годы переселение в дома сопровождалось известными трудностями. Ненцам было нелегко оторваться от привычного

Рис. 23 а. Современная женская зимняя одежда.
Большеземельская тундра.

образа жизни, казалось, что в домах душно, трудно было привыкать к высокой мебели. Часто в дома переносилась по существу обстановка чума — те же шкуры, полог, маленький столик и т. д. Важно было поэтому при переселении ненцев в дома сразу же обеспечивать новоселов необходимой обстановкой — кроватями, столами, стульями, что и делалось во многих местах. Постепенно ненцы, переселившиеся в дома, оценили их преимущества.

Сейчас есть много ненцев, жилье которых по убранству напоминает комнаты городского типа. Такие квартиры и комнаты мы видели в Ныде, Шойне, Красном, Нельминам Носе. Обычно это семьи, уже несколько лет живущие в поселках.

Часто следы кочевого быта сохраняются только в виде отдельных пережитков. Например, летом готовят не в доме, а на улице в специальных чумиках, построенных по образу обычного чума, с соответствующим приспособлением для подвешивания котла. Этот чумик покрывается обычно одной шкурой с наветренной стороны. Другим пережитком является хранение зимних вещей увязанными на нартах, причем так хранят вещи часто и те, кто имеет достаточно помещения в доме (рис. 24). Юго-восточной части Ямало-Ненецкого округа (низовья рр. Таз, Пур, Ныда) и сейчас даже в поселках встречаются своеобразные склады на высоких козлах — *паре*. В домах для тепла двери обычно обиваются оленьими шкурами.

В домах ненцы употребляют мебель — кровати, столы, стулья, небольшие буфеты, платяные шкафы. Входит в быт постельное белье. Полотенца заменили березовую стружку *варав*. Многие ненецкие семьи имеют швейные машины, радиоприемники.

Широко вошли в быт ненцев тазы различных размеров, лохани для стирки белья и т. п. Для уборки помещения, помимо крылышек птиц, используют покупные метелки. Входят в быт чемоданы, хотя старинные кованые сундуки и сундучки все еще чаще употребляются для хранения белья и матерчатой одежды. Повсеместно сохраняются красивые женские сумочки для швейных принадлежностей (рис. 22).

Одежда. Ненцы в настоящее время, особенно зимой, сохраняют свою национальную одежду, которая отлично приспособлена для суровых условий Севера.

Мужчины повсеместно (кроме Канинского п-ова) носят малицу с капюшоном, пимы с меховыми чулками и совик, который надевается поверх малицы в пургу и морозы. На Канинском п-ове пожилые ненцы носят малицы с высоким воротником и шапки, однако и здесь уже распространены более удобные малицы с капюшоном, большинство молодых ненцев носит их.

Женщины во всех районах расселения ненцев носят двойную меховую шубу из оленьего меха (второго типа, рис. 23).

На п-ове Канин и о. Колгуев и сейчас бытует старинная одежда с опушкой из собачьего меха (*таряв паны, пена паны*), но заново

Рис. 23 б. Современная женская зимняя одежда.
Большеземельская тундра.

ее шьют редко, чаще такая одежда передается от матери к дочери как праздничная, нарядная. Воспоминания о *тарях паны* сохранились до настоящего времени и в других районах — в Большеземельском р-не и даже на Ямале. Это подтверждает данные литературы о том, что некогда она была распространена у всех ненцев. Канинские ненки сейчас шьют обычно одежду второго типа, называя ее русским словом «тулуп». В отличие от *паны* она пришитых рукавиц не имеет, их пришивают к подкладу. Кроме того, здесь редко можно встретить красивый орнамент, обычно «тулуп» просто украшен полосками из меха другого цвета или сукна.

Зимой женщины и девочки по-прежнему носят шапки, различные в разных районах (рис. 24), и пимы с меховыми чулками. Медные украшения, которые иногда бывают в тундровых магазинах, дороги и слишком легки по весу, поэтому ненцы передают из поколения в поколение старинные медные украшения. Ими украшают шапки, пояса, наконечники. Ввиду недостатка в металлических украшениях в некоторых районах сейчас редко можно встретить традиционные мужские пояса.

В последнее время в некоторых районах, например, в Малоземельской и Большеземельской тундрах Ненецкого округа, ненки по примеру женщин коми стали носить малицы. Женская малица отличается от мужской большей тщательностью отделки. В Большеземельской тундре часто капюшон женских малиц делают из белого меха.

Ровдужная обувь (*таугад*) в летнее время распространена у ненцев Тазовской тундры, бассейна р. Пур, в том числе у лесных ненцев, низовьев р. Енисей, несколько реже *таугад* встречается у надымских ненцев и на Ямале. К западу от Урала эта обувь совсем не встречается.

Традиционная одежда, которая в прошлом была единственной одеждой и надевалась прямо на тело, теперь коренным образом изменила свое назначение: она стала одеждой для улицы. Все ненцы сейчас носят нательное белье, а также платья, костюмы и другую покупную одежду. В помещениях и летом в теплые дни ненцы на улице не отличаются одеждой от русского населения. Женщины любят платья и платки ярких расцветок, впрочем, молодежь старается придерживаться общепринятой моды. На платья надевают красивые бусы, прикалывают броши.

Входя в помещение, ненцы снимают малицу или паницу как пальто. Такое же назначение приобрела женская суконная паница (*ной паны*), которая используется в летнее время как легкое пальто или плащ (табл. XIII). В магазинах ненецких округов всегда можно купить сукна традиционных расцветок, поэтому разноцветные суконные паницы встречаются повсеместно наряду с летними пальто, плащами и т. п.

В городах Нарьян-Маре, Салехарде, Дудинке, Амдерме, а также в крупных поселках ненцы даже в зимнее время носят

Табл. XIII. Летняя женская одежда из сукна.

Вид спереди и сзади.

Рис. 24. Одежда девочки. П-ов Кашин.

покушные зимние пальто и шубы, валенки. Пальто и валенки носят обычно учащиеся интернатов. Однако выезжая в тундру, все ненцы а также коми и русские надевают традиционную одежду из оленьего меха, поскольку езда на нарте, особенно зимой, в пальто невозможна. В качестве рабочей и промысловой одежды прочно вошли в быт ватники, комбинезоны, рабочие халаты, резиновые сапоги и т. п.

За годы социалистического строительства ненцы усвоили навыки стирки белья, пошива необходимых вещей из тканей, не утратив, как мы отметили выше, умения изготавливать красивую, прочную и теплую одежду из меха. Интересно, что сукоинные паницы шьют в большинстве случаев сейчас на швейных машинах, сохраняя традиционный покрой и отделку.

Вероятно, с распространением синтетических материалов одежда из оленьего меха будет вытеснена более легкой и эластичной одеждой фабричного производства. Опыт изготовления такой одежды уже имеется, она используется в некоторых пунктах Мурманской области. Завоз в тундру одежды из искусственного меха освободил бы женщин тундры от тяжелого труда по выделке шкур и от шитья как праздничной, так и повседневной одежды. При этом уместно бы было использовать ненецкий покрой и орнамент.

Пища. Оленье мясо и рыба остаются излюбленной пищей ненцев. Их употребляют в сыром, мороженом, вареном и, с недавнего времени, в жареном виде. Поджаривают мясо прямо на огне, насадив предварительно на стержень. В поселках ненцы для поджаривания мяса, по примеру русских, употребляют сковородки.

Грибы по-прежнему ненцы готовить не умеют и не собирают, за редким исключением.

Большое место в рационе ненцев заняли привозные продукты. В каждом поселковом магазине можно приобрести мясные, рыбные, овощные и ягодные консервы, муку, крупу, макароны, сахар, масло, различные жиры, хлебо-булочные и кондитерские изделия, чай, сухофрукты и т. п. Мясные консервы, как и рыбные, едят обычно не разогревая и без какого-либо гарнира. Макароны и крупу употребляют большей частью ненцы, давно живущие в поселках. Печеный хлеб, булки, сухари, сушки вытеснили в основном лепешки и пресный хлеб, хотя домашнее печенье и сохраняется у групп ненцев, живущих на больших расстояниях от поселков. Ненцы очень любят масло, которое едят, намазывая на хлеб, а также растапливая над огнем и обмакивая затем в него хлеб или булку.

В поселках с большим удовольствием покупают молоко и творог, главным образом для детей. Взрослые предпочитают чай, который по-прежнему пьют в больших количествах.

Овощи, которые завозят в тундру или выращиваются там, еще плохо покупаются ненцами.

Необходимо отметить, что ассортимент покупной посуды за последние годы, особенно с переходом к оседлости, чрезвычайно расширился. Повсеместно вошли в употребление эмалированные и алюминиевые кастрюли, миски, чугунные сковороды, стеклянные и фарфоровые сахарницы, масленки, чашки, кружки и т. п.

Почти вышли из употребления курительные трубки, вытесненные покупными папиросами и сигаретами разных сортов, хотя у пожилых ненцев и сейчас можно увидеть костяные табакерки.

Говоря об изменениях в пище ненцев, необходимо оговорить следующее.

Суровые климатические условия районов расселения ненцев требуют высококалорийной пищи, в частности значительного количества мясной пищи и жиров. Внедрение растительной и мучной пищи целесообразно, но она должна не вытеснять мясную, а лишь служить дополнением к ней.

Глава 5

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Как мы уже говорили в ч. I настоящей работы, Великая Октябрьская социалистическая революция застала ненцев на стадии далеко зашедшего разложения общинно-родового строя. В общественно-экономической жизни этой народности накануне Октября имело место сложное переплетение пережитков родового строя (главным образом в области семейно-брачных отношений и религиозных представлений), отношений, сложившихся в результате разложения родового строя и появления имущественного неравенства и эксплуатации, и, наконец, явлений, связанных с колониальной политикой царского правительства на Севере. При этом иногда отмирающие и нарождающиеся формы общественных отношений сосуществовали в отношениях собственности (в одних районах родовая, в других — частная собственность на землю), в семейно-брачных отношениях (экзогамия и калым) и т. д.

Преодоление этих пережитков и преобразование хозяйства ненцев на социалистических началах, как мы пытались показать в предыдущих главах (о преодолении пережитков прошлого в области семейно-брачных отношений и религиозных представлений будет сказано ниже), шло сложным и трудным путем. На закономерность этого в свое время указывал В. И. Ленин: «Развитие форм промышленности, как и всяких вообще общественных отношений, не может происходить иначе, как с большой постепенностью, среди массы переплетающихся, переходных форм и кажущихся возвращений к прошлому».¹

Коллективизация, завершившаяся в послевоенные годы, закончила с остатками эксплуатации, уничтожив всякую почву для этого. Основные средства производства стали общественным достоянием. Победа социалистических форм собственности — общегосударственной и кооперативно-колхозной, способ-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 536.

ствовала формированию новых общественных и семейных отношений. Сложилось новое отношение к труду, появились такие новые черты общественных отношений, как советский патриотизм, социалистический интернационализм и др.

Советский патриотизм, сознание своей ответственности за успехи и процветание Родины проявлялись как в годы тяжелых военных испытаний, так и в годы мирного труда. Социалистическое соревнование, развернувшееся в тундре в годы первых пятилеток, а в настоящее время движение за коммунистический труд захватили и ненецкое население Севера. Большое количество коллективов, бригад и отдельных тружеников борется за звание ударников коммунистического труда. Стремление дать больше продукции государству, вложить как можно больше старания и умения в свой труд — вот то новое, что не могло быть свойственно жителям далеких окраин царской России, которые даже не знали, куда идет сдаваемый ими ясак. Представление о единстве интересов всей страны, интерес к событиям, в ней происходящим, стали возможными только при социализме. Еще при обсуждении проекта Конституции 1936 г. председатель колхоза ПНОК Степанида Апицына говорила: «Мы, жители далекой тундры, раньше, при царском правительстве, не только обсуждать государственные законы, вносить свои предложения, но даже права голоса не имели. От нас было отнято все. Теперь советский закон дает нам, малым народностям, право высказывать свои мнения и вносить предложения даже в общий государственный закон, не говоря о том, что мы свои вопросы местного порядка решаем сами...».²

Советский строй способствует развитию дружбы народов в нашей стране. Если первые оленеводческие колхозы были обычно чисто ненецкими, что объяснялось спецификой ведения оленеводческого хозяйства, то в последние годы в результате развития других отраслей хозяйства все колхозы, совхозы и промхозы, находящиеся на территории ненецких национальных округов, являются многонациональными. В Ненецком округе в тундровых колхозах и совхозах объединены ненцы, коми и русские, в Ямало-Ненецком — ненцы, коми, русские, ханты, селькупы и др., в Таймырском — ненцы, энцы, нганасаны и др. Представители разных национальностей работают в общих бригадах, и принадлежности того или иного члена к какой-нибудь национальности в повседневной жизни не придается значения. В смешанных колхозах межнациональным языком является обычно русский, хотя представители той или иной национальности в общении между собой пользуются родным языком. Оленеводы, рыбаки, звероводы, учителя, врачи, партийные и советские работники независимо от национальности пользуются уважением за их труд, умение, знания, организаторский талант. Пользуются равным уважением знатный ямаль-

---

² НОА, ф. 1, 1936, арх. инв. 39, л. 26.

ский рыбак ненец Нар Вануйта и оленевод коми Константин Попов, русский преподаватель ненецкого языка в педучилище А. И. Рожин и лесная ненка работник райкома Александра Айваседо.

Социалистический строй создал все условия для формирования прочной советской семьи: была уничтожена частная собственность, влиявшая до революции на семейно-брачные отношения, подчинявшая их экономическим интересам.

Среди первых законов Советской власти, изданных после победы Великой Октябрьской социалистической революции, были законы о браке и семье. В декабре 1917 г. за подписью В. И. Ленина вышли два декрета — о браке и разводе. Осенью 1918 г. был издан кодекс законов о браке, семье и опеке и об актах гражданского состояния. Законодательными актами первого в мире социалистического государства было уничтожено все то, что унижало и порабощало личность человека в семейно-брачных отношениях. Брак был освобожден от влияния церкви, акты гражданского состояния были переданы из ведения церкви в ведение государства.

Были сняты всякого рода ограничения прав личности при вступлении в брак — зависимость от вероисповедания, национальной принадлежности, согласия родителей, опекунов и начальства. Было устранено подчиненное положение женщины как матери и жены в личном и имущественном отношениях.

Однако многие пережитки старых семейно-брачных отношений сохранялись и после установления на Севере Советской власти. Мы имеем в виду такие явления, как калым, многоженство, ранние браки и другие явления, которые мешали установлению фактического равенства женщины с мужчиной и норм советской семьи у ненцев.

Борьба за создание советской семьи тесно переплеталась с борьбой за вовлечение женщин в общественную жизнь. Мы остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

В. И. Ленин придавал большое значение вопросу положения женщин и задачам женского движения. «Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевывая полной свободы для женщин», — писал он в 1920 г. в статье «К женщинам работницам».³ Учитывая большое значение привлечения женщин к социалистическому строительству, Советское правительство создало специальные органы, которым была поручена работа среди женщин. В 1920 г. был создан Отдел работниц при ЦК ВКП(б), а в 1927 г. при Президиуме ВЦИК была создана специальная Комиссия по улучшению труда и быта женщин Востока и культурно отсталых национальностей. Задачей этой комиссии было изыскание и проведение в жизнь таких мероприятий, которые улучшали бы положение женщин отсталых районов, способствовали при-

³ В. И. Ленин, Соч., т. 40, стр. 158.

влечению их к общественной работе, к учебе, к сознательной творческой жизни.

В 20-е годы у ненцев почти повсеместно существовали калым, выдача замуж и женитьба малолетних. То и дело с мест сообщались следующие факты: «Судом рассматривались дела о калыме. Так, например, самоед Салиндер Напаката купил в 1926 г. у Ядне Пантен его сестру для своего сына, которому было тогда 12 лет, отдал за нее калым — 50 важенок, 20 оленей-самцов, несколько песцов осеннего промысла, 20 штук пешек (телят оленя), один медный котел и кинжал. Невесте было 23 года».⁴ Представительница женотдела при ЦК ВКП(б), исследовавшая положение женщин в европейских тундрах, сообщала о случае в Большеземельской тундре, когда три сына (28, 31 и 35 лет) бедняка ненца Тайбарей не могли жениться, потому что не могли собрать необходимых калымных «подарков» и никак не решались поверить, что можно жениться без калыма.⁵ Имели место случаи многоженства.

Положение ненецкой женщины в зауральских тундрах было еще тяжелее. В докладе Красноярского комитета Севера по обследованию родовых Советов, туземного районного исполнительного комитета и торговой организации Тазовской тундры о положении женщины сообщалось: «Женщина-туземка пока правами гражданства не пользуется. Родители своих дочерей продают (калым) и получают оленей. 13—15-летние мальчишки берут замуж 20—25-летних девушек-батрачек. Среди юраков развито многоженство, насильственная выдача замуж».⁶ Женщины с большим трудом привлекались к общественной работе, проникновение медицинской помощи также сопровождалось большими трудностями. Повсюду сохранялись различные запреты для женщин выполнять ту или иную работу, прикасаться к орудиям охоты, оленеводства и т. д. (см. стр. 185 настоящей работы).

Необходима была борьба за искоренение пережитков. В 1927 г. было издано правительственное распоряжение о запрещении калыма и многоженства. Для того чтобы это постановление провести в жизнь, нужны были объединенные усилия всех местных советских органов и специальных органов, ведающих работой среди женщин. Повсюду проводилась большая разъяснительная работа. Важную роль в деле вовлечения ненок в общественную жизнь сыграли конференции и съезды женщин народов Севера. В конце июля 1929 г. в селе Березово Тобольского округа была созвана первая межрайонная конференция женщин — туземок Севера. На конференцию прибыло 40 делегатов, в том числе шесть

⁴ АКС, оп. 63, п. 99, д. 134 (о работе туземных судов Уральской области в 1930 г.).

⁵ Там же, оп. 61, п. 76, д. 126 (о положении женщин северных народностей).

⁶ Там же, оп. 63 (за 1932 г.), п. 99, д. 134.

ненок. По социальному положению большинство из них составляли батрачки и беднячки. Половина — неграмотные.⁷ Подготовка к конференции на местах и выборы делегатов встретили ряд затруднений. Родные выражали недовольство их отъездом. Так, например, муж и отец ненки Хатанзеевой всячески противились ее отъезду на конференцию. «Жена должна дома сидеть», — говорили они. Три женщины приехали в сопровождении мужей.⁸ Конференция показала необходимость продолжения борьбы с пережитками на местах. Она одобрила мероприятия Партии и Правительства, направленные на поднятие культурного уровня коренного населения и его материального благосостояния.

В 1929 г. была создана специальная Комиссия по улучшению труда и быта женщин малых народностей северных окраин при Комитете Севера ВЦИК. Комиссия провела большую работу по выяснению положения женщин отдельных народов и проведению конкретных мероприятий по улучшению условий труда и быта женщин. В частности, был улучшен инструктаж местных судов, так как в области охраны прав женщин суды работали еще плохо. Сохранились такие документы — в акте ревизии Уральским областным судом работы туземных судов в 1930 г. говорилось: «Потерпевшая Вылка Мария (самоедка) заявила о побоях, нанесенных ей гражданином Вылко Пылыко, приводя мотивы возбуждения дела следующего содержания: „Я думаю, что чужой муж меня не должен бить. Прошу разобрать дело“». ⁹ Дело было рассмотрено только потому, что Вылка поднял руку на чужую жену.

Решающую роль в деле приобщения женщин к общественному производительному труду сыграли такие мероприятия Советской власти, как кооперирование и коллективизация тундрового населения, создание культбаз и школ-интернатов, а позднее и других детских учреждений. В колхозах проводилось освоение второстепенных промыслов (пошив одежды, сбор грибов, ягод и т. д.) на основе артельного объединения женского труда. Это превращало труд женщины из узкодомашнего в общественный. Постепенно женщина вовлекалась и в другие отрасли хозяйства — рыболовство, оленеводство. При многих культбазах создавались специальные комиссии по работе среди женщин, например, при культбазе Хоседа-Хард. Комиссии занимались трудоустройством женщин, ликвидацией неграмотности, проводили беседы врачей и юристов, организовывали соревнования за образцовое содержание чума и т. д.

В январе 1930 г. при ЦК ВКП(б) в Москве состоялось Первое Всесоюзное совещание по работе среди женщин Севера. В совещании участвовали представители женщин Европейского Севера, народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе четыре

⁷ Уральский рабочий, 18 августа 1929.

⁸ Советский Север (Тобольск), 14 августа 1929.

⁹ АКС, оп. 63, п. 99, д. 134.

ненки — Ямкина из Туруханского края, Талеева и Нюрова из Северного края и Вануйта из Уральской области. В своих выступлениях женщины рассказывали о своей тяжелой доле в прошлом и тех изменениях, которые внесла в их жизнь Советская власть. Так, Вануйта рассказала, что до революции она кочевала в тундре, жила полуголодной жизнью, никого не видела, кроме членов своей семьи. Теперь она член пошивочной артели, член правления кооператива, живет не в чуме, а в избе.

Совещание отразило растущее влияние советского строя среди широких масс самой отсталой части населения — женщин-северянок. Оно помогло выявить слабые стороны работы советских органов на местах и усилить работу по улучшению труда и быта женщин народов Севера.

Многочисленные мероприятия, проводимые Советским правительством по поднятию хозяйства и культуры народов Севера и по улучшению условий труда и быта женщин, стали давать результаты. Колхозное строительство, улучшение медицинского обслуживания, охрана юридических прав женщин, улучшение материального благосостояния — все это наглядно показывало немкам преимущества советского строя. «Имеется факт, когда двадцатидвухлетняя женщина, замужняя, имеющая двоих детей, вступает в комсомол, приходит в ликбез и заявляет, что хочет учиться и работать для строительства новой жизни в тундре», — сообщал в отчете о работе в Большеземельской тундре этнограф-экономист П. П. Семериков.¹⁰

Женщины стали понимать, что советский суд стоит на защите их прав. «Я был свидетелем, — рассказывал один из членов Комиссии ВЦИК по улучшению труда и быта женщин, — в Обдорском районе того, как подавала кочующая самоедка жалобу на своего мужа, который плохо с ней обращался. Ее чум отстоял за 400 верст и, несмотря на это, она приехала подать жалобу. Жалоба ее была разобрана и удовлетворена».¹¹

В результате проведения в жизнь советского законодательства, объединенных усилий местных органов Советской власти и женских организаций были достигнуты значительные успехи в деле вовлечения женщин в общественное производство. К 1938—1939 гг. в руководящем аппарате местных Советов, в правлениях колхозов, в области просвещения и здравоохранения работало много ненецких женщин. Так, комсомолка К. П. Сядеева была выдвинута кандидатом в депутаты Архангельского областного Совета, дочь бывшей батрачки К. В. Вылка, кандидат ВКП(б), работала инструктором окрисполкома, Е. Г. Вылка, закончившая Архангельский медицинский институт, прекрасно справля-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

лась с обязанностями врача и т. д. Десятки девушек-ненок учились в высших и средних учебных заведениях.¹²

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы из среды ненецких женщин вышли опытные руководители колхозов, партийные и советские работники, учителя, врачи, научные работники, работники сельского хозяйства.

Много труда в дело укрепления общественного хозяйства колхозов вложила Анна Прокопьевна Выучейская. В тяжелые годы Великой Отечественной войны она руководила работой оленеводческих колхозов Малоземельской тундры, являясь председателем тундрового Совета. Ее часто можно было видеть в колхозах и бригадах, под ее руководством колхозы Малоземельской тундры добились значительных успехов, несмотря на большой недостаток рабочей силы. Правительство наградило А. П. Выучейскую медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». С 1946 г. А. П. Выучейская работала председателем колхоза им. С. М. Кирова Нижнепечорского р-на, позднее была избрана депутатом районного Совета, членом окружного комитета ВКП(б).

Показательна судьба другой передовой советской женщины, Варвары Ивановны Хатанзейской. В. И. Хатанзейская родилась в семье батрака. Потеряв оленей, отец ее поселился в маленьком полуразвалившемся домишке в с. Оксино. Он и его жена работали по найму, выполняя различную работу и с тревогой ожидая следующего дня. Великая Октябрьская революция принесла в тундру новую жизнь. Одним из первых в 1929 г. в колхоз вступил батрак Хатанзейский. В том же году пошла в школу его дочь Варя. После окончания школы в 1934 г. она поступила учиться в Нарьян-Марское педагогическое училище и закончила его в 1941 г. С тех пор много лет В. И. Хатанзейская работала на педагогической работе, а позднее получила высшее образование в педагогическом институте им. А. И. Герцена в Ленинграде.

Можно привести много подобных биографий — они стали возможным только в результате установления Советской власти. В настоящее время больше половины женщин занято общественно полезным трудом. Так и в далекой тундре был выполнен завет В. И. Ленина о том, «чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником».¹³

За годы Советской власти в области брачных отношений произошли большие изменения. Уже давно браки заключаются по взаимной склонности жениха и невесты и регистрируются в тун-

¹² Нарьяна вындер, 8 марта 1939.

¹³ В. И. Ленин, Соч., т. 40, стр. 157.

дровых и сельских Советах. При этом обычно жена принимает фамилию мужа.

Следует отметить, что чрезвычайно стойким оказалось соблюдение экзогамных норм. Г. Д. Вербов, собиравший материал по пережиткам родового строя в 30-х годах, зафиксировал наличие родовой экзогамии как у европейских, так и у азиатских ненцев, а у азиатских — и фратриальной экзогамии.¹⁴

Автором данной работы было отмечено соблюдение экзогамных норм у ямальных, тазовских, надымских и пуровских ненцев в 1953—1962 гг. Характерно, что «хранителями» экзогамных норм являлись главным образом женщины. Каждая женщина всегда могла перечислить группу родов (ныне фамилий), куда могли выходить замуж женщины ее рода, и назвать роды (фамилии), в которые они не могли выходить замуж. Так, женщины пос. Ныда охотно называли роды «своей» фратрии и «чужой» (1962 г.). Таким образом, удалось установить, что наиболее многочисленные в Надымском р-не роды Салиндер и Ядне входят в разные фратрии.¹⁵ К фратрии Салиндер относятся роды Вануйта, Вэно, Неркагы, Нядагы, Пандо, Пуйко, Яр, к фратрии Ядне — Харючи, Анагуричи, Лапсуй, Няруй, Ненянг, Марьик, Окатэта, Сэротэта, Сяхуней, Тэйми, Того, Худи, Надер, Ябтоэ. Это подтвердилось при просмотре книг записей актов гражданского состояния, где записаны девичьи фамилии женщин, вступивших в брак. Собранный материал в основном подтвердил экзогамные нормы, зафиксированные на Ямальском Севере Г. Д. Вербовым, М. М. Бродневым и другими в более ранние годы, и лишь дополнил прежние данные. Члены одной фратрии до сих пор считают себя дальней родней, хотя говорить о каком-то реальном родстве между лицами, носящими одинаковые фамилии, сейчас, разумеется, не приходится. Таким образом, соблюдение экзогамных норм в настоящее время — просто традиция, которая переходит из поколения в поколение, и истоки которой в очень далеком прошлом. Причины столь долгой сохранности экзогамии, видимо, в ее безвредности, хотя, как представляется, она в какой-то степени ограничивает свободу выбора невесты или жениха.

Сохраняются до настоящего времени некоторые элементы свадебного обряда. Нами записан обряд, сопровождавший свадьбу в колхозе им. В. И. Чапаева (Малоземельская тундра) в начале октября 1948 г. Родственники невесты жили недалеко от базы в чуме. Свадьба была назначена на 11 часов вечера. К этому времени вся родня невесты собралась в чуме. «Поезд» жениха несколько запаздывал, и все немного волновались. В первом часу ночи послышался звон колокольчиков, которые привязываются

¹⁴ См. стр. 156 настоящей работы.

¹⁵ Ненцы рода Салиндер в Надымском р-не считают себя по происхождению *ненэй ненэць* ('настоящие ненцы'), а не хантами.

к упряжи оленей и праздничной женской одежде. Сразу же находившиеся в чуме крепко завязали часть покрывки, которая обычно свободно спускается и служит входом. Подъехав к чуму, жених и его родственники пытались прорвать дыру в покрывках чума и сунуть внутрь подарок — красный шелковый платок. Родственники невесты изо всех сил старались помешать им. Борьба продолжалась больше часа, наконец, удалось просунуть шаль в чум. Только после этого родственники жениха получили возможность войти в чум. Все это сопровождалось смехом и шутками, никто не мог объяснить, зачем все это делается («так делали в старину»), не подозревая, что налицо отголоски древних отношений. Жених и невеста, вступавшие в брак по любви, вместе со всеми переживали все перипетии этой борьбы, носившей характер своеобразной веселой инсценировки. Однако молодежь, особенно в поселках, после регистрации брака обычно просто устраивает праздничный ужин.

Частыми явлениями стали браки между лицами разной национальности. Например, между русскими и ненцами (повсеместно), ненцами и коми (Большеземельская тундра, Южный Ямал и др.), селькупами и ненцами (Тазовский р-н Ямало-Ненецкого округа), ненцами и энцами (Таймырский округ) и т. д. В этих случаях национальность детей считается, как правило, по отцу. В смешанных семьях пользуются русским, коми или ненецким языком, редко селькупским, энецким и др., в зависимости от преобладающего разговорного языка окружающего населения. Некоторые русские женщины, выйдя замуж за ненцев, овладевают ненецким языком, нам известны такие случаи в поселках Тибей-Сале, Гыда.

Состав семьи различен. Часто это малая семья, состоящая из родителей и их детей. Иногда вместе с ними живут престарелые родители или холостые братья и незамужние сестры. Следует отметить, что в течение большей части года в семьях, не перешедших к оседлому образу жизни, дети школьного возраста живут в интернатах, приезжая домой только на каникулы. Все трудоспособные члены семьи обычно работают, кроме женщин, имеющих малолетних детей.

Бюджет семьи складывается из заработков работающих членов и пенсий, если в семье есть пенсионеры.

Доходы рабочих совхозов и колхозников зависят от производительности их труда. В качестве примера приведем средние заработки в колхозе «Харп» (Ненецкий округ) в 1964 г. Бригадир в оленеводстве зарабатывает 120 руб., пастух — 90—100 руб., заведующий зверофермой — 110 руб., зверовод — 70—80 руб., доярка — 60—80 руб. и т. д. С 1965 г. пенсионеры получают пенсии по новому Положению о порядке назначения и выплаты пенсий членам колхоза. Так, ветераны того же колхоза Е. М. Ледкова, А. Г. Соболев, Ф. И. Выучейский и другие получают пен-

сии от 28 до 37 руб. в месяц. О все возрастающем благосостоянии населения и росте покупательной способности свидетельствует непрерывное увеличение товарооборота, о чем мы говорили выше.

Женщина в подавляющем большинстве семей сейчас имеет во всех семейных делах равное право голоса с мужчиной, а некоторые вопросы находятся всецело в ее ведении (покупка продовольственных товаров и т. п.).

В настоящее время в основном ликвидировано как в общественном, так и в домашнем хозяйстве деление на «мужские» и «женские» работы. Все же в некоторых отраслях хозяйства заняты в большинстве мужчины (оленоводство, охота, рыболовство), в других — женщины (животноводство, звероводство). Это объясняется большей «оседлостью» последних отраслей, в связи с чем создается возможность сочетать ведение домашнего хозяйства с работой в колхозе, совхозе, на рыбозаводе. Молодые девушки работают во всех отраслях хозяйства.

В домашнем хозяйстве часто нарушается традиционное разделение труда: мужчины обычно помогают женщинам в выполнении наиболее тяжелых работ. Например, когда мужчина принимает участие в установке чума в присутствии других мужчин, это не вызывает удивления, тогда как раньше это считалось для него зазорным.

В большинстве случаев ненка-вдова, даже если в семье имеется взрослый сын, становится главой семьи и пользуется большим уважением.

Несмотря на большие успехи, достигнутые нашим обществом в деле создания семьи, основанной на социалистических началах, и ликвидацию причин, ставивших женщину в худшее положение по сравнению с мужчиной, в некоторых районах расселения ненцев сохранились в быту отдельные пережитки, связанные со старыми представлениями.

Это относится в первую очередь к отдаленным районам — низовья Енисея, Тазовская тундра, Северный Ямал. Так, еще в 1953 г. на Ямале нами были обнаружены два случая двоеженства, причем именно традиционного, с совместным проживанием в одном чуме, а также случай двоеженства, принявшего «новую» форму: одна жена оленевода жила в доме в поселке, с другой он кочевал по тундре.

В 1962 г. в Пуровском р-не среди лиц старше 60 лет также встречались случаи двоеженства.

Сохраняются некоторые запреты, касающиеся женщины. Участница нашей экспедиции студентка-ненка, проходя мимо чума, перешагнула через хорей. Это сразу же вызвало осуждение со стороны сидевших у чума пожилых женщин. В одном из чумов, стоявших в районе пос. Нанги (Южный Ямал), мы увидели юношу, разделывавшего осетра. Он немного смутился, так как чистка рыбы, по старым представлениям ненцев, — женское дело.

Однако по тем же старым обычаям резать осетра женщина не может.¹⁶ Многие из описанных выше пережитков сохраняются у енисейских ненцев.

Значительное число женщин остается пока вне совхозного и колхозного производства. Это объясняется прежде всего кочевым образом жизни, который ведет часть семей оленеводов. Женщины, живущие в поселке, как правило, находят применение своим силам в различных отраслях хозяйства. Другой существенной причиной неполного участия женщин в производстве является еще слабое вовлечение в детские ясли и сады детей ненцев.¹⁷ При наличии большого количества детей женщина, естественно, не может уделять достаточного внимания работе в колхозе. Переход к оседлому образу жизни и дальнейшее строительство детских учреждений помогут окончательно разрешить этот вопрос.

Рост материального благосостояния ненцев и забота государства о матерях и детях создали все условия для воспитания здорового молодого поколения. Рождение ребенка в ненецкой семье — большая радость.

Во время родов женщина находится под наблюдением врача или фельдшера. Если по какой-либо причине роженица не может быть доставлена в больницу или ближайший медицинский пункт, то врач или фельдшер выезжает в тундру и оказывает необходимую помощь на месте. В последние годы случаи родов в чуме крайне редки.

Благодаря росту материального благосостояния, переходу к оседлому образу жизни и распространению медицинского обслуживания почти совсем ликвидирована детская смертность, столь характерная для ненцев в прошлом. Многодетные семьи (от трех до восьми детей) — весьма распространенное явление. В качестве примера приведем количество детей в семьях на 1 I 1964 в Приморско-Куйском сельсовете Ненецкого национального округа. В 97 ненецких семьях количество детей распределялось следующим образом: одного ребенка имели 17 семей, двоих — 14, троих — 15, четверых — 13, пятерых — 18, шестерых — 8, семерых — 6, восьмерых — 5, девятерых — 1 семья.

Из 73 семей Тибей-Салинского сельсовета на 1 I 1962 имели одного ребенка 10 семей, двоих — 25, троих — 10, четверых — 15, пятерых — 7, шестерых — 3, семерых — 2, восьмерых — 1 семья.

Многодетные матери на основании советских законов получают большую материальную помощь от государства. Наличие значительного ассортимента продуктов в магазинах и переустрой-

---

¹⁶ Материалы экспедиций 1953, 1959, 1962 гг.

¹⁷ В некоторых пунктах этот вопрос решается успешно. Так, в поселке Красное (Ненецкий округ) в детских яслях из 35 детей 20 ненцев (1964 г.).

ство быта способствуют упорядочению питания детей. Обеспеченность молоком, крупой, маслом позволила женщине оставить вредный для нее обычай кормить детей грудью до двух-трехлетнего возраста и благотворно отразилась на здоровье детей.

Большинство детей дошкольного возраста воспитывается в семьях. Значительная часть их еще живет в чумах, совершая

Рис. 25. Ненецкая семья около дома.

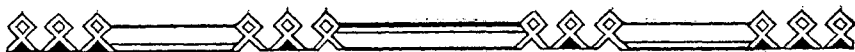
перекочевки вместе с родителями. Наряду с традиционными играми и игрушками (см. гл. 9) в тундре сейчас широко бытуют новые игры (шахматы, шашки, игра в мяч) и привозные фабричные игрушки (куклы, кубики, машины, формочки и т. п.).

Советская семья у ненцев сложилась под воздействием новых общественно-экономических отношений, в результате большой работы советских и партийных органов. Становление современной семьи шло по пути раскрепощения женщины, утверждения ее юридического и фактического равенства, вовлечения ее в общественное производство.

В связи с общим подъемом культуры народа расширился круг интересов семьи. В современной ненецкой семье обсуждаются события международной жизни, дела колхоза, совхоза или учреж-

дения, где работают члены семьи, успехи детей в школе и других учебных заведениях. Члены семьи совместно посещают кинотеатры и клубы, слушают радио, читают газеты, делятся впечатлениями о прочитанных книгах. Юноши и девушки, приезжающие домой на каникулы, рассказывают о городах, где они учатся, расширяя кругозор как младших братьев и сестер, так и членов семьи старшего поколения. Многие ненцы, раньше не выезжавшие из тундры, за последние годы побывали на совещаниях в Москве, Архангельске, Тюмени, Красноярске, в домах отдыха и санаториях на Кавказе, в Крыму, на Украине.

Глава 6

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Низкий культурный уровень ненцев до революции, кочевой образ жизни, особенности быта и географической среды обусловили необходимость применения своеобразных форм культурного строительства у народов Севера. Характерными были передвижные учреждения и комплексные формы обслуживания населения.

В 1925 г. Комитет Севера при Президиуме ВЦИК признал необходимость создания на севере культурных баз. Культбазы организовывались и строились в самых глухих, отдаленных местах, там, где проходили кочевья оленеводов. В 1927 г. была создана первая культбаза Хоседа-Хард, ставшая центром культурно-просветительной работы среди оленеводов Большеземельской тундры. Несколько позднее были созданы Колоколовская культбаза в местечке Табседа, обслуживавшая оленеводов Малоземельской и Тиманской тундр, Яр-Салинская на Ямале и Хальмер-Седз на р. Таз. Культбазы представляли собой комплексные учреждения, при них имелись школы, больницы, культурно-просветительные учреждения, ветеринарные и зоотехнические пункты. Работа проводилась не только на базе, но и в тундре, куда выезжали ее работники.

Культбазы сыграли большую роль в развитии хозяйства и культуры на социалистических началах. Комплектовались они специалистами и научными работниками, большими энтузиастами своего дела. Многие годы культбазы оставались основными очагами культуры на Крайнем Севере.

Деятельность культбаз имела разносторонний характер. Помимо развития просвещения и здравоохранения, о чем мы скажем несколько ниже, культбазы занимались обобщением передового опыта оленеводов, охотников и рыбаков, улучшением быта кочевого населения. Так, Ямальская культбаза (Яр-Сале) создала маленький музей, где в наглядной форме показывала преимущество новых способов добычи, стандартной обработки

шкурок и т. д. Мастерская базы снабжала население железными печами для чумов. Культбаза же занималась вопросами перехода к оседлости, создания более удобных жилищ для оленеводов. Естественно, что в работе культбаз было много трудностей и недостатков. На той же Ямальской культбазе долгое время не могла наладиться работа Дома ненца и т. д. Однако значение их как первых советских культурных центров трудно переоценить. Многие культбазы впоследствии стали районными центрами (Яр-Сале, Хоседа-Хард, Хальмер-Седэ — ныне Тазовское).

Другой формой культурного строительства, связанной с кочевым бытом населения, были Красные чумы. Они снабжались медикаментами, библиотечками, радио- и киноустановками; работники Красных чумов в самых отдаленных уголках тундры оказывали медицинскую помощь населению, проводили санитарно-гигиеническую работу, показывали кинофильмы, занимались ликвидацией неграмотности, проводили политбеседы и т. д. Красные чумы сыграли большую роль в приобщении ненцев к новой культуре. Они и сейчас проводят значительную просветительскую работу с населением, работающим в стадах и на промысле.

Первая ненецкая школа была открыта в 1923 г. в Тельвиске по инициативе ненцев, объединявшихся в кооператив «Кочевник». Несколько школ затем открылось при культбазах.

Ненецкие школы с самого начала стали создаваться как школы-интернаты, где дети находились на полном государственном обеспечении. При кочевом образе жизни основной массы населения и низком еще уровне материальной обеспеченности это была единственно возможная форма обучения. Организаторам новых школ пришлось преодолеть много трудностей: родители не понимали значения образования и не хотели отдавать детей в школу, имела место и враждебная агитация крупных оленеводов и шаманов. Часто ненцы прежде чем отдать детей в школу жили там по два-три дня, наблюдали процесс обучения, расспрашивали о питании, а потом уже уезжали за детьми. Узнав что-нибудь плохое об интернате, оленеводы немедленно приезжали и забирали детей. Отсюда видно, насколько важна была хорошая постановка работы в школах и интернатах для успешного привлечения в них коренного населения. Школа призвана была не только обучать детей, но и прививать им культурные навыки, обеспечить их политическое воспитание. Следует отметить, что в большинстве случаев ненецкие дети очень быстро осваивались в непривычной для них обстановке: охотно посещали баню, бережно относились к новой одежде, аккуратно застилали постели и т. д.

Трудно было с кадрами учителей, так как большинство их не знало языка коренного населения, а дети приезжали в интернаты, не владея русским языком.

После XVI съезда партии, который поставил задачу проведения всеобщего начального обучения в стране и ликвидации не-

грамотности среди взрослого населения, строительство школ развернулось еще большими темпами. Так, если в 1930 г. в Ненецком национальном округе было 19 школ (из них 5 ненецких), а в 1940 г. — 39 (в том числе 15 ненецких), то в 1956 г. уже была 61 школа (из них 24 ненецких).¹ В Ямало-Ненецком округе в 1931 г. было 7 школ, в 1937 — 26 (в том числе 11 ненецких).

Большое значение имело создание письменности на языках народов Севера, и в частности на ненецком языке. Еще в конце XVIII в. и особенно в XIX в. отдельные исследователи (П. С. Паллас, архимандрит Вениамин, М. А. Кастрен) занимались изучением ненецкого языка, однако результаты их работ оставались лишь достоянием ученых. Только в советское время появились необходимые условия для создания письменности и литературы на языках народов Севера. Научными сотрудниками созданного по решению партии и правительства Института народов Севера Г. Н. Прокофьевым, А. П. Пырерка, Г. Д. Вербовым была проведена большая работа по изучению ненецкого языка. В 1932 г. вышел первый ненецкий букварь «Jadej Wada» («Новое слово»), составленный Г. Н. Прокофьевым. В последующие годы были изданы учебники для первых четырех классов ненецкой школы, художественная и общественно-политическая литература для внеклассного чтения. В настоящее время в большинстве ненецких школ занятия в подготовительном и первом классах ведутся на родном языке учащихся, а во втором—четвертом классах ненецкий язык преподается как предмет. Первоначальное обучение на родном языке, как показывает опыт, способствует скорейшему овладению русским языком, что в свою очередь дает возможность ненцам приобщаться к богатейшей русской и мировой культуре.

С 1931 г. существует Нарьян-Марское педагогическое училище. Оно выпустило несколько сот учителей, среди них большое количество ненцев и коми. Большинство выпускников работает в национальных и русских школах округа.

Так, в 1963 г. в школах Ненецкого национального округа работало 73 учителя-ненца. Имеются педагогические училища в Салехарде и Игарке, где также ведется подготовка национальных кадров. Учителя-ненцы повышают свое образование в вузах Ленинграда, Архангельска, Омска и других городов.

В национальных округах есть и другие специальные учебные заведения: в Ненецком — окружная сельскохозяйственная школа, готовящая квалифицированные кадры для оленеводческих колхозов и совхозов, окружная культурно-просветительная школа, выпускающая заведующих Красными чумами, сельскими клубами, избами-читальнями, библиотеками и др.; в Ямало-Ненецком —

---

¹ А. Н. К р у п и н. Преображенный край, стр. 52; см. также: П. И. Л е о н т ь е в. Трудовое воспитание в школах Ненецкого национального округа. Архангельск, 1957.

медицинское училище, зооветеринарный техникум, культурно-просветительная и торгово-кооперативная школы; в Таймырском (в Дудинке) — сельскохозяйственный техникум. Ненцы приобретают и совсем новые для этой народности специальности — летчиков, горных инженеров и т. д.

За годы Советской власти в основном покончено с тяжелым наследием прошлого — неграмотностью и малограмотностью взрослого населения. Если в 1933 г. грамотность среди взрослого населения Ненецкого национального округа составляла 12%², то в 1957 г. среди оленеводов грамотных было более 93%. Не ликвидировали свою малограмотность только лица пожилого возраста. Повышением общеобразовательного уровня взрослого населения занимаются работники Красных чумов, медицинские работники, специалисты сельского хозяйства.

Неуклонно расширяется сеть детских учреждений. В Ненецком национальном округе на 1 I 1964 было 40 детских садов, 18 детских яслей и 1 Дом ребенка, в Ямало-Ненецком округе — 5 детских садов, 24 детских яслей и 1 Дом ребенка. В детские сады и ясли все чаще отдают своих детей ненцы и коми.

В повышении культуры большое место занимают разнообразные культурно-просветительные учреждения. В Ненецком округе имеется три Дома культуры, Дом народного творчества, Народный театр, который показывает свои спектакли во многих поселках округа, окружной музей, 2 музыкальные школы, 40 клубов, 15 Красных чумов и агитбригад, 28 библиотек, 18 киностанционных, свыше 30 кинопередвижек.³ Многие культурно-просветительные учреждения имеют радиотрансляционные пункты, широко практикуется местное радиовещание. В Ямало-Ненецком округе работают 9 Домов культуры, Дом народного творчества, окружной музей, 42 сельских клуба, 18 Красных чумов, 2 Культбазы, 31 библиотека, 4 кинотеатра, 58 кинопередвижек.⁴ Книги, газеты, журналы стали обычным явлением в домах и чумах в самых отдаленных уголках тундры.

Красные чумы, агитбригады, плавучие культбазы (рис. 26) проводят большую культурно-просветительную и санитарно-гигиеническую работу среди оленеводов и рыбаков, находящихся на промысле. В штате каждого Красного чума есть заведующий, культработник, учитель, медицинский работник и киномеханик. Работники Красных чумов проводят лекции, беседы, демонстрацию кинокартин, работу по ликвидации малограмотности среди взрослого населения, осуществляют медицинское обслуживание населения, организуют выступления художественной самодеятельности. При каждом Красном чуме есть переносные бани-

² Ненецкий национальный округ, стр. 80.

³ Данные на 1 I 1964.

⁴ То же.

палатки.⁵ Важно отметить, что среди работников Красных чумов большой процент составляют ненцы. Так, в Ненецком округе из 15 заведующих Красными чумами 10 ненцев, из 9 киномехаников 4 ненца и т. д.

Задачей огромной важности была организация медицинского обслуживания трудящихся тундры. До революции на всей совре-

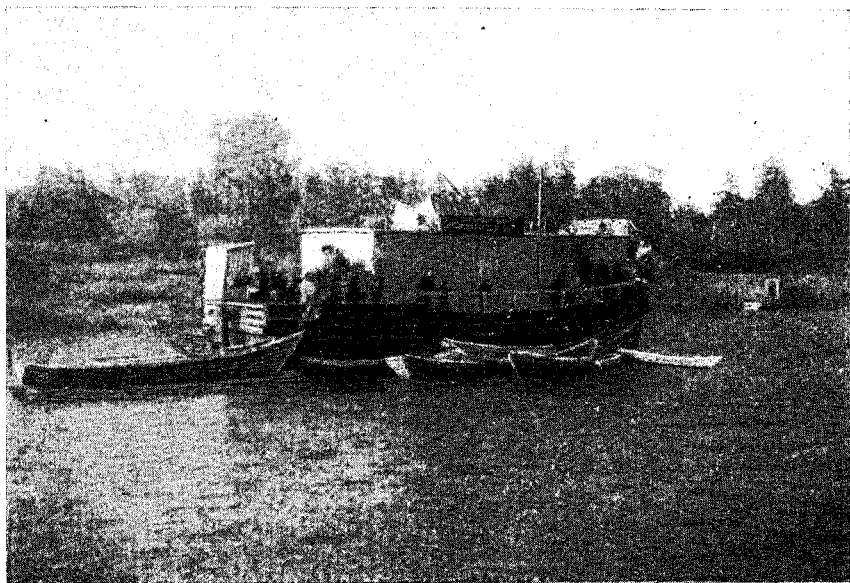

Рис. 26. Плавающая культбаза направляется к рыбацкому стану. Ямало-Ненецкий округ. Фото М. Ямкина.

менной территории Ненецкого национального округа было только 2 медицинских пункта с двумя койками. К 1930 г. в округе имелось уже 4 больницы с 32 койками и 5 фельдшерско-акушерских пунктов, а в 1957 г. — 18 больниц с 325 койками и 43 фельдшерско-акушерских и фельдшерских пункта. В настоящее время населению округа оказывается постоянная специализированная медицинская помощь. Работают хирургические, рентгеновские кабинеты, для оказания неотложной помощи широко используется санитарная авиация. В результате резко снизилась общая и детская смертность среди ненцев, а рождаемость и естественный прирост ненецкого населения в последние годы даже выше, чем средний прирост населения в округе. Исчезли характерные для прош-

⁵ Банн-палатки приобретают также многие колхозы для оленеводческих бригад.

лого социально-бытовые и инфекционные болезни: оспа, трахома и др.

На Обском Севере до революции работало всего 3 врача, в задачу которых не входило обслуживание кочевого населения; к 1941 г. только в Ямало-Ненецком округе уже действовало 12 больниц, 40 амбулаторий и фельдшерских пунктов, в которых работало 40 врачей и 100 фельдшеров,⁶ а к 1959 г. были уже 22 больницы, 72 фельдшерско-акушерских пункта, не считая медицинских учреждений Гыдоямской и Ямальской культбаз.⁷

Осуществление в тундре медицинского обслуживания в первые годы было сопряжено со значительными трудностями. Привыкшие обращаться в случаях заболеваний к шаманам, ненцы часто избегали медицинской помощи. Этому способствовала и агитация враждебных элементов, распространявших относительно врачей разные нелепые слухи. Тем не менее польза врачебного обслуживания была настолько очевидна, что постепенно широкие массы ненецкого населения стали обращаться в больницы и медицинские пункты, следовать советам медицинских работников в отношении правил гигиены и т. п. Интересно, например, отметить, что в 1935 г. больницей Ямальской культбазы было уже обслужено 2196 ненцев, что свидетельствует о переломе, который произошел в сознании населения.

В последние годы в ненецких округах появились ненцы — выпускники медицинских институтов и техникумов Архангельска, Омска и других городов. Так, на 1 I 1964 в Ненецком национальном округе работало 33 медицинских работника из коренного населения. К ним охотно обращаются оленеводы и рыбаки, о них говорят с гордостью и уважением. В ближайшее время количество медработников из числа ненецкой народности значительно увеличится за счет очередных выпусков медицинских вузов и техникумов.

С приходом Советской власти среди ненцев широко развернулась культурно-просветительная работа. Это помогло ненцам постепенно преодолевать религиозные предрассудки. В настоящее время старые религиозные представления ненцев сохраняются лишь кое-где в виде отдельных пережитков. Только в наиболее отдаленных районах (Северный Ямал, Тазовская тундра, Енисейский Север) старые религиозные воззрения сохранили еще прежнее значение среди лиц старшего поколения, и там следует усилить научно-атеистическую работу.

Можно привести следующие примеры бытования до настоящего времени среди ненцев религиозных представлений.

Во многих районах еще почитаются «священные» жертвенные места. Почитаются несколько священных мест в Большеземель-

⁶ М. Е. Б у д а р и н. Прошлое и настоящее народов северо-западной Сибири, стр. 160.

⁷ 30 лет Ямало-Ненецкого округа, стр. 66.

ской тундре, на Вайгаче, в Тазовской тундре, в Мезенском р-не Архангельской обл., куда ненцы откочевывают зимой. По имеющимся сведениям похоронный обряд иногда совершается по старому обычаю.

Шаманских камланий с описанным нами выше ритуалом уже давно не бывало в тундрах. Нам довелось в 1953 г. на Ямале встретиться с бывшим шаманом И. И. Няруем, слепым 90-летним стариком. Он очень охотно рассказывал о том, как учился в миссионерской школе, как после прихода Советской власти работал переводчиком в Совете, но как только я пыталась перевести разговор на тему о религиозных представлениях, он делал вид, что ничего не слышит. В последние годы И. И. Няруй не шаманил, но я слышала, что к нему охотно приходили «за советом». Какого характера были эти советы, узнать не удалось. Тогда же один из ненцев сообщил мне, что в северной части Ямала есть три бывших шамана, которые иногда «гадают», предсказывая будущее.

В некоторых чумах наряду с иконами встречаются «священные» предметы — *мэд' хэхэ'*.

Приведенные примеры показывают, что работа по борьбе с религиозными пережитками еще не закончена и распространение среди населения тундры атеистических и общенаучных знаний должно быть продолжено и усилено.

Следует отметить, что молодежь в большинстве случаев уже очень далека от всех старых представлений, некоторые имеют только весьма смутное представление о «каких-то» сядэях, хэхэ⁸. Есть и такие, которые, прекрасно владея родным языком, не знают таких слов, как *табеда* («шаман»), *пензер'* («бубен») и т. д. Это относится, в частности, к юношам и девушкам Малоземельской тундры.

За годы Советской власти развилось искусство, национальное по форме, социалистическое по содержанию, причем сохраняются некоторые традиционные виды искусства и в то же время появились новые, вызванные к жизни общим ростом культурного уровня ненецкой народности.

Скульптура, носившая в прошлом исключительно религиозный характер, не получила еще в настоящее время достаточного развития. Организаторы художественной самодеятельности в Нарьян-Маре и Салехарде делали попытки перенести навыки изготовления деревянной скульптуры на создание кукол для детского театра, однако эти попытки носили единичный характер. Единичными были и скульптуры, созданные студентами Института народов Севера. В то же время после Великой Октябрьской

---

⁸ Чрезвычайно показательным является следующий факт: в 1962 г. молодая ненка-комсомолка из пос. Ныда, ожидавшая рождения ребенка, передала культовые предметы, помогающие по старым поверьям при родах (*мэд' пухуца*), в музей через автора настоящей работы.

социалистической революции получил развитие сюжетный рисунок, в прошлом почти совсем отсутствовавший у ненцев.

Интересны обстоятельства, при которых появились первые рисунки взрослых ненцев, никогда прежде не державших в руке карандаша. Рис. 28 представляет собой «конспект» речи одного из делегатов Ямала на съезде Советов в г. Тобольске, происходившем в 20-х годах. Делегат-ненец был неграмотным и свое выступление предварительно изложил на бумаге с помощью рисунков,

Рис. 27. В музыкальной школе г. Салехарда. Фото В. Рочева.

сделанных химическим карандашом. Заглядывая время от времени в свой конспект, ненец говорил спокойно и уверенно. Он рассказывал о том, что рыбы на Ямале много и за нее хорошо платят, а вот снастей мало (сеть на рисунке), их нужно иметь побольше. Изображение ружья напомнило ему о том, что на Ямал засылали мало огнеприпасов, и он просил помочь ненцам в этом деле. Не хватает и ветеринаров (человек, стоящий рядом с оленьим стадом), между тем ветеринарная помощь необходима, так как среди оленей развивалась «копытница» и многие из них погибли (фигуры оленей, нарисованные вверх ногами). В заключение речи делегат просил разрешить ненцам охотиться на песца, так как он встречается теперь в большом количестве (ружье с вылетающими из него пулями и фигура песца внизу).⁹

⁹ С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири. М.—Л., 1954, стр. 765—766. См. также журнал «Красная панорама», Л., 1929.

Авторы рисунков обычно сосредоточивают свое внимание на хорошо знакомых сюжетах — окружающая природа, кочевой быт, который сохранился еще у части ненцев, красочная национальная одежда, новые поселки, появляющиеся в тундре. Рисунок и живопись особенно распространены среди учащейся молодежи.

Широко известны и картины художников старшего поколения ненцев Тыко Вылки,¹⁰ К. Панкова, Николая Вылки. Их картины украшают музеи Ленинграда, Архангельска, Нарьян-Мара, Салехарда.

В настоящее время произведения устного народного творчества некоторых жанров (*сюдбабц, ярабц*) исполняются значительно реже, чем еще лет 20—30 тому назад. Причина этого — расширение кругозора тундрового населения, появление в тундре кино, радио, книг, газет. Естественно, что для молодежи сейчас меньший интерес представляет описание родовых распрей или длительных поисков жены, чем когда-то. Однако произведения эпического характера знают очень многие представители старшего поколения, а в некоторых районах и молодого. Новое содержание получают лирические песни. Фольклор является живым источником молодой ненецкой литературы. Сбирать произведения устного творчества ненцев и публиковать их на ненецком языке с переводом и комментариями — важная задача научных учреждений. Сбором фольклора на местах занимаются русские и ненцы — сотрудники окружных газет, работники Домов народного творчества. В 1962 г. вышел сборник «Северные россыпи» (Салехард), где публикуются образцы ненецкого фольклора и орнамента.

Художественная литература зародилась у ненцев, как и у других народностей Севера, не имевших до Великой Октябрьской

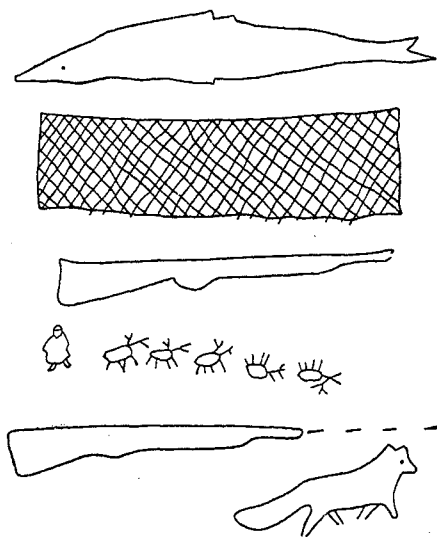

Рис. 28. «Конспект» речи ямальского ненца-делегата. 20-е годы.

¹⁰ Об известном ненецком общественном деятеле и художнике Илье Константиновиче (Тыко) Вылке см.: Л. М. Щербак ова. Тыко Вылка. Свердловск, 1965.

социалистической революции письменности, в 30-е годы текущего столетия.¹¹

Зачинателем ненецкой художественной прозы по праву считается Николай Семенович Вылка, племянник известного художника и общественного деятеля Тыко Вылка. Еще будучи студентом Института народов Севера, он начал пробовать свои силы в литературе. В 1937 г. в журналах «Наша страна» и «Советская Арктика» в авторских переводах были напечатаны варианты его повести «Вылка на острове». В 1938 г. появились на ненецком и русском (в переводе Г. Д. Вербова) языках его повести о тяжелой жизни ненцев в дореволюционные годы «На острове» и «Марья». Повести Н. Вылки написаны высокохудожественным языком, насыщенным метафорами и сравнениями, очень красочны и точны в описании ненецкого быта и природы. Несколько рассказов и стихотворений Н. Вылки опубликовано в сборниках «На рубеже», «Север поет» и др. Он был принят в Союз советских писателей. Он был также талантливым скульптором и художником; он сам иллюстрировал свои произведения и книги других писателей-ненцев. Скончался Н. Вылка во время Отечественной войны.

Значительный вклад в дело развития молодой ненецкой литературы сделал уроженец Ямала Иван Федорович Ного. Хорошо зная историю и обычаи своего народа, И. Ф. Ного явился автором двух интересных пьес — «Шаман»¹² и «Ваули Ненянг», завоевавших большую популярность на Обском Севере, и нескольких рассказов из жизни ненцев. И. Ф. Ного был и видным советским деятелем; длительное время он руководил плановой комиссией и исполнительным комитетом Ямало-Ненецкого национального округа. Скончался И. Ф. Ного в 1947 г.

Широкой известностью пользуются произведения Ивана Григорьевича Истомина, коми по национальности, много сил отдавшего изучению и развитию ненецкого языка. По окончании в 1938 г. национального педагогического училища в г. Салехарде И. Г. Истомин в течение 12 лет преподавал ненецкий язык и рисование в специальных учебных заведениях Салехарда. С 1950 г. он работал редактором национального варианта окружной газеты «Красный Север» («Няръяна Њэрм»).

И. Г. Истомин известен как талантливый художник (в Салехардском музее имеются его полотна «Арест Ваули Ненянга» и «Ленин на Ямале»), прозаик и поэт,¹³ а также собиратель ненецкого фольклора и руководитель созданного им литературного кружка начинающих писателей-ненцев.

¹¹ См.: Творчество народов Севера. Л., 1955.

¹² Пьеса «Шаман» вышла отдельным изданием на ненецком и русском языках (Салехард, 1937).

¹³ См. стихотворения И. Г. Истомина в сб. «Творчество народов Севера», а также книгу стихов: «Выңгы ңацекеы» («Дети тундры»). Тюмень, 1959.

Перу И. Г. Истомина принадлежит драматическое произведение «Последнее кочевье» о переходе ямальских ненцев к оседлости.

В послевоенные годы в местной периодической печати и других изданиях стали появляться стихи молодых талантливых ненецких поэтов В. Ледкова, А. Канюкова, А. Пичкова, И. Юганпелика, Л. Лапсуя. Некоторые из них издали уже сборники стихов, вышедшие в переводе известных советских поэтов.¹⁴

Они пишут на родном языке, тематика их произведений разнообразна, однако большинство их стихотворений посвящено современности. О новых явлениях в жизни ненецкого народа рассказывает стихотворение А. Пичкова «В новом доме»:

В новом доме с утра веселье,
Слышен звонкий, задорный смех.
Лаптандер на свое новоселье
Приглашает сегодня всех.

И идут по тропинкам из чумов
Важно мудрые старики.
Сам хозяин в новом костюме
Их встречает у самой реки.

За столом про одно разговоры —
Как тепло в новом доме, светло...
Тундру, рощи и дальние горы
Сквозь оконное видно стекло.

А еще интереснее ящик,
В нем звучат дорогие слова,
В доме ненца шумит настоящая,
Говорит и поет Москва.¹⁵

Молодым поэтам оказывают большую помощь литературные объединения, созданные при редакциях окружных газет.

Опытный писатель И. Истомин и молодой поэт В. Ледков являются членами Союза писателей РСФСР.

За последние годы в ненецких округах большое распространение получила национальная художественная самодеятельность. Во многих поселках при клубах, школах-интернатах имеются постоянные кружки самодеятельности, участники которой выступают на местной сцене, выезжают в соседние поселки и т. п. Большую работу по организации самодеятельности проводят Нарьян-Марский и Салехардский Дома народного творчества.

¹⁴ См. литературно-художественный сборник «Заполярье», окружные газеты «Няръяна вындер» и «Няръяна нгэрм», а также: В. Ледков и А. Пичков. «Далеко Сэрне моя живет». Архангельск, 1961; И. Юганпелик. «Мать хыноцам». Тюмень, 1960; А. Канюков. «Мой ясовей». Архангельск, 1964, и др.

¹⁵ Заполярье, сб. 3, Архангельск, 1959, стр. 9. Перевод с ненецкого.

В прошлом у ненцев танцев не было. На материале национального быта и трудовых процессов в настоящее время созданы танцы для эстрадного исполнения, в частности пользующийся большой популярностью танец «олени». Юноши и девушки выступают также с чтением стихов ненецких поэтов, с пением обработанных для эстрады лирических и эпических песен.

В 1965 г. ненцы, участники самодеятельности Ненецкого национального округа, с большим успехом выступили в Москве на смотре самодеятельных коллективов Северо-Западной зоны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях царской России ненцы были обречены на вымирание.

Об этом красноречиво свидетельствуют записки путешественников и исследователей, посетивших ненецкие тундры в XIX и начале XX в.: «Желаю, чтобы описание мое возбудило хотя малое участие к горсти людей, которые подлинно достойны этого по жалкому своему положению».¹ «Если условия быта самоедов в Большеземельской тундре не изменятся, они все обречены на вырождение».² «Без сомнения, они обречены на вымирание, и недалек тот день, когда само существование самоедов отойдет в область воспоминаний».³

Голод, нищета, бесправие, поголовная неграмотность, болезни — таков был удел ненцев до Великой Октябрьской социалистической революции. Царское правительство, получавшее значительные доходы с северных окраин, не заботилось о развитии хозяйства, поднятии материального и духовного уровня живущих там народов. Они были обречены на вымирание, и это случилось бы, если бы не Октябрьская революция. Мы знаем немало примеров полного исчезновения целых племен и народов в условиях капитализма: такова участь, в частности, многих племен индейцев и эскимосов в Америке.

Сопоставим с этим лишь один факт: по данным ЦСУ, только за три года (1959—1962) естественный прирост среди ненцев составил 7.2%.

Победа Советской власти в нашей стране внесла коренные изменения в жизнь народов Севера, в том числе ненцев. Непосредственно от патриархально-родового строя они перешли к социализму, приняв активное участие в строительстве нового общества.

¹ В. И с л а в и н. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847, стр. IV.

² А. А. Б о р и с о в. У самоедов. СПб., 1907, стр. 79.

³ Н. Б е л д и ц к и й. Несколько дней среди ижемских зырян. Изв. Арханг. общ. изуч. Русского Севера, № 23—24, 1910, стр. 32.

В одних районах преобразование хозяйства и культуры ненцев на социалистических началах проходило быстрее, в других — медленнее, было преодолено много трудностей, тем не менее этот процесс повсеместно был успешно завершен, и в настоящее время ненцы приступили вместе со всем советским народом к построению коммунистического общества.

Со времени установления на Севере Советской власти прошло 40 лет. За это время и здесь решительную победу одержали со-

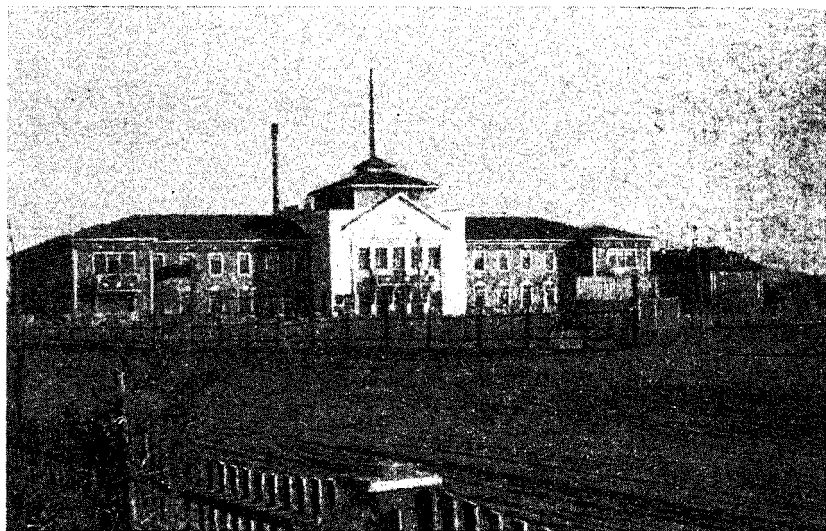

Рис. 29. Дом Советов в Нарьян-Маре.

циалистические формы хозяйства (колхозы, совхозы), получили развитие старые отрасли хозяйства и появились новые, складывались и развивались новые общественные отношения, расцвела культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию.

Ненцы — оленеводы, охотники и рыбаки — Герои социалистического труда, их дети — писатели, учителя, медицинские работники, водители тракторов, катеров, киномеханики, корреспонденты газет; разве об этом могли мечтать представители маленького народа, затерявшегося в «глухих углах» царской России? Только Советская власть привела этот народ, как и десятки других, к свету и знаниям, дала ему в руки книгу и штурвал самолета, ввела в большой мир замечательных дерзаний и свершений. В тундре выросли поселки, залитые электрическим светом, сюда прилетают самолеты и вертолеты, чтобы помочь людям преодо-

леть пространства тундры. Один из ненецких поэтов в своих стихах следующим образом выразил мысли тружеников Севера:

Вновь полярное сиянье
Над Ямалом занялось.
Ты откуда, ты откуда
Диво дивное взялось?
Разноцветными лучами
Ты все небо обожгло.
Даже звездочки померкли,
Даже в тундре рассвело.
Ты над ненцами и раньше
Полыхало, как сейчас.
Но забытых и бесправных,
Ты не радовало нас.
А теперь, когда чудесен,
Светел наш ненецкий край,
Говорим мы, улыбаясь:
Чудо Севера, сияй!
Повторяет каждый житель
Полуострова Ямал:
Это звезд кремлевских отблеск
В нашем небе заиграл! ⁴

В связи с задачами строительства коммунистического общества перед ненецкими национальными округами встает ряд важных вопросов, разрешение которых — дело ближайшего будущего. Остановимся кратко на некоторых из них.

Появившаяся за годы Советской власти на Европейском и Обском Севере крупная промышленность (лесная, нефтегазовая, рыбоконсервная) размещается в зоне расселения коренных народностей. Это оказывает определенное влияние на развитие хозяйства и культуры ненцев. И если основными видами хозяйственной деятельности для них остаются оленеводство, добыча рыбы, охота, а в последние годы, кроме того, молочное животноводство и звероводство, то нельзя не признать закономерным в связи с общим ростом хозяйства и культуры приток части коренного населения, особенно молодежи, в промышленность, на транспорт, т. е. в отрасли хозяйства, наиболее оснащенные технически. Это требует ускорения материально-технического перевооружения оленеводства, рыболовства и других отраслей местного хозяйства, где использование коренного населения наиболее целесообразно.

На ближайшее время важнейшей проблемой остается постепенное преобразование кочевого быта коренного населения, связанного с ведением оленеводческого хозяйства. Об этом мы подробно говорили в гл. 3, ч. II. К сказанному следует добавить, что в 1963 г. перешло к оседлости в среднем больше половины кочевого в прошлом населения ненецких округов.

⁴ И. Истомин. Полярное сияние. В сб.: Земляки, Тюмень, 1957. Перевод с ненецкого Гл. Семенова.

Переход к оседлому образу жизни коренного населения тундры — проблема исторической важности, так как дело идет о ломке веками сложившегося хозяйственного, бытового и психического уклада. Давно известно, что решение проблемы оседания не сводится к простому строительству жилых домов для колхозников. Напомним хотя бы лишь о трех из многих аспектов этого вопроса.

Процесс перехода к оседлости предполагает приближение кочевых населения к районам, имеющим перспективы для развития комплексного хозяйства, создание условий для вовлечения всего трудоспособного населения в общественное производство, что могло бы обеспечить колхозникам высокие и устойчивые доходы. Поэтому при строительстве новых поселков и развитии старых необходимо учитывать перспективы развития рыболовства, звероводства, в отдельных местах зверобойного промысла и других «оседлых» отраслей хозяйства.

Другая важная сторона этой проблемы — восприятие перехода к оседлости самими ненцами. Вот, например, что пишет пастух стада № 2 колхоза «Наръяна ты» В. Ледков (бригада перешла на сменный выпас оленей): «Переустройство быта принесло ненцам-кочевникам культурную жизнь и главное — тягу к культуре. Теперь, когда мы перешли в просторные светлые дома, регулярно смотрим кинофильмы, слушаем голос родной Москвы, безвыездная долгие месяцы жизнь в тундре кажется темной, неинтересной. . . Радиоприемник, швейная машина в доме бывшего кочевника теперь не диво. . . Можно много говорить о добрых переменах и преимуществах, которые пришли к ненцу с переходом на оседлый образ жизни. Это — детские сады и ясли, медицинский пункт, электричество, магазины и многое другое».⁵ Такая точка зрения сейчас преобладает среди ненецкого населения, хотя есть группы населения, которые держатся за кочевой уклад. Для преодоления отсталых взглядов необходима разъяснительная и воспитательная работа, а главное — наглядный показ преимуществ оседлого образа жизни.

И последнее, о чем следует сказать, — вопрос о кадрах, который сейчас приобретает новое значение. За годы Советской власти широкое распространение получила подготовка зоотехнических и ветеринарных работников, звероводов, председателей колхозов и бригадиров в специальных учебных заведениях. Однако этим не снимается в более широком плане вопрос о подготовке кадров для основных отраслей хозяйства. В прошлом дети оленеводов получали необходимую (для тех условий) подготовку, кочуя вместе с семьей по тундре. Они помогали отцу охотиться и ловить рыбу с раннего возраста. В связи с организацией школ и введением всеобщего обучения дети отрываются от участия в хозяйственной

---

⁵ Наръяна вындер, 1 января 1964.

деятельности на семь—десять лет, так как большую часть года проводят в интернате. Отрыв от тех отраслей хозяйства, в которых многим учащимся впоследствии приходится работать, должен возмещаться хорошей постановкой производственного обучения в школах. В этом направлении делается многое. Воспитание трудолюбия, трудовых навыков обеспечивается всей системой работы школы: организацией самообслуживания, общественно-полезного труда, учебных занятий по труду, осуществлением профессиональ-

Рис. 30. На отдых на юг.

ного обучения в старших классах, внеклассной и внешкольной работой с учащимися. В последние годы в процессе обучения широко используются примеры из жизни округа, колхоза, села. На лето большинство учащихся разъезжается в родные колхозы, применяя на практике полученные знания. Однако работу по политехнизации тундровых школ следует усилить, обращая особое внимание на специфику хозяйственной деятельности местного населения. В частности, в старших классах, видимо, следует ввести преподавание основ оленеводства, рыболовства, звероводства с проведением затем производственной практики; пока такую работу проводят только отдельные школы.

Как мог убедиться читатель, за годы Советской власти жизнь ненцев коренным образом изменилась. Но многое из того, что было создано многовековым опытом ведения хозяйства в тундре, из своеобразной национальной культуры, из того, что полезно

и рационально в условиях Севера, продолжает сохраняться.

Особенности развития национальных отношений в период развернутого строительства коммунизма с предельной ясностью определены Программой КПСС: «С победой коммунизма в СССР произойдет все большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Однако стирание национальных различий, в особенности языковых различий, — значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней. . . Партия не допускает ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей» (М., 1962, стр. 113). Вопрос о месте и роли национальных форм культуры ненцев в развитии ненецких национальных округов и о путях дальнейшего хозяйственного и культурного сближения ненцев с другими народами СССР имеет большое значение.

В течение долгого времени складывалась материальная и духовная культура ненцев. Появились формы хозяйства и быта, соответствующие природным условиям района их расселения: оленеводство и связанные с ним кочевой образ жизни и переносное жилище, олений транспорт, одежда из меха и т. п. Постепенно, в результате общения с соседними народами, особенно с русским, произошло взаимное проникновение элементов культуры и быта русского и ненецкого населения. Русские, связанные с оленеводством, как и некоторые другие народности, восприняли от ненцев одежду, жилище, средства передвижения. С другой стороны, ненцы, переходящие к оседлому образу жизни, охотно восприняли многие элементы культуры от русских (меблировка и убранство жилых комнат, использование конного транспорта, шерстяной и хлопчатобумажной одежды русского покроя и т. д.). За годы Советской власти в результате бурного развития экономики и культуры всех народов СССР в ненецкие округа проникли современные виды транспорта (самолеты, вертолеты, теплоходы, катера, вездеходы), новой техникой оснастились промыслы (особенно добыча рыбы), в быт вошли предметы домашнего обихода, прежде не известные ненцам (радиоприемники, патефоны, стиральные машины, удобная мебель, красивая посуда и т. д.), в тундре появились дома с паровым отоплением и всеми удобствами. Сейчас все труднее встретить ненца, который бы не летал на самолете, не умел пользоваться радиоприемником или фотоаппаратом. Все это, однако, успешно сочетается с сохранением многих черт национальной культуры. Попытаемся кратко охарактеризовать существующую тенденцию развития национальной культуры ненцев.

По-видимому, пока будут существовать такие отрасли хозяйства, как оленеводство и охота (нет оснований думать, что они исчезнут в ближайшем будущем), сохраняются наряду с современными и такие средства транспорта, как олени и собачья упряжка

для передвижений, непосредственно связанных с производством (выпас оленей, осмотр капканов и т. д.). Безусловно, еще в течение долгого времени сохранится национальная верхняя одежда, которая бытует у всех групп ненцев, как у оленеводов, так и у живущих в поселках. В связи с переходом к оседлости постоянные дома и более удобные переносные жилища для пастухов, видимо, вытеснят чум уже в ближайшие годы. Вместе с чумом уйдут в прошлое и многие предметы быта — постели из оленьих

Рис. 31. Выпускницы Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

шкур, маленькие столики и т. п., так как в домах они обычно не употребляются. Сохранятся, вероятно, некоторые виды традиционной пищи. Несмотря на то, что в рацион ненцев прочно вошли печеный хлеб, масло, сахар, крупа, молоко и другие покупные продукты, ненцы (да и многие русские старожилы) до сих пор употребляют в пищу сырое мясо и рыбу.

Огромное значение в Программе КПСС придается формированию научного мировоззрения, трудовому воспитанию, утверждению коммунистической морали, преодолению пережитков капитализма в сознании и поведении людей. Если пережитки родового строя у ненцев слабо сохранились, а на Европейском Севере они и вовсе исчезли, то пережитки старых религиозных представлений еще далеко не исчезли из их быта. Еще и сейчас в тундре можно встретить «священные места», проезжая мимо которых старые люди оставляют кусочки сукна, монетки, а иногда и забивают на этом месте оленей. В погребальном обряде еще со-

хранился обычай класть вместе с покойным одежду и различные предметы. Представлениям, возникшим во времена, когда люди не могли объяснить многих явлений и считали, что удачу в промысле могут приносить духи, не должно оставаться места сейчас, когда так неизмеримо выросла культура большинства народа. Молодежь, как правило, не имеет уже никакого представления о шаманстве, о значении «священных мест» и т. д. Очевидно, работникам Красных чумов и учителям следует и дальше терпеливо разъяснять ненужность и вредность старых обычаев среди более отсталой части населения, пропагандировать новые обычаи и обряды.

Ненцы создали богатый фольклор, являющийся важным источником познания их прошлого. Он представляет собой большую художественную ценность. Носителем устного творчества является в основном старшее поколение. Записи фольклорных произведений сохраняют для молодежи и для науки эпос, сказки и песни ненецкого народа.

Большое значение имеет развитие национальных видов спорта (метание аркана и топора, гонки на оленьих упряжках, прыжки через нарты и т. д.). В настоящее время в ненецких национальных округах введены единые правила и спортивная классификация по национальным видам спорта. Это способствует притоку в добровольные сельские спортивные общества большого числа спортсменов — представителей ненецкой народности. Ежегодно устраиваются состязания на первенство округов (часто с привлечением спортсменов из Ханты-Мансийского, Эвенкийского и других округов). Иногда такие состязания приурочиваются к праздникам (7 ноября, 1 мая, День оленевода и т. д.).

Необходимо особо сказать о ненецком языке. Все ненцы, за исключением живущих долгое время вместе с русскими (например, в городах Нарьян-Мар, Салехард) или с коми (юг Большеземельской тундры), сохранили в быту свой родной язык. Так, по-ненецки говорят ненцы Канинского п-ова, Малоземельской тундры, севера Большеземельской тундры, Ямала, Тазовской тундры и низовий Енисея. В этих районах дети дошкольного возраста, как правило, не знают русского языка. Плохо еще знают русский язык и многие взрослые. Представляется пока необходимым преподавание в первых классах на ненецком языке с переходом затем на русский язык и сохранением ненецкого языка как качества специального предмета изучения. Одновременно в тех районах, где большинство населения лучше говорит на ненецком языке, чем на русском, следует усилить проведение культурно-массовой работы на родном языке (беседы, радиопередачи и т. п.). Нет необходимости говорить о большом значении распространения среди ненцев русского языка, который является средством приобщения к русской и мировой культуре. Вполне естественно, что им овладевает все большее число ненцев.

В заключение следует остановиться еще на одном вопросе. Ненцы живут в трех национальных округах, входящих в разные административные единицы. Все группы тундровых ненцев, начиная с живущих на п-ове Канин и кончая живущими по берегам Енисея (за небольшими исключениями), однородны по типу хозяйства, в котором ведущей отраслью является оленеводство, и основным элементам культуры. Поэтому многие задачи, стоящие перед ними, являются общими. В последнее время связь между ненецкими округами несколько оживилась, однако она еще недостаточна. Нужна более регулярная, постоянная связь, сопро-вождаемая обменом опытом, обменом кадрами и т. д.

Следует отметить, что Ненецкий национальный округ является передовым по многим показателям развития хозяйства и культуры. Объясняется это, в частности, большей близостью к промышленным и культурным центрам. Поэтому опыт Ненецкого округа в деле перехода кочевого населения тундры к оседлости, развития оленеводства, охоты, использования в культурно-просветительной работе родного языка и т. д. может с успехом применяться в других округах, разумеется, с учетом местных условий. С другой стороны, многие достижения ямальских рыбаков и звероводов могли бы послужить образцом для коллективов Ненецкого национального округа. Мы уже говорили об интересных начинаниях таймырских охотников.

Успехи ненецких национальных округов в развитии хозяйства и культуры являются свидетельством торжества ленинской национальной политики в нашей стране.

Ненцы, одна из наиболее отсталых народностей царской России, ныне в братской семье народов СССР уверенно идут по пути строительства коммунистического общества.

Построение коммунизма в СССР будет величайшей победой человечества за всю его многовековую историю. Труженики ненецких национальных округов самоотверженным трудом вносят свою долю в скорейшее осуществление этой давнишней мечты человечества.

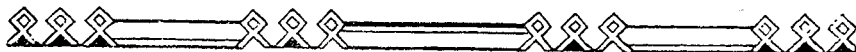

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКС — Архив Комитета Севера.
АОА — Архангельский областной архив.
ВГО — Всесоюзное географическое общество.
ПАОИРС — Известия Архангельского общества изучения русского Севера.
ИРГО — Известия Русского географического общества.
ИЭ — Институт этнографии АН СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра I.
НОА — Нарьян-Марский окружной архив.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГО — Русское географическое общество.
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
В в е д е н и е	3
Ча с т ь I. Х о з я и с т в о , к у л ь т у р а и б ы т н е н ц е в д о В е л и к о й О к - т я б р с к о й с о ц и а л и с т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и	42
Глава 1. Ненцы в составе Русского государства	42
Глава 2. Основные виды хозяйственной деятельности	50
Глава 3. Орудия труда и техника	82
Глава 4. Средства передвижения	89
Глава 5. Жилище	101
Глава 6. Одежда	114
Глава 7. Пища	133
Глава 8. Общественный строй	141
Глава 9. Брак и семья	156
Глава 10. Изобразительное искусство и фольклор	187
Глава 11. Религиозные представления	195
Ча с т ь II. Р а з в и т и е х о з я и с т в а , к у л ь т у р ы и б ы т а н е н ц е в в с о - в е т с к и й п е р и о д	224
Глава 1. Советское и кооперативное строительство (1917—1929 гг.)	224
Глава 2. Социалистическое строительство у ненцев после образования национальных округов	234
Глава 3. Новое в традиционных отраслях хозяйства. Отрасли хозяй- ства, появившиеся за годы Советской власти	251
Глава 4. Изменения в материальной культуре	279
Глава 5. Общественный и семейный быт	294
Глава 6. Развитие культуры и здравоохранение	307
З а к л ю ч е н и е	319
С п и с о к с о к р а щ е н и й	328

Людмила Васильевна Хомич

Н Е Н Ц Ы

*

Утверждено к печати

Ученым советом

Института этнографии АН СССР

*

Редактор издательства *Е. Г. Дагин*

Художник *В. В. Грибакин*

Технический редактор *Л. М. Семенова*

Корректоры *Л. М. Бова, Ш. А. Иванова и Н. З. Петрова*

Сдано в набор 7/II 1966 г. Подписано к печати 31/V 1966 г.
РИСО АН СССР № 150-118В. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л.
10³/₄. Печ. л. 20³/₄ + 5 вкл. (3/₄ печ. л.) = 21.5 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 21.91. Изд. № 2888. Тип. зак. № 768. М-27743.
Тираж 4350. Бумага типографская № 1

Цена 1 р. 35 к. + переплет 20 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»

Ленинград, В-164. Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Табл. V. Женская зимняя одежда (первый тип).

Вид спереди и сзади.

Табл. VI. Женская шапка *няндуй* (слева); мужская нарядная шапка;
женские пояса.

1

2

3

Табл. VIII. Куклы.

1 — кукла-женщины; 2 — туловище куклы; 3 — кукла-мужчины. Из коллекций МАЭ.

Табл. XIII. Летняя женская одежда из сукна.

Вид спереди и сзади.